

PAUL R. GREGORY

THE POLITICAL ECONOMY OF STALINISM

**EVIDENCE FROM THE SOVIET
SECRET ARCHIVES**

CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS
2004

ПОЛ ГРЕГОРИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СТАЛИНИЗМА

Москва
2008

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкокс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Грегори П.

Г79 **Политическая экономия сталинизма** / П. Грегори; [пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича]. — 2-е изд. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 400 с. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1013-9

Предлагаемая читателю работа известного американского экономического историка Пола Грегори существенно улучшает наше понимание того, как работала советская командная экономика. Это исследование на стыке дисциплин: экономики, истории и политологии. Автор использует теорию и методы современной экономической науки для изучения прошлого: экономических и политических процессов, происходивших в 1920–1950-е гг. в СССР.

УДК 929 (092)
ББК 65.013.7

ISBN 978-5-8243-1013-9

© Paul R. Gregory 2004
© Российская политическая энциклопедия, 2008

Предисловие редактора к русскому изданию

Почти пятнадцать лет прошло с момента открытия некогда секретных советских и партийных архивов. С тех пор наши знания о том, как была устроена и действовала советская административно-командная система, значительно расширились. Исследователи получили возможность изучать не только результаты работы системы, но и ее внутреннюю логику, процесс выработки и принятия решений. За последние полтора десятилетия одних сборников документов, посвященных вопросам деятельности советского и партийного аппарата, было опубликовано несколько десятков. Появились работы, анализирующие механизмы деятельности центральных, отраслевых, региональных органов управления. Однако на данный момент едва ли можно сказать, что наши представления о том, как функционировала советская административно-командная система, являются сколько-нибудь исчерпывающими и полными. Скорее, можно утверждать, что пройден этап первичного накопления фактов и настала пора их комплексного осмысления.

Предлагаемая читателю работа известного американского экономического историка Пола Грегори – большой шаг в этом направлении: она существенно улучшает наше понимание того, как работала советская командная экономика. Имя Пола Грегори, одного из крупнейших западных специалистов в области экономической истории России, хорошо знакомо отечественным историкам и экономистам. Не так давно на русский язык были переведены и опубликованы его основные труды, посвященные проблемам экономического развития России и СССР в конце XIX – первой трети XX века¹. Данная книга – новейшая работа автора, вышедшая в свет в 2004 году². Американская ассоциация развития исследований по славистике отметила ее появление

¹ Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. New York: Cambridge University Press, 1982; Gregory P. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-Year Plan. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. Главы из этих книг, переведенные на русский язык, были опубликованы как: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.

² Gregory P. The Political Economy of Stalinism. Evidence from the Soviet Secret Archives. New York: Cambridge University Press, 2004.

присуждением автору премии имени Э.А. Хьюитта (E.A. Hewett) за «выдающийся вклад в области политической экономии централизованных плановых систем».

Книга П. Грегори – исследование на стыке дисциплин: экономики, истории и политологии. Автор использует теорию и методы современной экономической науки для изучения прошлого: экономических и политических процессов, происходивших в 1920–1950-е годы в СССР. Такой подход сравнительно нов для общественных наук в нашей стране. Хотя среди экономистов изучение политических процессов методами экономики – теория общественного выбора, также иногда называемая новой политической экономией, – уже получило некоторое развитие, исследования, использующие такую методологическую парадигму для анализа прошлого, практически отсутствуют. Данная работа – одна из первых в России. Изучая политические механизмы принятия экономических решений при Сталине, П. Грегори наглядно демонстрирует возможности и достоинства такого анализа, открывая перед российскими историками и экономическими историками новое направление исследований.

В центре внимания данной книги комплексный анализ советской командной экономической системы в ранние годы ее существования. Автор исследует процесс формирования и функционирования бюрократического аппарата, призванного управлять народным хозяйством «первой в мире страны победившего социализма». П. Грегори показывает, что управление сложными экономическими системами с трудом может осуществляться из одного центра, так как информационные и транзакционные издержки тогда имеют тенденцию стремиться к бесконечности. Последнее обстоятельство требует создания иерархической системы органов управления и делегирования полномочий из центра на места. Однако интересы вышестоящих и подчиненных органов управления могут не совпадать, что таит угрозу оппортунистического поведения со стороны последних и в конечном счете грозит низкой эффективностью системы в целом. Обращение именно к начальному периоду советской командной экономики позволило автору рассмотреть как проблему неизбежности появления сталинской модели управления, так и ее потенциальные перспективы в долгосрочном аспекте.

В качестве несомненного достоинства работы необходимо отметить удачное сочетание использования методов экономических наук с анализом новейшей исторической литературы и глубокими архивными изысканиями. В этом плане книга П. Грегори

лежит в русле лучших отечественных работ по экономической истории и, думается, будет интересна как экономистам, так и историкам, а также представителям других общественных наук.

* * *

При переводе редактор и переводчики книги постарались по возможности сохранить оригинальный авторский стиль. Экономические термины переведены в соответствии с практикой, принятой в современной экономической науке, в некоторых случаях в скобках даны оригинальные английские термины. В подавляющем большинстве случаев проблему обратного перевода удалось решить: перевод цитат сверен с русскими оригиналами. Ссылки на российские архивы даются в общепринятом формате. В случаях, когда автор ссылается на иностранную работу, переведенную на русский язык, русское издание указывается в скобках.

к.и.н. А.М. Маркевич

Предисловие к английскому изданию

Крах Советского Союза в декабре 1991 года помимо всего прочего вызвал в некотором смысле прекращение исследований советской административно-командной экономики со стороны ученых-экономистов. Давно уже занимаясь изучением этой экономической системы, я, тем не менее, прекрасно понимаю, что пробелы в том, что мы знаем об этой системе, остаются значительными. Неполнота картины связана не с тем, что у исследователей не хватило проницательности или усидчивости, а со стеною секретности, возведенной советскими лидерами вокруг этой системы. Когда в середине 1980-х Михаил Горбачев объявил о начале политики «гласности», барьеры секретности стали рушиться, однако научное сообщество предпочло тогда обратиться к исследованию более злободневных тем: изучению кризиса и коллапса советской системы, проблемам переходной экономики. Специалисты по советской экономике занялись преимущественно исследованием переходного периода, точно так же, как и множество «новичков», привлеченных сложностью задачи трансформации плановой социалистической экономики в нечто подобное рыночной. Тот факт, что лишь немногие продолжили изучение советской административно-командной экономики, можно объяснить распространенностью суждения, что всё, что нам нужно знать, мы уже знаем, или уверенностью, что можно лучше распорядиться своим временем.

Эта книга рассматривает становление советской административно-командной экономической системы в 1930-е годы. Я решил написать её по трем причинам. Во-первых, только сейчас стало возможно изучение советской экономической системы без помех, создаваемых секретностью. Открытие советских государственных и партийных архивов в начале 1990-х гг. дало возможность изучать советскую экономику, используя те документы, которыми много лет назад пользовались советские должностные лица. Более того, теперь нам доступны неприкрашенные воспоминания участников событий тех лет, а также интервью с теми, кто находился у власти незадолго до крушения советской системы. Во-вторых, я считаю, что предпринятая в Советском Союзе попытка построения плановой социалистической системы является одним из важнейших социальных, политических и экономи-

ческих экспериментов двадцатого века. Во всем мире эта система продолжает привлекать людей, верящих в то, что она обеспечивает справедливость и экономический прогресс, будучи свободной при этом от «хаоса» рынка. Несмотря на крушение советской системы, у нее всё ещё остаются приверженцы, заявляющие, что ее провал связан с «неправильными» людьми, проводившими «неправильную» политику. В связи с этим особенно важно создать всеобъемлющую и детальную историю о том, каким образом система действовала на самом деле, историю, свободную от стереотипов, созданных как приверженцами системы, так и её врагами. В-третьих, невозможно понять процессы переходного периода, происходящие в пятнадцати республиках, когда-то составлявших Советский Союз, не поняв начальных условий. Мы должны выяснить, какие черты переходных экономик этих стран уходят корнями в советское прошлое, а какие являются новыми (и, возможно, преходящими), связанными с уникальными условиями переходного периода.

Материалы, представленные в этой книге, являются результатом большой совместной работы. Мне удалось собрать команду исследователей, приступившую к работе в 1996 году. Нам посчастливилось получить финансовую поддержку от Национального научного фонда США (National Science Foundation), который помогал нам первые четыре года нашей работы. Затем мы получили поддержку Института Гувера (Hoover Institution), причем не только финансовую, но и в виде доступа к его растущим советским архивам и в виде помощи работников архива, что во многом помогло довести работу до конца. В состав исследовательской команды входили (в алфавитном порядке): Евгения Белова, Валерий Лазарев, Андрей Маркевич и Алексей Тихонов. Эти талантливые молодые ученые и исследователи работали в советских архивах в Москве и в Институте Гувера над исследованиями и статьями, которые легли в основу данной книги. Исследовательская команда в более широком смысле состояла из ученых старшего поколения, как в России, так и за её пределами, написавших бесценные статьи и монографии, широко цитируемые в этой книге. Их слишком много, чтобы перечислять здесь всех, но я хотел бы выделить Р.В. Дэвиса (R.W. Davies), Марка Харрисона (Mark Harrison), Олега Хлевнюка, Э.А. Риса (E.A. Rees), Елену Осокину и Николая Симонова. К счастью, мы составляем группу ученых-единомышленников и периодически встречаемся для обмена результатами и организации дальнейшего сотрудничества. Наш веб-сайт, www.Soviet-archives-research.co.uk, поддерживает-

ся Марком Харрисоном. Работу над этой книгой во многом облегчило появление ряда сборников архивных документов, составителей которых, Олега Хлевнюка, В.П. Данилова, А. Береловича, Ларса Ли (Lars Lih) и Олега Наумова, я также хотел бы поблагодарить. Следуя предостережению Р.В. Дэвиса, адресованному исследователям, работающим в архивах, что не стоит вновь изобретать велосипед, я также приношу благодарность тем ученым, которые столь эффективно отсортировали материалы официальных советских публикаций 1950-х и 1960-х годов, среди них в особенности Евгению Залески (Eugene Zaleski), Абраму Бергсону (Abram Bergson), Науму Ясному (Naum Jasny), Джозефу Берлинеру (Joseph Berliner) и Дэвиду Гранику (David Granick).

Создание этой книги стало возможным благодаря многим людям и организациям. Я не решаюсь здесь перечислять их всех, из боязни упустить кого-то. Написание этой книги и немалая часть исследовательской работы стали возможны благодаря финансовой поддержке Гуверовского института войны, мира и революции Стэнфордского университета в лице Джона Рейзиана (John Raisian) и Чарльза Палма (Charles Palm) и помощи работников архива под руководством Елены Даниэльсон (Elena Danielson). Работа не была бы начата без гранта, предоставленного Национальным научным фондом. В ходе написания книги я получал советы и комментарии от многих моих коллег, которых я перечисляю здесь в случайном порядке: Р.В. Дэвис, Марк Харрисон, Валерий Лазарев, Евгения Белова, Сергей Афонцев, Вольфрам Шреттл (Wolfram Schrettl), Ирвин Колльер (Irwin Collier), Леонид Бородкин, Питер Беттке (Peter Boettke), Кэрл Леонард (Carol Leonard), Андрей Маркевич, Дэйл Штайнрайх (Dale Steinreich) и Андрей Соколов. Я должен также поблагодарить Наталью Волосович за ее терпеливую помощь в редактировании и работе с множеством черновых вариантов книги. Хочу поблагодарить Нэнси Хулан (Nancy Hulan) и ее коллег в TechBooks за их профессиональную редакторскую помощь.

Пол Р. Грегори

Глава 1

ЛОШАДЬ ИЛИ ЖОКЕЙ?

Советская административно-командная экономика была наиболее важным социальным и экономическим экспериментом двадцатого века. Последствия её крушения всё ещё сказываются на экономиках стран Европы, Азии и Латинской Америки, принявших в свое время добровольно или принудительно эту систему. Символической датой окончания существования административно-командной системы можно считать 25 декабря 1991 года – день, когда знамя некогда могущественного Советского Союза было спущено со здания правительства в Кремле и вместо него был поднят флаг Российской Федерации. Отказ от административно-командной экономики начался в Центральной и Южной Европе в конце восьмидесятых. После развала Советского Союза от неё отошли пятнадцать бывших советских республик, за которыми последовали страны Азии¹. В процессе перехода к рыночным отношениям страны с административно-командными экономиками были вынуждены противостоять своему прошлому. Эмпирические исследования показывают: чем значительнее наследие административно-командной системы, тем больше трудностей возникает в переходный период².

Административно-командная экономика была создана в начале 1930-х годов без глубокого теоретического обоснования и четкого плана ее построения небольшой группой революционеров, вообще не имевших или имевших минимальное экономическое образование. Их первая попытка создания административно-командной системы, получившая название «военный коммунизм», была обусловлена идеологическими причинами, хотя позднее

¹ Китай, безусловно, начал глобальную реформу своей административно-командной экономики много раньше, уже в 1979 г.

² Stuart R., Panayotopoulos C. Decline and Recovery in Transition Economies: The Impact of Initial Conditions // Post Soviet Geography and Economics. 1999. Vol. 40. № 4. P. 267–280; Millar J. The Importance of Initial Conditions in Economic Transition: An Evaluation of Economic Reform Progress in Russia // Journal of Socio-Economics. 1997. Vol. 26. № 4. P. 359–381; Krueger G., Ciolko M. A Note on Initial Conditions and Liberation During Transition // Journal of Comparative Economics. 1998. Vol. 1. № 4. P. 718–734.

были предприняты значительные усилия списать все на необходимость военного времени. Военный коммунизм спровоцировал жестокий экономический кризис, вынудивший правительство пойти на уступку в виде новой экономической политики (нэпа), приведшей к созданию смешанной экономики. После победы в жестокой политической борьбе за наследие Ленина Сталин и его соратники в конце 1920-х годов взяли курс на проведение форсированной индустриализации и принудительной коллективизации, что требовало создания новой командной системы. К середине 1930-х годов «команда Сталина» сумела создать экономическую систему, основанную на государственной собственности и управляемую посредством централизованного распределения ресурсов. По мере того как Сталин концентрировал в своих руках все большую власть, превращаясь в диктатора, его соратники утрачивали самостоятельность, хотя они оставались важными винтиками системы управления экономикой. Планирование в этой системе было в основном возложено на Государственную плановую комиссию (Госплан), а производство находилось в руках различных отраслевых ведомств, управлявших государственными предприятиями и руководивших колхозами. Политбюро ЦК коммунистической партии в сочетании с Советом народных комиссаров (позднее Советом министров) представляли собой высшее руководство страны. Сложившись, такая «административно-командная система», как позже её уничижительно назвал Михаил Горбачев, оставалась на удивление неизменной вплоть до своего краха.

Кто виноват: лошадь или жокей?

Некоторые исследователи утверждают, что советская система была обречена с самого начала. Людвиг фон Мизес (Ludwig von Mises) и Ф.А. Хайек (F.A. Hayek) в написанных в 1920-е и 1940-е годы и ставших классическими работами, критикующих плановый социализм, очертили целый ряд слабых сторон системы³. Они считали, что в конечном итоге социалистическая система неизбежно потерпит крах. В отсутствие рынка невозможны рациональные экономические расчеты: ни одна экономика не может функционировать, если неизвестно, какие товары находятся в

избытке, а какие являются редкими. Кроме того, в условиях государственной собственности нет особых стимулов для рационального использования ресурсов, и даже наиболее опытные управленцы вынуждены действовать в отсутствие четких операционных правил. Центральный плановый орган оказывается перегруженным работой в силу комплексности и сложности задачи планирования экономики целой страны. Одним словом, Хайек и Мизес настаивали на неизбежной неработоспособности планового социализма. Они были первыми, кто предсказал его гибель. По их мнению, система в лучшем случае смогла бы функционировать с низкой эффективностью, но неизбежно уступила бы рыночным экономическим системам. Современная литература о неэффективности бюрократического управления государственными предприятиями подтверждает выводы Хайека и Мизеса, особенно для стран, где, как это было в Советском Союзе, общественный сектор охватывает всю экономику⁴.

Современные защитники административно-командной экономики, тем не менее, утверждают, что советская система, в свое время превратившая Россию из отсталой страны в индустриальную державу, потерпела неудачу не из-за ошибочности или неработоспособности самой идеи, а из-за *неумелой политики и некомпетентных исполнителей*. Для доказательства этого положения они приводят тот факт, что до самого конца советская экономическая система была весьма популярна среди населения, а большинство советских чиновников и западных экспертов полагало, что существовала возможность и далее удерживать статус-кво, пусть и за счет сравнительно низких темпов роста⁵. Защитники системы также утверждают, что, если бы в борьбе за власть победил не Сталин, а кто-то другой, или если бы правительству удалось избежать стратегических ошибок, система непременно доказала бы свою прочность.

Примечательно, что падение коммунистической империи фактически не повлияло на притягательность марксизма, коммунизма или радикального левого движения в мире⁶. Чтобы избежать

⁴ Niskanen W.A. Bureaucracy and Public Economics. Aldershot, England: Edward Elgar, 1994; Niskanen W.A. Public Analyses and Public Choice. Cheltenham, England: Edward Elgar, 1998.

⁵ К такому выводу, на основании интервью с бывшими советскими официальными лицами, пришли Майкл Элман и Владимир Конторович. Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, New York: Sharpe, 1998. P. 3–29.

⁶ В настоящее время только в Европе существует более пятисот левых партий разного рода. При этом количество левых партий во Франции и в Италии превы-

³ Mises L. Socialism: An Economic and Sociological Analyses / Trans. J. Kahane. London: Jonathan Cape Ltd., 1936 (русское издание – Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М., 1993); Hayek F.A. The Use of Knowledge of Society // American Economic Review. 1945. Vol. 35. P. 510–550; Hayek F.A. Socialist Calculation: The Competitive Solution // Economica. 1940. Vol. 7. P. 125–149.

вывода о несостоятельности системы, вывода, который подразумевает провал коммунистической экономики, многие приверженцы плановой системы утверждают, что Советский Союз и страны Восточной Европы лишь «притворялись “социалистическими” или “командными” экономическими системами»⁷, будучи на самом деле «прискорбным или превратным воплощением хорошего замысла»⁸. Представители «левой» интеллектуальной элиты утверждают, что «трагическая неудачная попытка [бывшего Советского Союза] отнюдь не доказывает невозможность... построения социализма». «После крушения коммунизма в Советском Союзе и Восточной Европе идеи Маркса стали еще более актуальными, чем раньше»⁹. Несмотря на то что основное внимание современных социалистов обращено на приближающийся кризис капитализма, они не утруждают себя объяснениями, каким именно образом получится так, что «новая» коммунистическая система окажется отличной от старой. Некоторые из них выдвигают идею прагматического рыночного социализма, позволяющего, по их мнению, избежать диктатуры и использовать рыночные механизмы при наличии государственной собственности¹⁰. Впрочем, нестареющую привлекательность коммунистической системы понять несложно, ведь она обещает справедливость и ликвидацию рыночной анархии: деловых циклов, бедности, безработицы, инфляции и валютных кризисов. А такая перспектива прельщает людей, особенно тех, кто живет в бедных странах. В 1917 году большевики как раз и обещали создать такую справедливую, процветающую и упорядоченную систему. У них было около семидесяти лет, чтобы воплотить свое обещание в жизнь. Вопрос о том, на каком этапе и что именно пошло неправильно, невозможно проигнорировать, поскольку это – один из важнейших вопросов мировой истории.

В своих последних статьях Джозеф Берлинер (Joseph Berliner)

шаает сотню в каждой из этих стран. В Аргентине и Бразилии также насчитывается приблизительно по пятьдесят левых партий, и согласно данным, приведенным на сайте www.broadleft.com, их количество растёт с каждым месяцем.

⁷ Платформу Международного бюро Революционной партии (International Bureau of the Revolutionary Party) см. на <http://www.geocities.com/leftcom.html>.

⁸ Hollander P. Which God Has Failed // The New Criterion on Line. 2002. April 15. P. 2. Доступно на www.newcriterion.com.

⁹ Утверждения Дэниела Сингера (Daniel Singer), Корнела Веста (Cornel West) и Джона Кассиди (John Cassidy) цитируются по: Hollander P. Which God Has Failed.

¹⁰ Junker J. Socialism Revised and Modernized: The Case for Pragmatic Market Socialism. New York: Praeger, 1992.

предложил аналогию, характеризующую данную дискуссию¹¹. Кто привел административно-командную экономику к гибели – плохая лошадь или плохой жокей? Была бы система жизненна, если бы ее лидеры оказались более дальновидными, или же правы были Мизес и Хайек, говоря об ущербности системы как таковой? В этой книге я попытаюсь ответить на вопрос Берлинера о лошади и жокее.

Эта книга описывает первые два с половиной десятилетия существования первой в мире административно-командной экономической системы, развивавшейся в условиях всё более и более жестокой диктатуры. Советская командная система до сих пор остается наиболее сложной структурой, когда-либо созданной человечеством. Реальные методы и принципы управления в этой системе долгое время удерживались в тайне от общественности. В официальных советских публикациях неизменно культивировалась сказка о «научном планировании» – мифической экономике, гармоничное развитие которой обеспечивают математически выверенные балансы, рассчитанные всеведущими плановыми органами и претворяемые в жизнь самоотверженными производителями. На протяжении всего периода существования Советского Союза не существовало ни неприкрашенных воспоминаний официальных лиц, ни свободной прессы, ни каких-либо других источников, которые могли бы поведать о том, каким именно образом и насколько успешно работала система. Западным исследователям приходилось полагаться на прессу, находившуюся под жестким контролем, на дутые статистические данные и на интервью с эмигрантами, редкую возможность подсмотреть за кулисы, как работала система в действительности¹². Публиковавшаяся в то время советская литература лишь дразнила западных наблюдателей намёками на широкомасштабное «политико-эко-

¹¹ Berliner J. Soviet Initial Conditions: How They Have Affected Russian Transition. Статья, представленная на международной конференции «Советская экономика в 1930–1970-е годы», организованной Московским государственным университетом им. М.В. Ломоносова, Дэвис-центром Гарвардского университета и Международной экономической программой Университета Хьюстона в Звенигороде, 22–24 июня 2001.

¹² Berliner J. The Contribution of the Soviet Archives // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 1–10. Крупнейшие проекты по советской иммиграции – знаменитый проект Harvard Interview Project, проведенный в 1950-е годы, а также Soviet Interview Project и Israel Soviet Interview Project, осуществленные в 1970–1980-е годы. Основные результаты этих исследовательских проектов представлены в следующих работах: Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959; Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Citizens / Ed. by J. Millar. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

номическое» согласование функций, стратегические модели поведения и оппортунизм¹³. Несмотря на многочисленные попытки ученых исследовать реальные процессы, происходившие внутри системы¹⁴, в основном нам приходилось полагаться на стереотипы, почерпнутые из учебников¹⁵. После войны, когда советское руководство, недовольное состоянием экономики, открыло, наконец, двери для обсуждения экономической реформы, мы узнали больше о недостатках системы¹⁶. Неспособность системы обеспечить вознаграждение экономических субъектов, берущих на себя риск, означало ограниченность технического прогресса¹⁷. Невозможность правильно подсчитать норму отдачи вела к тому, что планирующие органы нередко совершали иррациональные капиталовложения¹⁸. Проекты реформ откладывались один за другим, затягивая систему в «водоворот реформы»¹⁹.

Мы не можем ответить на вопрос Берлинера о лошади и жокее, не выяснив сперва, каким образом система работала на самом деле, как на официальном, так и на неофициальном уровнях. Несомненно, нам придется выйти за рамки привычных сентенций из учебника в мир реальной советской системы. Одно мы знаем наверняка – административно-командная система просуществовала намного дольше, чем могли предположить Мизес и Хайек даже в самых смелых своих прогнозах. Она достигла своего расцвета в 1960–1970-е годы и представляла реальную военную угрозу, превратив СССР в одну из мировых супердержав. Даже только одни эти факты указывают на то, что реальные процессы функционирования административно-командной экономики были весьма сложными и остаются до сих пор недостаточно осмысленными.

¹³ Аверьянов Д.В. Функции и организационная структура государственного управления. Киев: Наука, 1979.

¹⁴ Rutland P. The Myth of the Plan. LaSalle, Ill.: Open Court, 1985; Hewett E.A. Reforming the Soviet Economy: Equality versus Efficiency. Washington, D. C.: Brookings Institution, 1988.

¹⁵ Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Structure and Performance. 6th ed. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1998; Nove A. The Soviet Economic System. London: Allen and Unwin, 1977.

¹⁶ Nove A. The Problem of Success Indicators in Soviet Industry // *Economica*. 1985. Vol. 25. P. 97; Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1990.

¹⁷ Berliner J. The Innovation Decision in Soviet Industry. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1976.

¹⁸ Grossman G. Scarce Capital and Soviet Doctrine // *Quarterly Journal of Economics*. 1953. Vol. 67. № 3. P. 311–343.

¹⁹ Schroeder G. The Soviet Economy on a Treadmill of Reforms // *Soviet Economy in a Time of Change* / U.S. Congress Joint Economic Committee. Washington, D. C., 1979.

Совершенно очевидно, что критика Мизеса и Хайека в отношении «чистой» плановой экономики абсолютно обоснована и справедлива – центр не может планировать и назначать цену на миллионы товаров и услуг; координационные и мотивационные проблемы в столь комплексной системе непреодолимы, а попытки выудить надежную информацию из незаинтересованных подчиненных могут обернуться истинным кошмаром. Тем не менее система просуществовала более шестидесяти лет!

Первые работы, посвященные изучению советского управленческого аппарата, предложили решение загадки живучести системы²⁰. На микроэкономическом уровне менеджеры, главные инженеры и бухгалтера имели неожиданно большие полномочия, выходящие за рамки плановой системы. Внутри плановой экономики существовало широкое поле для внеплановой деятельности. Предприятия занимались самообеспечением, скрывали информацию от начальства и заключали оппортунистические союзы со своими непосредственными руководителями против центральных властей. Работы, появившиеся в послевоенный период, выявили огромную «теневую экономику», сосуществовавшую наряду с официальной и снабжавшую предприятия и потребителей товарами и услугами, которыми их не смогли обеспечить плановики²¹.

Свобода действий руководителей нижнего звена и теневая экономика характеризуют процессы, происходившие на нижних этажах советской системы. Они не объясняют реальные механизмы принятия решений о распределении ресурсов высшим руководством страны. В своих предыдущих работах, посвященных советской экономике периода «развитого социализма» и основанных на интервью с бывшими официальными лицами, я пришел к выводу, что мы все еще знаем довольно мало о том, как именно работали *центральные* органы в советской системе²². Мы не знаем, каким образом они взаимодействовали друг с другом, как решали проблему комплексного планирования, каким образом распределяли ответственность, какие стимулы использовали, какие сферы удавалось охватить центральным плановым органам, а какие оставались не охваченными планом, и в конечном итоге – каковы были истинные цели высшего руководства страны.

²⁰ Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957; Granick D. Management of Industrial Firms in the USSR. New York: Columbia University Press, 1954.

²¹ Grossman G. The Second Economy of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Vol. 26. P. 25–40; Trembl V. Production and Consumption of Alcoholic Beverages in the USSR: A Statistical Study // *Journal of Studies on Alcohol*. 1975. Vol. 36. P. 285–320.

²² Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. P. 146–167.

Это лишь немногие из целого ряда вопросов, которые оставались неразрешенными к концу 1980-х годов.

Рэймонд Пауэл (Raymond Powell) в своей статье, написанной в 1977 году и оставшейся, к сожалению, почти незамеченной, попытался объяснить загадочную живучесть советской системы. Он предположил, что система могла на самом деле генерировать достаточно информации, чтобы быть «работоспособной»²³, используя нестандартные источники экономической информации, являющиеся в рыночной экономике вторичными. Партийные и государственные работники могли использовать информацию, поступавшую в виде тысяч петиций, жалоб, срочных телефонных звонков и других запросов от подчиненных, для того чтобы определить, что должно быть сделано в первую очередь, а что можно отложить на потом. Суть теоретической догадки Пауэла заключалась в том, что советская система умудрилась просуществовать столь долго по причине того, что ее чиновники научились использовать подобную информацию для принятия экономических решений. Он отнюдь не утверждал, что подобные «неценовые сигналы» позволили системе работать эффективно, он лишь предположил, что они позволили системе работать.

Советские государственные и партийные архивы

По иронии судьбы, именно развал советской административно-командной системы сделал данное исследование возможным. После снятия секретности появилось два новых пути изучения советской системы. Во-первых, появилась возможность узнать мнение бывших советских чиновников высшего ранга, либо взяв у них интервью, либо ознакомившись с их воспоминаниями, значительно более откровенными по сравнению с публиковавшимися в советский период. С началом гласности, объявленной Горбачевым в середине 1980-х годов, стало возможным обращаться к бывшим представителям высшего руководства как к «авторитетным экспертам»²⁴. Воспоминания официальных лиц и управленцев, занимавших ответственные посты в 1970 – начале 1980-х годов, были еще свежи. Но был один недостаток – живые участники событий могли рассказать лишь о системе периода «развитого социализма», но не о ее истоках. Административно-

командная система была создана в 1930-е годы. Таким образом, даже тем чиновникам, которые были молоды во времена её основания, к тому времени, когда они, наконец, получили возможность говорить открыто, было уже под девяносто. При этом вероятность того, что чиновники, занимавшие высокие посты во время создания системы, доживут до 1990-х годов, была невелика, особенно учитывая нелегкие 1930-е и военные 1940-е. Более того, лишь немногие из отцов-основателей пережили Большой террор 1937–1938 годов. Поэтому скорее стоит удивляться тому, что трое основателей системы дожили до нашего времени и оставили хотя бы фрагментарные воспоминания²⁵.

Поиск истоков административно-командной экономики приводит нас к советским государственным и партийным архивам, которые были открыты для исследователей в начале 1990-х годов. В этой книге намеренно рассматриваются первые два с половиной десятилетия существования административно-командной экономики, с целью проанализировать в первую очередь процесс создания её институтов. Сейчас практически нет ограничений в доступе к документам того периода. Советские и партийные архивы хранят богатейшие коллекции документов советской эпохи, многие из которых принадлежали высшему руководству страны. Административно-командная система функционировала на основе письменных указов, инструкций, уведомлений и отчетов. И хотя, конечно, многие важные решения были приняты устно, в кабинете Сталина, тем не менее большинство было всё же задокументировано и тщательно сохранено для нас несколькими поколениями архивистов. Как советские официальные лица, так и сотрудники советских архивов очень не любили выбрасывать какие бы то ни было документы. Благодаря этому в архивах сохрани-

²⁵ В «команду» Сталина конца 1920-х годов входило более двадцати человек, однако лишь несколько из них пережили Большой террор: Л.М. Каганович, В.М. Молотов, А.И. Микоян, К. Е. Ворошилов, М.И. Калинин и А.А. Андреев. Калинин умер в 1944 году, Ворошилов – в 1960 году, а Андреев – в 1971 году. Каганович, Молотов и Микоян дожили до преклонного возраста и оставили в той или иной форме свои воспоминания. Интервью с Молотовым и Кагановичем проводил Ф.И. Чуев (Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1991; Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. М.: Отечество, 1992). Воспоминания Микояна были опубликованы в 1990-е годы его сыном (Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М.: Вагриус, 1999).

Стоит упомянуть также воспоминания бывшего сталинского наркома нефтяной промышленности, а в 1970-е председателя Госплана Н.К. Байбакова (Байбаков Н.К. Сорок лет в правительстве. М.: Республика, 1993; Байбаков Н.К. От Сталина до Ельцина. М.: Газнефтыздат, 1998). Интервью с Байбаковым представлены в книге Ю. Ольсевича и П. Грегори (Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе).

²³ Powell R. Plan Execution and the Workability of the Soviet Planning // Journal of Comparative Economics. 1977. Vol. 1. № 1. P. 69–73.

²⁴ Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М.: Теис, 2000.

лись письменные свидетельства, характеризующие как светлые, так и неприглядные стороны системы, в отличие от фашистского режима, тщательно следившего, чтобы его преступления не были зафиксированы на бумаге. Советские архивы откровенно рассказывают о гонениях, чистках, расстрелах, терроре и печально известных лагерях Гулага. Личная корреспонденция Сталина изобилует краткими и выразительными распоряжениями, в которых он без лишних слов приказывает отправлять противников коллективизации в концентрационные лагеря, назначает смертную казнь для расхитителей государственной собственности²⁶ или приказывает расстрелять своих политических оппонентов: «Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»²⁷. Подпись Сталина есть и на приказах о массовых расстрелах²⁸. Советские архивы не пытаются обелить злодеяния ответственных партийных работников, ведь все они, как предполагалось, были направлены на создание лучшего социалистического общества. Тысячи внутрипартийных расследований преступлений, совершенных членами партии, аккуратнейшим образом сложены в папки и дожидаются своих исследователей. Они содержат дела о партийных работниках, ворующих миллионы рублей, создающих целые системы для получения взяток и продающих членство в партии тому, кто больше заплатит²⁹.

При работе над этой книгой были использованы ранее секретные документы из советских государственных и партийных архивов, в частности Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Работа над материалами из этих архивов велась как в Москве, так и в Стэнфорде, в Гуверовском институте (Калифорния, США). Кроме того, я активно пользовался сборниками архивных документов³⁰ и монографиями, написанными на осно-

ве архивных исследований. Эти сборники и монографии широко цитируются в книге.

Модели диктатур

Советское государство – одно из многих в длинной череде стран, в которых в тот или иной период существовали жестокие диктатуры. Эта цепочка начинается ещё в Древнем Египте и заканчивается в современных африканских и ближневосточных государствах. По количеству невинных жертв Сталин имеет сомнительную репутацию конкурента Гитлера. В России, Средней Азии или на Украине едва ли найдется семья, которая бы в той или иной форме не пострадала от репрессий. Конечно, *экономические* и *политические* аспекты диктатуры неразрывно связаны между собой, но в данной книге больше внимания уделяется именно первым: описанию экономической системы, в которой диктатор стремится установить полный контроль над экономикой посредством предельной централизации власти. В других странах диктаторы преследовали иные цели. В Чили Пиночет использовал диктатуру для утверждения рыночной экономики и частной собственности³¹; диктатура Гитлера хотя и основывалась на националистических идеях, государственном контроле, этнической ненависти и территориальной экспансии, тем не менее оставила этническим немцам право частной собственности; в Ираке Саддам Хусейн использовал контроль над экономическими ресурсами для подавления оппозиции, уничтожения этнических меньшинств, вознаграждения за верность. Нет сомнения, диктатура в СССР была уникальна по целому ряду позиций. Тем не менее, нам необходимо определить, существуют ли общие черты, свойственные всем диктатурам, включая те, которые руководствовались иными, чем в СССР, принципами и действовали в иных обстоятельствах.

Все диктаторы, желающие контролировать экономическое развитие своей страны, сталкиваются с одной общей проблемой: они не могут лично решать все вопросы и контролировать выполнение решений. Следовательно, любой диктатор должен использовать административный аппарат, передавая часть власти подчиненным. При этом диктатор контролирует своих подчиненных при помощи угроз и вознаграждений – кнута и пряника. Одним подчиненным диктатор доверяет более остальных, приближая

²⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001. С. 235.

²⁷ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М.: Россия молодая, 1995. С. 194.

²⁸ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 25.

²⁹ Об экономических преступлениях членов партии см.: Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 131–158.

³⁰ Наиболее часто в книге цитируются документы из следующих трех сборников: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову; Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М.: АИРО–XX, 1995; Сталин и Каганович. Переписка.

³¹ Mesa-Lago C. Market Socialism and Mixed Economies: Comparative Policy and Performance, Chile, Cuba, and Costa Rica. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 2000.

их к себе. Другие, обладая полезными для диктатора знаниями и навыками, скажем, такими, как умение составлять планы и добиваться их реализации, могут действовать вдали от диктатора и даже могут быть враждебны ему. Несомненно, диктатор должен периодически проверять и оценивать работу как подчиненных, составляющих его непосредственное окружение, так и работающих на периферии. Подчиненные, в свою очередь, не желая навлечь на себя гнев диктатора, склонны докладывать ему только положительную информацию и утаивать нелицеприятную.

Мизес и Хайек не очень углублялись в вопрос о том, как именно в стране с социалистической экономикой диктатор организует управленческий аппарат и осуществляет контроль над ним. Они весьма туманно писали о центральном плановом комитете (Central Planning Board) или некоем «центре», но командная экономическая диктатура нуждается в значительном административном аппарате с четко определенными правилами работы. Теория организаций, экономическая теория информации и новая институциональная экономическая теория предлагают определенные модели и способы изучения сложных организаций, таких, как корпорации, промышленные министерства или же целые административно-командные экономические системы³². Эта литература делает акцент на том, что взаимоотношения между начальником (таким, как диктатор), или *принципалом* (*principal*), и подчиненными, или *агентами* (*agents*), можно объяснить, исследуя характер транзакционных и информационных издержек. Если привлечение агента для выполнения некоего задания связано с чрезмерными затратами, диктатор выполнит его самостоятельно. Агенты не будут правильно истолковывать и честно исполнять указания принципала, поскольку их цели обычно не совпадают. Агенты располагают более достоверной и полной информацией об обстановке на местах. В силу этого они склонны к оппортунистическому поведению, используя недостаток информации у диктатора для своей выгоды. Диктатор должен установить систему сдержек и противовесов для ограничения оппортунизма, а также разработать адекватную систему вознаграждения и наказания. Новая институциональная экономическая теория детально рассматривает проблему взаимоотношений диктатора с

организованными группами агентов – отраслевыми, региональными и другими лобби, создаваемыми для реализации узкогрупповых интересов³³.

Несмотря на то что социалистическая теория предсказывала возникновение «нового советского человека», ставящего общественные интересы выше личных, диктатура Сталина, как и любая другая диктатура, не смогла избежать проблемы «принципала–агента». Разобравшись, каким образом Сталин справлялся со своими агентами, мы сможем извлечь урок, выходящий за временные и географические рамки. Наибольший интерес представляют механизмы, при помощи которых диктатор управлял своими подчиненными: различия в подходах диктатора к своим естественным союзникам, «функциональным» ведомствам, таким, как плановые органы, и к тем подчиненным, непосредственные цели которых отличались от целей самого диктатора, таким, как производители³⁴.

В этой книге рассматривается еще один ключевой вопрос: каковы были истинные цели советской диктатуры? Какова была целевая функция (*objective function*) самого диктатора? Чего хотели добиться Сталин и его сторонники в первую очередь? Мы выдвигаем и тестируем четыре альтернативные модели, объясняющие природу советской экономической диктатуры. В нашей первой модели, назовем ее моделью «научного планирования», великодушный диктатор готов передать право принятия решений о распределении ресурсов в руки экспертов-плановиков, довольствуясь тем, что сам он устанавливает лишь общие правила и разрабатывает руководящие принципы управления экономикой. Это именно та модель, реальность которой всячески доказывала официальная советская научная литература: всеведущая партия (т.е. диктатор), играя ведущую роль в выборе стратегического направления, все же оставляет принятие конкретных решений за плановыми органами. Последние, следуя партийным рекомендациям и установкам, планируют выпуск продукции и необходимые затраты, основываясь на «научных» нормах и математически выверенных балансах, позволяющих достигать наилучших результатов³⁵.

³² См., например: Coase R. The New Institutional Economics // American Economic Review. 1998. Vol. 88. № 2. P. 72–74; North D.C. Institutions and Economic Performance // Rationality, Institutions, and «Economic Methodology». London: Routledge, 1993. P. 242–263; The Nature of the Firm / Ed. by O.E. Williamson, S.G. Winter. Oxford: Oxford University Press, 1993 (русское издание – Уильямсон О.И., Уинтер С.Дж. Природа фирмы. М., 2001); Williamson O. The Institutions of Governance // American Economic Review. 1988. Vol. 88. № 2. P. 75–79.

³³ Две наиболее важные работы по этому вопросу: Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971 (русское издание – Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М., 1995).

³⁴ В одной из своих предыдущих работ автор предложил различать среди советских экономических агентов функциональных и производственных агентов. См.: Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Chaps. 2–3.

³⁵ См., например: Экономическая энциклопедия: Промышленность и строитель-

Вторая модель – модель «оседлого грабителя» («stationary bandit»), была предложена Мансуром Олсоном (Mancur Olson) и разработана именно на примере сталинской диктатуры³⁶. Согласно ей, диктатор, «оседлый грабитель», ориентирован прежде всего на долгосрочную перспективу. Сколько бы ни был такой «оседлый грабитель» беспощаден, деспотичен или жесток, для достижения своих интересов он должен стремиться максимизировать экономический рост, способствовать быстрому развитию страны. Эффективная, быстрорастущая экономика необходима ему для максимизации долгосрочных налоговых поступлений, накопления военной мощи и вознаграждения политических союзников. Модель «оседлого грабителя» предполагает, что, кто бы ни был на месте диктатора в 1930-е гг., Сталин или кто-либо другой, он все равно проводил бы политику «большого скачка». «Оседлый грабитель» – это, в сущности, плановик, ориентированный на долгосрочную перспективу. Принимая во внимание, что Советский Союз был отсталой страной, окруженной капиталистическими враждебно настроенными государствами, лучшей стратегией для «оседлого грабителя» и была стратегия ускоренной индустриализации, масштабных капиталовложений и автаркии.

Третья модель, модель «диктатора-эгоиста», исходит из того, что главная цель диктатора – накопление власти – достигается путем раздачи подарков и покупки политической верности. «Диктатор-эгоист» стремится не к максимизации экономического роста или благосостояния, а к установлению своего полного контроля над страной. Оказываясь в ситуации выбора, «диктатор-эгоист» направляет ресурсы в первую очередь на максимизацию своей политической власти, а не на достижение наилучших экономических результатов. Для того чтобы заручиться политической поддержкой и союзниками, диктатор-эгоист распределяет между ними экономическую ренту, которую получает с обычных граждан. Поскольку граждане не желают добровольно расставаться со своими экономическими ресурсами, диктатор должен применять силу³⁷. В самом деле, Сталин

очень тщательно выбирал и создавал, можно даже сказать: выращивал, сторонников; любая угроза его политической власти, даже незначительная, вызывала у него страх и панику; он запугивал и подкупал своих сподвижников³⁸. «Диктаторы-эгоисты», жертвующие экономическим развитием ради политической власти, отнюдь не редкость, в качестве примеров можно привести инициаторов «культурной революции» в Китае, Пол Пота в Камбодже, Мугабе в Зимбабве и Кастро на Кубе.

В четвертой модели, модели «диктатора-рефери», диктатор играет роль посредника между группами влияния, обладающими реальной властью. Реализации модели «диктатора-рефери» можно ожидать на том этапе существования диктатуры, когда «оседлый грабитель» или «диктатор-эгоист» больше не в состоянии удерживать всю полноту власти в своих руках и попадает под влияние промышленной и региональной элиты³⁹. В рыночной экономике достижение доминирующего положения группами влияния может происходить медленно вследствие возникновения проблемы «безбилетника» (free riding) и сложности организации эффективного лоббирования⁴⁰. Мансур Олсон и другие исследователи описывали советскую экономику периода «развитого» социализма как экономику, в которой господствовали группы влияния, тянувшие руководство страны в разные стороны, что приводило к разногласиям внутри системы⁴¹. В молодой административно-командной системе группы влияния могут формироваться быстрее в силу уже произошедшей концентрации

Conditions and the Transition Economy in Russia. Статья, представленная на конференции «Evolution of Soviet Elite and its Post-Communism Transformation», University of Houston, Houston, Texas, April 19–21, 2001; Lazarev V., Gregory P. Commissars and Cars: The Political Economy of Dictatorship // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 1. P. 1–19.

³⁸ По утверждению некоторых исследователей, Сталин требовал вынесения смертного приговора для М.Н. Рютина за распространение памфлетов, призывающих сместить Сталина. Это требование Сталина не было поддержано его командой (Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 53–58).

³⁹ О применимости модели «групп влияния» см.: Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 6–7.

⁴⁰ Olson M. The Logic of Collective Action.

⁴¹ М. Олсон утверждал, что затяжной спад темпов роста советской экономики объясняется возросшей ролью групп влияния (Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1982. Русское издание – Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация и социальный склероз. Новосибирск, 1998). Аналогичные аргументы применительно к периоду брежневского «развитого социализма» были приведены Питером Беттке: Boettke P. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. London: Routledge, 2001.

ство. М.: Государственное научное издательство, 1962. С. 327–330; Госплан СССР. Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М.: Экономика, 1980.

³⁶ Olson M. The Devolution of Power in Post-Communist Societies // Russia's Stormy Path to Reform / Ed. by R. Skidelsky. London: The Social Market Foundation, 1995. P. 9–42. См. также: Murrell P., Olson M. The Devolution of Centrally Planned Economies // Journal of Comparative Economics. 1991. Vol. 15. № 2. P. 139–165.

³⁷ Альтернативные модели обсуждаются Валерием Лазаревым: Lazarev V. Initial

экономической власти в руках промышленных министерств и региональных властей. Однако большинство исследователей связывают концентрацию власти в руках нескольких групп влияния с поздним советским периодом, и только историк Дж. Арч Гетти (J. Arch Getty) предположил, что даже Сталин был вынужден считаться при принятии ключевых решений с мнением подобных групп уже в 1930-е годы⁴².

По крайней мере, первые две модели приписывают диктатору стремление обеспечить стране успешное экономическое развитие. Научное планирование подразумевает достижение оптимальных показателей развития, однако его реализация наталкивается на проблемы, связанные с необходимостью обработки большого объема информации, проблемы, описанные Мизесом и Хайеком. Модель «оседлого грабителя» предполагает направленность диктатора на достижение высоких темпов экономического роста и быстрое развитие. «Диктатор-эгоист» не выдвигает каких-либо особых претензий на достижение высоких экономических показателей. Модель «диктатора-рефери» предполагает медленное экономическое развитие. Распределение ресурсов происходит в условиях постоянных столкновений представителей групп влияния, и как следствие общественные интересы (encompassing interests) остаются в стороне.

Мы хотим разобраться, какая из перечисленных моделей наилучшим образом описывает советскую реальность 1930-х годов. У нас нет количественных данных, которые обычно используются экономистами для тестирования гипотез; зато у нас есть сведения о том, каким образом диктатор вел себя в той или иной конкретной ситуации. Эпизодичность информации делает задачу тестирования гипотез более сложной, но отнюдь не невозможной. Некоторые действия диктатора, скажем, такие, как покупка лояльности в той или иной форме, могут не иметь письменных свидетельств. С точки зрения «диктатора-эгоиста», подкуп в политических целях – действие экономически рациональное. Как диктатор–«оседлый грабитель», так и диктатор, нацеленный на максимизацию власти, склонны ставить союзников, пользующихся наибольшим доверием, во главе важнейших промышленных отраслей. Уступки индустриальным и региональным лобби вписываются как в рамки модели «диктатора-рефери», так и в рамки модели «оседлого грабителя» или «диктатора-эгоиста».

⁴² Getty J.A. *Origins of the Great Purges*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1985. Гетти и Наумов повторяют этот вывод, но в смягченном виде, в предисловии к их совместной работе.

Личность самого Сталина порождает некоторые дополнительные сложности. В отличие от историков, придающих особое значение роли отдельных исторических персонажей, экономисты отдают предпочтение моделям, в которых личности не играют особой роли. Мы надеемся, что наши обобщающие модели объясняют, каким образом любой диктатор с определенной целевой функцией будет действовать при определенных обстоятельствах, независимо от времени и места. Первые три модели предполагают «рациональность» диктатора, который стремится к максимизации целевой функции в условиях конкретных политических и экономических ограничений. Но можем ли мы делать рациональные допущения для анализа действий диктатора, чье поведение иррационально? Было ли уничтожение Сталиным военной и политической верхушки и ведущих специалистов во время Большого террора 1937–1938 годов, незадолго до нападения фашистской Германии, действием рациональным? Тот же вопрос можно поставить применительно к отправке в Гулаг возвращавшихся советских военнопленных. Сталин верил некоторым более чем удивительным и нелепым историям о вредительстве и саботаже, в его голове гнездились параноидальные страхи о том, как непартийные специалисты морально разлагают верных партийных товарищей⁴³. Однако иррациональное, на первый взгляд, поведение может быть вполне продуманной и разумной стратегией запугивания оппонентов или стратегией обеспечения верности. Рональд Винтроб (Ronald Wintrobe) пишет:

Возможно, Сталин и был чрезвычайно жесток, но если мы посмотрим на эффект, который произвел террор, с его точки зрения, то мы непременно поймем – нет, он не был иррационален. Он превратил Коммунистическую партию Советского Союза, особенно ее верхушку, из организации, которой руководили в основном старые большевики, верные в первую очередь самой партии (или друг другу), в организацию, элита которой была полностью создана руками самого Сталина⁴⁴.

Что касается чисто экономических вопросов, то, как показывают архивы, Сталин был отлично информирован и весьма последователен. Он имел четкие цели, тщательно собирал необходимую ему информацию, прислушивался к советам и иногда под

⁴³ Lih L., Naumov O., Khlevnyuk O. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 50; Getty J.A., Naumov O. *The Road to Terror*. P. 26–28.

⁴⁴ Wintrobe R. *The Political Economy of Dictatorship*. P. 227.

их воздействием даже мог изменить свое решение⁴⁵. Склонность Сталина к резким переходам от паранойи к здравым рассуждениям хорошо видна в его письме к одному из его самых ближайших сторонников В.М. Молотову, написанном летом (но не ранее 6 августа) 1930 года:

1. Я против передачи Мирзояна в Профинтерн, так как стоял все время и продолжаю стоять против того, чтобы разорвали области, особенно такую область, как Урал, который растёт ускоренными темпами и нуждается в работниках.

2. ... а) основательно почистить аппарат НКФ и Госбанк от вредителей, не смотря на вопли сомнительных коммунистов типа Брюханова – Пятакова, б) обязательно расстрелять десятка два-три вредителей из этих аппаратов, в том числе десятка кассиров всякого рода, в) продолжать по всему СССР операции ОГПУ по изоляции мелк[ой] монеты (серебряной).

3. ... Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять.

4. Нужно обязательно расстрелять всю группу вредителей по мясoproдукту, опубликовав об этом в печати.

5. Верно ли, что вы решили теперь же выпустить мелкую никелевую монету? Если это верно, это ошибка. Нужно подождать с этим делом.

6. Верно ли, что ввезли из Англии ботинки (на несколько мил[лионов] руб[лей])? Если это верно, это ошибка.

7. Хорошо, что САСШ разрешили ввоз нашего леса. Наша выдержка дала свои результаты. С Богдановым пока подождите.

8. Договор с Италией – плюс. За ней потянется Германия. Кстати, как дело с немецкими кредитами?

9. Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут.

10. Обратите внимание на Сталинградский и Питерский тракторные заводы. Там дело плохо. <Выделено в оригинале. – П.Г.>⁴⁶

Такое письмо может принадлежать либо параноику, либо расчетливому тоталитарному правителю, не связанному никакими моральными ограничениями. Для решения проблемы «лошади и жокея» роль личности Сталина, несомненно, является ключевой. Ясно также, что Советский Союз был бы намного лучше без Сталина. Однако цель экономического моделирования диктатуры заключается в выявлении таких черт поведения диктатора, которые

были бы независимы от личностных черт характера. Фактически в экономических моделях предполагается, что сама система предопределяет личность диктатора.

Был ли Сталин неизбежен?

Знаменитый вопрос классика советологии Алека Ноува (Alec Nove) «Был ли Сталин необходим?» может быть перефразирован следующим образом: «Был ли Сталин *неизбежен*?» Действительно ли административно-командная экономика и диктатура сиамские близнецы? Неизбежно ли административно-командная экономика порождает тоталитаризм, или тоталитаризм порождает этот вид экономической системы?

Одно несомненно – первая в мире административно-командная экономика была создана не одним человеком. В середине 1920-х годов Сталин присоединился к «умеренному» большинству в Политбюро и был отнюдь не единственной влиятельной политической фигурой. В 1929 году, после разгрома своих бывших «умеренных» союзников, Сталин стал первым среди равных и лишь в середине 1930-х годов превратился в «Хозяина», как прозвали его младшие члены Политбюро. Несмотря на растущую абсолютную власть, Сталин продолжал вовлекать своих непосредственных помощников в процесс принятия решений, прислушивался к их советам; даже когда это стало лишь формальностью, он всё ещё продолжал настаивать на создании видимости коллективного принятия решений. Сам Сталин непосредственно мог утверждать лишь малую толику от тысяч и сотен тысяч ежемесячно, ежеквартально и ежегодно принимаемых решений. Ему мешала нехватка управленческого таланта среди тех, кому он доверял. Для того чтобы удержать в своей команде важных для себя людей, Сталин не брезговал ни лестью, ни настойчивыми уговорами, ни долгими переговорами. Тем не менее я считаю, что создание административно-командной системы в большей мере заслуга именно Сталина, чем кого бы то ни было ещё, поскольку именно он имел ясную идею о том, каким образом должна быть устроена власть⁴⁷. Сталин практически не участвовал в дискуссиях о пути развития страны в 1920-е годы. Он и его команда заручились поддержкой большинства партии в относительно открытой борьбе за власть в

⁴⁵ Примеры сталинских методов разработки экономической политики см.: Davies R.W. Making Economic Policy // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 61–80.

⁴⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 193–194.

⁴⁷ О том, что лишь один Сталин имел четкое представление, каким образом должна быть устроена советская система власти, см.: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. Этот вывод также разделяют составители сборника документов: Lih L., Naumov O., Khlevnyuk O. Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936. P. 17.

конце 1920-х годов (см. главу 3). Сторонники Сталина признали его как своего лидера благодаря его выдающимся лидерским качествам и врожденному таланту политической интриги. Пустив в ход хитрость, угрозы, подтасовки, шантаж и железную решимость, Сталин собственноручно подобрал злополучный состав Политбюро, который принял роковое решение о принудительной коллективизации и форсированной индустриализации. Политические победы Сталина явились результатом лучшей подготовки, более усердной работы, готовности применять крайние и жесткие меры и досконального знания сильных и слабых сторон людей, с которыми он имел дело.

Большевистская партия была создана Лениным как законспирированная группа революционеров, цель которой состояла в захвате политической власти в результате социалистической революции и удержании власти всеми доступными средствами. Пока большевики оставались у власти, ни о какой демократии не могло быть и речи. Выборы в Учредительное собрание 26 ноября 1917 года показали, что на демократических выборах большевики могут рассчитывать не более чем на четверть голосов⁴⁸. Вопрос, быть или не быть демократии, вообще не стоял перед большевистским руководством, единственный вопрос, который обсуждался: насколько демократия может быть допущена внутри самой правящей партии. Будет ли власть основываться на внутрипартийной демократии, или все вопросы будут решаться относительно небольшой группой партийных лидеров, такой, как Политбюро, или же вообще одним человеком? Именно этот вопрос был главным в конце 1920 – начале 1930-х годов.

В следующей главе будет объяснено, почему лидеры большевистской партии неизбежно должны были обратиться к плановой экономике. Приверженные идее тотального политического контроля, они не могли допустить рыночного распределения ресурсов как альтернативного источника власти в обществе. Таким образом, выбор плановой системы был неизбежен. Однако перед нами встанет ряд вопросов: могли ли большевистские лидеры передать право принятия решений о распределении ресурсов в руки экономистов и экспертов? Могли ли они поставить экономические интересы выше задачи сохранения и усиления своей политической власти? Были ли они в состоянии контролировать промышленные и региональные группы влияния? Если командная экономическая система была неизбежна, какой тип лидера она могла породить?

⁴⁸ Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. New York: McGraw-Hill, 1961. P. 114.

Ф.А. Хайек утверждает, что диктатор или диктаторы, стоящие во главе административно-командной системы, должны обладать исключительными способностями в области политической интриги и внутрипартийной борьбы⁴⁹. Распределение ресурсов в административном порядке невозможно без абсолютной политической власти. Административные приказы должны подкрепляться угрозой наказания или применения силы. Распределение ресурсов, по определению, означает, что ресурсы отбирают у одних и отдают другим. Продвижение по карьерной лестнице возможно лишь для людей беспринципных и не стесненных моральными обязательствами⁵⁰. Хайек считал, что хотя первоначально власть сама по себе может и не быть целью, тем не менее планирование ведет к диктатуре, поскольку диктатура – наиболее эффективный инструмент силового воздействия и принудительного насаждения идеологии и как таковая необходима для осуществления широкомасштабного централизованного планирования⁵¹. «Для достижения своих целей коллективистам нужна власть – власть одних людей над другими, причем в невиданных доселе масштабах, и от того, сумеют ли они ее достичь, зависит успех всех их начинаний»⁵². По мнению Хайека, именно люди беспринципные и бессовестные имеют больше шансов на успех в тоталитарном обществе⁵³. С этим выводом согласен Франк Найт (Frank Knight), утверждающий, что плановые органы будут вынуждены «руководить беспощадно, для поддержания работоспособности механизма организованного производства и распределения ресурсов». «Хотя бы они того изначально или нет, им придется это делать; и возможность того, что у власти окажутся люди, не одержимые жаждой власти, равна вероятности, что чрезвычайно добрый и мягкосердечный человек получит работу надсмотрщика над рабами»⁵⁴. Хайек также утверждает, что поведение диктатора в области экономики не может сдерживаться моралью или какими бы то ни было законами и правилами, поскольку диктатор не может предварительно связать себя какими-либо формальными правилами, способными предотвратить произвол. Ему постоянно

⁴⁹ Hayek F.A. The Road to Serfdom. 50th Anniversary Edition. Chicago: Chicago University Press, 1994. Chap. 10 (русское издание – Хайек Ф.А. Дорога к рабству. М., 1992).

⁵⁰ Boettke P. Calculation and Coordination. P. 78.

⁵¹ Hayek F.A. The Road to Serfdom. P. 78.

⁵² Ibid. P. 159.

⁵³ Ibid. P. 149.

⁵⁴ Knight F. Lippmann's The Good Society // Journal of Political Economy. 1936. December. P. 869, цитируется по: Boettke P. Calculation and Coordination. P. 53.

приходится решать вопросы, которые невозможно решить, пользуясь лишь формальными правилами⁵⁵.

Действительно, жестокость была одной из черт характера, которые особо ценились большевистским руководством. Л.М. Каганович, первый заместитель Сталина по партийной работе в первой половине 1930-х годов, был выбран Сталиным именно за его личную жесткость. Он принимал активное участие в репрессиях 1930-х годов, в том числе и в осуществлении политики коллективизации, в результате которой погибло множество людей, и лично подписал расстрельные списки на тридцать шесть тысяч человек, в основном своих собственных подчиненных, во время Большого террора⁵⁶. Другой ставленник Сталина, К.Е. Ворошилов, подверг критике Николая Бухарина (лидера правой оппозиции в конце 1920-х годов) в следующих словах: «Бухарин – искренний и честный человек, но я боюсь за Бухарина не меньше, чем за Томского и Рыкова. Почему я боюсь за Бухарина? Потому что он мягкосердечный человек»⁵⁷. Мягкость считалась признаком слабости. Один из ближайших друзей Сталина, А.С. Енукидзе, был предан остракизму за сочувствие опальным членам партии и членам их семей⁵⁸. Нуждающимся вдовам репрессированных партийных лидеров предлагали найти работу и прекратить жаловаться⁵⁹. Бывшие друзья и единомышленники дискредитированных партийных лидеров добивали их с безжалостностью акул, кружащих вокруг истекающего кровью пловца. Была проведена даже открытая партийная дискуссия о допустимости применения пыток к политическим противникам.

Несомненно, Сталина можно считать экспертом в области политики зверств и жестокости. Будучи генеральным секретарем коммунистической партии, Сталин знал руководство партии как свои пять пальцев, знал имена и биографии всех региональных и местных партийных лидеров. Переписка Сталина похожа на переписку какого-нибудь мафиозного босса из Чикаго или Нью-Джерси, она полна рекомендаций, предложений и обсуждения сильных и слабых сторон местных партийных руководителей. Сталин читал все документы, в том числе статьи, написанные как его врагами, так и друзьями, делая критические заметки на полях, чтобы позднее использовать их как доказательства политических ошибок. Он тщательно готовился к встречам и проводил немало времени в раздумьях над

выбором политической линии. Он был терпелив и точно выбирал подходящий момент для осуществления очередного политического манёвра. Что касается личной жестокости, у него было немного соперников. Сталин был злобен и злопамятен, примером чему служат его гневные филиппики в адрес непартийных специалистов, которых надо гнать «в шею из Москвы»⁶⁰. Сталин был организатором интриг против других членов Политбюро, используя для этого «узкие» встречи своих сторонников в Политбюро, несмотря на наличие формального партийного запрета на проведение подобных совещаний. Напротив, его оппоненты, как правило, придерживались партийной дисциплины и публично не высказывались против решений партии, которые не одобряли. Как и предсказывал Хайек, те, кто следовал правилам морали, неизменно проигрывали. Сталин не поддержал своего горячего сторонника Серго Орджоникидзе, когда тот, будучи наркомом тяжелой промышленности, выступил в защиту опальных руководителей предприятий. Сталин был близок с Николаем Бухариным (их семьи даже вместе проводили отпуск) и вполне мог бы, подобно героям романа Марио Пьюзо «Крестный отец», сказать Бухарину, что в приказе о его расстреле «не было ничего личного». Инструктируя своего верного помощника Л.М. Кагановича, как вести допрос жены одного из его политических оппонентов, Сталин писал: «Нужно привести Глебову в Москву и подвергнуть ее ряду тщательных допросов. Она может открыть много интересного»⁶¹. В силу политических причин Сталин мог отвернуться от своих самых старых друзей: «Енукидзе – чуждый нам человек. Странно, что Серго [Орджоникидзе] и Орахелашвили продолжают вести дружбу с ним»⁶². Мелочность Сталина не знала границ. Когда академик Павлов был представлен к ордену в честь его восьмидесятилетия, Сталин ответил: «...Павлов не наш... Никакого ордена ему не следует давать...»⁶³. Во время встреч Политбюро Сталин развлекался тем, что рисовал садистские картинки, изображая судьбу, предназначавшуюся его противникам⁶⁴.

⁶⁰ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 156.

⁶¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 643.

⁶² Там же. С. 558.

⁶³ Там же. С. 497.

⁶⁴ Franchetti M. Stalin Drew Cartoons of His Victim's' Fate // London Sunday Times. 2001. July 8. На одном из рисунков, приписываемых Сталину (около 1930-го года), изображен министр финансов Николай Брюханов, нагой, подвешенный за гениталии. Подпись под рисунком гласит: «Членам Политбюро. За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержат, утопить его в реке».

⁵⁵ Hayek F.A. The Road to Serfdom. P. 82.

⁵⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 28.

⁵⁷ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 100.

⁵⁸ Ibid. P. 161–171.

⁵⁹ Ibid. P. 291.

К концу 1920-х годов у Сталина не осталось соперников: Ленин умер в январе 1924 года, а Лев Троцкий был выслан из страны в 1929 году. Остальные «старые большевики» едва ли могли состязаться со Сталиным, а новых возможных претендентов он с легкостью уничтожал. Те сподвижники Сталина, которые проявляли инициативу и независимость, жили недолго: друг Сталина грузин Серго Орджоникидзе, склонный к независимым суждениям, был доведен до самоубийства⁶⁵; бывший глава Госплана, заместитель председателя Совета министров СССР Н.А. Вознесенский, известный независимым мышлением, был расстрелян. Выразительный хвалебный отзыв Сталина о нем раскрывает внимательному читателю причины такой судьбы Вознесенского:

Вот Вознесенский, чем он отличается в положительную сторону от других заведующих [...]. Другие заведующие, если у них есть между собой разногласия, стараются сначала согласовать между собой разногласия, а потом уже в согласованном виде довести до моего сведения. Даже если остаются несогласными друг с другом, все равно согласовывают на бумаге и приносят согласованное. А Вознесенский, если не согласен, не соглашается согласовывать на бумаге. Входит ко мне с возражениями, с разногласиями. Они понимают, что я не могу все знать, и хотят сделать из меня факсимиле. Я не могу все знать. Я обращаю внимание на разногласия, на возражения, разбираюсь, почему они возникли, в чем дело. А они прячут это от меня. Проголосуют и спрячут... Вот почему я предпочитаю их соглашениям возражения Вознесенского⁶⁶.

Сталин с готовностью согласился с расстрелом Вознесенского, когда в 1949 году коллеги по Политбюро сфабриковали против него обвинение в государственной измене⁶⁷.

Примечательно, что те немногие из узкого круга близких соратников Сталина, кому все же удалось остаться в живых (а именно — Каганович, Молотов, Микоян, Калинин, Андреев и Ворошилов), обладали такими общими качествами, как слепое послушание, верность, угодничество, полное отсутствие воображения и инициативы. Каганович исполнял роль заместителя Сталина по партийной работе в первой половине 1930-х годов. Его обширная переписка со Сталиным прямо-таки пестрит фразами: «Вы совершенно пра-

⁶⁵ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: Конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993.

⁶⁶ Симонов К. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М.: АПН, 1989. С. 160–161, цитируется по: Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». Working paper, Florence, Italy, March 2000. С. 13.

⁶⁷ Там же. С. 13.

вы», «я целиком и полностью согласен с Вами»⁶⁸. Льстивость Кагановича не знала границ. Провозгласив себя «учеником» Сталина, он, в частности, писал: «Вы настолько широко и ясно поставили вопрос с точки зрения интересов партии, что никаких серьезных колебаний не может быть»⁶⁹. Стоит отметить, что по отношению к другим членам команды Сталина Каганович не проявлял подобной лояльности и редко упускал возможность указать Сталину на их недостатки. И наоборот, когда Кагановичу становилось известно, что кто-то из политических деятелей пользуется особой благосклонностью Сталина, он не колеблясь превозносил его до небес: «У т. Ежова [наркома внутренних дел с 1936-го по 1938-й г.] дела идут хорошо. Взятся он крепко и энергично за выкорчевывание контрреволюционных бандитов, допросы ведет замечательно и политически грамотно»⁷⁰. Впрочем, особое положение Ежова оказалось недолговечным и не спасло его от расстрела в 1940 году. Верные приспешники Сталина вполне подходят под описание Хайека: «Возможность установления тоталитарного режима во всей стране во многом зависит от первого шага — от способности лидера сплотить вокруг себя группу людей, готовых добровольно подчиняться строгой дисциплине и силой навязывать ее остальным... Он [диктатор] тогда сможет получить поддержку всех покорных и легковерных, всех тех, кто, не имея собственных сильных убеждений, готов принять и усвоить уже готовую систему ценностей»⁷¹.

Выводы

Ответ на вопрос Алека Ноува «Был ли Сталин необходим?» был дан уже давно. Коллективизация в долгосрочной перспективе, по сути, свела к нулю шансы сельского хозяйства на успешное развитие; применение силы в сельской местности не смогло обеспечить эффективное перераспределение ресурсов из сельского хозяйства в промышленность. Форсированная индустриализация создала огромный промышленный капитал, который был либо плохо организован, либо неправильно использован, высокий уровень капиталовложений привел лишь к временному быстрому развитию экономики, после чего последовал длительный период падения темпов экономического роста и застоя. Сталинские чистки лишили страну цвета военного и управленческого корпуса. Труд в Гула-

⁶⁸ Сталин и Каганович. Переписка.

⁶⁹ Там же. С. 284.

⁷⁰ Там же. С. 702.

⁷¹ Hayek F.A. The Road to Serfdom. P. 151–153.

ге показал свою неэффективность, а лагеря Гулага способствовали формированию класса профессиональных уголовников, класса, который по сей день продолжает терзать Россию⁷². На вопрос «Были ли Сталин неизбежен?» можно ответить утвердительно, если речь идет о Сталине не как о личности, а как о диктаторе. После смерти Ленина Сталин имел значительное преимущество перед другими «старыми большевиками» в силу своей чрезвычайной жестокости и умения использовать политическую власть в своих целях. Если бы среди членов Политбюро оказался человек, превосходивший Сталина в этих «талантах», то он бы и стал «Сталиным». Проведенный О.В. Хлевнюком анализ показывает неизбежность прихода к власти личности, аналогичной Сталину в конце 1920-х годов⁷³. Если бы у Сталина был более способный, более хитрый и более жестокий соперник, он непременно победил бы Сталина и сам занял его место.

Для успешной политической карьеры, а в конечном счете и для личной безопасности, в условиях административно-командной системы необходимы слепая верность и отсутствие инициативы. Однако это не означает, что советская диктатура 1930-х годов состояла из одного диктатора. Нет, скорее она состояла из сотен и тысяч диктаторов. Так же как Сталин требовал раболепия и подострастия от своих непосредственных помощников, так и они требовали того же от своих подчиненных, и так далее, вплоть до чиновников самого низкого уровня. Каганович обращался со своими подчиненными не менее жестоко, чем Сталин обращался с самим Кагановичем. Последний мог соперничать со Сталиным в жестокости, но, несомненно, уступал ему в хитрости и решимости.

Вопрос Берлинера о лошади и жокее оказывается весьма запутанным, поскольку жокей и лошадь не существуют независимо друг от друга. В следующей главе мы покажем, что наш жокей (Сталин или большевистская элита) неизбежно выбирает лошадь определенного типа (административно-командную систему), и наоборот, административно-командная система порождает весьма определенный тип жокея – мастера жестокости и интриги. Таким образом, мы можем сразу же исключить из рассмотрения одну из четырех приведенных выше моделей, модель «научного планирования», согласно которой диктатор передает экспертам принятие ключевых решений. До тех пор пока диктатор удерживает в своих руках всю полноту власти, модель «диктатора-рефери» также не может рассматриваться как отражающая действительность. Эта модель может

быть применена лишь к ситуации, когда власть начинает ускользать из рук жестокого диктатора. На протяжении 1930-х годов власть диктатора скорее возрастала, чем ослабевала, равно как и его жестокость.

В следующей главе мы рассмотрим, к чему привели принятые в конце 1920-х годов решения о проведении коллективизации и индустриализации. Будет показано, что возможность построения рыночной экономики была исключена самой природой большевизма. Последующие главы описывают структуру советской административно-командной системы. Мы начнем с анализа обстоятельств, при которых было принято роковое решение вступить на путь создания командной системы – решения, которое не могло быть принято, пока Сталиным не была достигнута победа над его политическими противниками.

⁷² Khlevnyuk O. The Economy of the Gulag // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 11–30.

⁷³ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... Главы 1–2.

Глава 2

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ, НАКОПЛЕНИЕ КАПИТАЛА И ВЛАСТЬ

Мой дед вырос в деревне, где он со своими братьями и детьми обрабатывал землю. Его сосед, Петя, был бездельником, спал на крыльце своей полуразвалившейся избы, вечерами пил горькую и избивал свою несчастную жену. С презрением он наблюдал, как мы потели над постройкой нового сарая или покупали очередную корову. В тяжелые времена Петя появлялся у нас на пороге и просил милостыню. В 1929 году Петя явился в дом моего деда в сопровождении целой шайки головорезов, красуясь военной формой, в фуражке с наколотой красной звездой, и объявил: «Именем Советской власти приказываю передать всю вашу землю и собственность колхозу». Поэтому мой дед ненавидел коммунизм и Советскую власть всю свою жизнь.

История, рассказанная автору 75-летним русским в Москве.

Эта книга рассказывает о том, как и почему небольшая группа революционеров-большевиков под предводительством Иосифа Сталина, одного из наиболее жестоких тиранов в истории, создала первую в мире административно-командную экономику. Книга основана на бывших секретных советских архивных документах, т.е. на тех документах, которыми пользовались сами создатели системы более чем полвека тому назад. В этой главе анализируются предпосылки, которые привели к принятию решения о свертывании новой экономической политики (нэпа) в конце 1920-х годов и созданию невиданного чуда социальной инженерии. В кратчайшие сроки была создана совершенно новая политическая и экономическая система, основанная на «ведущей роли партии» (читай: диктатуре Коммунистической партии), государственной собственности и отказе от частной хозяйственной инициативы. Сам Сталин назвал 1929 год, когда был свернут нэп, годом Великого перелома.

Великий перелом начался с принятия «оптимального» варианта первой пятилетки XVI конференцией ВКП(б) в апреле 1929 года и одобренного предложения Сталина решения Политбюро «О хлебозаготовках» от 15 августа 1929 года. Эти меро-

приятия ознаменовали победу Сталина над правой оппозицией и начало форсированной индустриализации. Постановлением «О хлебозаготовках» для колхозов были введены принудительные сельскохозяйственные поставки по твердым заданиям¹.

В апреле 1929 года решение о принудительной сельскохозяйственной коллективизации еще не было окончательно принято. Решение XVI конференции предполагало, что к 1933 году три четверти сельского населения всё ещё будут заняты в частных хозяйствах². Коллективизация началась лишь после решения ЦК ВКП(б), принятого в ноябре 1929 года, о принудительном объединении крестьянских хозяйств в колхозы³. 5 января 1930 г. было принято постановление ЦК, провозгласившее переход «от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса»⁴. Таким образом, за восемь месяцев, с апреля по ноябрь 1929 года, Сталину удалось полностью нейтрализовать противников коллективизации в правящих кругах партии, Политбюро и ЦК ВКП(б). Принятие в 1929 году решения об индустриализации и коллективизации раз и навсегда положило конец дискуссии между «правыми» и приверженцами Сталина. С этого времени развитие Советского Союза определялось общенациональными планами, направленными на индустриализацию страны в кратчайшие сроки. Характерными чертами советской экономики на долгие годы вперед стали колхозный строй в сельском хозяйстве, государственная собственность, и диктатура коммунистической партии, не допускавшая инакомыслия.

Согласно официальной истории советской коммунистической партии решения 1929 года были predeterminedены двумя событиями: крахом капитализма в России в результате революции 1917 года и провалом нэпа в 1921–1928 годах⁵. При этом неудачная попытка осуществить немедленный переход к коммунизму сразу после захвата власти, военный коммунизм 1918–1921 годов, трактовалась как политика, вызванная условиями гражданской войны, когда приходилось действовать по принципу по-

¹ Детальное описание этих событий см.: Davies R.W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Agriculture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. Chap. 3.

² Ibid. P. 112.

³ Большая Советская Энциклопедия. Т. 21. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 616; Краткая история СССР. М.: Наука, 1972. С. 232.

⁴ Цит. по: Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 197.

⁵ История Коммунистической Партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1959. Главы 1–12.

жарной команды. Английский социалист Морис Добб (Maugise Dobb) принял за чистую монету официальную советскую версию. В итоге под влиянием книги Добба, впервые опубликованной в конце 1920-х годов, эта версия получила широкое распространение и на Западе⁶. В частности, нэп рассматривался как временная мера, вызванная кризисом, которую после стабилизации предполагалось отменить. Однако новая экономическая политика имела несомненный успех со всех точек зрения. Восстановление экономики, начавшееся в 1921 году, было одним из самых быстрых в истории. Бесспорно успешное сосуществование частной и государственной собственности в условиях рыночного распределения ресурсов в период нэпа ставит перед исследователями один из самых сложных вопросов «альтернативной» истории: что бы произошло, победи в борьбе за власть правое крыло большевистской партии, настроенное продолжать новую экономическую политику? Солидное историко-экономическое исследование этого альтернативного сценария рисует намного более благоприятный исход, отсутствие катастрофических потерь, связанных с принудительной коллективизацией⁷. Тем не менее официальная советская историография утверждала, что продолжение политики нэпа было невозможно.

Экономика Российской империи и «крах капитализма»

В период с 1885 по 1929 год, за исключением недолгого периода военного коммунизма, когда была предпринята попытка создания командной системы, прямое администрирование играло в экономике страны относительно незначительную, хотя и возрастающую роль. В 1913 году экономическое положение России было значительно хуже, чем у её западных соседей. Давало знать множество недостатков, характерных в то время для стран с развивающимися рыночными экономиками. Корпоративное законодательство было развито довольно слабо. Однако в стране активно действовала фондовая биржа, торговавшая акциями частных предприятий и государственными облигациями⁸. Государственное регулирование было сильным, но не парализующим. Земля

⁶ Dobb M. Soviet Economic Development Since 1917. 5th ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1960. Первое издание этой книги вышло в 1928 году.

⁷ Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. Chaps. 13–14.

⁸ Owen T. The Corporation Under Russian Law, 1800–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

принадлежала крестьянам и помещикам, при этом количество земель, принадлежавших последним, сокращалось. Крестьяне продолжали жить традиционными общинами с местным самоуправлением, но при этом российский хлебный рынок был неотъемлемой частью общемирового, цены на перевозку хлеба постоянно снижались, а в результате столыпинских реформ крестьяне получили, наконец, право выхода из общины. Россия играла важную роль в международной торговле, будучи вторым по величине экспортером сельскохозяйственной продукции, несмотря на довольно высокие таможенные тарифы. Для Запада Россия оставалась страной далекой и пугающей, но её природное богатство и наличие огромных людских ресурсов привлекали в больших объемах иностранный капитал, чему также способствовала относительно высокая норма прибыли⁹. Накануне Первой мировой войны Россия являлась крупнейшим заемщиком в мире. Дефолт, объявленный Россией в 1918 году, вызвал цепную реакцию на мировых финансовых рынках, по своим масштабам несопоставимую с последствиями любого из последующих дефолтов.

Вопреки многочисленной российской националистической и марксистской литературе, настаивающей на уникальности российского экономического опыта, дореволюционная Россия была страной с рыночной экономикой, где хозяйственные решения в основном принимались частными предпринимателями, торговцами и землевладельцами, цены устанавливались рынком, а государственное планирование отсутствовало. Дореволюционная российская рыночная экономика развивалась достаточно успешно, хотя многие ученые и политики настаивают на обратном. С утверждением о несостоятельности рыночной экономики в дореволюционной России по разным причинам согласны такие в корне различные авторы, как В.И. Ленин и Александр Гершенкрон (Alexander Gerschenkron), американский экономический историк. Ленин использовал этот тезис для обоснования своего положения о закономерности начала мировой социалистической революции именно в России, поскольку она являлась самым слабым звеном в цепи капиталистических стран. Гершенкрон утверждал, что революция 1917 года стала результатом стратегических ошибок и что её можно было легко предотвратить. Задержка аграрной реформы была роковой и надолго лишила Россию возможности стать органичной частью западного мира¹⁰.

⁹ McKay J. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

¹⁰ Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. М.: По-

В одной из моих предыдущих книг обосновывается тезис об относительном экономическом благополучии дореволюционной России: российское сельское хозяйство, несмотря на наличие серьезных институциональных проблем, развивалось с той же скоростью, что и сельское хозяйство в остальной Европе (в период относительно бурного развития сельского хозяйства, происходившего в мире параллельно с индустриализацией), а темпы роста ВВП в России были выше, чем в Европе¹¹. Если бы не сильнейшее негативное влияние Первой мировой войны, разрушившей институциональные основы и приведшей к значительным материальным и людским потерям, дальнейший рост всего через несколько десятилетий превратил бы Россию в европейскую страну среднего достатка. Эти выводы, не встретившие до сих пор серьезных возражений, опровергают миф о несостоятельности российской экономики до 1917 года и невозможности выбора капиталистического пути развития после Первой мировой войны.

Однако несмотря на впечатляющий экономический рост, Россия оставалась относительно отсталой страной накануне 1917 года. Доход на душу населения составлял чуть меньше одной трети среднедушевого дохода во Франции или Германии и равнялся примерно 60 процентам среднедушевого дохода в менее развитой Австро-Венгерской империи¹². Соответственно руководители нового социалистического государства не могли не быть озабочены тем, что их страна оказалась в окружении враждебно настроенных государств, более развитых экономически.

Победа большевиков в гражданской войне сделала невозможным для России рыночный путь развития. С момента захвата власти и вплоть до 1991 года политическая монополия коммунистической партии оставалась непоколебленной. Все эти годы партийное руководство сохраняло неизменными три главных идеологических принципа: отстаивало приверженность государственной собственности, плановой экономике, способной заменить «анархию рынка», и «ведущей роли коммунистической

партии». Подчеркивая еще раз неизменность этих трех принципов, я хочу обратить внимание на то, что социалистические идеи были важнее личности¹³.

Идеологические принципы коммунистической партии совершенно очевидно исключали рыночную экономику и, как будет показано ниже, были несовместимы с нэпом, в рамках которого недолго сосуществовали государственная и частная собственность, план и рынок. Создание административно-командной системы было неизбежно, если принять во внимание партийный контроль и идеологические принципы коммунистической партии.

Революционные эксперименты

Ленин был общепризнанным лидером большевистской партии. Пока он был жив, никто не мог бы всерьез посягнуть на его авторитет. Он был не только главой советского государства, но определял также его идеологию. Внутрипартийная борьба между различными фракциями началась лишь после отхода Ленина от дел в марте 1923 года и последовавшей меньше чем через год, 21 января 1924 года, смерти. Перед февральской революцией большевистская партия представляла собой небольшую, но сплоченную группу революционеров и насчитывала всего лишь около 20 тысяч человек. Ленин считал, что разжечь революцию могут лишь самоотверженные профессиональные революционеры. В 1917 году большевики смогли захватить власть не столько благодаря своей популярности, сколько по глупости злополучного Временного правительства, которое не смогло ни добиться прекращения войны, ни пообещать землю и хлеб, как это сделал Ленин. Именно этой небольшой группе революционеров под руководством Ленина удалось, возможно, неожиданно для них самих, захватить власть в стране с самой большой в мире территорией и населением в 165 млн человек, в два раза превышавшим население второй по величине европейской державы (Германии).

Верхушка большевистской партии состояла в основном из бывших эмигрантов, не имевших сколько-нибудь существенно-го управленческого опыта. Владимир Ленин написал множество работ, однако преимущественно теоретических, касавшихся природы российского капитализма и революционной стратегии. Лев Троцкий обладал определенной харизмой, которая помогла ему

литиздат, 1975. С. 1–609; Gerschenkron A. *Economic Backwardness in Historical Perspective*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962.

¹¹ Gregory P. *Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-Year Plan*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1994. Некоторые главы из этой книги опубликованы по-русски в: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.

¹² Gregory P. *Russian National Income, 1885–1913*. New York: Cambridge University Press, 1982. P. 156. Некоторые главы из этой книги опубликованы по-русски в: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.). С. 22.

¹³ Эти принципы подробно рассматриваются в предисловии к сборнику документов: Lih L., Naumov O., Khlevnyuk O. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995.

привести Красную армию к окончательной победе в гражданской войне. Николай Бухарин – интеллект, написавший множество работ по теории социализма, но не имевший практического управленческого опыта. Иосиф Сталин, вступивший в партию в 1898 году, получил образование в грузинской духовной семинарии, недолго работал журналистом, но в основном его опыт ограничивался подпольной революционной работой. Никто из них не обладал сколько-нибудь обширными познаниями в области современной, для той эпохи, экономической теории, никогда не занимался коммерческой деятельностью и не работал в государственном аппарате. Большинству лидеров партии было около сорока или едва за сорок, когда они пришли к власти. Перед ними встал знаменитый вопрос Чернышевского, в свое время повторенный Лениным: «Что делать?»

Их первым шагом в 1917 году стал Декрет о земле, согласно которому земля была национализирована и разделена между крестьянскими хозяйствами. В сущности у Ленина не было особого выбора, кроме как узаконить стихийную экспроприацию земли крестьянами, происходившую по всей России. Декрет о земле упразднил сохранившиеся к моменту революции крупные земельные поместья и полностью передал производство сельскохозяйственных продуктов в руки крестьянских хозяйств, продолжавших придерживаться традиционных форм общинного самоуправления.

Военный коммунизм: первоначальные намерения большевиков. В соответствии с широко распространенной интерпретацией, начавшаяся гражданская война вынудила большевиков обратиться к политике военного коммунизма¹⁴. Однако многие факты противоречат этой теории и свидетельствуют о том, что подлинным намерением большевиков было желание обеспечить мгновенный переход к коммунизму, минуя переходный период¹⁵. Статьи и документы, написанные лидерами большевиков до и во время военного коммунизма, однозначно указывают на их желание создать экономику, основанную на «твердом» плане и без частной собственности. Сразу же после захвата власти большевики с энтузиазмом принялись решать эти задачи. Большевики национализировали предприятия, наложили запрет на частную тор-

говлю в любом виде, попытались отменить деньги, приступили к конфискации «сельскохозяйственных излишков» у крестьян. Тот факт, что национализация началась уже в конце 1917 г., то есть до начала гражданской войны, а декрет, обеспечивший максимально широкое ее применение, был принят в ноябре 1920 года, т.е. когда гражданская война в основном уже закончилась, опровергает официальную версию обусловленности военного коммунизма военным временем.

Результаты политики военного коммунизма однажды были названы «самым крупным крушением экономики в истории»¹⁶. Производство буквально рухнуло, в результате массового бегства населения из городов началась дезурбанизация. В 1920 году промышленное производство упало до одной пятой довоенного уровня. Впрочем, нет ничего удивительного в том, что изначально ущербная попытка за ночь создать экономику, в которой отсутствуют деньги, рынок и частная собственность, с треском провалилась. Тем не менее, неудачная попытка установить военный коммунизм показывает склонность нового руководства ставить идеологические цели выше экономических, а также крайнюю наивность и отсутствие управленческого опыта.

Нэп: могли ли коммунисты допустить существование рынка? Ленин объявил о начале нэпа в марте 1921 года, после тревожного для большевиков Кронштадтского восстания, во время которого против них выступили те самые балтийские матросы, которые ещё несколько лет назад были наиболее горячими их приверженцами. 23 марта 1921 года Ленин объявил о замене продразверстки продналогом. Частная торговля вновь была разрешена, хотя в оптовой торговле продолжали доминировать крупные государственные организации. Была осуществлена денежная реформа и введена новая твердая денежная единица – *червонец*, котирувавшийся даже на международных валютных рынках. Несмотря на то что Ленин так и не изменил своего судьбоносного решения об отказе от выплат по внешнему долгу Российской империи, были предприняты попытка вновь привлечь в страну зарубежных инвесторов¹⁷. Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) хотя и старался управлять крупными государственными предприятиями, не составлял общенациональных экономических

¹⁴ Malle S. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

¹⁵ Roberts P.C. Alienation and the Soviet Economy. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1971. Chap. 2; Boettke P. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. London: Routledge, 2001. Chaps. 6, 7.

¹⁶ Высказывание Вильяма Чемберлена (William Chamberlin) цитируется по: Boettke P. Calculation and Coordination. P. 78.

¹⁷ Gregory P. Russia and Europe: Lessons of the Pre-Command Era // Economic Integration as a Challenge to Industry and Government / Ed. by R. Tilly, P. Welfens. Berlin: Springer, 1996. P. 461–496.

планов. Народный комиссариат финансов посредством кредитной политики оказывал больше влияния на экономику, чем любой из плановых органов.

Крестьяне ответили на введение нэпа увеличением посевных площадей зерновых, пустые магазины вновь наполнились товарами, и люди стали возвращаться в покинутые города. Транспорт и промышленность, чье производство в 1920 году составляло всего лишь примерно пятую часть довоенного уровня, к 1926 году достигли уровня 1913 г. Сельское хозяйство, объемы производства которого сократились до 60 процентов производства довоенного времени, также восстановилось к 1926 году¹⁸. Несмотря на непрекращающиеся попытки заманить крестьян в колхозы и совхозы, им была предоставлена возможность возделывать свои собственные земельные наделы и жить общиной с традиционным самоуправлением¹⁹. Несмотря на массированную пропаганду, к 1928 году в колхозах состояло лишь два процента крестьянских хозяйств²⁰.

Была ли в состоянии воспитанная в традициях строжайшей конспирации и дисциплины партия большевиков допустить существование экономической системы, в которой решения принимаются безличным хлебным рынком, торговыми посредниками и крестьянскими хозяйствами? Открытие архивов позволяет пролить свет на этот вопрос. История слома нэпа, история Великого перелома – это история борьбы за хлеб: кто должен его продавать, кому и по какой цене?

Хлеб и накопление капитала

Пока мы называли три главных принципа коммунистической парии: государственная собственность, плановая экономика и ведущая роль партии. Но был и четвертый принцип, принцип накопления капитала. Восходящий к идеям Маркса, он проводился настолько последовательно и неуклонно, что его вполне можно рассматривать как четвертый принцип. Результаты его реализации можно видеть в стремительном росте капиталовложений в 1930-е годы и чрезвычайно высокой по сравнению с другими

¹⁸ Nutter G.W. The Soviet Economy: Retrospect and Prospect // Political, Military, and Economic Strategies in the Decade Ahead / Ed. by S.W. Abshire, R.W. Allen. New York: Praeger, 1963. P. 165.

¹⁹ Danilov V.P. Rural Russia under the New Regime. Bloomington: Indiana University Press, 1988.

²⁰ Volin L.A. Century of Russian Agriculture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970. P. 211.

странами доле капиталовложений в ВВП административно-командных экономик²¹. Никита Хрущев выиграл в борьбе за власть после смерти Сталина в начале 1950-х благодаря приверженности приоритету тяжелой промышленности. Совершенно очевидно, что в основе политики Великого перелома лежала идея «первоначального социалистического накопления», выдвинутая в середине 1920-х годов левым крылом партии, возглавляемым Львом Троцким²². Теоретики-троцкисты обосновали идею принудительного накопления капитала, а Сталин создал силовые механизмы, способные обеспечить ее реализацию.

За исключением идеи первоначального накопления капитала, у Маркса не нашлось практических рекомендаций в области экономической политики для лидеров первого в мире социалистического государства. Согласно Марксу, в относительно бедных обществах первоначальное накопление капитала происходит при помощи силы. Первые капиталисты создавали свой капитал, обкрадывая более слабых сограждан или захватывая его как военную добычу. Первоначальный капитал складывался не в результате постепенного накопления сбережений (воздержания от потребления) или за счет аккумуляции прибыли, а путём изъятия «чужих» «излишков». Соответственно большевистские лидеры должны были решить, у кого они будут изымать капитал в новом социалистическом государстве.

Одна из сильных сторон Сталина заключалась в его умении манипулировать словами и лозунгами. Всех, кто был не согласен с его идеями, он объявил уклонистами, отступившими от марксистско-ленинских принципов²³. Экономические взгляды левой оппозиции были наиболее подробно обоснованы Е.А. Преображенским, ведущим теоретиком среди сподвижников Троцкого²⁴. В середине 1920-х годов Преображенский утверждал, что источником «первоначального социалистического накопления» должно стать крестьянское сельское хозяйство. Этот тезис он аргументировал тем, что индустриализация потребует перемещения рабо-

²¹ Gregory P., Stuart R. Soviet Economic Structure and Performance. 2nd ed. New York: Harper & Row, 1981. P. 381–385.

²² Erlich A. The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960; Spulber N. Soviet Strategy for Economic Growth. Bloomington: Indiana University Press, 1964.

²³ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 20–22.

²⁴ Книга Е.А. Преображенского, написанная в 1926 году, была переведена и опубликована как: The New Economics / Trans. B. Pierce. Oxford: Oxford University Press, 1964.

чей силы из сельской местности в город, а питание и содержание новых промышленных рабочих можно будет обеспечить лишь за счёт изъятия сельскохозяйственных «излишков». В обществе со стабильным и неизменным уровнем сельскохозяйственного производства реализовать подобное возможно только при условии, что крестьяне станут потреблять меньше хлеба (соответственно уровень их жизни понизится). Как писал Преображенский, до революции российское крестьянство было привычно к более низкому уровню жизни, значит, оно может вернуться к нему без уменьшения объемов сельскохозяйственного производства.

Преображенский определил источник первоначального накопления капитала, но не смог детально описать механизм его извлечения. Он предполагал, что государство может ввести хлебную монополию: установить низкие закупочные цены на хлеб и тем самым понизить доходы крестьян, одновременно продавать хлеб по более высоким розничным ценам. Разница должна использоваться для капиталовложений в промышленность. Если цены будут определяться рынком, считал Преображенский, то разница между оптовой и розничной ценой при наличии конкуренции будет невелика, государство не получит необходимых средств, а крестьяне сохранят свои доходы. По сути, Преображенский описал схему тотального перераспределения доходов, способную перекачать средства из сельского хозяйства в промышленность. Однако он не дал ответа на самый важный вопрос: если предложить крестьянам низкие закупочные цены на хлеб, что будет побуждать их сдавать хлеб государству? Ведь они могут либо сами потребить свой хлеб, либо скормить его домашней скотине, либо попросту сократить производство. Механизм принудительных поставок хлеба по низким ценам создал и успешно реализовал не кто иной, как Сталин.

Судьба «левой оппозиции» хорошо известна. Сталин в союзе с умеренным большинством в Политбюро добился исключения Троцкого из партии в 1926 году. Но уже через год Сталин перенял идеи и принципы, которые ранее классифицировались им как «левый уклон». Неизвестно, противостоял ли Сталин программе «левых» исключительно по политическим конъюнктурным соображениям или же он просто позже пришел к тем же выводам. В любом случае составление первых общесоюзных балансов производства и потребления стали, нефти и хлеба способствовало усилению ощущения, что экономика находится в бедственном положении. Когда плановые органы начали сводить балансы по стали, нефти и особенно хлебу, их внимание в первую очередь было на-

правлено на решение вопроса, сколько хлеба государству удастся собрать для снабжения города. «Балансовый» образ мышления предполагал, что государство будет и покупателем товаров, и их поставщиком²⁵. Такие важные товары, как хлеб, не должны зависеть от милости рынка. Только государственные закупки могут обеспечить достаточное количество хлеба, как для снабжения городского населения, так и для решения проблемы экспорта. Сельскохозяйственные продукты, попадавшие на рынок, рассматривались плановиками как потерянные, даже если в конечном итоге они оказывались в городе. Терминология наглядно иллюстрирует подобное мышление: вместо того чтобы покупать хлеб, государство проводило хлебозаготовительные «кампании». Государственные органы, получавшие хлеб от производителей, — это организации, занимавшиеся не торговлей, не покупкой, а заготовкой хлеба. Устанавливаемые государством твердые задания по закупкам хлеба по государственным ценам рассматривались как неотъемлемая часть хлебных балансов. Если эти задания не удавалось выполнить, говорили о кризисе хлебозаготовок.

К вопросу о кризисе хлебозаготовок. События 1927 и 1928 годов, приведшие к принудительной коллективизации, подробно изучены и описаны в литературе²⁶. В первые годы нэпа сельскохозяйственные производители имели право продавать свою продукцию либо частным торговцам, либо государственным заготовительным организациям, крупнейшими из которых были Центросоюз, Хлебцентр и Союзхлеб. Все три действовали под руководством Анастаса Микояна, наркома торговли. Каждый год Политбюро ЦК ВКП(б) устанавливало план по хлебозаготовкам и с тревогой следило за докладами хлебозаготовительных организаций о ходе закупки зерновых²⁷. Согласно официальной статистике, объем государственных хлебозаготовок понизился с 10,6 млн тонн в 1926–1927 годах, до 11,1 млн тонн в 1927–1928, а затем до 9,35 млн тонн в 1928–1929 годах²⁸. Сокращение заготовок хлеба на 12 процентов вынудило Советское правительство

²⁵ Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 156–158.

²⁶ Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London: Allen & Unwin, 1968; Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 112; Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Munich: Oldenbourg, 1981.

²⁷ Берелович А., Данилов В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1, 1918–1922. М.: РОССПЭН, 1998; Т. 2, 1923–1929. М.: РОССПЭН, 2000.

²⁸ Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 427.

впервые в истории России импортировать зерно²⁹. В Кремле забили тревогу, объявив «кризис хлебозаготовок».

Кризис хлебозаготовок дал Сталину повод начать кампанию, направленную против наиболее зажиточных крестьян и кулаков. В своем докладе, сделанном в марте 1928 года, Сталин привел цифры, которые показывали, что производство хлеба вернулось к довоенному уровню, в то время как объемы поставок зерновых на рынок составляли половину довоенных³⁰. Он обвинил кулаков и зажиточных крестьян в этом; его цифры показывали, что бедные крестьяне продавали такую же долю объема продукции, как и раньше³¹. Эти данные были использованы Политбюро для обоснования «чрезвычайных мероприятий», как завуалированно называлась конфискация зерна. Первые широкомасштабные чрезвычайные мероприятия по сбору зерновых были проведены в октябре 1927 года. Партийцы, отряды милиции и ОГПУ отправлялись в сельскохозяйственные регионы. Местное партийное руководство несло личную ответственность за выполнение планов хлебозаготовок. Зерно, продававшееся на местных рынках, конфисковывалось, а частная торговля хлебом и укрывание зерновых наказывались тюремным заключением³². Сталин лично руководил хлебозаготовками в Сибири. Некоторые исследователи утверждают, что мысль о необходимости принудительной коллективизации пришла к Сталину именно во время хлебозаготовительной кампании. Сталин сделал вывод, легший впоследствии в основу официальной советской доктрины, что, пока крестьяне вольны выбирать, кому и по какой цене продавать хлеб, они имеют возможность саботировать любые попытки индустриализации путем сокрытия хлеба. Сокращение хлебозаготовок в конце 1920-х годов рассматривалось как проявление международного заговора против Советской власти.

Начиная с 1960-х годов экономисты ставят под сомнение официальную советскую версию описанных событий. Дж. Карц (J. Karcz) показал, что цифры, приведенные Сталиным в подтверждение крестьянского «бойкота» продажи хлеба, не соответствовали действительности и, скорее всего, были подтасованы, для того чтобы обосновать наступление на кулаков. Кризис хлебозаготовок был кризисом государственных хлебозаготовок и отнюдь

не распространялся на торговлю сельхозпродукцией в целом. Этот кризис был вызван государственной политикой, а отнюдь не заговором против Советской власти³³. Через двадцать лет после Карца Марк Харрисон (Mark Harrison) снова исследовал эту проблему, используя дополнительные данные. Он пришел к выводу, что в конце 1920-х годов крестьяне продавали меньше зерновых вследствие ликвидации крупного землевладения, неблагоприятных цен и возросшей доли незерновых посевов, а отнюдь не по политическим причинам³⁴. Впрочем, из-за ненадежности данных, характеризующих торговлю сельхозпродукцией, точных цифр мы, пожалуй, не узнаем никогда. После революции сельское хозяйство оказалось в совершенно новых условиях, поэтому нет ничего удивительного в том, что объемы продаж и структура производства менялись. Вопрос, однако, состоит в том, действительно ли этот кризис можно было преодолеть только путем упразднения частного сельского хозяйства? И какова была причина кризиса: был ли он вызван политическими действиями противников Советского государства или банальными экономическими факторами?

Таблица 2.1. *Производство зерновых, государственные хлебозаготовки и цены на пшеницу*

	Год		
	1926/27	1927/28	1928/29
Производство зерновых (млн тонн)	74,6	72,8	72,5
Хлебозаготовки (млн тонн)	11,6	11,1	9,4
Рыночные цены (коп. за центнер)	861	892	1120
Государственные цены (коп. за центнер)	648	622	611
Соотношение государственных и рыночных цен (1913=100)	0,89	0,79	0,45

Источники: Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London: Allen & Unwin, 1968; Davies R.W. The Collectivization of Soviet Agriculture. Vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. P. 419; Статистический справочник 1928. М.: Издательство ЦСУ, 1929. С. 723–730.

²⁹ Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. P. 214–244.

³⁰ Karcz J. Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies. 1967. Vol. 18. № 4. P. 399–402.

³¹ Подробнее об этой истории см.: Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. P. 446.

³² Ibid. P. 313–367.

³³ Подробнее об этой дискуссии см.: Mokhtari M., Gregory P. State Grain Purchases, Relative Prices, and The Soviet Grain Procurement Crisis // Explorations in Economic History. 1993. Vol. 30. P. 182–194.

³⁴ Harrison M. The Peasantry and Industrialization // From Tsarism to the New Economic Policy / Ed. by R.W. Davies. Houndsmills, England: MacMillan, 1990. P. 109–117.

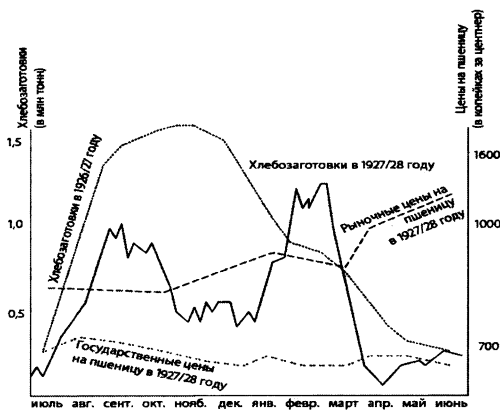

Рис. 2.1. Кризисы хлебозаготовок

Источник: Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Munich: Oldenbourg, 1981. S. 322.

Как видно из таблицы 2.1, на протяжении 1920-х годов государственные закупочные цены на хлеб постоянно снижались по отношению к рыночным. В 1928–1929 сельскохозяйственном году закупочные цены, предлагаемые государством, были более чем в два раза ниже рыночных. Такое соотношение цен красноречиво объясняет причину кризисов 1927 и 1928 годов. До тех пор пока у них был выбор, производители зерна предпочитали продавать хлеб по полной стоимости частным коммерсантам, а не государству за полцены. Государственные закупочные цены были непривлекательны для крестьян. После 1927 года государственные цены перестали покрывать даже производственные затраты³⁵, многие крестьяне предпочли уничтожить зерно, чтобы не отдавать его государству. Государственные цены на хлеб были менее выгодны, чем государственные цены на промышленные сельскохозяйственные культуры или мясомолочную продукцию, поэтому крестьяне стали больше производить промышленных культур или скормливали зерновые скоту³⁶. Пока существовал выбор, объем продаж хлеба крестьянами объяснялся таким экономическим фактором, как относительная цена. При более высоких ценах на частном рынке крестьяне были склонны продавать хлеб частным лицам; при ценах на хлеб, менее выгодных, чем цены на мясо и молочную продукцию, крестьяне были скорее склонны скормливать свой хлеб скотине, чем продавать его. Даже когда у крестьян не осталось выбора кроме продажи зерна государству по

цене ниже себестоимости, они предпочитали либо самостоятельно съесть свой хлеб, либо, на худой конец, сжигать его. Все эти варианты выбора имеют рациональное экономическое, а отнюдь не политическое объяснение.

Сравнивая «нормальный» цикл государственных хлебозаготовок 1926/1927 сельскохозяйственного года с хлебозаготовками 1927/1928 года (рис. 2.1), можно видеть влияние чрезвычайных мероприятий 1927/1928 года на объемы хлебозаготовок. В 1926/1927 году наибольшее количество зерна было приобретено в период с августа по октябрь. В 1927/1928 сельскохозяйственном году, после того как государство объявило о снижении закупочных цен в конце августа 1927 года, объем закупок резко снизился. То есть это произошло именно в тот период, когда при «нормальных» обстоятельствах хлебозаготовки достигали своего пика. Чтобы возместить сокращение хлебозаготовок, в конце октября были приняты чрезвычайные меры. Милицейские отряды и партийные работники выезжали в деревню для увеличения хлебозаготовок, наказания крестьян, продававших зерно частным торговцам, и проведения арестов спекулянтов. Результат чрезвычайных мероприятий проявился к январю 1928 года – государству частично удалось возместить низкие объемы хлебозаготовок сентября – декабря 1927 года. Главной причиной принудительной коллективизации стала неспособность государства добиться закупки зерновых у крестьян по фиксированной цене. Руководство думало приблизительно так: «Если крестьяне не хотят отдать нам свой хлеб добровольно, мы должны взять его силой».

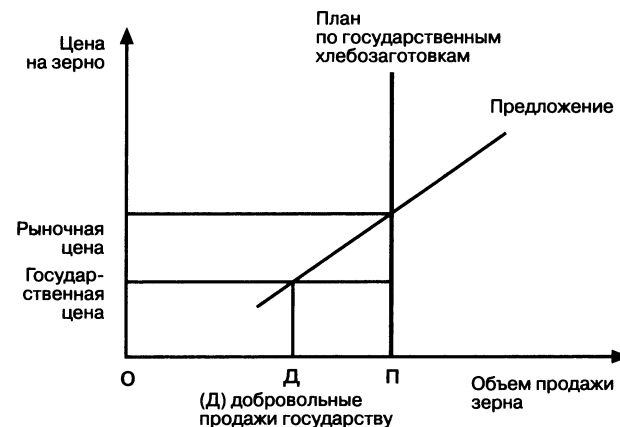

Рис. 2.2. Свободный рынок и принудительные хлебозаготовки

Правильно ли мы понимаем Сталина? Кризис хлебозаготовок был вызван в основном ценовой политикой государства, а не враж

³⁵ Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. P. 137–139.

³⁶ Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 39–41.

дебными действиями крестьян. Если бы государственные снабженческие организации предлагали цену, адекватную рыночной, то объемы закупок зерна колебались бы в зависимости от сезона и цен на другие виды сельскохозяйственной продукции. Государство, видимо, могло с успехом предложить цену даже несколько меньшую рыночной, конкурируя за счет более совершенной сбытовой сети, обладания лучшими складами и средствами транспортировки.

Согласно одному из существующих объяснений кризис хлебозаготовок разразился в силу полнейшей экономической безграмотности Сталина и его соратников, предполагавших, что крестьяне будут продавать государству зерно за полцены! Однако такое объяснение игнорирует тот факт, что главной целью большевиков было первоначальное накопление капитала, перераспределение крестьянских «излишков» для финансирования промышленности. В соответствии с теорией Преображенского, крестьяне должны были сдавать хлеб по низким ценам в объеме, определенном государством. Разница между оптовыми закупочными ценами и высокими ценами розничной торговли составляла прибыль государства. Если хлеб попадал в руки частных торговцев, то государство теряло как контроль над его распределением, так и прибыль. Рисунок 2.2 характеризует проблему хлебозаготовок. Государство желает приобрести зерно в количестве «П» по низкой государственной цене. Однако крестьяне согласны продать государству по такой цене лишь «Д» зерна. Оставшееся зерно (разницу «ДП») крестьяне либо продадут частным торговцам по цене выше государственной, либо скормят домашней скотине, либо съедят сами или, в конце концов, сожгут, особенно если цена, назначенная государством, будет ниже себестоимости продукции. Вывод ясен – при закупочной цене, недостаточно высокой для того, чтобы обеспечить необходимый объем продаж, государство может выполнить план хлебозаготовок только *при помощи силы*. Ведь должен же существовать какой-нибудь механизм, с помощью которого можно заставить крестьян продать запланированное количество зерна. Отсутствие подобного механизма в середине 1920-х годов было слабым звеном теории Преображенского. Сталинская принудительная коллективизация создала тот механизм принуждения, который позволил отобрать «излишки» у упорно сопротивляющейся деревни.

В письмах Сталина (в частности, к его ближайшему соратнику Молотову) и других документах можно легко проследить логику Сталина: необходимо сочетать политику низких цен с силовыми методами. Сталин отнюдь не был профаном в экономических вопросах, он имел четкое понимание того, как работают сельскохозяйственные

рыночные механизмы, и предпочитал основывать свои решения на логике, а не на донесениях ОГПУ или чужих советах³⁷. Сталин отлично понимал, что повышение цен на хлеб повлечет за собой увеличение объемов продаж. В сентябре 1934 года он приказал повысить цены на пшеницу на 15 копеек для стимулирования закупок³⁸. Он отлично разбирался в механизме функционирования мирового хлебного рынка. В письме к Молотову, написанном не ранее 23 августа 1930 года, он, в частности, отмечал: «Нам остается еще 1–1,5 месяца для экспорта хлеба: с конца октября (а может быть, и раньше) начнет поступать на рынок в массовом масштабе американский хлеб, против которого нам трудно будет устоять. Если за эти 1–1,5 месяца не вывезем 130–150 мил[лионов] пудов хлеба, наше валютное положение может стать потом прямо отчаянным»³⁹. Успех экономической программы Сталина полностью зависел от выполнения плана хлебозаготовок. В одном из писем к Молотову он писал: «Если с хлебом выиграем, – выиграем во всем, и в области внутренней, и в области внешней политики»⁴⁰. Когда в декабре 1929 года закупки зерновых увеличились и запас хлеба в городах начал возрастать, Сталин возликовал: «У наших правых от удивления глаза на лоб лезут»⁴¹. Значение имело лишь количество зерна, оказавшееся в руках государства, а отнюдь не общий объем произведенного хлеба. Как позднее отмечал секретарь ЦК ВКП(б) Жданов, говоря об упразднении карточной системы: «Чем объясняется наше благополучие, наше равновесие в отношении хлеба... Количеством этого хлеба, хлебного фонда, сосредоточенного в руках государства. Этот момент имеет первостепенное значение, и его ни на минуту нельзя упускать из виду»⁴². Сталин подчеркивал важность единой (низкой) закупочной цены и сетовал на «наличие большого количества городских спекулянтов на хлебном рынке или около хлебного рынка, отбивающих у государства крестьянский хлеб и – главное – создающих атмосферу сдержанности среди держателей хлеба»⁴³. Сталин

³⁷ Lih L. et al. Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936. P. 47.

³⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 478.

³⁹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. С. 198.

⁴⁰ Там же. С. 156.

⁴¹ Там же. С. 170.

⁴² Это заявление Жданова взято из одной из немногих дошедших до нас стенограмм заседания комиссии Политбюро (21 ноября 1934 года) по вопросу о передаче сельскохозяйственных децентрализованных заготовок в ведение наркомата внутренней торговли. Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО–XX, 1995. С. 54.

⁴³ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 141.

клеял частных торговцев как «вредителей», «уголовников и бандитов» и «врагов государства». В письме от 1 сентября 1929 года Сталин доказывал, что хлебозаготовки должны осуществляться одной государственной организацией-монополистом (вместо трех государственных организаций): «Без такой реформы конкуренция и ее результаты неизбежны»⁴⁴. О том же говорил и Жданов: «...не позволять сталкиваться в одном районе большому количеству заготовителей, ибо там, где есть столкновение, там есть и конкуренция, поднимаются цены и т.д.»⁴⁵

Из сталинской корреспонденции видно, что диктатор был очень хорошо осведомлен о ходе хлебозаготовительных кампаний. Он лично устанавливал план по закупкам зерна; 22 августа 1931 года Сталин пишет Кагановичу: «Придется немного снизить план сибирякам и средневолжцам. Боюсь, что Нижней Волге тоже придется несколько снизить. Можно было бы дать Средней Волге 100 миллионов пудов, Западной Сибири 85, а когда Нижняя Волга возбуждает вопрос – дать ей 100 миллионов. Сообразно с этим придется уменьшить фонд зерна на животноводство со 100 миллионов пудов до 60 или 50 мил.»⁴⁶ На протяжении 1930-х годов Сталин неоднократно получал петиции региональных властей с просьбами понизить план хлебозаготовок. Большинство из них Сталин отклонял, но в некоторых случаях все же шел на уступки. Фактически, в середине 1930-х годов этот вопрос был центральным в переписке Сталина с Кагановичем. Каганович обычно переадресовывал Сталину поступившие петиции с вопросом: «Просим сообщить Ваше мнение»⁴⁷. Сталин вел строгий учет того, сколько зерна было собрано, кем и кого нужно наказать за невыполнение поставленных задач. В письме к Молотову от 29 августа 1929 года он писал: «Хлебозаготовки пошли хорошо. Держитесь твердой политики в отношении Сибири, Казахстана, Башкирии. Никаких уступок Эйхе и другим товарищам, желающим улизнуть от тяжелой обязанности. Мы должны и можем накопить 100 мил[лионов] пудов неприкосновенного запаса, если мы в самом деле большевики, а не пустые болтуны»⁴⁸. Стенограмма октябрьского (1931) пленума ЦК ВКП(б) показывает, как именно Сталин обходился с подобными просьбами. Партийные секретари Средне- и Нижневолжского краёв просили понизить план хлебозаготовок в связи с засухой: «Я должен прямо доложить Пленуму, что

в связи с плохим урожаем, вызванным засухой на Нижней Волге, мы не можем выполнить утвержденный нам план». Во второй половине дня, после встречи Сталина с партийными секретарями, Анастас Микоян, нарком снабжения, объявил о сокращении плановых заданий для одних областей и соответственно об увеличении для других. Партийный секретарь Казахстана Голощекин начал протестовать против увеличения плана для его региона: «В любом случае, я должен сказать, что 55 миллионов цифра совершенно невозможная». На что Микоян резко возразил: «Я Вам зачитал официальный документ, решение Политбюро – 55 миллионов помимо риса. Это совершенно точная цифра. Я не знаю, зачем Вы смешиваете разные вещи»⁴⁹. Сталина особенно раздражало, когда высшие партийные руководители, назначенные в зерновые регионы, не могли обеспечить выполнение плановых заданий⁵⁰.

Сталин был твердо убежден, что без наказаний и без применения силы многого не достигнешь. Его директивы пестрят выразительными приказами: «применить карательные санкции», «отдать под суд» или «наказать подлых вредителей». В письме к Молотову от 16 сентября 1926 года он приказал «немедля сместить нарушителей политики цен по заготовкам и предать суду, опубликовав имена и фамилии преступников»⁵¹. 10 августа 1929 года Сталин дал Молотову следующую инструкцию: «Выявлять и немедленно предавать суду (с немедленным отрешением от должности) всех уличенных в конкуренции хлебозаготовителей, как безусловно чуждых и нэпманских элементов»⁵².

Коллективизация стала тем институциональным механизмом, с помощью которого осуществлялся контроль над хлебозаготовками. Если бы крестьяне согласились продавать государству хлеб по тем ценам, по которым оно хотело покупать, не было бы никакой необходимости в коллективизации. Как признался Микоян в июле 1929 года: «Боюсь, что мое утверждение посчитают ересью, но я уверен, что если бы не было проблем с хлебом, вопрос сплоченных коллективных хозяйств... не ставился бы в данный момент с таким напором, размахом и с такой силой... Если бы хлеба было в избытке, в настоящее время мы бы были не настолько заняты проблемой создания совхозов и колхозов»⁵³.

⁴⁹ Цит. по: Davies R.W. Making Economic Policy // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 69–70.

⁵⁰ Сталин и Каганович. Переписка. С. 74, 164, 225.

⁵¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 91.

⁵² Там же. С. 142.

⁵³ Заявление Микояна было опубликовано в «Правде» 27 июня 1929 г. Цитиру-

⁴⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 158–159.

⁴⁵ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 53.

⁴⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 59.

⁴⁷ Там же. С. 632, 639, 688, 696.

⁴⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 156.

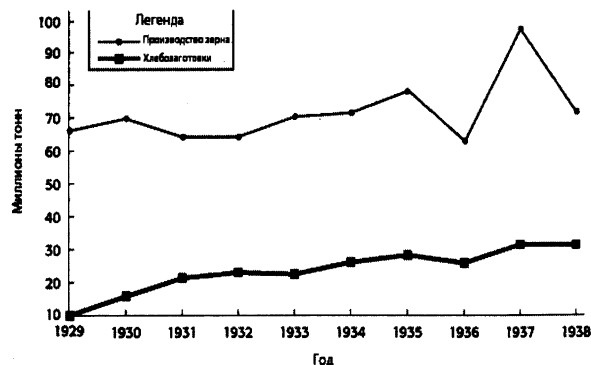

Рис. 2.3. Производство зерна и хлебозаготовки в Советском Союзе

Источник: Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Boston: Addison Wesley Longman, Inc., 2001. P. 77.

Благодаря коллективизации Сталину удалось достичь одной из его экономических целей: обеспечить гарантированные поставки хлеба по низким ценам. Как видно из рисунка 2.3, с 1929 по 1938 год объем государственных хлебозаготовок постепенно возрастал, несмотря на отсутствие увеличения производства. Коллективизация действительно передала контроль над производством зерна в руки государства. Предпринимая неудачную попытку обелить себя, Преображенский с энтузиазмом заявил на XVII съезде партии: «Коллективизация — ведь в этом все дело! Был ли у меня прогноз коллективизации? Его не было»⁵⁴. Комментируя его слова, один из исследователей заметил: «[Преображенский] оказался достаточно осторожен, чтобы умолчать о том, что и Сталин в разгар дискуссии об индустриализации не делал подобного прогноза; и достаточно мудр, чтобы не обратить внимание на то, что решение о коллективизации основывалось не на незаурядной интеллектуальной проницательности, а на несравнимо более высокой решимости раздавить своего противника»⁵⁵.

Колхозы и политика

Решение о принудительной коллективизации развязало крестьянскую войну против Советской власти. Согласно докладом

ется по: Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 120.

⁵⁴ Цитируется по: Erlich A. The Soviet Industrialization Debate. P. 177.

⁵⁵ Ibid. P. 144.

секретной полиции, произошло 1300 крестьянских бунтов в 1929 году; только в феврале этого года состоялось 136 массовых крестьянских волнений, в которых участвовало около четверти миллиона человек. В 1930 году только по делам, которые расследовало ОГПУ, было приговорено к расстрелу более двадцати тысяч человек⁵⁶. Как видно из рисунка 2.3, в 1931 и 1932 годах производство зерна снизилось, в то время как объем хлебозаготовок вырос. С уменьшением производства при увеличении количества изъятого зерна в стране начался голод, на который Политбюро ответило введением драконовских мер. Районы, в которых свирепствовал голод, были обязаны выполнять план по хлебозаготовкам под страхом жесточайших наказаний, вплоть до депортации целых сел. Умирающих от голода людей предавали суду, если их уличали в хищении зерна. Рис. 2.3 показывает отсутствие роста производства зерна в будущем. В 1938 году производство зерна ненамного превышало уровень начала коллективизации.

Несмотря на массовые беспорядки и голод, Сталин и Политбюро смогли выжать запланированное количество зерна по низким ценам. Возможно, именно поэтому сам Сталин считал своим наивысшим достижением насаждение советской власти в деревне. Несомненно во время революции подобное применение силы потерпело бы крах. В 1917 году население России составляло 165 миллионов человек, из которых 134 миллиона проживали в сельской местности⁵⁷. То есть более четырех пятых населения страны проживало в деревне. Большевицкая партия опиралась в основном на горожан. В 1917 году в партии состояло всего 494 крестьянина, а до 1917 года вообще существовало только четыре сельские партийные ячейки. В октябре 1928 года из 1,4 миллиона членов и кандидатов в члены партии всего лишь 198 тысяч составляли крестьяне или сельскохозяйственные рабочие. На каждые 125 крестьянских хозяйств приходился только один член партии — крестьянин. По словам Э. Карра (E.H. Carr): «Многие жители деревни вообще никогда не видели живого коммуниста, за исключением должностных лиц, изредка навещающих в деревню»⁵⁸. Будучи архитектором советской диктатуры, Сталин никак не мог быть удовлетворен тем, что четыре пятых его подданных остаются фактически вне его контроля.

⁵⁶ Эти цифры приводятся О.В. Хлевнюком. Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 17–79.

⁵⁷ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 5.

⁵⁸ Эти данные и цитаты впервые были приведены Э. Карром (E.H. Carr). Здесь цитируются по: Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 51–52.

Таблица 2.2. Массовые выступления крестьян в 1930 г.
(по СССР в целом)*

Месяцы массовых выступле- ний	Всего массовых выступле- ний	Выступ- ления с пробле- м данем женщин	Причины							Прода- трудне- ния	Нало- говая кампания	Хлебо- и мясозаго- товки	Посев- ная и уборочная кампания	Закрытие церквей, снятие ко- локолов	Изъятие и ущемле- ние анти- советских элементов	Коллек- тивизация	Недо- статок протгова- ров	Прочие
Январь	402	229	158	68	159	7	2	2	4	4								4
Февраль	1048	379	723	178	103	19	2	2	9	9	1							13
Март	6528	1172	5010	749	514	160	2	2	65	65	5							23
Апрель	1992	550	789	457	391	147			172	172	2							34
Май	1372	486	284	338	126	154	3	3	433	433	1							36
Июнь	886	301	175	214	69	37	4	4	348	348	1					3	3	35
Июль	618	167	170	177	38	9	29	29	141	141	2					5	5	47
Август	256	105	50	61	25	7	73	73	17	17	1					3	3	19
Сентябрь	159	82	12	40	10	2	65	65	9	9	3					7	7	11
Октябрь	270	141	6	33	23	1	173	173	9	9	11					2	2	12
Ноябрь	129	56	3	17	12	1	67	67	10	10	3					6	6	10
Декабрь	91	44	2	7	17		36	36	3	3	11					1	1	14
Всего за 1930 г.	13754	3712	7382	2339	1487	544		456	1220	1220	41					27		258

* Центральный архив ФСБ РФ. Секретно-политический отдел ОГПУ. Докладная записка о классовой борьбе в деревне в 1930 году. С. 32.

Источник: Берелович А., Данилов В. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 1923-1929. М.: РОССПЭН, 2000. С. 18.

Сталин не был удовлетворен развитием событий в деревне. За ситуацией в деревне партия следила по секретным сводкам органов госбезопасности (сменивших несколько названий: ВЧК, ОГПУ, НКВД)⁵⁹. Как заметил первый глава советской тайной полиции Феликс Дзержинский, эти сводки «дают одностороннюю картину – сплошную черную – без правильной перспективы»⁶⁰. В своих сводках ВЧК/ОГПУ/НКВД подстраивался под настроение партийных лидеров. Непосредственно перед изгнанием Троцкого в сводках утверждалось, что крестьяне объявляли: «Троцкий – наш вождь»⁶¹. После разрыва с правыми сводки стали сообщать о поддержке правых⁶². В лучшем случае, согласно сводкам, крестьяне были безразличны к политическим вопросам⁶³. В 1928 году крестьяне выступили против государственной антирелигиозной кампании: «Мы во что бы то ни стало должны удержать церковь»⁶⁴. После начала принудительной коллективизации крестьянское сопротивление стало главной темой сводок, изобилующих статистическими данными о кулацком сопротивлении, раскулачивании, об арестах, о числе сосланных крестьян, переведенных в переселенческие центры, о количестве крестьян, убитых и раненных при побегах. Крестьян пытались запугать: если вы не сдадите хлеб, вас объявят врагом Советской власти, и ваше имя будет занесено в черный список⁶⁵. Таблица 2.2 воспроизводит итоговую таблицу ОГПУ, обобщавшую данные о четырнадцати тысячах крестьянских бунтов 1930 года. Сопроводительная записка к таблице дает возможность ощутить атмосферу, царившую в деревне на протяжении 1920-х годов⁶⁶.

⁵⁹ Берелович А., Данилов В. Советская деревня глазами... Т. 1, 2.

⁶⁰ Там же. Т. 2. С. 7.

⁶¹ Там же. С. 611.

⁶² Там же. С. 1019.

⁶³ Там же. Т. 1. С. 668.

⁶⁴ Там же. Т. 2. С. 825.

⁶⁵ Там же. Т. 1. С. 328.

⁶⁶ Там же. С. 707-716.

«Смоленская губ. (11 ноября 1922 г.): ...отмечается появление зарубежной банды численностью в 100 человек. Банда совершает нападения на совработников...

Московская губ. (17 ноября 1922 г.): ...При перевыборах Солнечногорского волсовета благодаря агитации список кандидатов от ячейки РКП был отклонен. В результате в волсовет были выбраны один коммунист, четыре беспартийных и один агитировавший против членов РКП... Отмечены случаи агитации кулаков против продналога...

Новониколаевская губ. (4 ноября 1922 г.): ...Председатель выездной сессии губревтрибунала... пьянствовал вместе с продработниками, покупая у крестьян самогон и обменивая его на муку, принадлежащую красноармейцам...

Крестьянское сопротивление Советской власти было неотъемлемой частью советской действительности 1920 – начала 1930-х годов, что отразилось в секретных сводках. Соответственно советское руководство рассматривало принудительную коллективизацию как способ получения контроля над враждебно настроенной деревней. Большевистское руководство рассчитывало получить союзников в лице наиболее бедных крестьян, настроив их против кулаков. Партийная дискуссия о судьбе кулаков длилась более года. Многие считали, что собственность кулаков должна быть экспроприирована, но после этого их можно будет принимать в колхозы. В своей речи на заключительном заседании Всесоюзной конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года Сталин вынес кулакам приговор: «Снявши голову, по волосам не плачут... можно ли пустить кулака в колхоз. Конечно, нельзя его пускать в колхоз. Нельзя, так как он является заклятым врагом колхозного движения»⁶⁷. Решение не принимать кулаков в колхозы означало для них либо депортацию, либо физическое уничтожение, либо, в лучшем случае, побег и последующую анонимную жизнь в городе. Коллективизация дала Гулагу первое большое пополнение. На 1 января 1933 года в лагерях содержалось 334 тысячи заключенных, и ещё 1,142 миллиона че-

Тамбовская губ. (17 ноября 1922 г.): Настроение крестьян к Советской власти неудовлетворительное, к РКП большей частью безразличное... В некоторых уездах создаются крестьянские комитеты общественной взаимопомощи...

Новгородская губ. (15 ноября 1922 г.): ...В губернии работают шесть выездных сессий нарсуда и две сессии ревтрибунала. С начала кампании были подвергнуты аресту 3064 человека, пени наложены на 308 человек, преданы нарсуду 620 человек, из коих осуждены 93, переданы суду ревтрибунала 161 человек...

Тюменская губ. (11 ноября 1922 г.): ...В Ялуторовском у. кулаки ведут агитацию против Советской власти...

Тверская губ. (2 декабря 1922 г.): ...некоторые группы [крестьян] отказываются от участия в выборах, мотивируя отказ тем, что сельсоветы не нужны...

Рязанская губ. (11 декабря 1922 г.): Настроение крестьян подавленное в связи с многочисленными налогообложениями. По этой причине отношение крестьян к Советской власти неудовлетворительное... Отношение крестьян к РКП безразличное, что объясняется отсутствием политработы среди крестьян, к кооперативам – также безразличное, так как кооперативы не удовлетворяют насущных потребностей. За несдачу продналога подвергнуты административному аресту 1699 человек... должностных лиц подвергнуто административному аресту 9 человек...

Армения (25 декабря 1922 г.): ...Крестьяне... отказались сдать продналог, заявив, что они не признают Армянского правительства».

⁶⁷ Речь Сталина была опубликована в «Правде» 29 декабря 1929 года. Цитируется по: Davies R.W. The Socialist Offensive. P. 197–198.

ловек проживало в спецпоселениях. В основном это были жертвы коллективизации»⁶⁸.

Для усиления Советской власти в деревне Сталин назначил на должность наркома земледелия бывшего заместителя наркома Рабоче-крестьянской инспекции Я.А. Яковлева. Близкий помощник Сталина А. Микоян, нарком торговли, следил за ходом хлебозаготовок. Другие члены Политбюро постоянно инструктировали сельскохозяйственные организации⁶⁹. Они несли личную ответственность за выполнение плана хлебозаготовок в конкретных регионах⁷⁰. Тысячи партийных активистов были направлены в сельскую местность. Подразделения ОГПУ/НКВД действовали во всех районах страны. В марте 1930 г. Политбюро предоставило ряду работников широкие полномочия, вплоть до вынесения смертных приговоров⁷¹.

Выводы

В этой главе мы попытались восстановить логику принятия решения о проведении принудительной коллективизации, решения, обрекшего советское сельское хозяйство на прозябание и низкую эффективность вплоть до конца советской истории, закончившейся в 1991 году. Страна, которая была вторым в мире производителем и экспортером сельхозпродукции, оказалась не в состоянии прокормить даже собственное население и в начале 1960-х годов была вынуждена прибегнуть к импорту зерна, которое она закупала у своего злейшего врага – Соединенных Штатов. До этого безразличие Сталина к страданиям деревни позволяло ему игнорировать необходимость обращения к импорту хлеба, аргументируя это тем, что ввоз зерна стал бы «политическим минусом», который могли использовать иностранцы, кричащие «о недостатке хлеба в СССР»⁷². По расчетам Сталина и Политбюро, выгоды, полученные от применения силы в деревне, превосходили все издержки. Экономическая логика коллективизации была сформулирована Преображенским в его теории

⁶⁸ Khlevnyuk O. The Economy of the Gulag // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 116.

⁶⁹ Davies R.W. The Soviet Collective Farm, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980. P. 7–8.

⁷⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 115.

⁷¹ Там же. С. 63–65. Тройкам на Украине (т.т. Балицкий, Карлсон и Леплевский) и в Западной Сибири (тройка под председательством т. Эйхе) было предоставлено право назначать высшую меру наказания.

⁷² Сталин и Каганович. Переписка. С. 462.

«первоначального социалистического накопления капитала», по которой надо было пожертвовать уровнем жизни сельскохозяйственных работников ради получения капитала для инвестиций в промышленность. В середине 1920-х годов, когда Преображенский разработал свою теорию, ее невозможно было реализовать. Крестьяне не собирались добровольно отдавать зерно государству по ценам ниже себестоимости. Вклад Сталина в идею первоначального накопления заключался в создании механизма, основанного на применении силы, с помощью которого можно было отобрать «излишки» у крестьян. Курс на накопление капитала проводился настолько последовательно и твердо, что мы вполне можем рассматривать накопление капитала как четвертый принцип, лежащий в основе советской системы, наряду с первыми тремя: государственной собственностью, планированием и ведущей ролью партии.

Коллективизация, основанная на применении силы в деревне, укладывается в рамки модели «оседлого грабителя», так и в рамки модели диктатора, нацеленного на максимизацию власти (диктатора-эгоиста). «Оседлый грабитель», убежденный – верно или ошибочно, – что ресурсы, необходимые для индустриализации, надо взять из сельского хозяйства, принимает решение о завоевании максимальной политической власти над деревней. Диктатор-эгоист, не связанный какими-либо экономическими целями, не может допустить существование политической системы, при которой он не контролирует три четверти населения страны. Коллективизация и жесткое давление на региональных лидеров не могли быть действиями диктатора-рефери, который сам действует под давлением групп влияния. Решение о начале коллективизации не было принято вследствие лоббирования; это решение было принято и реализовано на высшем уровне.

Рис. 2.2 показывает противоречие между принципом первоначального накопления капитала и политикой нэпа. Пока крестьяне имели право продавать хлеб на рынке, государство было не в состоянии заготавливать хлеб по тем низким ценам, которые оно было согласно за него платить. Так называемые кризисы хлебозаготовок, послужившие официальным обоснованием начала коллективизации, нельзя считать проявлением «несостоятельности» частного сельского хозяйства. Советское сельское хозяйство, в том виде, в котором оно существовало во время нэпа, развивалось быстрыми темпами. Это развитие замедлилось лишь в силу возросшего регулирования. Несмотря на то что очень сложно произвести точный подсчет, весьма вероятно, что во время

нэпа крестьяне производили, потребляли сами или скармливали скоту больше хлеба, чем когда бы то ни было до этого. Их реальные доходы неуклонно возрастали. Единственное, чего они не делали, – не продавали свой хлеб государству по низким ценам. Чрезвычайные меры, а затем и принудительная коллективизация стали своего рода громадной битвой за контроль над распределением доходов. Партийные лидеры были твердо убеждены, что нэп дал слишком много деревне (в виде дохода от продаж и в виде потребления собственной продукции) и слишком мало городу. Великий перелом заложил основы тоталитарной системы, которая должна была изменить распределение доходов, проводя его в ущерб крестьянству.

Главными принципами большевистской партии были государственная собственность, планирование и ведущая роль партии. Эти три принципа состояли в прямом противоречии с политикой нэпа, следовательно, любое решение в пользу продолжения новой экономической политики в сельском хозяйстве потенциально означало отказ от этих принципов. Правые выступали в защиту смешанной экономики нэпа, и, если бы им удалось одержать победу и продолжить новую экономическую политику, административно-командная система так никогда и не была бы создана. Вместо неё возникла бы рыночная экономика, регулируемая государством с политической системой, допускающей существование различных точек зрения. В долгосрочной перспективе это привело бы к созданию экономики, несильно отличающейся от регулируемых экономик, существовавших накануне Второй мировой войны в Европе. Однако Сталин одержал победу не только благодаря своему политическому мастерству и жестокости. Правые отошли от главных принципов большевистской партии, а эти принципы поддерживались рядовыми членами партии. Сталин одержал победу, поскольку он понимал этот простой факт.

Коллективизация проводилась в соответствии с логикой первоначального накопления капитала. Советское руководство предполагало, что капитал, необходимый для промышленных инвестиций, можно получить, закупая хлеб по низким ценам и продавая его по высоким. Согласно модели расширенного воспроизводства, предложенной Марксом, бедная страна должна создать основной капитал в кратчайшие сроки. Упрощая: любая стратегия, сокращающая потребление (например, при помощи урезания крестьянских доходов) увеличивает сбережения, которые являются разницей между производством и потреблением. В какой-то мере теория первоначального накопления капитала

себя оправдала, поскольку с 1928 по 1937 год доля капиталовложений удвоилась. Правда, остается открытым вопрос: произошло ли это увеличение за счет падения уровня жизни только крестьян вследствие коллективизации, или же рост инвестиций был достигнут за счет сокращения потребления в целом в обществе? Один из крупнейших исследователей советского экономического роста, Абрам Бергсон, ответил на этот вопрос следующим образом: «Вопреки господствующему мнению, во время сталинских пятилеток рацион рабочих был ничем не лучше рациона крестьян»⁷³. Другими словами, что-то было не так в сталинском первоначальном накоплении капитала!

Чтобы выращивать хлеб, необходимы земля, труд и капитал. Сельскохозяйственный капитал включает в себя постройки, материально-производственные запасы, сельскохозяйственное оборудование, тягловый скот. При условии сокращения интенсивности трудовых усилий или капитала в ходе принудительной коллективизации понижение уровня жизни крестьян не обязательно вело к созданию избыточного капитала, так как сам объем производства сокращался. Из источников четко видно, насколько серьезным ударом для сельского хозяйства стал массовый забой скота, включая лошадей и быков, которые традиционно являлись тягловой силой в сельском хозяйстве России. Сокращение поголовья крупного домашнего скота было огромным: в 1933 году его численность составила 40 процентов от уровня 1928 года⁷⁴. Принимая во внимание массовое крестьянское сопротивление коллективизации, интенсивность трудовых усилий крестьян, их заинтересованность в труде также должны были снизиться. Если в середине 1920-х годов сотрудникам ОГПУ, работавшим в деревне, приходилось придумывать различные «заговоры» в пользу правой и левой оппозиции, то теперь они могли просто документировать реальные правонарушения крестьян, выступавших против коллективизации. Учитывая, что коллективизация уменьшила основной сельскохозяйственный капитал и привела к уменьшению интенсивности трудовых усилий крестьян, остается неясным, привело ли снижение уровня жизни крестьян к созданию хоть какого-то дополнительного капитала. Наиболее четкий ответ о вкладе сельского хозяйства в создание избыточного капитала можно получить, отделив приток промышленных товаров в сельское хозяйство от притока сельхозпродукции в город, составив

своего рода платежный баланс город–деревня. Расчеты, проведенные Джеймсом Милларом (James Millar), Майклом Элманом (Michael Ellman) и советским экономистом А.А. Барсовым, показывают, что в действительности никакого дополнительного капитала создано не было⁷⁵. Этот вывод интригует, особенно если учесть возрастающие поставки хлеба в города (см. рис. 2.3). Разгадка состоит в том, что промышленность производила тракторы и комбайны, чтобы восполнить потери сельского хозяйства в тягловой силе, – отсюда обратный поток продукции в сельское хозяйство. Таким образом, увеличение темпов роста капиталовложений происходило за счет общего понижения уровня жизни, как колхозников, так и промышленных рабочих.

То, что казалось простой и правильной стратегией, – собрать дань с сельского хозяйства для обеспечения инвестиций в промышленность – неожиданно превратилось в сложную проблему с непредсказуемыми последствиями. В самом начале этой главы показано, какой эффект произвела коллективизация на стимулы к труду у крестьян. Даже Сталин признавал, что сельское хозяйство не может функционировать без материальных стимулов к труду. В июне 1932 года, чтобы ускорить рост производства, Сталин приказал направить «максимум ширпотребных товаров в хлебные, сахарные (свекловичные) и хлопковые области»⁷⁶. В сентябре 1934 года Сталин приказал «повысить цену на закупаемый хлеб в сравнении с нынешними закупочными ценами по пшенице – на 15 копеек на пуд и по ржи – на 10»⁷⁷. Сталин и Политбюро, которые раньше были против любых ограничений, налагаемых экономическими законами, вдруг обнаружили, что попали в сети самого элементарного экономического закона – необходимости наличия экономических стимулов для увеличения производительности труда и роста производства.

⁷³ Bergson A. *The Real National Income of Soviet Russia Since 1928*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. P. 257.

⁷⁴ Hunter H., Szyrmer J. *Faulty Foundations*. P. 228.

⁷⁵ Millar J. *Soviet Rapid Development and the Agricultural Surplus Hypothesis* // *Soviet Studies*. 1970. Vol. 22. № 1; Ellman M. *Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR During the First Five-Year Plan?* // *Economic Journal*. 1975. Vol. 85. № 4; Vyas A. *Primary Accumulation in the USSR Revisited* // *Cambridge Journal of Economics*. 1979. Vol. 3. № 3. P. 119–130.

⁷⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 162.

⁷⁷ Там же. С. 478.

Глава 3

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ

Из стенограммы опроса С.И. Сырцова, председателя СНК РСФСР и кандидата в члены Политбюро, обвиненного в критике деятельности Политбюро и Сталина, комиссией ЦКК ВКП(б) под председательством С. Орджоникидзе, 23 октября 1930 года:

Сырцов: Мне кажется, ненормальным является положение, при котором целый ряд решений Политбюро предпринимается определенной группой. Я вполне понимаю, когда из неё исключается Рыков, как человек, допустивший правые ошибки и ведущий неправильную политическую линию, но насколько я себе представляю, что в составе этой руководящей группы совершенно не участвуют и являются механическими членами Политбюро Куйбышев, Рудзутак, Калинин, и это создает такое положение, при котором...

Орджоникидзе (прерывая): Кто же составляет эту группу?

Сырцов: Остальные за этим вычетом, очевидно, или часть этих остальных.

Орджоникидзе: Раз ты говоришь, так ты и должен знать.

Сырцов: И этим я объясняю то обстоятельство, что по целому ряду вопросов отдельные представители Политбюро при другом обсуждении, при другом подходе они не были бы связаны предварительным обсуждением и ставили бы вопросы несколько иначе...¹

Из стенограммы объединенного заседания Политбюро и Президиума ЦКК ВКП(б), постановившего исключить Сырцова из ЦК ВКП(б), 4 ноября 1930 года:

Орджоникидзе: Каждый член партии может и должен обратиться в ЦК своей партии, если у него есть сомнения и неясность по тому или другому вопросу, за разъяснением. Партия должна помочь таким товарищам разрешить свои сомнения и колебания, спасти его от этого и поставить его на правильный большевистский путь. За это их не только никто не привлекает к партийной ответственности, а напротив, всемерно им надо помочь. Но когда они делают секретом Нусинова, Каврайского против ЦК, тогда дело принимает характер явно антипартийный. Недаром Ломинадзе умалчивает, почему он предлагал Нусинову держать всё в секрете. Спрашивается, можно ли иметь в штабе нашей партии людей, которые двурушничают?

Сталин: Нельзя².

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 99–100.

² Там же. С. 104.

В этой главе речь пойдет о борьбе за власть, разразившейся после смерти В.И. Ленина в январе 1924 года, в ходе которой сложились принципы управления административно-командной системой. Борьба велась за контроль над высшим партийным органом, Политбюро, в котором на декабрь 1927 года состояло девять членов с правом решающего голоса. Иосиф Сталин занимал должность Генерального секретаря. Н.И. Бухарин, А.И. Рыков и М.П. Томский составляли правую оппозицию, поддерживавшую продолжение политики нэпа. Остальные пять членов – В.В. Куйбышев (член партии с 1904 года), В.М. Молотов (член партии с 1906 года), К.Е. Ворошилов (член партии с 1903 года), М.И. Калинин (член партии с 1898 года) и Я.Э. Рудзутак (член партии с 1905 года) – колебались. Сильно пьющий Куйбышев занимал различные административно-хозяйственные посты. В конце 1920-х гг. он возглавлял ВСНХ СССР, а позже был назначен председателем Госплана. Безобидный Калинин возглавлял Центральный Исполнительный Комитет (ЦИК СССР). Ворошилов был наркомом по военным и морским делам СССР. Рудзутак занимал пост заместителя председателя СНК и возглавлял наркомат Рабоче-крестьянской инспекции. Сталину необходимо было заручиться поддержкой этих пяти членов Политбюро, для того чтобы уничтожить правую оппозицию. Спустя всего три года (в декабре 1930 года) в состав Политбюро входило десять членов, при этом среди них не осталось ни одного представителя правой оппозиции. На место Бухарина, Рыкова и Томского пришли верные сторонники Сталина: Л.М. Каганович, секретарь ЦК ВКП(б), Серго Орджоникидзе, новый председатель ВСНХ СССР, и два региональных партийных руководителя – С.М. Киров из Ленинграда и С.В. Косиор с Украины. Именно в этот период, в 1927–1929 годах, и было создано Политбюро, одобрявшее решение о начале Великого перелома.

Путь Сталина к политической победе подтверждает предположение Ф.А. Хайека о том, что победителем в борьбе за власть станет лидер, превосходящий своих противников в жестокости. Несмотря на то что в середине 1920-х годов Сталин был признанным мастером политической интриги и контролировал назначения на ключевые должности в партийном аппарате, будучи отнюдь «не пустым местом», как утверждает более ранняя литература, его более известные соперники имели, казалось, больше

шансов на победу³. Так, Рыков (член партии с 1898 года) заменил Ленина на посту главы правительства; Бухарин (член партии с 1906 года) считался главным «теоретиком» партии и занимал пост редактора официальной партийной газеты; Томский (член партии с 1904 года) имел сильную поддержку профсоюзов. Перед Сталиным стояла нелегкая задача – заручиться поддержкой остальных в борьбе с этими троими. Члены Политбюро находились в дружеских отношениях между собой, а их семьи вместе жили в Кремле. Ранее заручиться поддержкой против Троцкого было несложно, поскольку остальные члены Политбюро его ненавидели.

В то время оппоненты Сталина ещё не знали, что вопрос премстственности был для них вопросом жизни и смерти в самом прямом смысле – четверо из девяти членов, входивших в Политбюро в декабре 1927 года, были расстреляны, и один умер естественной смертью в 1935-м году. Бухарин по сути предсказал свою судьбу в эмоциональном письме к Сталину от 14 октября 1930 года, за семь лет до своей казни:

Коба. Я после разговора по телефону ушел тотчас же со службы в состоянии отчаяния. Не потому, что ты меня «напугал», – ты меня не напугаешь и не запугаешь. А потому, что те чудовищные обвинения, которые ты мне бросил, ясно указывают на существование какой-то дьявольской, гнусной и низкой провокации, которой ты веришь, на которой строишь свою политику и которая до добра не доведет, хотя бы ты и уничтожил меня физически так же успешно, как ты уничтожаешь меня политически...⁴

Жестокость Сталина, его коварство и знание людей сослужили ему отличную службу в схватке за власть. Он осуждал любые неофициальные встречи членов Политбюро (хотя не так давно он сам устраивал подобные встречи, собирая членов Политбюро без Троцкого)⁵, но в то же время сам в частном порядке пытался воздействовать на членов Политбюро и призывал своих сторонников действовать так же. В августе 1928 года Сталин писал Молотову:

Был у Серго. Настроение у него хорошее. Он твердо стоит и решительно за линию ЦК, против колеблющихся и шатающихся... У Серго был, оказывается,

³ Rees E.A. *Leaders and Their Institutions* // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 35–60.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 38.

⁵ Rees E.A., Watson D.H. *Politburo and Sovnarkom* // Decision Making in the Stalin Command Economy, 1932–1937 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 11.

Андреев... беседовал с ним. По мнению Серго, Андреев стоит твердо за линию ЦК. Томский, оказывается, пытался (во время пленума) «разложить» его... но не удалось «заманить» Андреева... Ни в коем случае нельзя дать Томскому (или кому-либо другому) «подкачать» Куйбышева или Микояна. Не можешь ли прислать письмо Томского против Куйбышева?⁶

Сталин детально анализировал довольно безобидные статьи Бухарина (которые ранее сам одобрил), выявляя идеологические «ошибки». Любая неофициальная встреча могла быть объявлена им нарушением партийной дисциплины. Чтобы запугать Каглинина, Сталин использовал его встречу с дискредитированным экономистом Н.Д. Кондратьевым⁷. Любое неофициальное обсуждение политики партии рассматривалось как ослабление партийной дисциплины и превращение партии в дискуссионный клуб⁸. Ворошилова Сталин шантажировал сфабрикованным «заговором военных»⁹. Впавших в немилость членов партии Сталин клеймил как «слабых», «гнилых», «не наших» или называл их бюрократами, «самолюбию которых нет пределов»¹⁰.

Окончательной победы Сталин добился в апреле 1929 года, когда он, наконец, смог сформировать в Политбюро большинство, обвинившее правых во фракционности¹¹. В ноябре 1929 года Бухарин был исключен из Политбюро по обвинению (как говорилось в постановлении Политбюро от 22 июля 1929 г.) в вылазках «против решений ЦК на стороне (в “частных” разговорах: “беседа” с т. Каменевым – раньше, теперь “беседа” с комсомольцем т. Платоновым и др.)»¹². Томский не был переизбран в Политбюро XVI съездом ВКП(б) в июле 1930 года. Рыкова хотя и переизбрали на этом съезде, но исключили из Политбюро в декабре того

⁶ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 22.

⁷ Там же. С. 35–36.

⁸ Lih L. et al. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 162.

⁹ Письмо Сталина – Орджоникидзе от 24 сентября 1930 г. Цитируется по: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 37. В конфиденциальном письме к Орджоникидзе Сталин непрямо признает возможность фабрикации: «Стало быть, Тухачевский оказался в плену у антисоветских элементов и был сугубо обработан тоже антисоветскими элементами из рядов правых... Возможно ли это? Конечно возможно, раз оно не исключено».

¹⁰ Так Сталин отзывался о Микояне: Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 52.

¹¹ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... Главы 1–2.

¹² Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. С. 128.

же года¹³. Чистки правых не ограничились их тремя лидерами; в 1929–1931 годах из ВКП(б) было исключено около 250 тысяч человек, многие из которых были обвинены в правом уклоне¹⁴.

Пять вопросов управления

Борьба за власть в большевистской партии происходила вокруг пяти принципиальных вопросов. Первый: какую экономическую систему выбрать? Результаты дискуссии по этой проблеме – форсированная индустриализация, принудительная коллективизация и ликвидация «кулачества как класса» – были обсуждены в предыдущей главе. Второй вопрос: должна ли Коммунистическая партия четко следовать генеральной линии, или же внутри партии допустимы различные мнения? Иначе говоря, допустимо ли существование фракций внутри партии, или она должна быть жестко связана одним политическим курсом? Третий вопрос: можно ли допустить, чтобы государственный аппарат был независим от коммунистической партии и ее аппарата, или же между государственным и партийным аппаратами нет существенной разницы? При жизни Ленина этот вопрос даже не поднимался. Обладая непререкаемым авторитетом, он одновременно возглавлял и государство и партию. Для Сталина вопрос о распределении власти между государственными и партийными органами был исключительно важен, поскольку правительство возглавлял один из его главных соперников. Четвертый вопрос: каков допустимый уровень внутрипартийной демократии? В какой мере допустимо влияние рядовых членов партии на центральный аппарат? И наконец, пятый вопрос: будет ли диктатором один человек, или же управлять будет коллективный «диктатор»?

Все эти пять вопросов в конечном счете об одной и той же проблеме – степени централизации власти. Во время нэпа управление экономикой осуществлялось в основном непрямыми методами, ярко выраженный экономический центр отсутствовал, поддерживалась видимость политического плюрализма. Открытая дискуссия об индустриализации в середине 1920-х годов говорит о толерантном отношении к существованию различных точек зрения. На протяжении всего периода нэпа ни политические, ни экономические органы власти не были жестко централизованы. В сущности, в период нэпа существовало нечто вроде негласного договора: «Кто не против нас, тот с нами». С началом процесса свертывания нэпа и построения административно-командной системы новые механизмы управления

требовали большей централизации власти. Теперь уже пассивная поддержка решений Политбюро стала неприемлема. При таком политическом режиме политические деятели оценивались не исходя из их действий, например таких, как поддержка коллективизации, а исходя из их потаенных мыслей. «Кто не с нами, тот против нас». А поскольку мысли одних людей неведомы остальным, жизнь советской элиты становилась всё опаснее. Теперь их могли обвинить даже не в неправильных действиях, а просто во вредных мыслях.

Выбор экономической системы. Во время борьбы с левой оппозицией Сталин присоединился к большинству Политбюро вместе с Рыковым, Томским и Бухариным – сторонниками умеренного курса и противниками идеи революции сверху, отстаиваемой левыми. Умеренные победили в дискуссии об индустриализации, изгнав Троцкого. Но они проиграли через три года, когда Сталин убрал их самих из Политбюро и стал действовать теми методами, за которые в свое время критиковал левых¹⁵. Политика Великого перелома была одобрена новым большинством Политбюро, тщательно подобранным лично Сталиным. Коллективизация и форсированная индустриализация заложили основы административно-командной системы, требовавшей новых принципов управления, речь о которых пойдет далее в этой главе.

Соперничество и политическая борьба. Победа над левой оппозицией устранила наиболее грозных политических соперников Сталина, но не решила вопрос политической конкуренции в правящих верхах. Правые четко обозначили свою идеологическую позицию. Они выступали за смешанную экономику, сбалансированный рост, сохранение частного крестьянского хозяйства. Поначалу Сталин не высказывался по этим проблемам, но со временем (как показано в предыдущей главе) он пришел к выводу о необходимости проведения коллективизации, ликвидации кулачества и использования силы в деревне. В условиях растущих разногласий по столь фундаментальным вопросам необходимо было как-то разрешить конфликт. Исход борьбы с левой оппозицией решался в процессе сравнительно открытого обсуждения. Каждая сторона излагала свою точку зрения, как в прессе, так и на заседаниях Политбюро (хотя Троцкий и подозревал, что встречи Политбюро подготавливались заранее). В середине 1920-х годов большевики еще допускали столкновение мнений. Борьба, победу в которой одержало умеренное большинство Политбюро,

¹³ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 24.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London: Allen & Unwin, 1958. P. 214–244; Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Munich: Oldenbourg, 1981. S. 313–388.

была отчаянной, но открытой. Троцкий сначала был отправлен в ссылку, затем выслан из СССР, переезжал из страны в страну и, в конце концов, оказался в Мексике, где был убит по приказу Сталина. Принятие ключевых решений по социальным и экономическим вопросам оказалось в руках в корне различных людей, среди которых были: партийный «босс» (Сталин), образованный бюрократ (Рыков), алкоголик (Куйбышев), интеллигент (Бухарин) и полное ничтожество (Калинин).

Формально девять представителей высшей партийной элиты не имели права встречаться между собой с глазу на глаз. По многим вопросам их мнения были различны. Одно из правил партийной дисциплины обеспечивало достижение временных компромиссов: члены Политбюро могли иметь различные мнения по тому или иному вопросу, но после принятия решения его должны были выполнять все, публично поддерживая генеральную линию партии. Действительно, Бухарин, Рыков и Томский подчинялись партийной дисциплине, как образцовые солдаты, и поддерживали решения Политбюро, с которыми они лично были не согласны. Рыков, будучи главой правительства, проводил политику Великого перелома, несмотря на то что сам ее не одобрял. В долгосрочной перспективе подобная партийная дисциплина для Сталина была неприемлема, поскольку она допускала независимое мышление среди членов Политбюро и оставляла на работе должностных лиц, таких, как Рыков, предлагая им выполнять решения, с которыми они сами были не согласны. Сталин терпел только тех, кто думал так же, как он, безоговорочно принимая генеральную линию партии.

Подчиняясь партийной дисциплине, члены Политбюро, сомневавшиеся в правильности политики партии, тем не менее публично её поддерживали. Для того чтобы отстранить их от руководства, Сталину пришлось на основе их статей и публичных выступлений сфабриковать доказательства их отступления от генеральной линии партии. Скептически настроенного Бухарина исключили из рядов Политбюро в ноябре 1929 года на основании обвинения (согласно решению Политбюро от 22 июля 1929 года) в «замаскированных нападениях на линию партии в речах и статьях»¹⁶. Рыков всё ещё занимал пост председателя Совнаркома, когда Сталин в июне 1930 года направил его в Свердловск, где он подвергся обвинениям в организации оппозиции. Рыков энергично отстаивал свою верность:

Тов. Румянцев [один из обвинителей Рыкова], а он не рядовой член партии, должен взвешивать свои слова. Мы же члены правящей партии. Я председатель Совнаркома Союза, член Политбюро, и если после моего заявления о том, что я за резолюции голосовал и в составлении некоторых из них принимал участие... если после 7 месяцев моей политической, хозяйственной и советской работы... приходит человек сюда и спрашивает меня: как относиться к генеральной линии партии? – то я в ответ могу сказать только одно: я решительно не понимаю, какие есть основания для такого рода вопросов. Опасность же их мне кажется совершенно ясной. Потому что уже сам факт, что ко мне обращаются, как к какому-то лидеру какой-то группировки... означает внушение партии уверенности, что группировка, созданная при моем участии, в партии существует. Зачем сеять такие сомнения?... А если кто неправильно говорит такие вещи, то наносит этим величайший ущерб единству партии... Поэтому я должен потребовать объяснений, как, почему, и на основании каких данных... тов. Румянцев может предъявить ко мне вопросы, как к лидеру какой-то существующей организации, ставить вопрос, как я отношусь к генеральной линии партии и т. д.¹⁷

Правый уклон был ликвидирован, но навязчивая идея Сталина о внутрипартийном единстве никуда не делась. Девять других членов Политбюро, входивших в команду Сталина в декабре 1929 года, были угодливы и податливы, но ничто человеческое было не чуждо и им. Они регулярно расходились во мнениях по мелким и крупным вопросам. Иногда подобные трения грозили превратиться в настоящий раскол, и Сталину, хоть он и не был самым заботливым человеком на земле, приходилось тратить огромное количество времени на усмирение тщеславия своих сподвижников и улаживание их споров. Привычка Орджоникидзе грубо нападать на остальных членов Политбюро в конечном итоге настроила против него Сталина. После одной из особо яростных стычек с Орджоникидзе Куйбышев потребовал отставки. Сталин, в то время находившийся в отпуске, поручил Кагановичу уладить эту размолвку: «Всё ещё плохо ведёт себя т. Орджоникидзе. Последний, видимо, не отдаёт себе отчета в том, что его поведение (с заострением против т.т. Молотова и Куйбышева) ведет объективно к подтачиванию нашей руководящей группы... создает опасность её разрушения»¹⁸.

Чтобы сохранить единую линию партии, требовалось создать механизм для решения споров, возникавших между членами Политбюро. Партийные правила требовали встречи несогласных сторон лицом к лицу (во время конфликта с Бухариным Сталин

¹⁶ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 128.

¹⁷ Цит. по: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 26.

¹⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 51.

предпочел не вспоминать об этом правиле). Для решения споров на высшем уровне собирались специальные заседания Политбюро. Никаких записей подобных заседаний по решению споров не осталось, но есть указания на то, что в роли посредника на подобных встречах выступал сам Сталин. Описание совещания Политбюро в декабре 1931 года дает возможность понять, как работала эта система: Орджоникидзе, в то время занимавший пост председателя ВСНХ СССР, угрожал отставкой после предложения Молотова разделить его организацию на три наркомата. Политбюро назначило комиссию по вопросу подготовки проекта реорганизации ВСНХ и отставки Орджоникидзе. В нее вошли помимо враждующих сторон, Орджоникидзе и Молотова, Сталин и второй секретарь ЦК Каганович. После этого было созвано специальное заседание Политбюро для разрешения личного спора между Молотовым и Орджоникидзе. Стенограмма этого заседания не сохранилась, возможно, она попросту не велась¹⁹. Тем не менее известно, что Орджоникидзе в отставку не подал, ВСНХ был разделен на несколько наркоматов, а Орджоникидзе возглавил наркомат тяжелой промышленности.

Независимость государственного аппарата? Последний из соперников Сталина, председатель Совнаркома Рыков, благополучно пережил первый раунд реализации политики вытеснения неугодных и продолжал занимать пост главы правительства. Он был отстранен от должности и изгнан из Политбюро лишь в декабре 1930 года. Будучи генеральным секретарем партии, Сталин боялся, что правительство, возглавляемое Рыковым, представляет угрозу ведущей роли партии. Наибольшую угрозу власти партии, по мнению Сталина, представляло совещание замов, повестка заседаний которого устанавливалась без согласования с Политбюро и на чьи заседания мог быть приглашен любой из народных комиссаров. Рыков был не первым, в ком видели подобную угрозу. Еще Троцкий критиковал систему партийных секретарей, работающих на постоянной основе, за бюрократизм, привилегии и оторванность от масс²⁰.

22 сентября 1930 года Сталин направил Молотову письмо с грифом «совершенно секретно», написанное в его обычной манере, следующего содержания:

Вячеслав!

1) Мне кажется, что нужно к осени разрешить окончательно вопрос о советской верхушке. Это будет вместе с тем разрешением вопроса о руководстве вообще, т. к. партийное и советское переплетены, неотделимы друг от друга. Мое мнение на этот счет:

а) нужно освободить Рыкова и Шмидта и разогнать весь их бюрократический консультантско-секретарский аппарат;

б) тебе придется заменить Рыкова на посту ПредСНК и ПредСТО. Это необходимо. Иначе – *разрыв между партийным и советским руководством* [курсив автора]. При такой комбинации мы будем иметь *полное единство советской и партийной верхушек* [курсив автора], что несомненно удвоит наши силы²¹.

К тому времени то, что Рыков терял власть, было уже очевидно. 29 ноября 1930 года военная комиссия Политбюро без участия Рыкова обсуждала план заказов на военное оборудование. План Сталина был приведён в исполнение на вечернем заседании объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 19 декабря 1930 года (в виде исключения Сталин привлёк к голосованию по этому вопросу и членов ЦКК). Заседание было созвано под предлогом обсуждения народнохозяйственного плана. Выступая с заключительным словом, Куйбышев отошел от заявленной темы своего доклада и обрушился на Рыкова, призывая к снятию его с поста главы правительства:

Я считаю, что между советской и партийной верхушкой, при выполнении такого исключительно трудного плана, который стоит перед нами на 31 г., требуется огромная сплоченность. Ни малейшей щелки не должно быть между соваппаратом и возглавляющими его товарищами и руководством партии. ...То обстоятельство, что тов. Рыков не стал в ряды активных борцов за генеральную линию, не стал борцом против системы взглядов, вредность которой он сам признал, показывает, что такая щелка есть, пока тов. Рыков возглавляет соваппарат. А это вредно, это разлагающе действует на весь, советский аппарат... Выходит так, что есть ЦК и его руководство в лице Политбюро, Пленума ЦК, это руководство охвачено величайшим воодушевлением социалистической стройки, ведет пролетариат на всё новые и новые бои, ожесточенно борется с классовыми врагами и со всякими проявлениями, хотя бы даже завуалированными, враждебной классовой идеологии, и есть верхушка советского государства, которая делает, «что может»! Так дальше продолжаться не может²².

¹⁹ Khlevnyuk O. The People's Commissariat of Heavy Industry // Decision Making in the Stalin Command Economy. P. 104.

²⁰ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 38.

²¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С. 222.

²² Цит. по: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 51–52.

Предложение Косиора (партийного функционера с Украины и будущего члена Политбюро) освободить Рыкова от обязанностей председателя Совнаркома СССР и члена Политбюро, назначив новым председателем СНК Молотова, а членом Политбюро Орджоникидзе, пленум принял единогласно. Наконец-то Сталин и его команда получили полный контроль как над партией, так и над правительством. Молотов, хотя он и не занимал до этого важных административных постов, отличался чрезвычайной преданностью Сталину.

Объединение партийных и государственных органов в единую систему власти вскоре было надлежащим образом закреплено административно. В 1931 году появилась практика принятия совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Правилom стало утверждение всех сколько-нибудь значительных постановлений СНК в Политбюро. Совместное принятие решений по ключевым вопросам фактически означало, что правительство должно было согласовывать все свои действия с Политбюро. Примечательно, что большинство постановлений (более пяти тысяч) было оформлено как «совершенно секретные», их количество значительно превышало число «открытых» опубликованных постановлений²³. Центральные советские и партийные органы власти превратились в механизм по производству постановлений. В период с января по сентябрь 1932 года по каналам ОГПУ ежемесячно распространялось от 1500 до 6100 документов. В соответствии с введенным порядком, секретные постановления должны были распространяться с особыми мерами предосторожности. В первую очередь это касалось наиболее секретных постановлений с грифом «особая папка». Однако вынужденные управляться с лавиной постановлений официальные лица нередко игнорировали правила работы с секретными документами²⁴.

²³ Перед тем как СНК «принимал» очередное постановление, его проект отсылался в Политбюро. Гарантией одобрения проекта со стороны Политбюро было заключение доверенного лица Сталина: вместе с проектом постановления в Политбюро направлялась короткая сопроводительная записка за подписью Молотова. Копии этих записок оставались в секретном отделе Управления делами СНК СССР, в обязанности которого входила переписка с Политбюро. Секретный отдел рассылал постановления Политбюро по специальным спискам через систему ОГПУ-НКВД в соответствии с особыми инструкциями. Davies R.W. Making Economic Policy // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 63; Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 17–20.

²⁴ Как показала проверка, проведенная в 1933 году, только 40 процентов документов на самом деле возвращались вовремя. Например, заместитель комиссара тяжелой промышленности (НКТП) получил 18 копий постановлений, а возвратил только пять. На тех, кто наиболее небрежно относился к документам ЦК, Политбюро налагало санкции: лишение права получения протоколов ЦК. Так, партийный работ-

То, что Политбюро могло отклонить постановление, предложенное СНК, четко показывает, кто из них имел больше власти. Так, Сталин отклонил проект постановления о финансировании партийных учебных заведений с резолюцией: «Не могу голосовать, предложение не обосновано»²⁵. Другой проект постановления СНК о выделении средств на закупку импортного оборудования был возвращен Сталиным, заявившим, что Советский Союз и сам в состоянии произвести необходимое оборудование²⁶. Ещё в одном случае Сталин отклонил проект постановления о предоставлении кредита Монгольской Народной Республике: «Я против. Монголы могли бы купить 200 штук грузовиков, заплатив нам за это мясом и шерстью. Считаю развратом давать им в кредит грузовики, да еще и на 5 лет»²⁷.

За внешним единством партийной и государственной власти скрывалась иерархия, согласно которой Политбюро занимало более высокую позицию, чем Совет Народных Комиссаров. Постановление Политбюро или ЦК имело больший вес, чем решение СНК. Временами Сталин и сам не вполне понимал, от имени какого органа следовало издать то или иное постановление. 14 сентября 1931 года Сталин писал Кагановичу:

Можно опубликовать [декрет по заработной плате в металлургической и угольной промышленности] от имени ВСНХ и ВЦСПС. Если считаете необходимой подпись ЦК, то опубликовать придется от имени ЦК и СНК СССР, без подписи ВСНХ и ВЦСПС. В последнем случае прошу прислать текст на просмотр²⁸.

Особо раздражало Сталина, когда для облегчения реализации того или иного постановления в будущем наркоматы пытались издать его от имени ЦК. 9 сентября 1931 года Сталин писал Кагановичу:

...Странное впечатление производит заявление в передовице «Правды» о том, что постановление ВСНХ утверждено ЦК. Такое же странное впечатление производит постановление НКСнаба о скотозаготовках, тоже утвержденное ЦК. Для чего понадобилось это новшество? Почему всё это утверждает ЦК, а не СНК?

ник из Средней Азии (Икрамов) за оставление протокола ЦК в номере гостиницы «Националь» был лишен права получения протоколов ЦК в течение трех месяцев (Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 78).

²⁵ Там же. С. 18.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 39.

²⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 102–103.

Почему обходят и игнорируют СНК? Почему хотят сделать ЦК участником этого ничем не оправданного игнорирования? Во-вторых, что это за манера превращать Политбюро в орган для штампелирования постановлений ВСНХ, НКснаба, НКзема и т.д.²⁹

Пленумы ЦК, такие, как пленум 19 декабря 1930 года, на котором был смещен со своего поста Рыков, были особенно важными, поскольку они, как правило, созывались для осуществления кадровых перестановок или обсуждения важнейших вопросов. Например, 26 сентября 1931 года Сталин отдал распоряжение Кагановичу созвать пленум для обсуждения отчетов наркомата путей сообщения и наркомата снабжения об исполнении постановлений ЦК и СНК и отчетов секретарей республиканских и краевых парторганизаций о ходе хлебозаготовок³⁰. Постановления пленумов готовились с особой тщательностью, поскольку они широко распространялись среди рядовых членов партии³¹.

Внутрипартийная демократия. Мифы и ритуалы играли важную роль в административно-командной системе. Пятилетки, первомайские парады и мавзолей Ленина исполняли помимо прочего ритуальную функцию, призванную вдохновлять население страны и поддерживать легитимность власти. При чрезмерной централизации власти в руках Политбюро и лично Сталина не могло даже возникнуть вопроса о легитимности применения силовых методов. Даже малейший намек на неправомерность действий власти воспринимался ею с тревогой и беспокойством. По словам Сталина, постановления Политбюро принимались с целью защиты интересов «рабочего класса»³². Легитимность диктатора основывалась на утверждении, что он является истинным выразителем интересов рабочего класса.

На бумаге коммунистическая партия основывалась на демократических принципах. Формально высшим органом являлся съезд партии, который периодически собирался для избрания партийного руководства и обсуждения важнейших вопросов, например таких, как утверждение пятилетнего плана. Практика использования партийных съездов для осуществления перемен в правительстве или политике партии просуществовала вплоть до развала Советского Союза. Например, Никита Хрущев на XX съезде КПСС выступил со своей знаменитой речью о культе

личности Сталина. Таким образом, теоретически рядовые члены партии имели возможность при желании сменить руководство. Иерархия региональных партийных структур была достаточно сложной. Партийные организации крупных республик, таких, как Украина, и партийные организации крупнейших городов, таких, как Москва и Ленинград, стояли на вершине иерархической лестницы; секретари наиболее влиятельных республиканских и городских партийных организаций были членами ЦК и нередко даже Политбюро. Областные и районные партийные организации занимали промежуточное положение, тогда как первичные парторганизации на заводах и в учреждениях находились внизу этой иерархической пирамиды.

Между 1929 и 1932 годами количество членов партии выросло с 1,2 миллионов до 3,5 миллионов человек. Большевицкая партия, начинавшаяся как небольшая группа революционеров, увеличилась в три раза, пополнив свои ряды людьми относительно малоизвестными, лояльность которых была неизвестна. Если бы эти три с половиной миллиона рядовых членов партии выступили против своего руководства, последствия для него были бы катастрофическими.

Сталину и Политбюро необходимо было решить два вопроса, касающихся местного партийного руководства и рядовых членов партии. Во-первых, нельзя было допустить осознания рядовыми партийцами того факта, что именно они и являются истинными представителями рабочего класса. Во-вторых, высшее партийное руководство должно было опасаться всплеск демократического движения, особенно организованных таким грозным врагом, как изгнанный Троцкий. Политбюро имело в своем распоряжении широкий набор средств для борьбы с подобными тенденциями. Различные контрольные комиссии, начиная с Рабоче-крестьянской инспекции, призваны были контролировать и проверять деятельность членов партии. Поскольку практически все сколько-нибудь значительные должности были заняты коммунистами, именно партия исполняла роль судьи в решении проблем, возникавших между чиновниками, и выносила приговоры о наказании провинившихся³³. Контрольные комиссии могли призвать к «партийной ответственности» любого члена партии, вдруг заразившегося идеей демократии или решившего, что он-то и является представителем пролетариата. Был создан жесткий механизм, обеспечивавший подчинение всех членов партии ее генеральной

²⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 93.

³⁰ Там же. С. 121.

³¹ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 230.

³² Сталин и Каганович. Переписка. С. 72.

³³ Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 131–158.

линии. Каждому обкому, крайкому и республиканскому ЦК было приказано «выделить одного из секретарей с возложением на него обязанностей проверки исполнения директив ЦК ВКП(б) и ответственности за своевременный ответ на запросы ЦК»³⁴. Довольно типична для 1930-х годов следующая история. Сталин направил телеграмму в Уральский областной комитет и Восточно-Сибирский краевой комитет с требованием в трёхдневный срок представить отчет, почему не выполнен план по заготовкам льна и пеньки, и доложить, какие меры приняты для расширения льнопенькозаготовок. Непредставление отчета в указанный срок повлекло принятие постановления Политбюро, которое указало этим партийным комитетам на недопустимость нарушения сроков ответа на запросы центра и обязало первых секретарей этих комитетов в течение двух дней ответить на телеграмму³⁵. Еще один способ борьбы с внутрипартийной демократией заключался в тщательной подготовке партийных съездов и пленумов ЦК. Они созывались только после того, как высшее партийное руководство уже разрешило свои внутренние разногласия и было в состоянии выступить единым фронтом. К примеру, Сталин откладывал созыв судьбоносного декабрьского пленума ЦК ВКП(б) (1930 г.), сместившего Рыкова, до тех пор пока не получил единогласную поддержку Политбюро. Первый послевоенный съезд партии был отложен на два года и создан только по окончании борьбы за власть, начавшейся после войны.

Первые проявления кризиса политики Великого перелома: голод, бюджетный кризис, низкая отдача по капиталовложениям – стали проверкой на прочность отношений Москвы с региональными партийными организациями³⁶. Экономический и социальный кризис стал политическим, превратившись в вопрос о доверии команде Сталина. Письма в поддержку изгнанного Рыкова появлялись даже в партийной прессе. Среди членов партии циркулировало секретное письмо, призывавшее заменить Сталина главой Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кировым. В ответ, в качестве отвлекающего маневра, Политбюро развернуло кампанию против «вредителей» и старых специалистов («спецов»), на которых и была возложена ответственность за экономический кризис. Многие хозяйственники были сняты со своих должностей. Специалистов обвиняли в саботаже всевозможных

кампаний, инициированных Москвой и самоотверженно воплощаемых в жизнь местными партийными чиновниками и органами ОГПУ³⁷.

Перегибы и события на местах времен чисток 1929–1930 годов показали, что, несмотря на прямую связь между центром и региональными руководителями, полностью полагаться на местных партийных лидеров Москва не могла. Начатую Сталиным кампанию против вредителей-директоров и специалистов с энтузиазмом поддерживали и его сторонники в Политбюро. В пылу выявления вредителей местные партийные чиновники вмешивались в управление предприятиями. Так, руководство Донбасса жаловалось, что более половины их специалистов оказались арестованы. В 1930 году катастрофические последствия, которые имело изъятие ведущих специалистов для производства, стали очевидны, и Политбюро предприняло шаги для прекращения арестов. Орджоникидзе, который сначала поддерживал проводившиеся чистки, теперь, став председателем ВСНХ СССР, пытался найти способ восстановить «своих» директоров в их полномочиях. На Всесоюзной конференции работников промышленности, проходившей в январе – феврале 1931 года, на которой присутствовали Сталин и Молотов, Орджоникидзе заявил, что основная масса специалистов и директоров не являются вредителями. Этот сигнал к отступлению был поддержан Сталиным (сохранился проект выступления Орджоникидзе с отметками Сталина на полях). 20 января 1931 года Политбюро дало местным партийным организациям директиву не снимать с должности директоров предприятий всесоюзного значения без одобрения ЦК ВКП(б) и ВСНХ СССР³⁸.

Несмотря на четкие инструкции Москвы, местные партийные организации, местная милиция и даже местные органы ОГПУ продолжали преследовать директоров. В марте 1931 года Орджоникидзе осудил партийные органы Ростова за то, что они продолжали передавать подчиненных ему хозяйственников в руки ОГПУ и распоряжаться на заводах. Весной 1931 года Политбюро, рассмотрев вопрос о суде над начальником доменного цеха одного из заводов на Северном Кавказе, потребовало, чтобы ему были созданы «нормальные условия работы в цехе», и предложило «Северокавказскому крайкому прекратить практику допросов специалистов милицией»³⁹. 22–23 июля 1931 года ЦК вновь был

³⁴ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 83.

³⁵ Там же.

³⁶ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke, England: MacMillan, 1996. Chaps. 3–10.

³⁷ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 33–34.

³⁸ Khlevnyuk O. The People's Commissariat of Heavy Industry. P. 98.

³⁹ Ibid. P. 99–103.

вынужден издать приказ о том, что ни один директор не может быть арестован без согласования с соответствующим наркоматом. В августе 1933 года Политбюро сняло с должности одного из местных партийных руководителей за то, что он заменял директоров партийными назначениями. В апреле 1933 года, спустя два года после того, как Политбюро прекратило кампанию против хозяйственных руководителей и специалистов, ЦК опять пришлось объявить выговоры нескольким местным партийным организациям за их вмешательство в хозяйственные дела. Случаи подобного неповиновения указывают на борьбу за власть, происходившую между Москвой и местными партийными органами, которые пришли к выводу, что именно они, а не Москва, представляли истинные интересы пролетариата. Их нежелание подчиниться центру на протяжении более двух лет показывает, насколько серьезным был этот конфликт.

И всё же неподчинение местных партийных органов указаниям центра представляло для последнего меньшую угрозу, чем внутрипартийная демократия. Партийная верхушка насчитывала несколько сотен, может быть, несколько тысяч человек, в то время как общее количество членов партии составляло 3,5 миллиона человек. Наиболее жесткий отпор со стороны Сталина встречали угрозы его оппонентов вынести спорные вопросы на непосредственное обсуждение коммунистов. Когда в 1932 году Рютин распространял среди членов партии свою программу, призывавшую снять Сталина с должности, Сталин потребовал (но не добился) его расстрела. Ему пришлось удовлетвориться исключением Рютина из партии⁴⁰. Сталин боялся Троцкого даже после его изгнания из страны именно потому, что последний угрожал вынести проблемы на рассмотрение рядовых членов партии⁴¹.

Одним из уроков начала 1930-х годов стало то, что широкие партийные массы представляли угрозу монополии генеральной линии партии. На кампании, которые начинало высшее партийное руководство, они откликались с рвением и пылом, но, когда та или иная кампания была уже в разгаре, остановить их было весьма сложно. На эту проблему Сталин ответил дальнейшей централизацией власти. Первого июля 1933 года была учреждена Прокуратура СССР, заменившая республиканские прокуратуры⁴². К середине 1930-х годов право наказывать директоров заводов осталось только у НКВД и Прокуратуры – двух учреждений,

через которые проходили судебные дела в период Великого террора 1937–1938 годов. Диктатор установил контроль над членами партии путем централизации властного карательного аппарата. Если в начале 1930-х годов местные партийные органы и даже местные работники ОГПУ имели право арестовывать, увольнять хозяйственников с работы и применять к ним иные наказания, то в середине 1930-х годов эти права были сосредоточены в одних руках.

Коллективное руководство или диктатура? В декабре 1930 года Сталин фактически негласно предложил своим сторонникам в Политбюро «сделку» в виде коллективного принятия решений. Предполагалось, что Политбюро будет являться высшим органом принятия решений и что его решения будут приниматься коллективно, а Сталин будет первым среди равных. В начале 1930-х годов Сталин имел возможность добиваться принятия решений, которые он считал жизненно необходимыми, но, если он заходил слишком далеко, Политбюро вполне могло его осадить. С 1932 по 1937 год в нарушение этого негласного соглашения доля решений, принятых коллективно, значительно уменьшилась. Если в 1929 году заседания Политбюро проходили каждую неделю, то в 1932 году их общее количество сократилось до сорока семи, в 1933 году состоялось двадцать четыре заседания, в 1934 – восемнадцать, в 1935 – пятнадцать, а в 1936 – всего девять. В 1938 году было проведено четыре заседания и по два заседания в 1939 и 1940 годах⁴³. К 1936 году Политбюро в основном превратилось в консультативный орган. Теперь члены Политбюро говорили о Сталине как о «хозяине»⁴⁴. К середине 1930-х годов Оргбюро и Секретариат ЦК оказались настолько подконтрольны Сталину, что он даже не утруждал себя посещением их заседаний⁴⁵. Личный секретарь Сталина (Поскребышев) считался одной из наиболее могущественных фигур в советской системе власти.

Переход от коллективного руководства к единоличной диктатуре, очевидно, можно частично объяснить присущей Сталину жаждой абсолютной власти. Но, возвращаясь к проблеме «лошади и жокея», необходимо задать вопрос – будь на месте Сталина другой человек, были бы результаты аналогичны? Можно привести несколько аргументов в пользу неизбежности эволюции

⁴⁰ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 53.

⁴¹ Ibid. P. 63.

⁴² Ibid. P. 119.

⁴³ Rees E.A. Leaders and Their Institutions. P. 11.

⁴⁴ См., например, письмо Кагановича – Орджоникидзе. Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 146–147.

⁴⁵ Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom. P. 13.

системы в сторону единоличной диктатуры: модель «оседлого грабителя», предложенная Олсоном (см. главу 1), имплицитно предполагает, что лишь один человек (или очень небольшая сплоченная группа) может предотвратить усиление групп влияния. Лишь верховный правитель может последовательно обеспечивать выполнение задач развития. Хайек писал о тенденции превращения коллективного принятия решений в единоличное правление в условиях административного распределения ресурсов:

В обществе с централизованной плановой экономикой подобный контроль не может зависеть от того, сможет ли большинство договориться между собой; часто небольшая группа (меньшинство) будет вынуждена навязывать свою волю остальным, поскольку эта малая группа будет самой большой группой, которой удалось достичь между собой согласия по данному вопросу⁴⁶.

Действительно, идея Хайека о том, что решения будут приниматься постоянно уменьшающейся группой, подтверждается тем фактом, что в середине 1930-х годов решения принимались комиссиями, создаваемыми для каждого конкретного случая и формируемыми из членов Политбюро⁴⁷. Как это ни удивительно, но третий довод в пользу неизбежности появления верховного диктатора представляет «теорема невозможности» (Impossibility Theorem) нобелевского лауреата Кеннета Эрроу (Kenneth Arrow)⁴⁸. Согласно теореме Эрроу, невозможно создать эффективный механизм общественного выбора (должно ли общество выбрать политику А, В или С), если известны только предпочтения всех членов общества по отдельности⁴⁹. При таком условии выбор общества может не обладать свойством транзитивности (если А предпочтительнее В, а В предпочтительнее С, то С предпочтительнее А). Следовательно, выбор той или иной альтернативы невозможно сделать в отсутствие неких формальных правил выбора, например, за счет введения «фиксированного выбора» (fixed criterion), или случайного выбора (как при выбрасывании костей), или же путем обращения к арбитру. Несомненно, в декабре 1930 года советский строй был далек от демократического, и всё же во главе Советского Союза находилось десять человек,

ответственных за принятие решений, и их предпочтения были различны. Сторонник демократии Эрроу эксплицитно исключил возможность избрания диктатора, чьи предпочтения будут играть доминирующую роль при выборе той или иной альтернативы, как одно из возможных решений обнаруженного им парадокса. Хайек считал невозможным выработать правила принятия решений, утверждая, что административная система не может предварительно связать себя общими и формальными правилами, которые могли бы предотвратить тиранию. Ей постоянно приходится решать вопросы, которые невозможно решить, пользуясь лишь формальными принципами⁵⁰. Таким образом, представляется, что аргументы Олсона, Хайека и Эрроу раскрывают причины, в силу которых административно-командная экономика неизбежно должна превратиться в единоличную диктатуру. Коллективная диктатура, скорее всего, будет менее стабильна и будет показывать худшие результаты.

Действительно, содержание откровенной переписки Сталина вполне вписывается в рамки модели «оседлого грабителя». Сталин утверждал, что лишь сильный лидер может решаться на непопулярные, но необходимые действия. Когда в 1932 году партийные лидеры Украины назвали представленный Сталиным план хлебозаготовок нереальным, он написал: «Это не партия, а парламент, карикатура на парламент... Правильно говорил Ленин, что человек, не имеющий мужества пойти в нужный момент против течения, — не может быть настоящим большевистским руководителем»⁵¹. Он настаивал на «всеобъемлющих» экономических решениях и выступал против действий, направленных на получение личной выгоды, особенно со стороны членов Политбюро. Он часто жаловался на «эгоистичность» Орджоникидзе (наркома тяжелой промышленности) и Микояна (наркома снабжения). Он обвинял Орджоникидзе в том, что тот «нажимает на государственную кассу (т.е. на государство, т.е. на рабочий класс), заставляя рабочий класс расплачиваться своими валютными ресурсами за неспособность, косность, бюрократизм аппарата ВСНХ»⁵². Особенно его раздражали «эгоистичные» запросы замнаркома тяжелой промышленности Пятакова, которого Сталин ненавидел:

Большевики не могут идти по такому пути, если они не хотят превратить нашу большевистскую партию в множество отдельных групп.... Что лучше, на-

⁴⁶ Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 77.

⁴⁷ Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom. P. 11.

⁴⁸ Arrow K.J. Little's Critique of Welfare Economics // American Economic Review. 1951. Vol. 41. P. 213–219.

⁴⁹ Vickrey W. Microstatics. New York: Harcourt, Brace and World, 1964. P. 272–273.

⁵⁰ Hayek F.A. The Road to Serfdom. P. 82.

⁵¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 273.

⁵² Там же. С. 72.

жать на валютные счета, чтобы обеспечить спокойную жизнь бюрократам ВСНХ, или нажать на бюрократов в ВСНХ, чтобы защитить интересы государства?⁵³

Сталин критиковал Микояна за предложение выделить хлебный резерв наркомату снабжения: «Откуда такое безграничное доверие НКснабу и столь же безграничное недоверие государству?»⁵⁴ Сталин настолько однажды разозлился на Орджоникидзе, что обвинил последнего в обмане: «ВСНХ [Орджоникидзе] пытается ограбить государственную валютную кассу из-за импорта металла, а импортированный уже для Челябинского металл оказывается бесхозным, ввиду чего разбазаривают и продают его чуть ли не с торгов. Преступники и сволочи!»⁵⁵ И еще об Орджоникидзе: «Нехорошо и противно, если мы начинаем обманывать друг друга»⁵⁶. И снова Сталин о попытке Орджоникидзе наложить руку на скудные валютные фонды: «Вопрос об использовании этих денег должен быть обсужден особо с учетом интересов государства в целом, а не только ВСНХ [Орджоникидзе]»⁵⁷.

Сталин мог рассчитывать на относительно небольшое число сторонников в борьбе против корыстных, личных интересов. Большинство членов Политбюро имели свои региональные или отраслевые интересы. Немногие могли, подобно Молотову, видеть ситуацию в целом. В качестве примера приведем жалобу Кагановича, написанную через много лет после смерти Сталина:

Мы [Молотов и Каганович] с ним, когда работали в ЦК, работали дружно, а когда он стал председателем Совнаркома, а я министром путей сообщения, то мы спорили на деловой почве. Я требовал больше рельс, больше капиталовложений, а Межлаук, предгосплана, не давал, а Молотов поддерживал Межлаука⁵⁸.

Подобные цитаты отражают попытки Сталина обуздать группы влияния и направить их действия в русло общегосударственных интересов. Однако они дают неполную картину. Столкновения ин-

⁵³ В обоих случаях наркомат тяжелой промышленности пытался сократить плановые задания за счет импорта. В первом случае речь идет о попытке Орджоникидзе протолкнуть в Политбюро постановление об увеличении импорта стали (Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom. P. 16). Во втором – о попытке замнаркома тяжелой промышленности убедить валютную комиссию выделить дополнительную валюту на импорт вагонных осей.

⁵⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 80.

⁵⁵ Там же. С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 80.

⁵⁷ Там же. С. 88.

⁵⁸ Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. М.: Российское товарищество «Отечество» (Товарищество Станислава Гагарина), 1992. С. 61.

тересов буквально разрывали ЦК и Политбюро. В условиях ограниченности источников инвестиций Политбюро надо было решать: какие отрасли промышленности и регионы получают необходимые средства? Кому следует отдать предпочтение: региональным или общесоюзным организациям? Каким образом квалифицированная рабочая сила должна распределяться между армией и промышленностью? Каждый вариант распределения ресурсов имел своих сторонников и противников в ЦК и Политбюро. «Диктатор-эгоист», нацеленный на максимизацию власти, легко мог использовать эти столкновения интересов для утверждения своей власти, принося в жертву экономические соображения.

В самом деле, переписка Сталина с его преданным заместителем Кагановичем полна распоряжений, которые вполне можно рассматривать как политический подкуп. Сам Каганович был переведен в Москву в награду за поддержку политики Сталина на Украине⁵⁹. Однако остается неясным: когда Сталин отдавал личные приказания о выдаче некоторым организациям в качестве премий пишущих машинок и фордов, имели ли эти награждения политическую подоплёку или выдавались исключительно за хозяйственные достижения?⁶⁰ Во время голода 1932 года Сталин вдруг решил дать Украине отступного, заявив, что «мы можем потерять Украину». Он объявил о своём намерении «превратить Украину в образцовую республику» и «денег на это не жалеть»⁶¹. Подобная неожиданная забота вписывается в рамки модели как «оседлого грабителя», экономические интересы которого требовали оказать поддержку Украине, так и «диктатора-эгоиста», подкупающего украинское руководство. Сталин и Политбюро неоднократно выступали в качестве арбитра в межрегиональных спорах, таких, как спор между Казахстаном и Западной Сибирью за принадлежность восьми совхозов⁶². Молотову приходилось лично решать споры между региональными партийными лидерами о том, кто должен получить очередной импортный автомобиль.

Политик такого масштаба, как Сталин, не мог игнорировать политические соображения. В конце 1920-х годов ему пришлось по крупицам собирать поддержку ЦК, в состав которого входили около сорока региональных лидеров, для того чтобы изгнать оттуда сначала левую оппозицию (в 1926 году), а затем правую (в 1930 году). Ему была необходима поддержка XVI конференции

⁵⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 26.

⁶⁰ Там же. С. 95.

⁶¹ Там же. С. 133.

⁶² Там же. С. 106.

ВКП(б), состоявшейся в апреле 1929 года, для реализации политики Великого перелома. В конце 1920-х годов он распределял капиталовложения между региональными партийными лидерами, пользовавшимися его благосклонностью; видимо, он делал это для того, чтобы добиться их поддержки в борьбе с правыми⁶³. Сталин боялся оставлять своих оппонентов в Центральном Комитете ВКП(б), поскольку членство в ЦК всё же оставляло за ними некоторое влияние, насколько бы дискредитированы они ни были сами. Когда его коллеги по Политбюро предложили вернуть опального Рухимовича (бывшего наркома путей сообщения) в Москву, Сталин возразил: «Эти люди не понимают, что... Рухимович опаснее, так как он, к сожалению, член ЦК»⁶⁴.

Кадровым вопросам Сталин уделял особое внимание; он досконально знал имена, биографии и склонности всех партийных руководителей. В 1931–1932 годах Сталин проявил весьма несвойственную ему заботу о своей родине, Грузии, когда она была «на грани голода» и «хлебных бунтов». Хотя в других районах он объявил «симулирование голода» контрреволюционным преступлением, он обвинил наркома снабжения Микояна в представлении неверных сведений о строительстве зерновых складов в Грузии и приказал Микояну «усилить подвоз хлеба в Западную Грузию и лично проследить за исполнением». Сталин так сильно разгневался на Микояна, что тот даже хотел подать в отставку⁶⁵. Сталин внимательно прислушивался к мнению региональных властей⁶⁶ и отложил образование отдельных союзно-республиканских наркоматов в каждой из закавказских республик, чтобы успокоить местных политических лидеров, в том числе и своего верного приверженца, Л.П. Берию⁶⁷.

Как показывают архивные документы, Сталин, добровольно или вынужденно, участвовал в конфликтах правящей элиты в роли арбитра. В качестве кандидатов на пост наркома транспорта были предложены три кандидатуры, а окончательный выбор был оставлен за Сталиным⁶⁸. Неразрешенные вопросы направлялись Сталину. Каганович писал Сталину (15 августа 1931 года):

«Надо дать твёрдую директиву, сколько заготовить [хлопка]... мы и решили отложить [этот вопрос] до 20-го, чтобы получить Ваше мнение»⁶⁹. Ответ Сталина поступил в виде целого ряда четко пронумерованных инструкций. Когда Сталин опасался, что Каганович не сможет решить проблему самостоятельно, он предлагал отложить решение до того момента, когда он сам будет присутствовать в Москве: «Я против ввоза чугунных труб. Если можете, отложите вопрос до осени»⁷⁰. Когда Орджоникидзе стал оспаривать решение Сталина, тот прислал ему ультиматум: «В случае Вашего несогласия, предлагаем специальное заседание Политбюро с вызовом нас обоих»⁷¹.

«Диктатор-рефери» не в состоянии контролировать группы влияния. Архивные данные едва ли говорят в пользу ревизионистской интерпретации фигуры Сталина, предложенной историком Дж. Арчем Гетти, согласно которой Сталин принимал решения под давлением групп влияния⁷². В экстремальной форме этот ревизионистский подход предполагает, что даже сам Большой террор был вызван давлением снизу, хотя Сталин был его добровольным участником⁷³. По нашему мнению, архивные материалы дают иную картину. Сталин мастерски манипулировал группами влияния, когда ему была нужна их поддержка. Он в основном полагался на размещение своих людей на ключевых постах, стараясь поставить на них посредственных, но жестоких своих приверженцев. Совершенно очевидно, что Сталин играл роль «оседлого грабителя», в особенности если учесть его готовность использовать в своих целях корыстные желания своих сторонников. В то же время у Сталина было достаточно проницательности, чтобы понять, какая большая угроза кроется за подобными корыстными интересами. Несомненно, Сталин, будучи умелым политиком, при необходимости раздавал «подарки», чтобы обеспечить себе политическую поддержку, но создается впечатление, что он старался ограничить подобную практику.

⁶⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 46.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Там же. С. 35.

⁷² См.: Getty J.A. *Origins of the Great Purges*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁷³ Lazarev V. *Evolution of the Soviet Elite and Its Post-Communist Transformation*. Paper presented at conference «Initial Conditions and the Transition Economy in Russia». University of Houston, April 19–21, 2001. P. 1–23. Лазарев предлагает модель, описывающую негласное соглашение между диктатором и его потенциальными сторонниками, при котором будущее продвижение по службе предлагается в качестве платы за верность режиму.

⁶³ Harris J.R. *The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999. P. 4.

⁶⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 126.

⁶⁵ Там же. С. 52.

⁶⁶ Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». Working paper, Florence, Italy, March 2000. С. 8–14.

⁶⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 704.

⁶⁸ Там же. С. 118.

Основное внимание в этой главе мы уделили тому, как был создан высокоцентрализованный политический механизм, обеспечивший реализацию политики Великого перелома. На практике важные решения принимались довольно редко. Повседневная рутина советского политического управления означала утомительную работу над множеством мелких вопросов, истощающих физически и умственно. По мере централизации власти рутинные вопросы, которые ранее решались на местах, передавались во всё более и более высокие инстанции. Тот факт, что небольшая группа политических лидеров (Политбюро) или один лидер (Сталин) несли ответственность за принятие ключевых решений, обрекал их на тяжкий каторжный труд и скуку. Хайек и Мизес в своей критике плановой системы особо подчеркивали информационную перегруженность «центрального планового органа». В действительности вся эта нагрузка легла на плечи и без того перегруженных политических лидеров.

Рабочая неделя Сталина, равно как и других членов Политбюро, был заполнен бесконечными заседаниями, консультациями, рассмотрением петиций, чтением статистических отчетов, пересмотром планов, распределением ресурсов, и, в качестве разнообразия, инспекционными поездками. Во время таких поездок уполномоченные представители центра встречались с региональными партийными лидерами и руководителями предприятий, оказывали давление на регионы, требуя от них хлебных поставок, встречались с недовольными рабочими. Подобные поездки мало походили на приятные путешествия. Высшие партийные руководители были облечены властью наказывать, вплоть до высшей меры, за преступления, которые им удавалось раскрыть.

Одно из писем Кагановича Сталину описывает два обычных рабочих дня советского лидера (30-е и 31-е августа 1931 года)⁷⁴. 30-го августа Каганович посетил заседание Политбюро, на котором обсуждалось несколько вопросов: выполнение экспортно-импортного плана; проблема транспортировки нефти; вопросы о заготовках картофеля и овощей, скотозаготовках и птицеводстве. На этом заседании Микоян требовал уменьшения плана. Было принято решение о размещении заказов на нефть, проанализирована проблема невыполнения финплана и осуждено заявление НКВД, переданное ТАСС без согласования с Политбюро. На следующий день Каганович вначале посетил совещание о

дроволесозаготовках, на котором представители Главлеспрома обвинялись в цифровых манипуляциях; была создана комиссия по разработке практических мер по улучшению работы Главлеспрома и местных лесозаготовительных предприятий, Каганович предложил часть тракторов, принадлежащих Народному комиссариату земледелия, использовать в лесозаготовках, о чем запросил согласия Сталина. Вечером того же дня Каганович просматривал информацию, предоставленную специальной комиссией Политбюро по подготовке указаний для региональных партийных органов по перевозке зерна в порты, содержащую детальный план перевозок. Разработка этого плана, включавшего тридцать четыре хлебопромышленных региона, каждый из которых тянул одеяло на себя, была делом не из лёгких⁷⁵. В завершение дня Каганович написал отчет отсутствовавшему Сталину, не забыв прокомментировать и раскритиковать недавний доклад Бухарина. Этот список занятий Кагановича включает только те события, которые были достаточно важны, для того чтобы довести их до сведения Сталина. А в перерывах между заседаниями и совещаниями он отвечал на телефонные звонки, встречался с просителями и работал над проектами других комиссий, таких, как, например, транспортная комиссия, за работу которой он был ответственен.

Необходимо было также тщательно согласовывать отлучки членов Политбюро. Несколько членов Политбюро должны были постоянно находиться в Москве для решения текущих служебных вопросов. 5 октября 1931 года Каганович пишет Сталину: «Выезжаю сегодня Челябинск – Новосибирск. Ввиду того, что на днях будет заседание Центральной комиссии по чистке, прошу ввести в комиссию по чистке тов. Жданова»⁷⁶. Отсутствие членов Политбюро ставило под угрозу работу высших органов власти. 10 августа 1931 года Куйбышев (председатель Госплана) жаловался:

Комиссия, которая была выбрана ПБ, фактически распалась ввиду отъезда т. т. Сталина и Молотова. Обмен мнений на первом заседании комиссии и неудача с созывом подкомиссии (не пришли представители важнейших хозяйственных организаций...) заставляет меня внести следующие предложения [затем Куйбышев просит отложить ряд мероприятий и сократить некоторые плановые задания]. Прошу предоставить мне отпуск с 20/VIII по 5/X ввиду моей болезни... Ввиду того, что я явно не справляюсь с обязанностями руководителя Госплана,

⁷⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 73–75.

⁷⁵ Сталин и Каганович. Переписка. С. 75.

⁷⁶ Там же. С. 510.

прошу освободить меня от этой работы, предоставив мне работу по моим силам (лучше было бы, если бы в области или районе)⁷⁷.

Рабочая нагрузка была настолько огромной, что подобные угрозы об отставке и просьбы о продолжительном отдыхе были весьма частыми.

Наконец, члены Политбюро были обязаны посещать заседания Политбюро, которые обычно начинались в 14:00 и нередко затягивались до поздней ночи. Таблица 3.1 показывает количество заседаний Политбюро, которое после 1934 года, с увеличением концентрации власти в руках Сталина, постоянно сокращалось. В среднем члены Политбюро в месяц посещали шесть-семь заседаний Политбюро в дополнение к работе в многочисленных специальных комиссиях, которые и принимали большую часть реальных решений. Таблица 3.2 показывает, что обычно Политбюро рассматривало около трех тысяч вопросов в год. Многочисленные чиновники высшего ранга, не состоявшие в Политбюро, также приглашались на заседания для участия в обсуждениях или в качестве докладчиков. К примеру, на типичном заседании Политбюро 5 марта 1934 года присутствовало 69 участников, а повестка дня состояла из 171 пункта⁷⁸.

Таблица 3.1. Заседания Политбюро, 1930–1936

	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Январь	6	8	5	2	1	5	0
Февраль	6	6	7	2	1	1	1
Март	8	8	6	5	3	1	1
Апрель	7	8	5	3	1	2	1
Май	6	7	4	1	2	1	1
Июнь	6	7	10	3	3	3	1
Июль	7	11	5	2	6	3	1
Август	8	6	13	4	2	1	0
Сентябрь	9	11	6	4	3	1	1
Октябрь	7	6	3	2	11	0	1
Ноябрь	7	7	4	2	2	1	0
Декабрь	8	9	4	2	11	1	1

Источник: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 288–291.

⁷⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 710.

⁷⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 232.

Но самое тяжелое бремя ложилось на плечи Сталина, особенно после того, как он принимал на себя всё больше и больше обязанностей. В сущности, в каждом своем письме Каганович, запрашивая Сталина, предлагал ему несколько вариантов решений на выбор. Послания Кагановича пестрят фразами вроде: «Без вас мы не сможем решиться на что-либо фундаментальное...»⁷⁹, «Сообщите ваше мнение»⁸⁰, «Просим сообщить ваше мнение»⁸¹ и так далее до бесконечности. Сталину приходилось проверять проекты политических программных документов на идеологическую грамотность. В редких случаях даже он не выдерживал этой лавины бумажной работы, требуя от своих помощников, чтобы они самостоятельно принимали некоторые решения. Например, 13 сентября 1933 года он разразился следующей тирадой: «Проектов о втузах и фабзавучах читать не буду. Уехал от бумаг, а вы забрасываете меня грудой бумаг. Решайте сами и решайте поскорее...»⁸² Тем не менее, несмотря на недавнюю вспышку, уже через несколько недель Сталин ругал Политбюро за то, что они приняли решение по распределению тракторов, противоречившее его предварительному распоряжению. По этому поводу Сталин писал Кагановичу: «Настаиваю на своём мнении»⁸³.

Таблица 3.2. Количество вопросов, рассмотренных Политбюро, 1930–1940

Год	Количество вопросов	Год	Количество вопросов
1930	2857	1936	3367
1931	3878	1937	3775
1932	3704	1938	2279
1933	3245	1939	2973
1934	3945	1940	3008
1935	3282		

Источник: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 288–291.

⁷⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 238.

⁸⁰ Там же. С. 253.

⁸¹ Там же. С. 632, 639, 688, 696.

⁸² Там же. С. 340.

⁸³ Там же. С. 379.

Таблица 3.3. *Посещение кабинета Сталина членами Политбюро и секретарями ЦК ВКП(б), 1931–1939*

	1931		1932		1933	
	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете
Андреев	18	22,45	15	28,15	18	34,55
Ворошилов	29	56,45	40	89,50	65	150,30
Каганович	73	167,45	106	246,30	122	415,20
Калинин	11	22,40	10	22,30	21	45,00
Киров	12	22,55	10	28,25	5	9,50
Косиор	8	19,05	5	5,05	11	27,05
Куйбышев	14	29,45	45	104,55	24	70,35
Микоян	16	36,00	34	81,25	40	82,20
Молотов	97	126,15	117	291,45	140	345,15
Орджоникидзе	24	45,15	47	52,20	35	100,50
Петровский	–	–	–	–	–	–
Постышев	49	109,25	56	136,40	13	35,05
Рудзутак	2	8,15	14	36,15	6	23,20
Чубарь	1	0,30	–	–	–	–

	1934		1935		1936	
	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете
Андреев	28	76,05	24	61,20	22	58,45
Ворошилов	79	166,30	70	198,15	76	292,15
Жданов	86	278,30	21	58,45	14	32,00
Ежов	17	23,40	32	88,15	31	75,30

Продолжение табл. 3.3

	1934		1935		1936	
	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете
Каганович	103	323,10	92	261,20	57	161,55
Калинин	31	70,40	35	76,00	18	42,10
Киров	18	62,15	(убит 1/12/1934)			
Косиор	10	22,50	8	23,55	6	13,05
Куйбышев	49	152,30	5	15,55	(умер 25/01/1935)	
Микоян	43	104,35	30	71,15	31	70,00
Молотов	97	334,45	101	315,35	109	267,40
Орджоникидзе	59	186,50	77	218,00	67	176,35
Петровский	1	1,45	–	–	–	–
Постышев	8	19,35	12	28,40	1	2,30
Рудзутак	9	42,15	4	14,25	2	6,00
Чубарь	18	58,15	23	62,25	28	64,05
Эйхе	4	3,45	3	6,40	2	4,20
Ягода	53	73,15	36	56,25	20	32,10

	1937		1938		1939	
	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете
Андреев	53	135,45	33	68,35	34	80,20
Берия	2	1,30	32	45,25	108	184,45
Ворошилов	142	438,35	99	266,00	181	509,40
Жданов	61	146,65	82	203,55	93	226,05

Окончание табл. 3.3

	1937		1938		1939	
	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете	Количество посещений	Суммарное количество часов, проведенных в кабинете
Ежов	174	527,55	104	305,50	(не переизбран в Политбюро в 1939)	
Каганович	128	406,10	74	200,45	90	240,30
Калинин	20	32,30	11	20,15	9	15,45
Косиор	19	33,05	(арестован в 1939)			
Маленков	62	72,35	74	96,15	50	72,15
Микоян	57	130,40	48	98,10	142	301,10
Молотов	213	601,20	170	470,25	274	659,30
Орджоникидзе	22	71,55	(покончил жизнь самоубийством 18/02/1937)			
Петровский	—	—	3	2,50	(не переизбран в Политбюро в 1939)	
Постышев	8	11,20	(выведен из Политбюро 14/01/38)			
Хрущев	15	23,30	18	43,45	24	70,40
Чубарь	31	74,30	6	10,45	(выведен из Политбюро 14/01/1938)	
Эйхе	3	6,10	2	2,40	(арестован 26/04/38)	

Источник: Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 288–291.

В переписке Сталина обсуждение и вынесение решений по делам чрезвычайной важности перемешано с повседневной рутиной. В одном и том же послании Сталин мог отдать приказ о расстреле группы чиновников, снять с поста наркома транспорта, дать инструкции по курсу обмена валюты, предложить множество организационных изменений, урезать капвложения и определить основные направления внешней политики. В другом письме Сталин обсуждал вопросы выращивания овощей в Московской области, а также—должен ли такой-то мост иметь одну или две

полосы, должен ли советский писатель писать книги о советской промышленности, выделять ли конкретным чиновникам автомобиль «форд», какова должна быть глубина такого-то канала, какие продукты необходимо послать в Баку, в каких из статей, опубликованных в разнообразных газетах и журналах, имеются идеологические ошибки, каковы цены на хлеб в разных регионах, должна ли «Правда» ежедневно публиковать информацию о производстве автомобилей, и, наконец, вопрос о переименовании одной из площадей в Москве. Таблица 3.3 показывает расписание встреч Сталина в его личном кабинете с его наиболее частыми посетителями. Как видно из таблицы, наибольшее количество времени Сталин провел с глазу на глаз с двумя своими заместителями — Молотовым, главой правительства, и Кагановичем, своим первым заместителем по партии в первой половине 1930-х гг. Например, в 1933 году он провел 415 часов с Кагановичем и 435 часов с Молотовым. В первый год Большого террора, 1937, Сталин чаще встречался с непосредственным исполнителем репрессий, главой НКВД Ежовым (527 часов), чем с главой правительства или Кагановичем. В типичный год, возьмем, к примеру, 1934, Сталин потратил на подобные совещания около 1700 часов, что составляет более двухсот восьмичасовых рабочих дней⁸⁴.

Проклятье диктатора заключалось в том, что его помощники, облеченные властью принимать решения по всем возможным вопросам, на практике старались принимать как можно меньше решений. Такая стратегия сводила к минимуму их риски. Чем меньше решений они принимали, тем меньше было поводов обвинить их, если дела оборачивались плохо. В то же время диктатор оказался не в состоянии легко отделить действительно важные вопросы от всевозможной ерунды и должен был принимать решения по всем без исключения вопросам.

Выводы

В этой главе описан процесс создания высокоцентрализованного властного механизма, основанного на применении силы, который был необходим для осуществления политики Великого перелома, в частности для первоначального накопления капитала. Принятые решения по пяти главным проблемам управления — выбор административно-командной системы, необсуждаемость

⁸⁴ Обобщающая таблица посещений кабинета Сталина была составлена О.В. Хлевнюком. Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти... С. 290–291.

«генеральной линии партии», единая партийно-государственная система власти, подавление внутрипартийной демократии и переход к единоличной диктатуре – создали, возможно, самую высокоцентрализованную систему власти, когда-либо существовавшую в истории человечества. Чрезвычайная концентрация политической власти неизбежна при административно-командной системе. Описанная выше угнетающая, монотонная рутина управления высшего советского руководства была именно тем результатом, которого можно было ожидать от административно-командной системы. В то время как в рыночной экономике миллионы решений, касающихся распределения ресурсов, принимаются рынком, в командной экономике принятие всех этих решений ложится на плечи разрываемых на части, перегруженных и плохо информированных чиновников. В отсутствие чрезмерной централизации власти и непререкаемости «генеральной линии партии» административные решения, принимаемые десятками, сотнями или даже тысячами чиновников, были бы противоречивыми и не согласованными между собой. Следовательно, для предотвращения хаоса обязательно должен был существовать какой-то упорядочивающий механизм. Создание фактически единой системы партийных и государственных органов, безоговорочное подчинение советских учреждений партийным органам совершенно однозначно говорят об отказе от научного планирования – ведь технические специалисты работали в правительственных организациях. Отказ от внутрипартийной демократии, несомненно, внёс свою лепту в процесс концентрации власти. Неповиновение партийных руководителей на местах приказу о прекращении преследования директоров предприятий и специалистов было опасным вызовом центральной власти. Однако значимость отказа от партийной демократии заключалось прежде всего в том, что тем самым подтверждались полномочия центра действовать от лица рабочего класса. Несмотря на то что местные партийные чиновники были намного ближе к заводам и фабрикам, а многие члены партии вообще на них работали, не они, а Сталин и Политбюро были «истинными представителями рабочего класса».

В трансформации механизма политической власти от коллективного руководства небольшой группы партийных лидеров (Политбюро) к механизму единоличной диктатуры Сталина, возможно, и была своя логика. Так как высшее руководство партии состояло из представителей промышленных и региональных групп влияния, только могущественный диктатор мог противостоять угрозе создания системы, названной нами моделью «диктатора-рефери». Как

показывают источники, Сталин хорошо понимал, что наибольшую опасность представляют группы влияния внутри правящей элиты, и исполнял роль «оседлого грабителя», сопротивляясь давлению этих групп. Но если единоличная диктатура была действительно необходима для удержания системы от анархии, рождаемой враждующими группами влияния, то возникает вопрос: почему после смерти Сталина в Советском Союзе не возникла новая единоличная диктатура. Однако одно из введенных Сталиным правил на самом деле сохранилось в последующих советских режимах. Речь идет о безоговорочной власти Генерального секретаря в вопросе о принятии каких бы то ни было решений. После смерти Сталина опротестовать решение Генерального секретаря можно было лишь путем отставки последнего, как это произошло с Никитой Хрущевым в 1964 году. В период правления Горбачева высшее партийное руководство не одобряло его идеи о перестройке и проведении реформ, и, тем не менее, в соответствии с устоявшейся традицией, последнее слово в принятии решений оставалось за Генеральным секретарем⁸⁵.

Приняв во внимание стратегию первоначального накопления капитала и созданный властный механизм, в следующей главе мы рассмотрим проблему капиталовложений.

⁸⁵ Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, N.Y.: Sharpe, 1998. Chap. 2.

Глава 4

КАПИТАЛОВЛОЖЕНИЯ, ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

«СССР – страна благородная, хлеб отправляет за границу, а сама голодная».

«Пусть соревнуются, кто сыт».

«Пятилетку построить в 4 года нельзя. Строить ее нужно не на костях рабочих, а так, чтобы не было головокружения от голода».

«Да здравствует пятилетка с голодным желудком».

(Надписи на фабричных стенах в 1930 году)¹

Советский диктатор – Политбюро или (позднее) один Сталин – должен был определить свои цели, то, что экономисты называют «целевой функцией» (objective function). Целевая функция описывает цели личности или организации (например, предприятия), учитывая относительную важность каждой из этих целей. Абрам Бергсон (Abram Bergson) использовал термин *предпочтения плановиков* (planners' preferences) для удобства краткого обозначения целевой функции советского диктатора, будь то целевая функция диктатора Сталина или диктатуры «коллективного руководства»². Термин «предпочтения плановиков» был выбран в силу того, что развитие административно-командной экономики определялось генеральной линией партии, в отличие от рыночных экономических систем, чье развитие в конечном итоге зависит от предпочтений потребителей³.

Совершенно очевидно, что Политбюро 1930-х годов имело множество целей, но, несмотря на слухи об идеологических конфликтах, на самом деле существовало некое базовое единство и согласие о необходимости удержания власти, максимизации экономического роста, приоритете капитальных вложений в тя-

желую промышленность и необходимости перекачки ресурсов из деревни⁴. После начала политики Великого перелома дороги назад уже не было – судьба Сталина и его команды зависела от успешности этой политики. Сталин и его соратники свято верили в свои собственные лозунги, будто бы они были окружены вредителями, враждебными кулаками, внутренними и внешними врагами и для того, чтобы выжить, им необходимо провести немедленную индустриализацию. «Самое удивительное в этих документах [архивах] это то, что за закрытыми дверями представители сталинского высшего руководства говорили друг другу точно те же вещи, которые они говорили в публичных выступлениях»⁵. Повсюду им виделись «контрреволюционеры, засевшие на теплых местах», тупые местные партийные чиновники, которые не замечают «кулаков и белогвардейцев, засевших в колхозах», или «белогвардейцы, готовящие террористические акты»⁶.

Поскольку партия играла ведущую роль, она и выбирала оптимальную для страны экономическую политику. У партии был выбор между двумя инструментами осуществления своей политики: она могла устанавливать оптимальные производственные задания в натуре для таких продуктов, как сталь, уголь и продукция машиностроения, так называемые «контрольные цифры» (привлекательность этого подхода мы обсудим в следующей главе). Или же она могла устанавливать оптимальный объем инвестиций и их распределение между отраслями народного хозяйства. В теории оба эти метода взаимосвязаны. Существующие стереотипы об административно-командной экономике утверждают, что в ней планы капитальных вложений определялись производственными планами. Предполагается, что руководители сначала определяли желаемые объемы производства, а затем подсчитывали размеры капитальных вложений, необходимых для реализации производственных планов.

Из этих двух методов оптимизация инвестиций ближе идеологическим принципам советского государства. Закон Маркса о расширенном воспроизводстве четко устанавливал, что экономический рост зависит от накопления капитала. Преображенский предложил получить необходимые для инвестиций средства за

¹ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. М.: РОССПЭН, 1998. С. 82.

² Bergson A. The Economics of Soviet Planning. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1964. P. 338–340, 350–352.

³ Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. P. 110.

⁴ Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 70–72; Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 137.

⁵ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 22.

⁶ Ibid. P. 311.

счет излишков, взятых из сельского хозяйства, а для их извлечения было создано управление, основанное на принуждении. Стратегией Политбюро в первые две пятилетки была политика массовых инвестиций: в гидроэлектростанции, гигантские автомобильные и тракторные заводы, домны, каналы и машиностроительные комплексы. С точки зрения практики было проще планировать капитальные вложения, чем производственные показатели в натуре. План капитальных вложений был централизованным и определялся статьей государственного бюджета «расходы на народное хозяйство», также в бюджете давалась его разбивка между отраслями и ведомствами-получателями. План капиталовложений составлялся в рублях, а не в труднообрабатываемых тоннах или метрах, в которых устанавливались контрольные цифры. В таблице 4.1 для иллюстрации приведен план капиталовложений на вторую пятилетку (1933–1937).

Таблица 4.1. Планы капитальных вложений на вторую пятилетку, 1933–1937 гг., в разбивке по ведомствам и отраслям (в млн руб., в ценах 1933 г.)

		1933 (1)	1934 (2)	1935 (3)	1936 (4)	1937 (5)
1	Народное хозяйство в целом	17989	25111	27991	30309	32000
2	Наркомат тяжелой промышленности в целом	7700	9290	9880	10060	9830
3	Электроэнергетика	700	990	1025	1275	1360
4	Угледобыча	650	667	700	725	758
5	Нефтедобыча и нефтепереработка	545	770	1000	1175	1210
6	Горнорудная промышленность	46	57	69	83	95
7	Черная металлургия	1665	1825	2025	2000	1825
8	Цветная металлургия	690	705	800	800	796
9	Машиностроение	1280	1495	1800	1750	1735
10	Химическая и коксохимическая промышленность	800	1049	1050	940	931
11	Наркомат легкой промышленности	581	1031	2605	2900	2084
12	Наркомат лесной промышленности	414	571	700	865	900

Продолжение табл. 4.1

		1933 (1)	1934 (2)	1935 (3)	1936 (4)	1937 (5)
13	Наркомат пищевой промышленности	780	997	1150	1200	1213
14	Наркомат внешней торговли	90	116	102	90	77
15	Наркомат земледелия	1340	1878	2165	2555	2822
16	Наркомат совхозов	650	747	835	865	893
17	Наркомат снабжения	2165	3707	4016	4190	4622
18	Наркомат водного транспорта	506	962	886	860	1031
19	Наркомат путей сообщения	375	542	676	1020	1387
20	Главное управление гражданской авиации	115	193	251	390	551
21	Наркомат связи	206	394	350	375	420
22	Центросоюз	265	293	297	303	352
23	Промкооперация	128	139	155	190	238
24	Жилкооперация	86	111	150	200	259
25	Жилищный фонд исполкомов	140	182	220	290	362
26	Коммунальное строительство в городах (включая метрополитен)	725	1323	1450	1600	1802
27	Образование	240	458	600	781	1071
28	Здравоохранение	238	349	550	760	1178
29	Комитет по хлебозаготовкам при СНК	175	315	180	150	120
30	Главное управление кинематографии	35	74	138	200	228
31	Главное управление северного морского пути	26	29	50	65	80
32	Другие центральные органы	1010	1455	585	400	480

Источник: Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937), приводится по: Zaleski E. Stalinist Planning for Economic

Учитывая высокую степень централизации власти, Сталин и его соратники входили в период пятилеток с уверенностью в своих силах. У них была сила, чтобы извлекать «излишки» из деревни, они отстранили от власти тех, кто сопротивлялся их политике, и теперь могли самостоятельно управлять экономикой, не сдерживаемые, как они считали, никакими ограничениями. Они думали, что решительные действия, усердный труд и идеологическая целеустремленность вполне могут удвоить или утроить основной капитал за несколько лет.

Политика капитальных вложений

Независимо от того, существовали или нет пределы управления экономикой, за распределение инвестиций шла яростная борьба. Урал, Сибирь и республики Закавказья хотели быть центрами тяжелой промышленности, тогда как Россия и Украина стремились отстоять своё первенство. Один из региональных лидеров выразил свои предложения по распределению инвестиций в следующих словах: «Есть лишь одно решение – двигаться вперед и преодолевать эти сложности любой ценой... Если кто-то заявляет, что нам необходимо притормозить, потому что у него голова идет кругом, нам придется заменить его кем-то другим»⁷. Сталинский Великий перелом особенно привлекал региональных лидеров, поскольку он обещал инвестиции для всех регионов.

В ходе борьбы за власть правые отстаивали умеренность, экономическое равновесие и сбалансированный рост, в то время как Сталин и его сторонники всё настойчивее выступали в пользу масштабированных инвестиций. В Центральном комитете региональные лидеры составили крупнейшую сплоченную группировку, и, когда в Политбюро был раскол, их голос был особенно важен⁸. Представители Урала хотели построить у себя крупные машиностроительные комбинаты (такие, как Уралмаш); Дальний Восток желал новые золото- и серебродобывающие предприятия; Узбекистану была необходима оросительная система; Центральный черноземный район хотел начать строительство металлургических и трак-

торных заводов. В период позднего нэпа Рыков и Госплан, проводя ответственную политику стабильности, отказывали региональным группам влияния в их притязаниях. Руководство Госплана обвинило безответственных руководителей регионов в проектах, основанных на местных интересах, отсутствии объективности и неточных расчетах, подрывавших самые основы планирования⁹.

Нарисованные Сталиным перспективы героической индустриализации представляли весьма привлекательный контраст. Все региональные проекты могли получить финансирование. Не должно было существовать никаких ограничений. В середине 1929 года в ОГПУ из регионов начали поступать обвинения в адрес правительства, а на заседаниях ЦК региональные лидеры открыто обвиняли правых в развале экономики и замедлении темпов экономического роста¹⁰. К тому времени, когда в ноябре 1929 года был созван пленум Центрального комитета партии, правая оппозиция окончательно сдала свои позиции, и пленум с энтузиазмом утвердил наиболее амбициозный вариант плана на первую пятилетку. Фактически, для того чтобы привлечь на свою сторону региональных руководителей, Сталин и его сторонники использовали политический сговор представителей отдельных регионов. Также стоит отметить, что именно глава Уральского обкома (Кабаков) сделал формальное предложение о численности и персональном составе Политбюро, приведшее к исключению из него одного из лидеров правой оппозиции (М. Томского). Стенограмма XVI съезда ВКП(б) от 13 июля 1930 года показывает, что исключение (путем непереизбрания) Томского из Политбюро было заранее подготовлено:

Калинин: Выборы исполнительных органов ЦК – Политбюро, Оргбюро, Секретариата. По первому пункту порядка дня какие есть предложения?

Кабаков: Я предлагаю ввести в Политбюро 10 человек.

Калинин: Есть желающие высказаться по количеству членов Политбюро? (*Голоса:* Принять.) Нет? Кто за то, чтобы было 10 членов Политбюро, тех прошу поднять руки. Кто против? Воздерживается? Принято.

...

Кабаков: Состав Политбюро: т.т. Сталин, Калинин, Рудзутак, Куйбышев, Молотов, Ворошилов, Рыков, Каганович, Косиор Ст., Киров.

Калинин: Как прикажете голосовать, каждого отдельно?

⁷ Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca, N.J.: Cornell University Press, 1999. P. 94.

⁸ Ibid. P. 4–6.

⁹ Harris J.R. The Great Urals. P. 95.

¹⁰ Ibid. P. 96–98.

(Голоса: Сразу.) Голосую en bloc. (Смех. Ворошилов: Объясни, что это значит?) Так как товарищ Ворошилов просит объяснить, из этого заключаю, что некоторые не знают, что такое значит en bloc. Это значит вместе, в целом. Кто за оглашенных товарищей, прошу поднять руки. Прощу опустить. Против? Воздерживается? Принято единогласно.

...
Кабаков: Генеральный секретарь тов. Сталин? (Голоса: Ясно.)¹¹

Впрочем, вскоре оказалось, что и у «героических» планов капитальных вложений, которые были столь рьяно поддержаны региональными лидерами, есть свои пределы. Региональным и промышленным руководителям всё так же приходилось бороться между собой за инвестиции; некоторые лидеры общесоюзного масштаба стали выступать за умеренный курс, как всего несколько лет назад это делали правые. Качели битвы за инвестиции видны на примере резких изменений проектов планов капиталовложений, при этом некоторые из этих проектов разделяла всего неделя, а то и один-два дня. Таблица 4.2 показывает колебания в планах капитальных вложений на 1935 и 1936 годы. Лимиты на 1935 год изменялись в следующих пределах: от 18 миллиардов рублей до 27,1 миллиарда; а на 1936 год разница между верхней и нижней границами была еще больше (17 и 35 миллиардов рублей соответственно). Отклонение заявок с просьбами о капитальных вложениях вызывало беспокойство исполнителей. Так, на сокращение бюджетных инвестиций для своего ведомства Орджоникидзе ответил резким выпадом:

Т. Серго [Орджоникидзе] совершенно неожиданно опять заострил вопрос, не стану подробно излагать весь ход его рассуждений, он, например, изрекал: «Вы, мол, тут хотите играть роль государственников, но, когда заводы сорвутся, мне придётся отвечать, а не тем, кто тут ведёт «серьезное обсуждение». К чему это нужно Серго создавать эту атмосферу, как он не понимает, что ПБ не может идти на удовлетворение всех его запросов, что мы должны именно быть объективными. Чем нам труднее без Вас, тем более все должны себя сдерживать. Завершил он смешным заявлением, что, мол, я [Каганович] на него кричу и что он этого не позволит. Эту смешную версию и опровергать не стоит, ибо помимо того, что он всех перекричит, все знают моё отношение к нему...¹²

¹¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 94–95.

¹² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 55.

Таблица 4.2. *Проекты планов капитальных вложений на 1935 и 1936 гг. (в млн руб.)*

Проекты планов, авторы и даты составления	Задание
Годовые задания на 1935 г. из второго пятилетнего плана	22285
Суммарная заявка секторов Госплана на 1935 г.	33768
Максимальный лимит Госплана на 1935 г.	26537
Второй максимальный лимит Госплана на 1935 г.	23500
Проект плана Политбюро, июль 1934 г.	18000
Проект плана на 1935 г., конец 1934 г.	21190
Утвержденный план на 1935 г.	27157
Проект плана на 1936 г. от 19.07.1935	17700
Проект плана на 1936 г. от 21.07.1935	19000
Проект плана на 1936 г. от 26.07.1935	22000
Проект плана на 1936 г. от 28.07.1935	27341
Проект плана на 1936 г. от 29.05.1936	35053

Источник: Davies R.W. Why Was There a Soviet Investment Cycle in 1933–37? Information and Decision Making in the Soviet Economic Bureaucracy. University of Warwick Summer Workshop. July 16, 1999.

Максимизация инвестиций?

Мы устанавливаем следующее правило оптимизации: в условиях существующих ресурсных и технологических ограничений цель заключается в ежегодном увеличении реальных инвестиций. Расширенное воспроизводство Маркса и первоначальное накопление Преображенского предполагают следующую стратегию в вопросе распределения ресурсов: ежегодно увеличивать объем инвестиций, оставляя на потребление «достаточное» количество средств, оставшееся после инвестиций¹³. Первая математическая модель экономического роста, сформулированная русским экономистом Г.А. Фельдманом, предполагала стратегию максимизации инвестиций: чем больше средств вкладывается в промышленность, производящую средства производства, тем выше темпы

¹³ Erlich A. The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. P. 147–148.

роста¹⁴. Единственное ограничение, существующее при стратегии «инвестиций любой ценой», заключается в том, что, если недостаточно продукции отводится на потребление, плохо снабжаемая и не заинтересованная в интенсивном труде рабочая сила может замедлить рост. Тот факт, что с 1928 по 1937 год доля расходов на инвестиции удвоилась (с 13 до 26 процентов)¹⁵, кажется, подтверждает идею о том, что советское руководство реализовывало исключительно стратегию «первоочередности инвестиций»¹⁶.

Как это ни удивительно, но картина, которую можно было бы ожидать, – стабильный рост капитальных вложений при колебаниях объемов потребления, как резерва, – не соответствует реальным данным. Один из самых известных советских исследователей экономического роста в СССР, А.Л. Вайнштейн, пришел к выводу, что колебания объемов капитальных вложений в четыре раза превышали колебания объемов потребления¹⁷. Этот вывод был подтвержден и другими исследователями¹⁸. Более того, потребление вообще не играло роль резервного сектора инвестиций¹⁹. Инвестиционные циклы 1930-х годов не подтверждают ожидаемый стабильный и быстрый рост инвестиций²⁰. Противоречивые свидетельства требуют разумного объяснения: почему руководство, заинтересованное в форсированном накоплении капитала, отказывалось от своих целей, периодически предпочитая потребление инвестициям?

Инвестиции, потребление и трудовые усилия рабочих: модель. Почему же Политбюро, преданное идее накопления промышленного капитала, убежденное в том, что для него не существует экономических ограничений, и имевшее власть для проведения этого принципа в жизнь, поступалось инвестициями в пользу потребления, создавая основной капитал промышленнос-

ти, который должен был бы гарантировать ее будущее развитие? Несомненно, сокращение капитальных вложений было горькой пилюлей для советского руководства. Ему приходилось отменять запланированное строительство и откладывать завершение строительства промышленных предприятий, что, несомненно, приводило промышленных и региональных руководителей в ярость. Стоит учесть, что со стороны потребителей не было никакого организованного лоббирования повышения уровня жизни, а профсоюзы были послушным орудием в руках государства, к тому же у Сталина не было ни малейшего сострадания к рабочему классу. Если пришлось пожертвовать инвестициями ради потребления, то у Политбюро на это должны были быть веские причины.

Уровень жизни рабочих, несомненно, оказывает влияние на производство. Если он ниже прожиточного минимума, то трудовые ресурсы сокращаются из-за высокой смертности. Существует также некий уровень заработной платы; если последняя опускается ниже этого уровня, то рабочие начинают бастовать, хотя бы заработная плата и превышала прожиточный минимум. Поэтому рациональное Политбюро должно было бы максимизировать инвестиции с учетом этих двух ограничений. Но Политбюро приходилось иметь дело еще с одной проблемой – интенсивностью трудовых усилий рабочих. Если немного поразмыслить, сам собой напрашивается вывод, что в административно-командной системе интенсивность трудовых усилий рабочих является одним из важнейших вопросов. Абсолютное большинство трудоспособного населения в СССР работало, таким образом, предложение рабочей силы было практически фиксированным в краткосрочной перспективе. При гарантированном праве на труд прогульщиков и лентяев в сущности даже не могли уволить²¹, а надежды на появление «нового социалистического человека» довольно быстро растаяли без следа. В таких условиях рост производства зависел в первую очередь от интенсивности трудовых усилий рабочих. В долгосрочной перспективе экономический рост зависел от физического и человеческого капитала, но так как Политбюро хотело получить результаты немедленно, то достичь этого можно было только за счет интенсификации трудовых усилий работников.

Литература по менеджменту, психологии, экономике и социологии учит нас, что интенсивность, прилагаемых рабочими трудовыми усилиями зависит от того, считают ли они получаемую заработную

¹⁴ Domar E. A Soviet Model of Growth // Essays in the Theory of Economic Growth. New York: Oxford University Press, 1957. P. 223–261.

¹⁵ Bergson A. The Real National Income... P. 217–237.

¹⁶ Gregory P., Stuart R. Soviet Economic Structure and Performance. 4th ed. New York: Harper & Row, 1990. Chap. 7.

¹⁷ Вайнштейн А.Л. Динамика народного дохода и его основных компонентов // Экономические и математические методы. 1967. № 1. С. 21.

¹⁸ Vincenz V. Wachstumsschwankungen der Sowjetischen Wirtschaft: Ausmass, Auswirkungen und Ursachen // Bericht des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. 1979. № 15. S. 9.

¹⁹ Schrettl W. On the Volume of Soviet Investment and Some Implications // Forschungsbericht. 1974.

²⁰ Harrison M. National Income // The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945 / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 48–53.

²¹ Granick D. Job Rights in the Soviet Union: Their Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 300–309.

плату справедливой²². Если заработная плата ниже той, которую работники считают справедливой, они прилагают меньше трудовых усилий. Если они получают слишком мало относительно «справедливой» заработной платы, они бастуют. Положительная зависимость между интенсивностью прилагаемых трудовых усилий и «справедливой» заработной платой достаточно универсальна и действует как в рыночных условиях, так и в условиях административно-командной экономики. Единственно возможная ситуация, при которой такой связи нет, – это маловероятная ситуация возникновения нового «социалистического» отношения к работе.

Применяя теорию «справедливой» заработной платы к административно-командной экономике, мы используем простую модель. Простая система обозначений и графики помогут разобраться в этой модели даже неподготовленному читателю. Впервые модель, характеризующая зависимость между «справедливой» заработной платой и интенсивностью трудовых усилий рабочих, была сформулирована Нобелевским лауреатом Джорджем Акелрофом (George Akerlof). Акелроф показал, что принцип «если люди не получают, то, что они заслуживают, они платят тем же» (т.е. делают меньше, чем от них ожидают) всесторонне подтверждается экспериментами, литературой по теории общественного обмена и трудовых отношений. В модели Акелрофа рабочие прилагают трудовые усилия в полной мере при «справедливой» заработной плате. Если плата меньше «справедливой», они уменьшают интенсивность трудовых усилий. При зарплате ниже критического минимума они перестают прилагать вообще какие бы то ни было усилия. Таким образом, интенсивность трудовых усилий (e) – это возрастающая функция от соотношения между реальной заработной платой (w) и справедливой заработной платой (a):

$$e = f(w/a)$$

Если w меньше «справедливой» заработной платы, интенсивность трудовых усилий будет меньше «нормальной». Если $w = a$, рабочие получают «справедливую» заработную плату и прикладывают трудовые усилия в полном объеме. Если w больше a (т.е. если рабочим переплачивают), они могут как увеличивать, так и

не увеличивать интенсивность трудовых усилий²³. Если рабочие получают w' («забастовочную» заработную плату), они не прилагают вообще никаких усилий.

Ранее модель «справедливой» заработной платы применялась для изучения работы предприятий или отдельных отраслей промышленности рыночной экономики. Мы используем эту модель для изучения административно-командной экономической системы в целом, где предложение рабочей силы фиксировано и объем производства зависит от интенсивности трудовых усилий работников²⁴. Таким образом, мы можем проследить соотношение между суммарным объемом выпускаемых товаров, интенсивностью трудовых усилий рабочих и в конечном счете объемом потребления. Идеи, лежащие в основе этой модели, несложны, их с легкостью поняли бы как члены Политбюро, так и сам Сталин.

Наша модель зависимости интенсивности трудовых усилий рабочих от «справедливой» заработной платы рассматривает административно-командную экономику с фиксированным предложением рабочей силы, производящую один вид продукции (Q). Продукция может быть использована либо для инвестиций (I), либо для потребления (C). C – это то, что остается после того, как выбран объем инвестиций I ($C = Q - I$). Поскольку предложение рабочей силы фиксировано, Q , I и C выражают также приблизительный объем производства на одного рабочего (производительность труда), объем инвестиций на одного рабочего и объем потребления на одного рабочего соответственно²⁵. Потребление на одного рабочего – это не что иное, как средняя реальная заработная плата. Диктатор может или выбрать значение C и получить соответствующее ему значение I , или, наоборот, выбрать значение I и получить соответствующее C . Выбор одного автоматически определяет значение второго.

²³ Исследования Акелрофа и Еллена показали, что, переплачивая рабочим, нельзя увеличить интенсивность их трудовых усилий. См.: Akerlof G., Yellen J. The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment. P. 258.

²⁴ Эта проблема была впервые исследована в модели Вольфрама Шреттла, которая здесь является составной частью модели «справедливой» заработной платы. См.: Schrettl W. Anspruchsdenken, Leistungsbereitschaft und Wirtschaftszyklen // Wachstumsverlangsamung und Konjunkturzyklen in unterschiedlichen Wirtschaftssystemen / Hrsg. von A. Bohnert et al. Berlin: Duncker & Humblot, 1984. S. 153; Schrettl W. Konsum und Arbeitsproduktivität // Beck'sche Schwarze Reihe. Band 271. Munich: C.H. Beck, 1984. S. 42–65.

²⁵ Это полезное упрощающее допущение. Его сложнее применить в расчетах потребления на душу населения, чем на одного рабочего, в силу возросшей в 1930-е годы доли рабочей силы в общей численности населения страны.

²² Обобщение этой литературы см.: Akerlof G., Yellen J. The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment // Quarterly Journal of Economics. 1990. Vol. 105. № 2. P. 256–268; Akerlof G. Gift Exchange and Efficiency Wages: For Views // American Economic Review. 1984. Vol. 74. № 2. P. 78–83; Katz L. Efficiency Wages Theories: A Partial Evolution // NBER Macroeconomics Annual 1986 / Ed. by S. Fisher. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986. P. 235–275; Howitt P. Looking Inside the Labor Market: A Review Article // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40. № 1. P. 125–138.

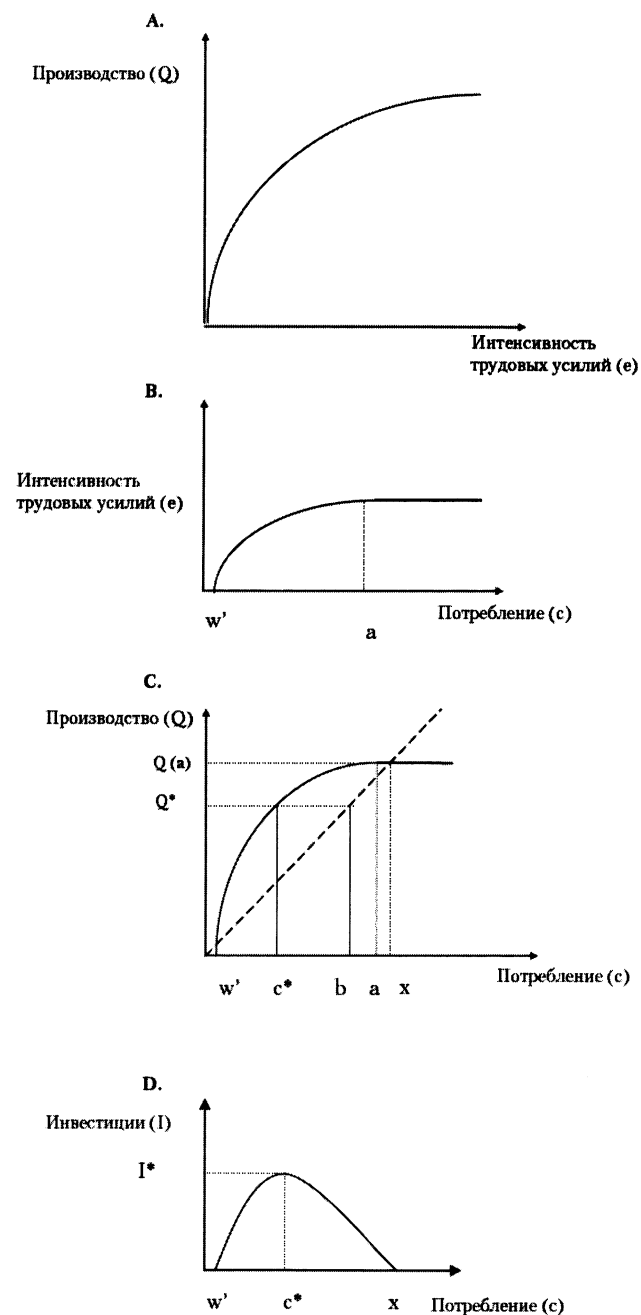

Рис. 4.1. Максимизация инвестиций

Рис. 4.1 показывает, как работает эта модель. График А показывает, что при фиксированном предложении рабочей силы объем производства (Q) зависит от интенсивности трудовых усилий рабочих (e). График В показывает, что e зависит от размера заработной платы – объема производства потребительских товаров (c). С ростом производства потребительских товаров интенсивность трудовых усилий рабочих (e) увеличивается, пока не достигнет точки a ($w=a$), соответствующей «справедливой» заработной плате, когда рабочие получают достаточно потребительских товаров (c). В данной модели дальнейший рост потребления не вызывает дальнейшую интенсификацию трудовых усилий рабочих²⁶. График С суммирует первые два графика, показывая соотношение между Q и c . Растущее потребление будет способствовать росту производства, пока потребление не достигнет точки «справедливой» заработной платы (a). При $c > a$ дальнейший рост потребления не приведет к росту производства. На графике С биссектриса, обозначенная пунктиром, дает представление о количестве инвестиций, соответствующих тем или иным значениям потребления и производства. В точке пересечения биссектрисы и кривой производства (x) все, что произведено, полностью потребляется (инвестиции отсутствуют). «Слева» от точки пересечения инвестиции (представляющие собой положительную величину) равны расстоянию по горизонтали между биссектрисой и кривой производства. Например, в точке a инвестиции равны $x-a$. «Слева» от точки «справедливой» заработной платы, в точке c^* , объем инвестиций достигнет максимума, равно-го расстоянию по горизонтали между точками b и c^* ($b-c^*$). При «забастовочной» заработной плате (w') нет ни производства, ни потребления, ни инвестиций. На графике D показана зависимость объема инвестиций от потребления, кривая инвестиций I . Она представляет собой перевернутую U-образную кривую с максимальным значением инвестиций в точке I^* при интенсивности трудовых усилий c^* . Другое количество ресурсов, расходуемых на потребление, например равное a , не дает максимизации инвестиций (I).

²⁶ Хотя мы изображаем кривую производства как параллельную оси x «справа» от точки, соответствующей «справедливой» заработной плате, для наших выводов это не имеет большого значения.

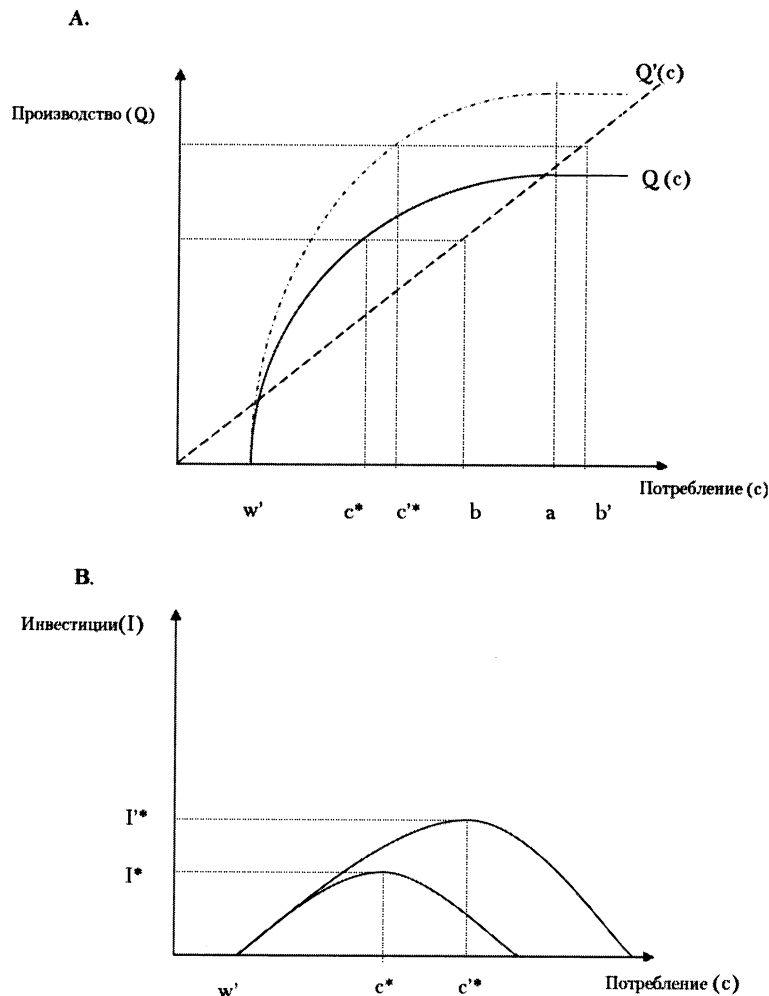

Рис. 4.2. Динамика роста основных фондов в зависимости от объема инвестиций

Таким образом, для максимизации I диктатор выберет «оптимальный» уровень потребления (c^*), который обеспечивает инвестиции в размере I^* , но не соответствует (меньше) «справедливой» заработной плате a . Такой выбор является оптимальным для диктатора, поскольку приводит к максимально возможному для данного периода объему инвестиций. Следует отметить, что, делая такой выбор, диктатор жертвует текущим объемом производства. Если бы он выбрал a , было бы произведено больше Q

($Q(a) > Q^*$). Однако цель диктатора — максимизация инвестиций в каждый конкретный период. В соответствии с целевой функцией диктатора больший объем инвестиций важнее «потерь» в потреблении, интенсивности трудовых усилий или производстве.

Диктатор должен принимать решение об объеме инвестиций и уровне потребления для каждого конкретного периода. Таким образом, модель имеет два динамических аспекта. Во-первых, выбранный в данный период объем инвестиций I влияет на размер основного капитала последующего периода, т.е. больше инвестиций (I) сегодня означает больший основной капитал завтра²⁷. График А рис. 4.2 показывает, как больший объем инвестиций в данный период перемещает кривую Q последующего периода «вверх». На графике В показано соответствующее смещение «вверх» и «вправо» U-образной кривой I . Чем выше I в данный период времени, тем больше будет основной капитал в последующий период, что является главным оправданием для политики максимизации инвестиций. Несомненно, если бы эффект увеличения основного капитала был единственным следствием этой модели, то от максимизации инвестиций все только бы выиграли. В каждый последующий период диктатор, нацеленный на максимизацию инвестиций, имеет возможность инвестировать больше и одновременно предоставлять рабочим больше потребительских товаров! Графики А и В показывают, что при увеличении основного капитала растет как «оптимальный» объем потребления, так и «оптимальный» объем инвестиций (от c^* к c'^* и от I^* к I'^* соответственно). В самом деле, закупая современные технологии для отсталого Советского Союза в начале 1930-х годов, Политбюро ожидало огромного роста производительности.

Вторым динамическим аспектом этой модели является собственная заработная плата. Если рабочие решают прилагать меньше трудовых усилий при заработной плате, размер которой первоначально считался «справедливым», это означает, что в их восприятии уровень «справедливой» заработной платы повысился. Представления о «справедливой» заработной плате меняются (в сторону увеличения) всякий раз, когда рабочие требуют больше потребительских товаров для производства того же объема продукции, что и раньше. На графике А рис. 4.3 показан рост «справедливой» зарплаты (от a к a') и сдвиг кривой производства «вправо», вызванный соответствующим уменьшением интенсивности трудовых усилий. На графике В показан соответствующий

²⁷ Размер «завтрашнего» основного капитала (K) равен «сегодняшнему» K плюс I , минус амортизационные расходы.

щий сдвиг «вниз» (и «вправо») U-образной кривой инвестиций. По сути, недовольство рабочих возросло, и они «наказывают» диктатора путем сокращения интенсивности трудовых усилий. Таким образом, рост «справедливой» заработной платы должен вызывать у диктатора беспокойство. Повышение «справедливой» заработной платы заставляет диктатора, нацеленного на максимизацию инвестиций, при прочих равных условиях увеличивать s и соответственно уменьшать I из-за угрозы сокращения производства и интенсивности трудовых усилий рабочих. На графиках А и В рис. 4.3 показано, что в результате роста «справедливой» заработной платы потребление возрастает от c^* до c'^* , а максимально возможный объем инвестиций уменьшается. Подобное сокращение инвестиций отнюдь не означает, что диктатор стал лучше относиться к рабочим или что его приоритеты как-то изменились. Диктатор всё так же твёрдо нацелен на максимизацию инвестиций в каждый конкретный период времени, однако уменьшение интенсивности трудовых усилий рабочих и объемов производства не оставляет ему другого выбора, кроме как сократить инвестиции для увеличения потребления.

Более сложные динамические процессы, происходящие в данной модели, были проанализированы в другой работе и остаются за рамками этой книги²⁸. На интуитивном уровне они предполагают, что диктатор, нацеленный на максимизацию инвестиций в каждый конкретный период времени, может предпринимать неожиданные шаги. В зависимости от эффективности сделанных инвестиций и изменений в представлениях о «справедливой» заработной плате диктатор, нацеленный на максимизацию инвестиций в каждый конкретный период времени, может либо увеличивать объем инвестиций и сокращать размер средств, выделяемых на потребление, либо увеличивать как объем инвестиций, так и потребление, либо увеличивать потребление и сокращать объем инвестиций, или же, наконец, сокращать и потребление, и инвестиции. Сокращение инвестиций произойдет, если представления рабочих о справедливой заработной плате изменятся и их требования возрастут. Хотя эта модель и её следствия могут показаться непростыми, её внутренняя логика была очевидна, в особенности для членов Политбюро, постоянно обеспокоенных настроениями рабочих и крестьян, возможностью волнений среди них.

Наиболее привлекательно в этой модели то, что она показывает, что диктатор с неизменными предпочтениями будет постоянно переходить от политики увеличения инвестиций при относительном невнимании к потреблению к политике сокращения инвестиций ради потребления, и обратно. Эта модель дает ответ на поставивший Р. Дэвиса (R.W. Davies) в тупик вопрос об «основных изменениях в [инвестиционной] политике, которые, как кажется, не обусловлены объективными ограничениями или какой-либо другой системной необходимостью... Осуществление такой политики свидетельствует о том, что она является *добровольным решением* [курсив автора] руководства и, конечно, самого Сталина»²⁹. По меньшей мере, эта модель показывает, что Политбюро приходилось сталкиваться с довольно сложным выбором, который отнюдь не всегда автоматически определялся стратегией максимизации инвестиций любой ценой.

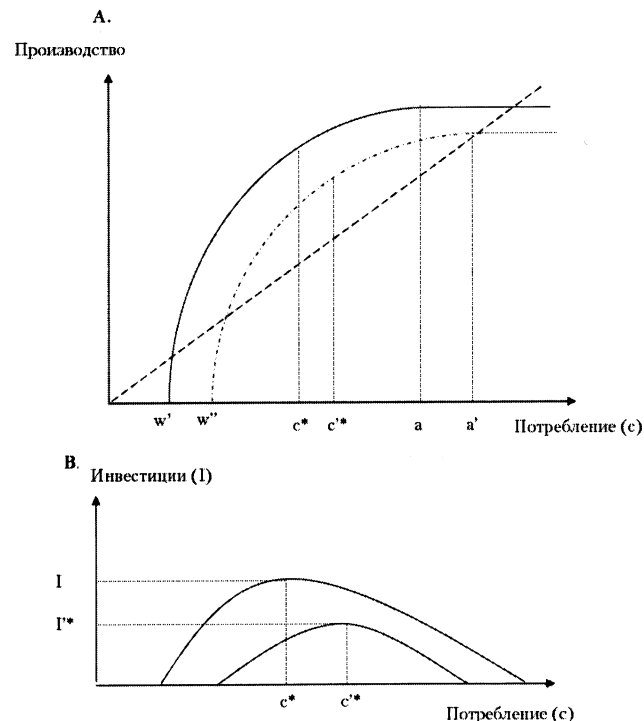

Рис. 4.3. Динамика роста «справедливой» заработной платы

²⁹ Davies R.W. Why Was There a Soviet Investment Cycle in 1933–37? Paper presented at Summer Workshop «Information and Decision Making in the Soviet Economic Bureaucracy», University of Warwick, July 16, 1999. Доступна на сайте www.Soviet-archives-research.co.uk (PERSA Working Paper no. 16, December 2001).

²⁸ Schrettl W., Gregory P. Fair Wages and Unfair Dictators // German Institute for Economic Research (DIW). Working Paper. Summer 2002.

Наша модель предлагает другую интерпретацию политики сокращения инвестиций, альтернативную объяснению этой политики изменениями предпочтений диктатора в пользу увеличения количества потребительских товаров для рабочих за счет сокращения инвестиций («добровольный» переход от c^* к a на рис. 4.1). В модели «справедливой» заработной платы диктатор, под давлением меняющихся (растущих) представлений рабочих о «справедливой» заработной плате, вынужден максимизировать инвестиции при меньшем объеме инвестиций и большем объеме потребления (переход от c^* к c^* и от I^* к I^* на рис. 4.3, графики А и В).

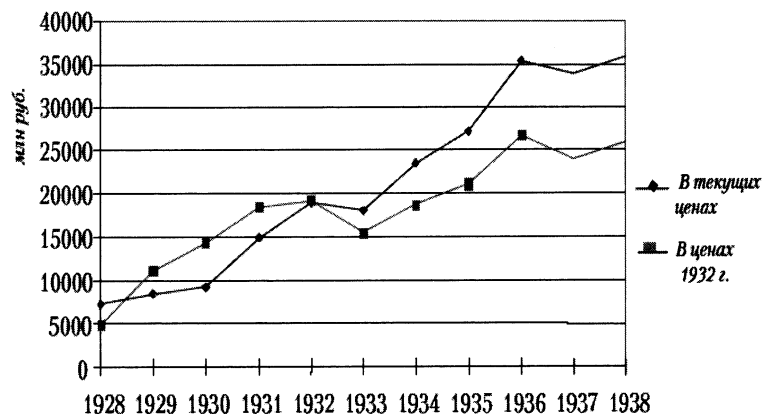

Рис. 4.4. Номинальные и реальные (в ценах на 1932 г.) капитальные вложения в СССР, 1928–1938

Источник: Davies R.W. Why Was There an Investment Cycle in 1933–37? Индексы цен взяты из: Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. P. 660–662; Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1922–1940. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. P. 48.

Чтобы сделать правильный выбор в долгосрочной перспективе, диктатор должен уметь предвидеть последствия своей инвестиционной политики для производительности в масштабах всей экономики и ее влияние на представления и социальные нормы рабочих. К значительному увеличению инвестиций диктатору имело смысл прибегать в тех случаях, когда оно могло привести к существенному росту производительности. Сокращать инвестиции следовало в случае незначительного увеличения производительности при росте недовольства рабочих.

Циклы капитальных вложений на практике. Несмотря на то что изначально плановики намеревались составлять планы капитальных вложений в натуральных показателях, к лету 1931 года сложилась традиция составлять планы капитальных вложений в рублях. Ограничения инвестиций, выраженные в рублях, были более важны, чем выраженные в натуральных показателях³⁰. Несмотря на бесконечные дискуссии по поводу отдельных проектов, размеры капитальных вложений обсуждались членами Политбюро в рублях. Номинальные задания по капитальным вложениям были связаны с нацеленностью инвестиционного планирования на снижение издержек. То есть в этом смысле Политбюро лишь создавало видимость планирования реальных инвестиций, а задача снижения издержек в расчет, как правило, не принималась. Пятилетние планы по капитальным вложениям устанавливались в неизменных ценах, таких, как цены 1926/1927 года или 1932 года, в то время как ежегодные оперативные планы капитальных вложений выражались в текущих рублях. Архивы не содержат каких-либо примеров расчетов капитальных вложений в неизменных ценах; цифры, приведенные здесь, являются результатом пересчета, проведенного западными исследователями. Весьма вероятно, что сами плановики имели лишь приблизительное представление об объемах реальных инвестиций. Размер реальных капитальных вложений вполне мог отличаться от объема, предусмотренного планом капитальных вложений, поскольку план составлялся в неизменных ценах, а капитальные вложения осуществлялись в текущих ценах.

На рис. 4.4 показаны номинальные и пересчитанные реальные инвестиции в период с 1928 по 1938 год. Реальные данные не показывают быстрый и стабильный рост как номинальных, так и реальных капитальных вложений, напротив, они показывают наличие инвестиционных циклов: за периодами быстрого роста инвестиций следовали периоды замедления или даже спада в объемах инвестиций³¹. Были даже два года, когда снизились как номинальные, так и реальные инвестиции (1933 и 1937). В первом инвестиционном цикле номинальные инвестиции резко возросли с 1928 по 1932 год, после чего последовал резкий

³⁰ Балансы оборудования в натуральных показателях действительно составлялись. В 1934 году Госплан составил 111 балансов, а в 1938 году — 156, однако не было подготовлено фактически ни одного баланса для оперативного квартального планирования. Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 98.

³¹ Дэвис ссылается на исследование Залески об инвестиционных циклах в Советском Союзе в этот период (Zaleski E. Stalinist Planning... P. 506–507).

спад 1933 года. С 1934 по начало 1935 года рост инвестиций оставался весьма умеренным, после чего произошел новый скачок. В 1935 и 1936 годах инвестиции резко увеличились, но в 1937 вновь пошли на спад³². Судя по этим данным, непохоже, что Политбюро придерживалось политики инвестиций любой ценой, определяя потребление по остаточному принципу.

Диктатор и модель «справедливой» заработной платы

«Справедливая» заработная плата определяется психологическими факторами и количественно не измерима; следовательно, мы не можем построить график для «справедливой» заработной платы с 1929 по 1938 год. Пожалуй, лучше привести факты инвестиционных циклов в 1930-е годы. Тем не менее, архивы позволяют нам исследовать решения Политбюро, чтобы определить, были ли они решениями диктатора, нацеленного на максимизацию инвестиций, но также учитывающего необходимость сохранения разумного равновесия между объемом инвестиций и настроениями рабочих. Модель «справедливой» заработной платы предполагает, что диктатор стремится оценить настроения рабочих, для того чтобы измерять изменения их представлений о «справедливой» заработной плате, предпринимать все возможные меры для сдерживания роста «справедливой» заработной платы и основывать планы капитальных вложений на реальном инвестиционном потенциале экономики, который зависит от инвестиций предшествующего периода и представлений о «справедливой» заработной плате.

Темпы накопления капитала были ключевым вопросом партийных дискуссий 1920-х годов. Когда Сталин и его сторонники в 1929 году получили контроль над Политбюро, они обосновывали необходимость своей программы массированных инвестиций тем, что они якобы унаследовали экономику, в которой был недостаток инвестиций («инвестиционный голод») и чрезмерное потребление³³. В особенности велико было количество ресурсов, потребляемых крестьянами, в результате изменения земельных отношений и снижения налогов. То есть можно сказать, что в литературе сделан вывод о том,

³² Так как официальные советские погодичные данные об инвестициях в сопоставимых ценах не опубликованы, мы рассчитали их, используя расчеты Залески и Хантера (Zaleski E. *Stalinist Planning...* P. 258; Hunter H., Szyrmer J. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1922–1940*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1992. P. 41).

³³ Erlich A. *The Soviet Industrialization Debate*. P. 56–58.

что Сталин и его команда в 1929 году полагали, что им досталась экономика, в которой потребление приближалось к точке «справедливой» заработной платы на рис. 4.1, графиках С и D. Фактически, в экономике слишком много товаров и ресурсов потреблялось и слишком мало инвестировалось. Получив в 1929 году контроль над принятием решений, сталинское Политбюро получило возможность «двигать» экономику от точки *a* к точке *c**. Рабочие, чувствуя, что они начинают получать меньше «справедливой» заработной платы, могли наказать диктатора, уменьшив интенсивность своих трудовых усилий, если диктатор не мог убедить их принять более низкую заработную плату как «справедливую».

Наш первый шаг состоит в том, чтобы проверить, имелось ли у диктатора интуитивное понимание модели «справедливой» заработной платы. Осознавалась ли Сталиным и Политбюро связь между интенсивностью трудовых усилий рабочих и заработной платой, была ли эта связь неотъемлемой частью процесса принятия решений? В архивах мы находим множество свидетельств тому, что и Сталин, и другие члены Политбюро верили в существование прочной связи между потреблением и интенсивностью трудовых усилий рабочих. Когда под угрозой оказалась нефтедобыча, Политбюро отправило в Баку следующую телеграмму (26 августа 1933 г.):

Для улучшения продовольственного положения рабочих, согласно вашей просьбы, отпускаются на квартал: мяса – 764 тонны, масла животного – 56 тонн [далее следует длинный список продуктов]. Ваша просьба о приравнении в снабжении нефтяников к Москве и Ленинграду удовлетворена³⁴.

Когда Сталин решил стимулировать производство хлеба, хлопка и сахара, он дал следующую инструкцию (12 июля 1932 г.):

Очередная задача состоит в том, чтобы в мае, июне и июле послать максимум ширпотребных товаров в хлебные, сахарные (свекловичные) и хлопковые области – в расчете на то, что товар будет на месте уже в июле и августе. Если это не будет сделано, то комиссия заслуживает того, чтобы быть похороненной живо³⁵.

Эти примеры показывают, что диктатор активно руководил распределением потребительских товаров для интенсификации

³⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 312.

³⁵ Там же. С. 162.

трудовых усилий рабочих и увеличения производства. Иногда, для достижения наилучших результатов, он даже мог специально приурочить доставку потребительских товаров к наиболее выгодному времени.

В убежденности Сталина и Политбюро в наличии тесной связи между заработной платой и интенсивностью трудовых усилий рабочих в конце 1920-х – начале 1930-х годов на самом деле не было ничего нового. В.И. Ленин в 1921 году пришел к тому же выводу, выступая в поддержку иностранных концессий с целью поднять уровень жизни рабочих:

Мы должны учитывать то, что производительность труда не увеличится до тех пор, пока не улучшится положение рабочих... Мы должны класть в основу нашей концессионной политики задачу улучшения положения рабочих на предприятиях... Они прекрасно знают, что если мы не сумеем из-за наших предрассудков улучшить положение рабочих и крестьян, то этим мы создадим себе еще большие трудности и окончательно подорвем престиж Советской власти. Вы знаете, что мы должны во что бы то ни стало добиться этого улучшения. Нам не жалко дать иностранному капиталисту и 2000% прибыли, лишь бы улучшить положение рабочих и крестьян, – и это нужно осуществить во что бы то ни стало³⁶.

Если бы Политбюро определяло размер потребления по остаточному принципу, оно уделяло бы этому вопросу очень мало внимания. Однако потребление было одним из вопросов, наиболее часто стоявших в повестках заседаний Политбюро; по словам самого Сталина, снабжение рабочих было одним из наиболее острых вопросов, которые приходилось решать Политбюро. Наркомснаб он называл «самым сложным наркоматом»³⁷. Политбюро превратило себя в высший орган снабжения и принимало решения не только о снабженческой политике в целом, но и по торговым планам, ценам, ассортименту, и даже по вопросам открытия новых магазинов³⁸. Возможно, Политбюро проводило больше времени именно за решением вопросов потребления (особенно это касалось чрезвычайных заседаний), чем каких-либо других вопросов.

Отслеживание настроений рабочих. Западные ученые долгое время задавались вопросом – действительно ли советское

³⁶ Ленин В.И. Доклад о концессиях на заседании коммунистической фракции ВЦСПС 11 апреля 1921 г. // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. М.: Политиздат, 1963. С. 169, 170, 182.

³⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 71.

³⁸ Там же. С. 28.

руководство имело две системы сбора статистической информации: одну, основанную на докладах наркоматов и предприятий, другую – на секретных записях НКВД и самого Политбюро. В самом деле, как будет показано в следующих главах, Политбюро боролось с наркоматами и предприятиями за предоставление более точной информации и, следовательно, вполне могло создать второй канал для получения экономической информации. Однако большая часть данных, собранных разветвленной сетью ОГПУ/НКВД в течение 1930-х годов, в основном касалась политических проблем, особенно случаев проявления недовольства среди рабочих и крестьян. Более того, информация, собранная секретной полицией, как было показано во второй главе, во многом следовала за текущими интересами и запросами Политбюро и была нацелена скорее на раскрытие заговоров и угроз, нежели на предоставление положительных сведений.

Модель «справедливой» заработной платы предполагает, что диктатор должен отслеживать настроения рабочих для выявления роста недовольства условиями жизни, которое, переведенное на язык модели, означает рост «справедливой» заработной платы. Политбюро использовало три критерия для отслеживания и оценивания настроений рабочих, а именно: статистические данные о производительности труда, текучести рабочей силы и регулярные доклады ОГПУ о ситуации в деревне и в городах. Снижение производительности труда, увеличение текучести рабочей силы и усиление забастовочной и протестной активности означали рост недовольства рабочих. Производительность труда постоянно была ниже ожидаемой. За счет громадных капитальных вложений первой пятилетки (1928–1932) ожидалось, что производительность труда буквально взлетит до небес, и это приведет к резкому снижению издержек на производство промышленных товаров. Но, как показывает рис. 4.5, произошло совершенно обратное. В 1931 году номинальные инвестиции увеличились на баснословные 60 процентов, а производительность труда упала на 10 процентов. В 1932 году номинальные инвестиции возросли на 28 процентов, а производительность труда сокращалась с той же скоростью, что и раньше. Когда в 1933 году руководство пересмотрело свою политику и сократило номинальные инвестиции, рост производительности труда наконец-то стал положительным, и инвестиционные затраты начали снижаться³⁹.

³⁹ Надежность данных, суммированных в этих графиках, проблематична. В докладах о капитальных вложениях не учитывался рост расходов на заработную плату,

Доклады ОГПУ/НКВД указывали на то, что падение производительности труда было связано с понижением реальной заработной платы. Главе Украинского ЦИК (Петровскому) во время поездки в Днепропетровск не удалось провести ни одной, даже небольшой встречи без того, чтобы речь не зашла о «проблемах снабжения». На одной из таких встреч ему было сказано: «Товарищ Петровский пользуется среди нас большим уважением. Если бы к нам приехал другой вождь, он бы имел большие неприятности, так как рабочие теперь разъярены. Даже те, которые хорошо относятся к соввласти, теперь против всех озлоблены...»⁴⁰ В первом квартале 1930 года было зарегистрировано 92 забастовки, в самой массовой из которых приняло участие шестьсот рабочих. Фабричные рабочие отказывались принимать участие в официальных демонстрациях, многие из них часто меняли места работы в поисках лучших условий снабжения. В период урожая они буквально толпами покидали фабрики в поисках сельхозпродукции⁴¹. Женщины на фабриках жаловались: «Работой душите, а хлеба нет». Фабричные стены были покрыты надписями: «Жить стало хуже, чем до революции»⁴². Или: «Требуют производительности труда, а не взглянут, как ходят рабочие. Утром уходишь не евши, а обед в столовой дают какую-то бурду без мяса. 100 грамм мяса на всю семью»⁴³.

Одновременное снижение производительности труда и поступление докладов, прямо говоривших о растущем беспокойстве среди рабочих, должно было быть убедительным подтверждением тому, что рабочие требуют повышения «справедливой» заработной платы. Модель «справедливой» заработной платы предсказывает, что с уменьшением интенсивности трудовых усилий уменьшатся возможности экономики по выпуску продукции, будь то потребительские товары или средства производства, вследствие чего диктатор, нацеленный на максимизацию инвестиций, сократит инвестиции и увеличит потребление, что и было сделано Политбюро в 1933 году.

поставщики и строители нарушали ценовую политику и назначали цены выше установленных государством. Однако очевидно, что именно этими данными пользовалось советское руководство.

⁴⁰ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 80.

⁴¹ Там же. С. 80–82.

⁴² Там же. С. 81.

⁴³ Там же. С. 82.

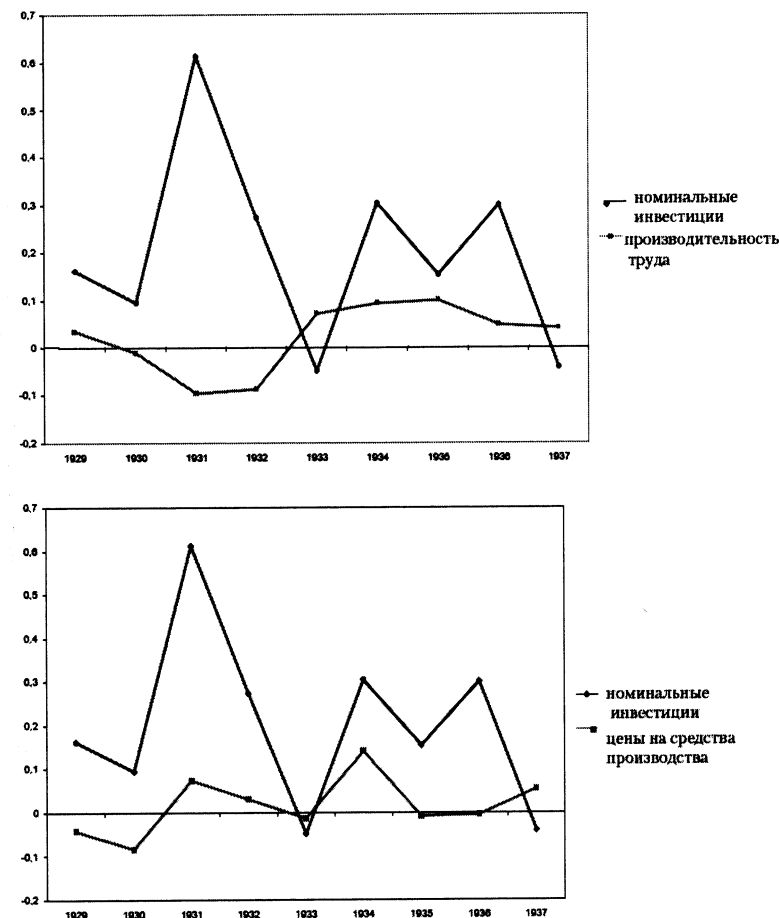

Рис. 4.5. Годовые темпы экономического роста, номинальные капитальные вложения (в текущих ценах) и производительность труда, 1929–1937

Источник: Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. P. 662; Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 540.

Сдерживание «справедливой» заработной платы. Модель «справедливой» заработной платы также предсказывает, что диктатор, который хочет максимизировать инвестиции, попытается убедить рабочих в том, что их текущая заработная плата, какой бы низкой она ни была, является «справедливой». По сути, первые две пятилетки прошли под девизом построения «светлого будущего»

(см. главу 5), и послание, адресованное рабочим, было совершенно четким: «Принеси жертвы сейчас во имя светлого будущего». План на первую пятилетку стал вестником знаменитой «революции сверху», которая была призвана преодолеть отставание в развитии. Строительство новых заводов, плотин и электросетей требовало жертв. Люди должны были работать усерднее; руководители предприятий должны были искать пути для увеличения производства при тех же мощностях. В ноябре 1929 года Сталин объявил СССР «страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации»⁴⁴, которая к 1941 году перегонит США по объемам производства. По сути, рабочим предлагалось смириться с низкой «справедливой» заработной платой в обмен на обещание светлого будущего. Хотя производственные задачи на вторую пятилетку были более умеренными, к 1937 году было обещано увеличение производства потребительских товаров в два или даже три раза⁴⁵.

Вторым утверждением советской массовой пропаганды было то, что дефицит потребительских товаров связан с происками врагов Советского государства. В своей обычной манере, Сталин объявил себя защитником рабочего класса. На Пленуме ЦК, проходившем 25–28 ноября 1934 года, Сталин выступил в защиту потребителей, утверждая: «Мы должны иметь твердую почву под ногами, учитывая требования реальных людей, приближаясь к потребителю». Торговые организации следовало заставить «уважать потребителя и относиться к нему как к человеку»⁴⁶. В ответ на доклады ОГПУ/НКВД о низком уровне жизни рабочих⁴⁷ Сталин даже приказал расстрелять сорок восемь снабженцев и опубликовать в прессе их «показания»⁴⁸.

Карточная система и политика «справедливой» заработной платы в отношении рабочих приоритетных отраслей. Для стимулирования работников требовались потребительские товары, но увеличение производства потребительских товаров означало сокращение объемов выпуска средств производства. Первой попыткой Сталина разрешить эту проблему стало создание системы нормированного распределения продуктов (карточной системы). Программа

нормирования продуктов, разработанная лично Сталиным, была введена в действие постановлением Политбюро от 15 декабря 1930 года «О рабочем снабжении»⁴⁹. Цель Сталина заключалась в том, чтобы понизить общий объем потребления, избежав при этом понижения производительности труда в приоритетных отраслях⁵⁰. Если можно было сократить потребление рабочих неприоритетных отраслей и за счет этого увеличить инвестиции, диктатор получил бы и более высокий объем инвестиций, и интенсификацию трудовых усилий рабочих в приоритетных отраслях. Эту стратегию Е. Осокина в своем исследовании резюмировала так: «Кто не трудится *на индустриализацию* [курсив автора], тот не ест»⁵¹. Те, чей вклад в индустриализацию был меньше, должны были и меньше потреблять. Правительство считало, что работников неприоритетных отраслей, в частности сельского хозяйства, можно заставить работать даже при заработной плате ниже «справедливой», используя угрозу сурового наказания и тюремного заключения. Таким образом, выработка рабочих неприоритетных отраслей определялась в административном порядке (Qa), и их потребление должно было быть лишь на уровне прожиточного минимума (Cs). Следовательно, инвестиционные «излишки», полученные за счет работников неприоритетных отраслей, составят $Qa - Cs$. Рабочие приоритетных отраслей будут получать «справедливую» заработную плату (a), которая обеспечит соответствующее производство (Qf). Инвестиционные «излишки» рабочих приоритетных отраслей составят $Qf - a$. Таким образом, суммарные инвестиции (I) составят:

$$Qa - Cs + Qf - a = I$$

При Qa , определяемом в административном порядке, и Cs на уровне прожиточного минимума работники приоритетных отраслей могли бы получать «справедливую» заработную плату (a) и производить соответствующий объем продукции (Qf) без необходимости сокращения инвестиций. Сталин делал упор на то, что он сможет ограничить потребление работников неприоритетных отраслей и увеличить инвестиции, не снизив интенсивность трудовых усилий работников приоритетных отраслей.

Нормы снабжения по карточкам и заработная плата должны были резко различаться в зависимости от места жительства и мес-

⁴⁴ Эта и другие цитаты Сталина приводятся по: Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 95–96.

⁴⁵ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke: MacMillan, 1996. P. 137–138.

⁴⁶ Khlevnyuk O.V., Davies R. The End of Rationing in the Soviet Union 1934–1935 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 4. P. 575.

⁴⁷ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 28–33.

⁴⁸ Там же. С. 84.

⁴⁹ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 85.

⁵⁰ Описание сталинской системы нормированного распределения продуктов подробнее см.: Khlevnyuk O., Davies R.W. The End of Rationing in the Soviet Union. P. 557–609.

⁵¹ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 89.

та работы. Рабочие основных промышленных центров (Москва, Ленинград, Донбасс, Баку) или заводов и организаций приоритетных отраслей должны были получать больше. Также предполагалось ввести дифференциацию в рамках одного предприятия, давая больший паек «ударникам». Щедрые выплаты и пайки были назначены офицерам Красной армии и работникам секретной полиции, ну а партийная элита (верхушка которой получала знаменитые «кремлевские пайки») должна была получать всё самое лучшее. Нормирование действовало и для заключенных Гулага. Их заработная плата была на 20 процентов меньше зарплаты вольнонаемных, но ее точный размер, как и размер пайка, зависел от интенсивности прикладываемых трудовых усилий. Карточная система была установлена только для городских рабочих и служащих, за исключением некоторых производителей сельскохозяйственного сырья. Тем же работникам, которые оставались не охвачены карточной системой, приходилось добывать себе пропитание самостоятельно: либо производя собственные продукты питания (колхозники), либо покупая их по намного более высоким коммерческим ценам. В некоторых случаях крестьянским хозяйствам не разрешалось покупать продукты питания даже в коммерческих магазинах⁵².

Сталинская карточная система существовала в критические годы: с декабря 1930 года и до конца 1934 года. Логика этой системы полностью соответствует логике модели «справедливой» заработной платы и представляет собой попытку сделать так, чтобы и волки были сыты (низкий суммарный объем потребления при сохранении стимулов к труду), и овцы целы (инвестиции). Её замена «рыночной» системой распределения в конце 1934 – начале 1935 года была объявлена победой социализма, признаком изобилия. Новым девизом Сталина стало: «Жить стало лучше, жить стало веселее»⁵³.

От карточной системы советское руководство отказалось по нескольким причинам. Во-первых, бюрократическая машина не смогла справиться с высокодифференцированной системой распределения: в заводских столовых, где ударники должны были

⁵² Система распределения пайков требовала наличия гигантского бюрократического аппарата, насчитывающего более 20 тысяч человек, под руководством НКснаба. В основном административное распределение потребительских товаров происходило, минуя торговую сеть. Магазины переименовывались в «закрытые рабочие кооперативы» и тому подобные организации. Государственная торговая сеть получала лишь то, что оставалось, после того как товары были направлены в государственную распределительную сеть.

⁵³ Подробнее см.: Khlevnyuk O., Davies R.W. The End of Rationing in the Soviet Union. P. 557–609.

получать лучшее питание, их столы моментально окружали голодные рабочие, которые занимали места ударников⁵⁴. В Гулаге под давлением растущих административных накладных расходов различие в пайках для заключенных и вольнонаемных рабочих постепенно стерлось. Снабженческий аппарат был в состоянии решить проблему лишь выдачи пайков руководящим кадрам, чья численность не превышала пяти тысяч человек⁵⁵. Об этой неспособности аппарата снабжения осуществить политику дифференцирования на практике Сталин отзывался как о механическом распределении, которое идет вразрез со стимулированием потребителей⁵⁶. Во-вторых, карточная система провоцировала спекуляцию и преступления. Продовольственные карточки продавались и покупались, спекулянты переправляли товары, распределяемые по карточкам, на коммерческие рынки и клали прибыль себе в карман (а не в госбюджет). ОГПУ/НКВД докладывал о массовых спекуляциях. В начале 1934 года через ОГПУ/НКВД в месяц проходило около десяти тысяч дел о случаях спекуляции. В 1935 г. за спекуляцию было привлечено к ответственности около 105 тыс. человек⁵⁷. Количество мелких краж и крупных хищений росло астрономическими темпами. Рабочие воровали прямо из цехов, воровали всё вплоть до таких товаров, как автомобили. Воровство стало неотъемлемой частью советской повседневной жизни. Несмотря на предусмотренные суровые наказания, вплоть до смертной казни, нелегальная частная торговля процветала⁵⁸. В-третьих, уровень потребления даже среди промышленных рабочих приоритетных отраслей, как свидетельствуют приведенные выше высказывания, был всё же недостаточно высок, для того чтобы обеспечить необходимую мотивацию. В-четвёртых, карточная система, с её низкими ценами на товары, распределяемые по карточкам, лишала государство необходимых налоговых поступлений. Доходы от продаж по коммерческим ценам были слишком незначительны для того, чтобы компенсировать бюджету низкие цены на товары, распределяемые по карточкам. И, наконец, в-пятых, для того чтобы стимулировать производство промышленных сельскохозяйственных культур, таких, как хлопок или лен, нормирование приходилось распространять и на крестьян, направляя в деревню товары широко

⁵⁴ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 121–122.

⁵⁵ Там же. С. 134.

⁵⁶ Khlevnyuk O., Davies R.W. The End of Rationing in the Soviet Union. P. 564.

⁵⁷ Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. С. 147.

⁵⁸ Там же. Глава 3.

кого потребления (таким образом, нарушая первоначальную идею ограничения потребления в сельской местности)⁵⁹.

Оценка инвестиционного потенциала. Модель «справедливой» заработной платы предполагает, что сокращение инвестиций не происходит по доброй воле, оно навязано сокращением инвестиционного потенциала экономики. Архивы и вправду скорее подтверждают, что решения о сокращении планов капитальных вложений принимались тогда, когда правительство приходило к выводу об ограниченности физического инвестиционного потенциала. Политбюро, которое постоянно следило за важнейшими инвестиционными проектами, отлично знало, что слишком много проектов было одобрено в начале 1930-х годов, что существовала нехватка инвестиционных ресурсов (в первую очередь строительных материалов) и что строительство слишком малого числа заводов было завершено. Комиссия Политбюро, предложившая первое сокращение капитальных вложений в июле 1932 года, сделала это «с целью привести объем денежных средств в соответствие с *физическим объемом плановых работ и сконцентрировать материальные ресурсы на особо важных объектах* [курсив автора]»⁶⁰. Молотов заставил замолчать резко протестовавшие против подобного сокращения капитальных вложений наркоматы, объявив, что инициатором сокращения является сам Сталин. В письме Кагановича Сталину, датированном 24 июля 1932 года, Каганович также приходит к выводу, что у экономики нет физической возможности сохранить инвестиции на прежнем уровне:

На вчерашнем заседании Политбюро мы постановили сократить финансирование капитального строительства в соответствии с Вашим письмом на 700 миллионов. Одновременно мы связали этот вопрос с вопросом о снижении себестоимости строительства, слушали мы доклады Наркомтяжпрома, Легпрома, Наркомлеса, НКСнаба и НКПС. Картина выявилась безотрадная: вместо снижения – повышение себестоимости. Главное: материалы стоят дорого из-за транспортировки. Рабочая сила набирается без учета потребности и наличия стройматериалов. В результате огромные простои, производительность низка... выполнение плана измеряется количеством израсходованных денег, а не физическим объемом работ Мы выделили специальную комиссию для разработки конкретных мер борьбы за действительное снижение себестоимости. Что касается сокращения, то мы его проведем прежде всего за счет беспроектного строительства и строительства, *не обеспеченного стройматериалами* [курсив автора]⁶¹.

⁵⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 131.

⁶⁰ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 230.

⁶¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 243.

Другими словами, в условиях конкуренции строительных проектов за ограниченные ресурсы, в частности за строительные материалы, рабочая сила простаивала, и лучше было просто сократить размер инвестиций. Если бы на инвестиции было выделено больше средств, это попросту взвинтило бы цены.

После сокращения инвестиций в 1933 году борьба между промышленными наркоматами и региональными властями, требовавшими увеличения инвестиций, и теми, кто беспокоился об экономическом потенциале страны (такими, как председатель СНК Молотов, нарком финансов и временами председатель Госплана), продолжилась. В каждом случае решение принимал Сталин. Обсуждение плана капитальных вложений на 1936 год, происходившее между 21 и 28 июля 1935 года, показывает, каким образом происходило принятие подобных решений. Поскольку Молотов в то время отсутствовал, обсуждением руководил Сталин. 21 июля он написал Молотову, что председатель Госплана (Межлаук, который заменил на этом посту умершего Куйбышева) предложил установить объем капиталовложений в размере 19 миллиардов рублей. Сталин добавил к этому: «Я предложил цифру – 22 миллиарда рублей»⁶². Через четыре дня Молотов написал в ответ: «Считаю крайне нежелательным увеличивать строительство более чем на 22 миллиарда. В этом я руководствуюсь желанием *укрепить рубль*, а также *сократить строительные издержки* [курсив автора]»⁶³. Спустя несколько дней Сталин написал Молотову о том, что план был увеличен до 25 миллиардов рублей:

22-х миллиардов не хватило, и, как видно, не могло хватить. Увеличение по школьному строительству (+760 миллионов), по легпрому, лесу, пищепрому и местпрому (всего +900 с лишним миллионов рублей), по обороне (+1 миллиард 100 миллионов), по здравоохранению, москаналстрою и другим статьям (более 400 миллионов рублей) определили физиономию и размеры контрольных цифр на 36 год⁶⁴.

В своем последнем письме из этого цикла, датированном 2 августа, Молотов неохотно соглашается: «Я бы предпочел меньшие объемы капитального строительства, но думаю, что мы справим-

⁶² Цит. по: Davies R.W. Why Was There a Soviet Investment Cycle in 1933–37? P. 7.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. С. 251.

ся, раз уж мы взвалили штурвал на свои плечи, с принятым планом на 25 миллиардов рублей»⁶⁵.

В ходе этого обсуждения плана капитальных вложений победители сторонники увеличения инвестиций. В 1936 году номинальные инвестиции возросли на 30 процентов. Тем не менее уже через год план капитальных вложений был сокращен на 4 процента. Таким образом, от года к году экономика переживала то ускоренный рост инвестиций (в 1936), то спад (1937). О том, как происходило это второе сокращение инвестиций 1930-х годов, мы знаем меньше. Но мы знаем наверняка, что реальные инвестиции были меньше плановых инвестиций. Таким образом, не совсем ясно, было ли решение о сокращении инвестиций принято на высшем уровне или же просто так случилось. В докладной записке от 16 мая 1936 года председатель Госплана Межлаук сообщал, что реальные капиталовложения в апреле были ниже плановых. На протяжении года зазор между запланированными и реальными инвестициями постепенно увеличивался. В соответствии с более поздним докладом, датированным 15 октября 1936 года, инвестиции – в ценах 1935 года – составили лишь 47 процентов от годового плана, вместо ожидавшихся 70 процентов. Наркомат тяжелой промышленности докладывал, что его капиталовложения на 1936 год составили 92 процента от запланированных⁶⁶. Мы имеем дело с отрывочной информацией (представленной в главах 7 и 8) о том, что поставщики оборудования и строительных материалов отказывались заключать контракты. Хотя денежные средства для инвестиций были, они не были обеспечены реальными инвестициями. Если это правда, то сокращение инвестиций в 1937 году, так же как и в 1933 году, было вызвано сокращением возможностей экономики выпускать средства производства.

Стахановское движение и его скрытые опасности. Отказ от карточной системы в начале 1935 года означал, что Политбюро больше не собиралось направлять потребительские товары выборочно работникам приоритетных отраслей, обделяя работников других секторов⁶⁷. Поэтому Политбюро инициировало стахановское движение, чтобы интенсифицировать трудовые усилия

рабочих, задействуя экзогенные факторы, сочетая материальное поощрение с призывами к социалистическому труду. В середине 1930-х годов заработная плата рабочих формировалась за счет базовой ставки плюс выплаты в зависимости от выполнения норм выработки. Нормы выработки, которые определяли надбавки, получаемые рабочими, должны были выполняться за определенный период времени⁶⁸. Нормы выработки должны были отражать «передовую практику», но в основном они основывались на достигнутых результатах. Увеличение норм выработки одновременно означало снижение реальной заработной платы рабочих. В то же время руководство было намерено использовать повышение норм выработки для увеличения производительности труда.

Знаменитая речь Сталина, обращенная к офицерам Красной Армии, в которой он заявил, что «кадры решают всё», стала призывом к повышению производительности труда. Сталин объявил, что освоение новых технологий может творить чудеса⁶⁹. Нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе на XVII съезде партии в январе 1934 года призвал достигнуть более высоких показателей работы доменных печей. Этот же призыв был повторен в сентябре 1934 года и на VII съезде Советов в январе 1935 года. 12 мая 1935 года, через восемь дней после речи Сталина о кадрах, Орджоникидзе объявил существующие нормы выработки «вчерашним днем». Каганович, недавно назначенный нарком путей сообщения, критиковал своих инженеров за установку норм максимальной ежедневной отгрузки вагонов на уровне всего 55–58 тысяч. Кампания повышения производительности труда, начавшаяся после этих заявлений, была названа в честь А.Г. Стаханова, шахтера, который 30 августа 1935 года добыл 102 тонны угля за $5\frac{3}{4}$ часа, при норме 7 тонн. Хотя появлению достижения Стаханова способствовала общая атмосфера тех дней, вероятно, ни Политбюро, ни Сталин не участвовали прямо в его организации, но использовали его, осознав открывшиеся перспективы⁷⁰. Вдохновленные стахановским движением, планы стано-

⁶⁸ Количество нормативов, равно как и тех, кто их устанавливал, было огромно. Так, только на одном Горьковском автомобильном заводе использовалось более 210 000 различных норм. А в машиностроении количество нормировщиков составляло 12 000.

⁶⁹ Цитируется по: Davies R.W., Khlevnyuk O. Stakhanovism, the Politburo and Soviet Economy. P. 13.

⁷⁰ В то время Сталин был в отпуске, и в телеграммах, которыми он обменивался с Кагановичем, не было речи ни о каком Стаханове. Рекорд Стаханова был установлен при поддержке начальника и парторга участка, на котором он работал. Орджоникидзе немедленно позвонил в Москву, и уже через несколько дней была организована восторженная кампания в центральной прессе. 6 сентября Орджоникидзе писал первому секретарю Донецкого обкома С.А. Саркису: «Ведь куда не уйдешь

⁶⁵ Цит. по: Davies R.W. Why Was There a Soviet Investment Cycle in 1933–37? P. 8.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Подробнее см.: Davies R.W., Khlevnyuk O. Stakhanovism, the Politburo and Soviet Economy (статья, представленная для конференции «Stalin's Politburo, 1928–1953». European University Institute, Florence, March 30–31, 2000).

вились всё более грандиозными. В сентябре 1935 года Госплан повысил производственные задания на четвертый квартал 1935 года по чугуноу на 1 миллион тонн и по прокату на 700 тысяч тонн. Исправленная версия плана на 1936 год предполагала существенный рост производства, но он был существенно меньше того, который, как ожидали наиболее рьяные приверженцы стахановского движения, будет достигнут⁷¹.

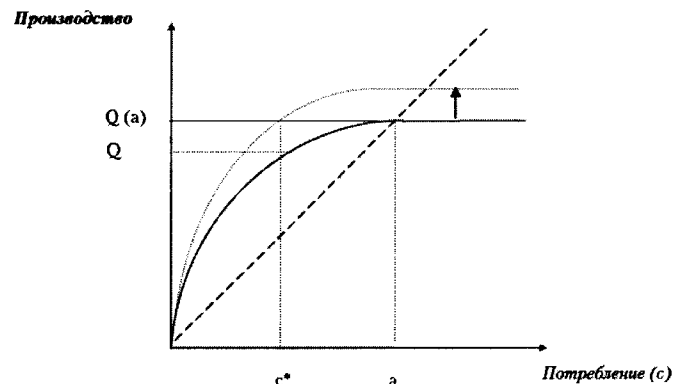

Рис. 4.6. Стахановское движение

На рис. 4.6 в рамках модели «справедливой» заработной платы показаны некоторые возможные последствия стахановского движения для экономики, функционировавшей до этого при уровне заработной платы ниже «справедливой», производящей потребительские товары при условиях максимизации инвестиций (c^*) и потреблении ниже уровня «справедливой» заработной платы (a). Изначально экономика производит объем продукции Q в объеме, меньшем, чем тот, который можно было бы производить при «справедливой» заработной плате ($Q(a)$). Оптимальным, но наименее вероятным результатом стахановского движения станет *спонтанный* сдвиг кривой производства «вверх» (вариант возникновения нового

от того факта, что в Донбассе имеются сотни и тысячи прямо-таки героев низовых работников, которые показывают замечательнейшие образцы работы» (Советское руководство. Переписка. 1928–1941 / Сост. А.В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1998. С. 310). В течение последующих нескольких недель стахановское движение распространилось на автомобилестроение и машиностроительную, а затем и на текстильную и обувную промышленность.

⁷¹ Davies R.W., Khlevnyuk O. Stakhanovism, the Politburo and Soviet Economy. P. 19.

советского человека), вследствие чего производство достигнет размеров $Q(a)$ без увеличения потребления до c^* . Весь рост производства пойдет на инвестиции. Такой маловероятный результат требует спонтанного роста производства и согласия рабочих с увеличением норм выработки, растущих вместе с увеличением производства, чтобы предотвратить увеличение заработной платы рабочих. Рабочие больше работают за ту же зарплату исключительно ради блага общества. Вторым возможным вариантом, менее предпочтительным для Политбюро, станет спонтанное увеличение производства при нормах выработки, неизменных или растущих медленнее, чем производство: движение от Q к некоему $Q < Q(a)$. Рабочие лучше работают и больше получают. Производится больше продукции, но при этом объем инвестиций может сократиться, поскольку большая доля произведенной продукции направляется на потребление. Возрастут инвестиции или, наоборот, сократятся, будет зависеть от размеров увеличения норм выработки. Наихудшим вариантом для Политбюро станет движение от c^* к a . При этом стахановское движение не приводит ни к какому спонтанному увеличению производства, нормы выработки остаются на том же уровне, и весь рост производства отдается трудолюбивым рабочим, а инвестиции сокращаются.

Эти три возможные сценария показывают, что стахановское движение несло в себе серьезный риск для правительственной политики максимизации инвестиций. Поощряя прогрессивной оплатой труда развитие стахановского движения в промышленности, государство давало рабочим возможность по собственному желанию увеличивать потребление и сокращать инвестиции. Если рабочие повышали производительность и получали соответствующий этому рост объема товаров, инвестиции могли резко сократиться.

Хлевнюк и Дэвис пришли к выводу, что в самом лучшем случае стахановское движение оказало на производительность и производство весьма мимолетный эффект при первоначальном всплеске производительности труда в конце 1935 года. В течение пятнадцати месяцев, прошедших после достижения Стаханова, средний ежеквартальный рост производительности труда был ниже, чем в предыдущие шесть месяцев. Рис. 4.5 не показывает какого-либо существенного роста производительности во время или после кампании по распространению стахановского движения, несмотря на то что стахановцы существенно повысили продуктивность своей работы. Очевидно, что стахановское движение не дало ожидаемого результата по увеличению производительности труда, но имело ли оно какие-либо другие отрицательные эффекты?

В первые несколько месяцев стахановской кампании пресса сообщала о существенном повышении заработной платы стахановцев, но попытки увеличить нормы выработки в основном встречали резкий отпор. С увеличением количества стахановцев угрожающее повышение заработной платы заставило директоров заводов потребовать увеличения норм выработки, но первый заместитель Орджоникидзе воспротивился этому, заметив: «Если вы хотите погубить стахановское движение, измените нормы выработки». С точки зрения наркомата тяжелой промышленности, стахановское движение способствовало росту производства, позволяя выполнить план. Более широкие последствия стахановского движения НКТП не заботили. Между августом и декабрем 1935 года ежедневная заработная плата выросла в среднем на 16 процентов, а за тот же период 1934 года только на пять. На ноябрьском совещании стахановцев целый ряд докладчиков критиковал существовавшие нормы выработки как устаревшие, но дал указание о повышении норм выработки лично Сталин.

Стахановское движение также таило в себе риск роста недовольства рабочих. Рядовые рабочие восприняли стахановское движение как попытку заставить их больше работать за ту же заработную плату. Осенью 1935 года враждебное отношение к стахановцам отмечалось в докладах НКВД и сообщениях партийных секретарей. Многие руководители высокого ранга, директора заводов и инженеры считали установление все новых и новых стахановских рекордов подрывающим основы производства. Руководство и высшие чиновники изводили мастеров и инженеров требованиями увеличить количество стахановцев, в то время как стахановцы требовали предоставить дополнительные инструменты и материалы. Сопротивление рядовых рабочих стахановскому движению сталкивалось со все более жесткой ответной реакцией. Даже умеренное сопротивление стахановскому движению теперь воспринималось властями как контрреволюционная деятельность и саботаж. 28 ноября 1935 года ЦК партии одобрил постановление о борьбе с преступлениями, направленными на дезорганизацию стахановского движения, а в декабре 1935 года прокурор СССР издал циркуляр, приравнивавший антистахановские действия к терроризму. Пленум ЦК, проходивший 21–25 декабря 1935 года, ознакомился с материалами НКВД, в которых были приведены примеры сотен преступлений против стахановцев. Несчастные

случаи, случаи повреждения оборудования, низкое качество материалов – всё это считалось преступлениями⁷².

У нас нет достаточно убедительного объяснения второго сокращения инвестиций в 1937 году. Оно последовало за крупным увеличением капиталовложений в 1936 году, но анализ стахановского движения в рамках модели «справедливой» заработной платы предполагает, что в качестве одного из своих последствий стахановское движение могло, по крайней мере теоретически, вызвать сокращение инвестиций, породив у простых рабочих идею, что за более тяжелый труд они заслуживают большего куска пирога и что более высокая заработная плата, которую получали стахановцы, должна распространиться и на остальных рабочих, породив рост «справедливой» заработной платы.

Принудительный труд. Теоретически, диктатор мог «укротить» модель «справедливой» заработной платы, применив исключительно силу. За рабочими можно было следить настолько усиленно, наказывая их за каждый проступок и контролируя каждое движение, что они бы не могли более решать самостоятельно вопрос о степени интенсивности их трудовых усилий. Силу начали применять в начале 1930-х годов с первыми мероприятиями по широкомасштабному использованию труда заключенных в Гулаге. И все же рабочая сила, задействованная в Гулаге, составляла не более 10 процентов всей промышленной рабочей силы. Применение силы в масштабах всей страны формально датируется 20 декабря 1938 года, когда СНК принял постановление «Об обязательном введении трудовых книжек на всех предприятиях и организациях СССР»⁷³. В соответствии с этим законопроектом, минимальный срок контракта рабочих с предприятиями увеличивался до пяти лет. В трудовую книжку заносились сведения о всех вознаграждениях, наказаниях, выговорах и причинах увольнения рабочего. В следующие два года были приняты законы, вводившие уголовную ответственность за двадцатиминутное опоздание на работу, выпуск некачественной продукции и пьянство. Хотя эти меры позднее оправдывались необходимостью, вызванной надвигающейся вой-

⁷² В докладе от 11 октября утверждалось, что обрушение крыши шахты, повлекшее гибель девяти из четырнадцати членов стахановской бригады, на шахте № 204 Челябинского угольного комбината произошло «в результате явных вредительских методов»; шесть инженеров были обвинены во вредительстве. 23 января 1936 года Каганович после посещения Томской железной дороги докладывал Сталину, что в администрацию линии входила «группа контрреволюционных и подрывных элементов», и предлагал отдать их под суд.

⁷³ См. подробнее: Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 74–99.

ной, на самом деле их причины были совершенно другие. Рабочие были переведены с пятидневки на семидневку и на восьмичасовой рабочий день вместо семичасового, они были лишены права покидать предприятие по собственному желанию. Эти уголовные законы отнюдь не были простой формальностью: в 1940 году за нарушение этих законов было осуждено 3,3 миллиона рабочих, из которых 1,8 миллиона были приговорены к шести месяцам исправительно-трудовых работ, а 322 тысячи были приговорены к тюремному заключению на срок от двух до четырех месяцев. Применение принуждения и силы по отношению к рабочей силе практиковалось вплоть до середины 1950-х годов.

Выводы

На первый взгляд, советские инвестиционные циклы кажутся явлением весьма загадочным. Советское руководство, войдя в азарт индустриализации в кратчайшие сроки, на самом деле дважды сокращало инвестиции (в 1933 и 1937 году). Более того, эти сокращения инвестиций проводились руководителями, ранее утверждавшими, что возможности увеличения капитальных вложений безграничны. Наиболее простое объяснение – Сталин и Политбюро отошли от своей приверженности накоплению капитала – кажется неубедительным. Их верность идее накопления капитала была настолько нерушимой, что мы можем смело говорить о ней как о четвертом важнейшем принципе советской системы. Попытки Сталина представить себя как защитника притесняемых потребителей кажутся неискренними. Диктатор, нацеленный на максимизацию власти, убежденный, что уступки рабочим необходимы для того, чтобы остаться у власти, несомненно, сократил бы инвестиции ради политической выгоды. Мы не можем судить о том, насколько реальной Политбюро считало угрозу рабочих бунтов в 1933 и 1937 годах, но кажется, что прочности Советской власти едва ли что-либо всерьез угрожало. Региональные и промышленные группы влияния, которым диктатор-эгоист должен был бы уделять больше всего внимания, открыто требовали больше капиталовложений, а сокращение инвестиций привело их в ужас.

Модель «справедливой» заработной платы предлагает довольно привлекательное альтернативное объяснение. Она допускает инвестиционные циклы при диктаторе-«оседлом грабителе», который не отклоняется от цели максимизации инвестиций. Каждый год диктатор продолжает стремиться максимизировать ин-

вестиции; однако инвестиционный потенциал экономики зависит от интенсивности трудовых усилий рабочих. Рабочие снижают интенсивность трудовых усилий, когда они решают, что им следовало бы платить более высокую «справедливую» заработную плату; тогда инвестиционный потенциал экономики сокращается. Модель «справедливой» заработной платы можно применить и к другим странам, в иное время и при иных обстоятельствах, а не только к Советскому Союзу 1930-х годов. В самом деле, социалистические инвестиционные циклы были характерной чертой не только советской жизни, они перешли также в административно-командные экономические системы стран Восточной Европы и имели место в послевоенный период⁷⁴.

Модель «справедливой» заработной платы – это общая модель. Было бы глупо утверждать, что она полностью объясняет действительность, и, тем не менее, вполне логично предположить, что она отражает реальность в достаточной мере, чтобы объяснить некоторые важнейшие тенденции, такие, как инвестиционные циклы. Как показывают архивы, Сталин и его команда верили в существование связи между интенсивностью трудовых усилий рабочих и их уровнем жизни, и многие политические шаги, такие, как карточная система, стахановское движение или усиление принуждения в трудовой политике, предпринимались ими с целью сохранить инвестиции на прежнем уровне без снижения интенсивности трудовых усилий рабочих. Впрочем, предположение о том, что сокращение потребления наносит ущерб интенсивности трудовых усилий, могло быть ошибочным. Понижение производительности труда в начале 1930-х годов могло произойти вследствие притока в промышленность неопытных рабочих из сельской местности, а отнюдь не из-за сокращения интенсивности трудовых усилий, как полагало советское руководство. В то же время рост производительности труда, который сопровождал первое сокращение инвестиций, мог быть случайным стечением обстоятельств. Не стоит думать, что те, кто разрабатывает экономическую политику в какой бы то ни было стране, будь то капиталистическая страна или социалистическая, знают «истину», их допущения могут быть в корне неверны, и они могут применять неверные экономические модели.

⁷⁴ Bajt A. Investment Cycles in European Socialist Economies: A Review Article // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9. № 1. P. 53–63; Bleaney M. Investment Cycles in Socialist Economies: A Reconsideration // Oxford Economic Papers. 1991. Vol. 43. № 3. P. 515–527; Mihalyi P. Socialist Investment Cycles Analyses in Retrospect. Amsterdam: Kluwer Academic Publishers, 1992.

Разработчики моделей всегда задаются вопросом: действительно ли объекты их моделирования ведут (или вели) себя в соответствии с моделью. В данном случае у нас есть редкая возможность прочитать, что думали агенты – Сталин и Политбюро, – чьи действия мы пытаемся смоделировать. Мы видим потрясающее соответствие между их видением происходящего и тем, что предполагает созданная модель. Тот факт, что советское руководство было вынуждено сократить инвестиции в начальный период индустриализации, еще раз показывает его неспособность отрицать экономические законы. «Долгосрочным» уроком применения силы в деревне стало то, что на сокращение стимулов крестьяне ответили сокращением производства. Стратегия выкачивания «излишков» из деревни для накопления первоначального капитала в долгосрочной перспективе привела к неконкурентоспособности сельского хозяйства. Аналогично, за стратегию первоочередности инвестиций, определивших уровень потребления рабочих, который они считали несправедливым, пришлось заплатить низкой производительностью труда. Достигнутое равновесие нашло отражение в советской пословице: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем».

На всем протяжении 1930-х годов советское руководство тщетно пыталось найти путь удержания инвестиций на высоком уровне без сокращения интенсивности трудовых усилий рабочих. Целью введения карточной системы было сокращение потребления работников только неприоритетных отраслей, но в конечном итоге карточная система оказалась не в состоянии обеспечить адекватное разграничение между низко- и высокоприоритетными рабочими. Попытка стахановского движения увеличить интенсивность трудовых усилий рабочих путем апелляции к социалистическому отношению к труду привела к тому, что заработная плата стала расти быстрее производительности. Более того, стахановское движение временно передало контроль над распределением ресурсов между потреблением и инвестициями в руки рабочих. В конце концов, советское руководство применило силу и принуждение на промышленных предприятиях. Малопродуктивные штрафные санкции за опоздание, лень и некачественную работу заменили экономические стимулы. Несмотря на то что эти меры оставались в силе более десяти лет, от них также пришлось отказаться. Если государство оказывало давление – приходилось арестовывать огромное множество рабочих. Если же государство не нажимало – эти меры попросту игнорировались.

Глава 5

КОНТРОЛЬНЫЕ ЦИФРЫ И СВЕТОЕ БУДУЩЕЕ

Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации.

Сталин, 7 ноября 1929 г. «Год великого перелома. К 12 годовщине Октября»

...Не у всякого хватает нервов, силы, характера, понимания воспринять картину грандиозной ломки старого и лихорадочной стройки нового... Понятно, что при такой «головоломной сутолоке» у нас не может не быть усталых, издерганных, изношенных, отчаявшихся, отходящих, наконец – перебегающих в лагерь врагов. Неизбежные «издержки» революции.

Письмо Сталина Максиму Горькому, 17 января 1930 г.¹

В предыдущей главе было показано, как советское руководство определяло оптимальный объем капиталовложений, сопоставляя размер инвестиций и возможное сокращение интенсивности трудовых усилий. В данной главе рассматриваются советские производственные планы, пятилетние и годовые, давшие советской экономике ее имя – «плановая». Производственные планы и планы капвложений были связаны между собой, по крайней мере в теории. Производственные планы устанавливали задания по росту производства, но, чтобы выпускать больше товаров, необходимо было больше капиталовложений. Планы по капвложениям предполагали создание новых мощностей, способных обеспечить выполнение заданий, установленных планами производства.

Связь между инвестициями и плановыми заданиями по производству действительно существовала. Если руководителям предприятий удавалось убедить вышестоящие организации в нереальности плановых заданий по производству, то, как правило, выделялись дополнительные инвестиции. 3 ноября 1935 года на

¹ Цит. по: Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 96.

совещании комиссии по лесозаготовкам по Горьковскому краю рассматривалась просьба руководства края о сокращении плановых заданий на 8 процентов. Просьба была отклонена, но Горьковскому краю было дополнительно выделено 50 тракторов, чтобы он смог выполнить производственные задания². 1 октября 1935 года правительство отклонило просьбу наркомата тяжелой промышленности о сокращении плановых заданий по росту производства, но выделило дополнительные 700 миллионов рублей капвложений³.

В западной литературе обычно предполагается, что приоритеты и предпочтения плановиков выражались в первую очередь в производственном плане, а план капиталовложений устанавливался исходя из плана производства. Фактически, считалось, что основой плановой системы являлся производственный план⁴. Однако, как показано в предыдущей главе, на самом деле предпочтения плановиков выражались в плане капвложений. В том, что в основе распределения ресурсов лежал план капвложений, нет ничего удивительного. Цель диктатора заключалась в накоплении капитала и современных технологий, тогда как рост производства был всего лишь неизбежным побочным следствием накопления капитала.

На первый взгляд может показаться, что цели руководства задавались производственными планами. Выбор Политбюро наиболее амбициозного варианта первого пятилетнего плана и принудительной коллективизации действительно четко отражал предпочтения плановиков. Однако в дальнейшем во время первых пятилеток производственные планы слабо отражали предпочтения плановиков. Пятилетние планы были плохо связаны с реальностью и не соответствовали оперативным планам. В действительности административно-командная экономика управлялась с помощью сложного сочетания всевозможных предварительных ежемесячных, ежеквартальных и ежегодных планов, которые часто пересматривались, а в некоторых случаях вообще не существовало оперативных планов. Вследствие такой неразберихи цели высшего руководства почти невозможно определить, исследуя производственные планы.

² Rees E.A. The People's Commissariat of the Timber Industry // Decision Making in Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 133–134.

³ Khlevnyuk O. The People's Commissariat of Heavy Industry // Decision Making in Stalinist Command Economy. P. 121.

⁴ Gregory P., Stuart R. Soviet and Post-Soviet Economic Structure and Performance. 5th ed. New York: Harper Collins, 1994. P. 155–158.

Контрольные цифры

Контрольные цифры определяли производственные задания, например по стали, углю или грузоперевозкам, которые должны были быть выполнены в определенном году или квартале. В западных учебниках, посвященных советской экономике, обычно предполагается, что советский диктатор оптимизировал производство, устанавливая «максимальные» контрольные цифры⁵. Несомненно, ни один центральный плановый орган не в состоянии установить производственные задания по сотням тысяч продуктов. Ещё в первые годы большевистского правления Ленин утверждал, что экономику можно контролировать, владея «командными высотами»: тяжелой промышленностью, транспортом, обороной. Совсем не обязательно контролировать все аспекты народного хозяйства, достаточно держать под контролем лишь наиболее важные. Теоретически, устанавливая и регулируя несколько ключевых плановых заданий, таких, как производство чугуна, руды, хлеба, химическое производство или объем грузоперевозок, можно контролировать всю экономику страны.

Ясно одно: высшее партийное руководство было в состоянии контролировать лишь несколько аспектов экономической жизни страны в силу ограниченности наличных кадров. В январе 1933 года в аппарате ЦК ВКП(б) работало всего лишь 375 человек⁶. Политбюро, состоявшее из 10 человек, опираясь на небольшой аппарат, могло контролировать движение лишь незначительного количества товаров. Руководство было завалено работой, находилось в постоянном цейтноте, задыхаясь под грудой бумаг и петиций, постоянных инспекционных проверок. Каждому члену и кандидату в члены Политбюро приходилось становиться экспертом в той или иной отрасли экономики. Например, в марте 1934 года Л.М. Каганович был назначен заведующим транспортным отделом ЦК, Н.И. Ежов – промышленным отделом, а А.А. Жданов – сельскохозяйственным отделом⁷. Руководители экономических отделов ЦК контролировали работу соответствующих отраслей народного хозяйства и нередко имели больше полномочий, чем народные комиссары⁸. Назначение главой

⁵ Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Structure and Performance. 7th ed. Boston: Addison-Wesley, 2001. Chap. 6.

⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО–XX, 1995. С. 14–15.

⁷ Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom // Decision Making in the Stalinist Command Economy. P. 14.

⁸ Rees E.A. The People's Commissariat of Transport (Railroad) // Decision Making

какого-либо из экономических отделов ЦК означало быструю карьеру. Так, Жданов был назначен членом Политбюро в феврале 1935 года, а Ежов стал комиссаром внутренних дел в 1936 году и членом Политбюро – в октябре 1937 года, в то время, когда проводил сталинскую политику Большого террора. Члены Политбюро совершали инспекционные поездки на фабрики и заводы, отправлялись в сельскую местность для того, чтобы лично проверить темпы коллективизации, сбора зерновых, или для руководства хлебозаготовительными кампаниями⁹. Между собой они постоянно обсуждали вопросы производства стали, всевозможного оборудования, проблемы строек и перевозки грузов: «В комиссии по импортным делам мы пошли на увеличение ввоза цветных металлов, вышли мы далеко за установленные лимиты платежей, вместо 67 миллионов рублей на 32 г. 71 миллион... В смысле погрузки транспорт работает у нас сейчас хуже прошлого года. Грузит мало, 45–47 тысяч вагонов в день»¹⁰. «Перед нами определенная угроза – не вывезти торф из-за транспорта, о чем ты в курсе дела. Торф добывается за 30–40 верст от места потребления, и доставка торфа возможна только механизированным транспортом, для чего необходимо: рельс (узкой и широкой колеи) – 4000 тонн; мотовозов–17 штук...»¹¹ Одно из заседаний Политбюро было почти полностью посвящено подробнейшему разбору технической стороны автомобилестроения. Эти примеры показывают, насколько хрупкой была грань между знанием слишком многого и знанием слишком малого – в своей погоне за информацией члены Политбюро рисковали за деревьями не увидеть леса.

Политбюро рассматривало множество самых разнообразных вопросов, от важнейших до мелочей: назначение и увольнение руководящих работников разных уровней, утверждение смертных приговоров, определение внешней политики, распределение автомобилей, обсуждение газетных передовиц, назначение комиссий, вопросы экспорта машинного оборудования, определение цен на хлеб, стоимости проезда в московском метро и т.д. Если бы Политбюро устанавливало «предпочтения плановиков» посредством контрольных цифр и планов, как это предполагают учебники, то рассмотрение годовых и ежеквартальных планов занимало бы, вероятно, большую часть его времени, что выразилось бы в

in the Stalinist Command Economy. P. 219.

⁹ См., например: Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 114–115.

¹⁰ Там же. С. 126–127.

¹¹ Там же. С. 130–131.

постоянных совещаниях и ожесточенных спорах. Однако, если мы посмотрим на список вопросов, которые Каганович передавал на рассмотрение Сталину во время отсутствия последнего в Москве, мы увидим, что вопросы контрольных цифр по производству занимают в этом списке относительно незначительное место¹².

Советские оперативные планы подготавливались Госпланом и экономическими наркоматами на основе общих указаний высшего руководства. Инструкции по подготовке годовых и квартальных планов издавались СНК и Политбюро; если в это время Сталин отсутствовал, утверждение контрольных цифр будущего плана откладывалось до получения визы Сталина. Роль Сталина отображена в письме Молотова Куйбышеву (в тот момент председателю Госплана) от 12 сентября 1933 года:

Здравствуй, Валерьян! Не буду подробно писать, т. к. скоро увидимся... Контрольные цифры на 34 год по твоим наметкам считаю правильными. В этом же роде (21 млрд. +15%) я написал недавно Сталину, запрашивая его мнение. Более подробно я еще не вникал в дело. Очень рад хорошим перспективам по свекле (не переборщили ли с 130 млн. цнт.?) Сомневаюсь в целесообразности повышения задания по хлопку до 26 млн. пуд. волокна¹³.

Через четыре дня (16 сентября 1933 г.) в следующем письме Молотов писал: «Здравствуй, Валериан Владимирович! ...Сталин сообщил, что согласен на 34 год с наметками по капитальным работам не больше 21 млрд. рублей по продукции не больше 15%. Твои наметки как раз отвечают этому. Сталин сообщил также, что согласен на цифру урожая зерновых в 698 миллионов центнеров. Из этого и надо исходить»¹⁴.

Поскольку Сталин, как правило, уходил в отпуск в период между июнем и октябрём, в своих письмах Сталину Каганович обсуждал в основном проблемы, касавшиеся планов на третий и четвертый квартал. Ниже приводятся отрывки из пяти писем, характеризующих процесс обсуждения и принятия квартальных планов в Политбюро. В первом из приводимых писем Каганович докладывал Сталину о заседании Политбюро, состоявшемся

¹² В 1931 году Сталин находился в отпуске на юге с начала августа по начало октября. В 1932 году Сталин был вне Москвы в течение трех месяцев. В 1933 году он отсутствовал большую часть августа, сентября и октября. В 1934 году он отсутствовал с 30 июня по 31 октября. В 1935 – с 1 августа по 2 ноября. Большая часть его переписки с Кагановичем за 1936 г. датируется августом – октябрём. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 129, 300, 409.

¹³ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 134.

¹⁴ Там же. С. 135.

21 сентября 1931 года, на котором обсуждался план на четвертый квартал 1931 года:

Вчера состоялось совещание по основным линиям народнохозяйственного плана на четвертый квартал. В протокол Политбюро предлагается записать следующее:

а) финансирование капитальных работ по всем основным отраслям народного хозяйства установить так, чтобы была выполнена годовая программа по капитальному строительству;

б) план производства по основным отраслям промышленности установить не ниже плана третьего квартала. Исходя из этого, установить план перевозок в 88,2 миллиона тонн;

в) снижение себестоимости установить по промышленности ВСНХ на 9½% и по промышленности Наркомснаба на 11%. Обязать ВСНХ и Наркомснаб добиться решительного сдвига в снижении себестоимости в четвертом квартале;

г) резерв по бюджету установить в 800 миллионов рублей...

е) поручить комиссии в составе [деяти членов] произвести необходимые подсчеты на основе принятых установок. Созыв за Молотовым¹⁵.

26 сентября 1931 года Каганович сообщил Сталину окончательное решение Политбюро:

По плану на четвертый квартал мы приняли решение, пришлось снизить резерв с предполагавшихся 800 млн. руб. до 585 млн. Прибавили НКЗему 70 млн. руб., ВСНХ 50 и т.д.¹⁶

7 июня 1932 года Каганович докладывал Сталину о решении Политбюро по контрольным цифрам на третий квартал 1932 года:

Сегодня на совещании членов Политбюро наметили следующие директивы к составлению контрольных цифр третьего квартала:

«а) Дать Госплану директиву при сверстке народнохозяйственного плана на третий квартал по вопросу о капиталовложениях держаться в пределах второго квартала (6800 тысяч рублей).

б) Предрешить в третьем квартале некоторое преимущество НКПС в капиталовложениях против второго квартала.

в) При сверстке производственной программы на третий квартал особо учесть интересы уборочной кампании.

¹⁵ Сталин и Каганович. Переписка. С. 111–112.

¹⁶ Там же. С. 119.

г) Предложить Наркомтяжпрому, Наркомлегпрому, Наркомснабу, Наркомзему и НКПС разработать мероприятия в направлении снижения себестоимости строительства и созвать для этого узкие специальные деловые совещания и через месяц заслушать доклады указанных выше наркоматов с согласованными предложениями РКИ СССР.

д) Предложить всем хозкомиссариатам в пределах ассигнований третьего квартала выделить специальные средства, более, чем во втором квартале, на нужды ширпотреба и доложить комиссии по ширпотребу.

е) Госплану дополнительно рассмотреть вопрос о развертывании производства товаров ширпотреба по линии промкооперации.

ж) Выделить из общего фонда металла в третьем квартале для производства товаров ширпотреба не менее 70 тысяч тонн металла».

Просим сообщить Ваше мнение. Это постановление не оформляем до получения Вашего ответа¹⁷.

3 сентября 1934 года Каганович писал Сталину о плане на четвертый квартал 1934 года:

Перед отъездом мы подработали ряд вопросов, по которым просим Вас сообщить Ваше мнение.

1) Рассмотрели с наркомами лимиты по народнохозяйственному плану на четвертый квартал. Намечаем размер валовой продукции по промышленности союзных наркоматов 11170 мил. рублей, т.е. 28,9% к годовому плану, Объем капитальных работ по всему народному хозяйству намечаем 5116,2 мил. Включаем в постановление пункт о том, чтобы в общесоюзном бюджете было предусмотрено превышение доходов над расходами на 1500 млн. руб. Посылаю Вам проект постановления.

2) После нескольких хлебозаготовок сегодня окончательно отшлифовали постановление о закупке хлеба, который и посылаю Вам¹⁸.

2 сентября 1936 года Каганович докладывал:

Обсудили с наркомами вопрос о народнохозяйственном плане на IV квартал. Объем продукции союзной и местной промышленности на IV квартал наметили в 19,7 миллиардов рублей, что дает увеличение против третьего квартала на 17,3 процента. Наркомам предложили установить для каждого главка, треста и предприятия задание по выпуску готовой комплектной продукции и детальный ассортимент выпуска этой продукции с обеспечением высокого качества изделий и их соответствия установленным стандартам.

¹⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 146.

¹⁸ Там же. С. 473.

Совету труда и обороны поручается утвердить развернутый ассортиментный план товарной продукции по промышленным наркоматам.

Среднесуточную погрузку железнодорожного транспорта установили в 91 тыс. вагонов, перевозку грузов в поездах коммерческого движения в 131 миллион тонн, размер пассажирских перевозок – в 18 миллиардов пассажиро-километров. Объем речных перевозок грузов устанавливаем в 12 миллионов тонн, а морских – в 7,8 миллионов тонн.

Объем капитальных работ устанавливаем в 7909 миллионов 37 тысяч рублей и финансирование, учитывая снижение себестоимости работ, в размере 7048 миллионов 2 тысяч рублей.

Розничный товарооборот государственной и кооперативной торговли выражается в 28 миллионов рублей. Рыночный фонд по хлебу в переводе на муку – 3100 тыс. тонн, по крупе – 230 тысяч тонн, по сахару – 360 тысяч тонн, по водке и водочным изделиям – 20300 тысяч декалитров.

Просим сообщить Ваше мнение¹⁹.

Приведенные отрывки о контрольных цифрах оставляют впечатление незаконченности. Контрольные цифры недостаточно детальные и задают лишь общее направление развития. Письмо с обсуждением плана на четвертый квартал 1936 года содержит наиболее детальные контрольные цифры, но даже они устанавливают задания для промышленности лишь в целом. В письме с планом на четвертый квартал 1931 года вообще содержатся лишь основные позиции будущего плана. В письме с планом на третий квартал 1932 года приводятся наиболее точные, возможно, даже чрезмерно точные, предложения по распределению металла, что было связано с инициативой Сталина – поставкой ширпотреба в сельскую местность. Приведенные в этих письмах обсуждения капложений подтверждают изложенный в предыдущей главе тезис, что Политбюро в первую очередь интересовал объем инвестиций.

Непосредственная реакция тех, кто должен был претворять установленные планы в жизнь, также оставляет впечатление незаконченности. В письме-докладе о плане на четвертый квартал 1931 года Каганович, в частности, делает следующее едкое замечание: «О хлебофуражном балансе Госплан дал никуда негодные материалы»²⁰. После того как Политбюро обсудило план на третий квартал 1932 года, оно столкнулось с тем, что некоторые промышленные наркоматы игнорировали задания по снижению себестоимости: «Самое главное и опасное то, что хозяйственни-

ки мало заботятся о рубле [о снижении себестоимости]»²¹. Летом 1932 года Сталин настойчиво требовал направить товары широкого потребления в деревню: «Очередная задача состоит в том, чтобы в мае, июне и июле послать максимум ширпотребных товаров в хлебные, сахарные (свекловичные) и хлопковые области – в расчете на то, что товар будет на месте уже в июле и августе». Сталин предупреждал Кагановича: «Комиссия ПБ по ширпотребу создана для того, чтобы Центросоюзом руководили Вы и Постышев... Отныне ссылка на слабость Центросоюза будет (должна!) расцениваться, как слабость Кагановича и Постышева»²². Однако, несмотря на личный интерес Сталина, Каганович рапортовал, что программа выполняется плохо:

Несмотря на то, что сами наркомы и их ближайшие замы клянутся в том, что понимают серьезность положения и стараются выполнить решение ЦК, мы наблюдаем большую беспомощность на практике. У них, например, не было до сих пор наметки выполнения программы по кварталам... Особенно плохо обстоит с выполнением директив ПБ об увеличении завоза промтоваров в деревню на 604 млн. руб., к сожалению, до июня точного учета завоза в деревню не было, так как товары, шедшие через базы, и не планируемые товары не учитывались – идут ли они в сельскую или городскую торговую сеть»²³.

Директивы Политбюро по пятилетним планам оставляют также впечатление незаконченности. Директивы по второму пятилетнему плану (1933–37), утвержденные XVII партийной конференцией в 1932 году, включают одиннадцать натуральных и пять стоимостных показателей²⁴. Само Политбюро устанавливало лишь несколько контрольных цифр, обычно около двадцати важнейших производственных заданий. Таблица 5.1 содержит контрольные цифры на 1955 год, принятые Политбюро в 1951 году на основании предложения заместителя председателя Совета министров Г.М. Маленкова, после исправлений Сталина²⁵. По

²¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 147.

²² Там же. С. 162.

²³ Там же. С. 153–154.

²⁴ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 117. Плановые задания в натуре были установлены по добыче угля, нефтедобыче, коксу, выработке электроэнергии, производству чугуна, минеральных удобрений, тракторов, по посевным площадям, урожаю зерновых, средней урожайности с гектара и рабочей силе. Стоимостные показатели включали национальный доход в текущих и неизменных ценах, промышленное производство, машиностроение, потребление на душу населения и капложение.

²⁵ Эти цифры взяты из документов, находящихся в фонде XIX Съезда КПСС. Фонд в микрофильмированном виде хранится в архиве Губерновского инс-

¹⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 658–659.

²⁰ Там же. С. 119.

прошествии двух десятилетий высшее руководство устанавливало менее двух десятков показателей, причем большинство из них были достаточно общими, такими, как объем капитальных вложений, потребление или производство тяжелой промышленности. В 1951 году подробная версия пятилетнего плана, подготовленная Госпланом включала лишь 127 заданий в натуральных показателях²⁶.

Поверхностный характер контрольных цифр, устанавливаемых Политбюро, опровергает стереотип научного планирования. Контрольные цифры устанавливались случайным образом. Сталин нередко действовал как сочинский оракул, извлекая «оптимальные» показатели просто из воздуха. Мы подозреваем, что «пророческие» цифры Сталина основывались исключительно на опыте, интуиции и торге. Те, кто отвечал за выполнение заданий, установленных контрольными цифрами, обычно возражали, что утвержденные показатели слишком высоки. Каганович писал Сталину: «...Микоян [ответственный за хлебозаготовки и импорт зерновых] конечно возражал...»²⁷ Плановые задания вырабатывались в результате длительных открытых или неявных споров и торговли. Сталин писал Кагановичу: «Шеболдаев [первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б)] просит ссуды в 5 миллионов пудов для 28 задетых суховеями районов... Я думаю, что можно удовлетворить Шеболдаева, с тем, однако, чтобы за счет этих 5 миллионов была покрыта также вся потребность края на недостающие яровые семена и чтобы ни о какой ссуде не ставился больше вопрос»²⁸. В данном случае более важно, однако, то, что архивы сказать не могут. Когда знакомишься с архивными материалами, не возникает чувства, что Политбюро было убеждено в том, что контрольные цифры являются важным властным инструментом. На самом деле к 1951 году Сталин уделял контрольным цифрам уже совсем мало внимания, рассматривая их скорее как черновой материал для плановых органов²⁹. Высшему партийному руководству было очевидно, что установление

титута войны, мира и революции (Стэнфорд, Калифорния, США). Оригиналы находятся в РГАСПИ, фонд 592.

Hoover Archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party» / РГАСПИ. Ф. 592.

²⁶ Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 176.

²⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 91.

²⁸ Там же. С. 556.

²⁹ Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan. P. 174–175.

нескольких плановых заданий, объединенных в такие общие категории, как задания по производству тяжелой или легкой промышленности или розничный товарооборот, не могло определить конечное распределение ресурсов.

Таблица 5.1. Плановые задания на пятую пятилетку

	Предложения Политбюро / Маленкова, 1951	Исправления Сталина, 1951
Национальный доход	70%	
Капитальные вложения	105%	
Потребление	50%	
Грузооборот	44%	
Товарооборот	74%	
Себестоимость	–20%	
Производительность труда в промышленности	52%	
Производительность труда в строительстве	47%	
Фонд заработной платы	30%	
Выпуск промышленной продукции	80%	70%
Выпуск продукции промышленности группы А	90%	80%
Выпуск продукции промышленности группы Б	70%	65%
Производство сельхозпродукции		
Зерновые	35–40%	40–50%
Пшеница	Н.д.	55–65%
Хлопок	55–65%	
Лен	35–40%	40–50%
Сахарная свекла	60–65%	65–70%
Семя подсолнуха	40–45%	50–60%
Кормовые	2,5–3%	

Источник: Hoover Archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party» / РГАСПИ. Ф. 592. Оп. 1. Д. 6. Л. 3, 6.

Пятилетние планы: почему их не отменили?

Составлять пятилетние планы было легче всего. Их нужно было разрабатывать только раз в пять лет, они предполагали высокий уровень агрегирования и ставили перед народным хозяйством лишь общие цели. Евгений Залески в своем подробном исследовании о советском планировании убедительно показал, что пятилетние планы имели мало общего с действительностью. Они были слабо связаны с оперативными планами и выполнялись плохо. Плановые задания из первого пятилетнего плана (1928–1933) были выполнены в среднем менее чем на 60 процентов. План на вторую пятилетку (1933–1937) был менее амбициозным, чем на первую, но и его удалось выполнить лишь немногим более чем на 70 процентов (таблица 5.2)³⁰. Осуществление третьего пятилетнего плана было прервано Второй мировой войной. План на четвертую пятилетку, следуя установившейся традиции, также не равнялся сумме годовых оперативных планов за 1945–1950 годы. Выполнение плана по оборонной промышленности на пятую пятилетку было далеко от поставленных задач³¹.

Таблица 5.2. Среднее отклонение от стопроцентного выполнения плана (годовые планы и второй пятилетний план) в 1933–1938 годах

	1933	1934	1935	1936	1937	1938	В среднем 33–37	Второй пяти- летний план в целом
							33–37	33–37
Промышленность	16,1	15,5	11,7	11,9	16,7	10,4	14,4	30,5
Сельское хозяйство	11,3	7,8	9,3	19,6	17,7	Н.д.	13,1	29,9
Транспорт	11,3	12,6	10,5	11,4	11,7	7,3	11,5	24,3
Занятость	10,4	6,4	6,9	6,6	4,4	4,7	6,9	21,1
Зарботная плата	2,8	11,2	7,6	12,0	5,7	5,9	7,9	66,5
Другое	10,4	10,7	9,2	12,3	11,3	7,1	10,8	34,5

Источник: Составлено по: Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 279.

³⁰ Среднее отклонение от стопроцентного выполнения второго пятилетнего плана составило немногим менее одной трети, что примерно в три раза больше, чем среднее отклонение в пяти годовых планах, составляющих вторую пятилетку.

³¹ Gregory P. *Why Soviet Defense Puzzles: Archives, Strategy, and Underfulfilment* // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 55. № 6.

Общество, как правило, отбрасывает институты, которые «не работают». Невыполнение пятилетних планов можно считать провалом пятилетнего планирования как института. Тем не менее пятилетние планы оставались одной из важнейших характеристик советской системы вплоть до развала Советского Союза. Вторая мировая война прервала выполнение третьего пятилетнего плана, и после войны институт пятилеток можно было бы не восстанавливать, однако он был возрожден. Подобная настойчивость указывает на то, что для советского руководства пятилетние планы представляли определенную ценность. Если прав Залески и пятилетки служили «экономической мечтой» («vision of growth») для возбуждения энтузиазма среди населения, советское руководство должно было полагать, что они положительно влияли на чистую прибыль. Факт невыполнения пятилетнего плана можно было нейтрализовать, либо направив внимание общества на следующий пятилетний план, либо сделав ложное заявление об успешном выполнении плана, с помощью своего рода «большой лжи». В самом деле, официально все пятилетние планы, даже те, которые позорно провалились, были объявлены успешными. План на первую пятилетку, во время которой было выполнено немногим более половины поставленных задач, был объявлен XVII партийной конференцией, проходившей в январе–феврале 1932 года, обеспечившим завершение построения основ социализма³².

Тот факт, что советское руководство с большой pompой обнародовало пятилетние планы, обычно в разгар очередного партийного съезда, говорит в пользу тезиса Залески о том, что принятие пятилетних планов было важным публичным ритуалом. Практически все пятилетние планы были утверждены уже после того, как началось их осуществление, поэтому было бы ошибкой утверждать, что распределение ресурсов в самом деле происходило на их основе. План на первую пятилетку (с 1928 по 1933 год) был принят в августе 1929 года; план на пятую пятилетку (с 1951 по 1955 год) был принят в августе 1952 года³³. К тому моменту, когда пятилетние планы, в конце концов, утверждались, руководство, несомненно, уже знало, что их нельзя будет выполнить. Тем не менее каждый пятилетний план имел свой смысл. Первый пятилетний план воплощал идею Великого перелома и

³² Davies R.W. *Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933*. Basingstoke, England: MacMillan, 1996. P. 134.

³³ Davies R.W. *The Soviet Economy in Turmoil*. P. 67; Tikhonov A., Gregory P. *Stalin's Last Plan*. P. 173.

обещал в кратчайшие сроки преодолеть отсталость России, если каждый бросится в бой, готовый жертвовать собой. «Враги» не хотели, чтобы эта программа была выполнена, так что каждый должен был быть начеку и остерегаться вредителей и саботажников. От обещаний первого пятилетнего плана захватывало дух. В ноябре 1929 года Сталин с гордостью говорил о «развертывании творческой инициативы и трудового подъема масс рабочего класса на фронте социалистического строительства»: «Мы идем на всех парах по пути индустриализации – к социализму, оставляя позади нашу вековую “рассейскую” отсталость»³⁴. Были сделаны оптимистичные заявления о том, что советское промышленное производство, составлявшее в то время лишь 5 процентов производства США, к началу 1940-х годов его обгонит³⁵. Первоначальное задание по производству чугуна новыми заводами было установлено Госпланом в апреле 1929 г. в размере 1,3 миллиона тонн. Одобренный в конечном итоге оптимальный вариант плана на первую пятилетку повысил задание по чугуну до 2,6 миллиона тонн, но в декабре 1929 года оно было увеличено до 6,1 миллиона³⁶. В течение всего восьми месяцев план увеличился в целых пять раз!

То, что первый пятилетний план был документом политическим, подтверждается тем фактом, что пересмотр плана был инициирован партией (в лице объединенного партийно-советского наркомата ЦКК РКК – Центральной контрольной комиссии ВКП(б) и Рабоче-крестьянской инспекции). Государственный плановый орган, Госплан, оттеснили на задний план, вынуждая его одобрить принятие этого плана. Работавший в то время в Госплане Струмилин, до этого настроенный скептически, в сентябре 1929 года был вынужден с энтузиазмом заявить, что программа индустриализации не только не преувеличена, но, наоборот, излишне скромна³⁷. Плановики и директора предприятий, просившие установить им хотя бы подобие выполнимых плановых заданий, объявлялись врагами народа и вредителями³⁸. Как говорил Куйбышев, руководители предприятий должны не доказывать, что они не могут выполнить план, а предоставлять руководству

информацию о том, при каких условиях они могли бы выполнить поставленные задачи³⁹.

Пафос второго пятилетнего плана (1933–1937) состоял в том, что огромные успехи первого пятилетнего плана позволяют несколько снизить темпы экономического развития и что улучшение жизни простых людей не за горами. Некоторые плановые задания на вторую пятилетку, представленные на XVII конференции ВКП(б), проходившей с 30 января по 4 февраля 1932 года, были существенно ниже показателей, предложенных Госпланом за полгода до этого. Примечательно, что увеличение производства потребительских товаров, предложенное в плане на вторую пятилетку, было столь же фантастическим, как и рост средств производства, утвержденный первым пятилетним планом. К 1937 году производство потребительских товаров должно было увеличиться как минимум в два, а то и в три раза – цель, цинично озвученная председателем Госплана и членом Политбюро В. Куйбышевым. Как заметил по этому поводу Р. Дэвис: «В то время, когда в СССР свирепствовал голод, он [Куйбышев] нагло уверял конференцию... что Советский Союз станет самой развитой страной в мире и покажет всем трудящимся, чего может достичь рабочий класс, строя социализм»⁴⁰. Несмотря на то что план на вторую пятилетку был выполнен в значительно большем объеме, чем первый пятилетний план, оторванные от реальности задания по увеличению выпуска потребительских товаров означали, что задания, установленные для розничной торговли, были выполнены лишь на 50 процентов⁴¹.

Идеологическая направленность последующих пятилетних планов была не столь ярко выраженной, как двух первых. Составление проекта плана на третью пятилетку (1938–1942) хронологически пришлось на пик Большого террора⁴². Чистки в Госплане

³⁹ Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil. P. 185.

⁴⁰ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy. P. 137–138.

⁴¹ Zaleski E. Stalinist Planning... P. 157.

⁴² Подготовка третьего пятилетнего плана началось в феврале 1936 года, когда в самый разгар награждений и поздравлений в связи с пятнадцатилетием Госплана последний получил инструкцию завершить работу по подготовке плана в течение шести месяцев. В 1936 году Сталин дал Госплану только общие указания о производстве зерновых и электроэнергии. В 1928 и 1932 годах его инструкции были намного более конкретны. Несмотря на то что в 1936 году работа по подготовке третьего пятилетнего плана близилась к завершению, она была приостановлена, а затем снова возобновлена в апреле 1937 года, в основном в связи с угрозой войны. В 1937 году появилось несколько статей, в которых были опубликованы конкретные цифры плановых заданий. В феврале 1938 года Госплан возобновил работу над планом, результаты этой работы были представлены Молотовым на XVIII съезде ВКП(б), состояв-

³⁴ Цит. по: Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil. P. 95–96.

³⁵ Ibid. P. 68.

³⁶ Ibid. P. 498.

³⁷ Ibid. P. 92–93.

³⁸ Ibid. P. 67–70, chap. 6.

начались в марте 1937 года и достигли своей кульминации, когда многим работникам Госплана были предъявлены обвинения во вредительстве, разрушении экономики и подрыве обороноспособности страны. Два председателя Госплана (Межлаук и его преемник Смирнов) были арестованы и затем расстреляны, так же как и начальник ЦУНХУ (Центрального управления народнохозяйственного учета), главного советского статистического органа⁴³. Выполнение плана на третью пятилетку было прервано Великой отечественной войной, во время которой «обычное» планирование было заменено составлением краткосрочных военно-хозяйственных планов. План на четвертую пятилетку (1945–1950 годы) был планом восстановления народного хозяйства с довольно простыми приоритетами: восстановить в довоенных масштабах разрушенные войной отрасли промышленности⁴⁴. Плану на пятую пятилетку Сталин уделил мало внимания, либо в силу того, что он пришел к выводу о ненужности пятилетних планов, либо от активного участия в составлении плана его удержало плохое состояние здоровья⁴⁵. План на пятую пятилетку был скорее плодом творчества плановых органов (Госплана, нового Государственного комитета снабжения и Министерства финансов), а не результатом обсуждения членов Политбюро.

Сталин придавал особое значение символам, указывающим на приближение светлого будущего. 9 июня 1932 года Сталин писал Кагановичу и Молотову:

Нужно немедленно поднять в печати кампанию насчет богатейших перспектив стерлитамакской, ухтинской и эмбинской нефти. Нужно на протяжении ряда номеров «Известий» прокричать о богатейших залежах нефти в этих районах и о том, что при таких богатых перспективах придется большую часть грозненской, майкопской и бакинской нефти повернуть на экспорт. Надо устроить ряд интервью с геологами, особенно с Губкиным, с Косиором и Ганшиным, с заявлением о небывалых запасах нефти в восточных районах.

Сталин хотел обнародовать эту оптимистичную информацию не только для того, чтобы возбудить у народа энтузиазм, но и потому, что «вполне возможно, что такая кампания заставит англо-

американских нефтяников возобновить переговоры и пойти на уступки нам»⁴⁶.

Оперативные планы

Если советская административно-командная экономика и работала на основе планов, то это были не пятилетние планы. Скорее, она управлялась с помощью краткосрочных планов, которые содержали конкретные задачи и инструкции. В главе 8 мы рассмотрим оперативное планирование и покажем, что на практике фактически все «оперативные» планы представляли собой предварительную договоренность между производителями и вышестоящими органами о том, что производить и кому поставлять произведенную продукцию. Большинство оперативных планов составлялось не СНК или его официальным плановым органом, Госпланом, а самими производителями. Часто оперативных планов попросту не существовало (как, например, годовых планов, которые производители, как правило, получали только в середине года или не получали вообще), или же они постоянно корректировались разнообразными государственными и партийными органами. Поскольку оперативные планы не устанавливали «перспективу на будущее», они привлекали мало внимания, и внесения изменений в них оставалось незамеченным.

Почему сталинская модель роста?

Пятилетние планы не соответствовали сумме оперативных планов за пятилетку. Фактически, все оперативные планы были предварительными и, по желанию, могли быть изменены в любое время. По мнению Залески, ресурсы распределялись не в соответствии с планами, а на основе решений тех, кто их контролировал. Тем не менее, сравнивая результаты экономической деятельности административно-командных систем и рыночных, легко видеть различия. В СССР и странах Восточной Европы производилось сравнительно больше продукции тяжелой промышленности и военного назначения и меньше услуг, доля инвестиций в ВВП выше, а масштабы внешней торговли и уровень урбанизации ниже, чем в странах с рыночной экономикой, находящихся на сопоставимой ступени развития. Эти выводы имеют богатую эмпирическую базу. Они показывают, что предпочтения плановиков

шелся 10–21 марта 1939 года. Zaleski E. Stalinist Planning... P. 161–212.

⁴³ Подробнее см.: Zaleski E. Stalinist Planning... Chap. 8.

⁴⁴ Ibid. P. 503.

⁴⁵ Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan. P. 174–175.

⁴⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 151.

существенно отличались от того, что предлагал рынок⁴⁷. «Сталинская» модель роста показывает, что, даже если распределение ресурсов не определялось напрямую планами, сами руководители, ответственные за распределение ресурсов, действовали на основе негласных правил и практик, перешедших из Советского Союза в другие плановые системы.

Эти правила и практика не находили отражения в заявлениях высшего руководства, которые были либо слишком общими, либо слишком конкретными. Примером неконкретного заявления может служить постановление Политбюро от 19 июля 1936 года:

СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают важнейшей задачей промышленных наркоматов в 1937 г. решительное улучшение качества выпускаемых изделий, обязательное обеспечение комплектности продукции, точное соответствие выпускаемой продукции установленным правительством ассортименту, утвержденным стандартам и техническим условиям⁴⁸.

В сентябре 1932 года Политбюро определило приоритеты более конкретно, но лишь в области транспорта:

Сохранить положение текущих пользователей транспортных средств при незначительном увеличении производства товаров широкого потребления легкой промышленности, продолжать политику механизации сельского хозяйства, отдавать предпочтение союзным организациям над местными⁴⁹.

Распоряжение Сталина о сокращении производственных заданий в июле 1935 г. было еще более конкретным:

Есть некоторые вещи, которые нельзя сокращать: НКО обороны; ремонт пути и подвижного состава плюс оплата новых вагонов и паровозов по НКПС; строительство школ – по НКПросу; переоборудование (техническое) по Легпрому; бумажные и целлюлозные заводы – по Лесу; некоторые очень нужные предприятия (уголь, нефть, мартены, станы, вискоза, электростанция, химия) по НКТяжу⁵⁰.

⁴⁷ Ofer G. The Service Sector in Soviet Economic Growth. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973; Kuznets S. A Comparative Appraisal // Economic Trends in the Soviet Union / Ed. by A. Bergson, S. Kuznets. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. P. 333–382; Gregory P. Socialist and Nonsocialist Industrialization Pattern. New York: Praeger, 1970.

⁴⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 150.

⁴⁹ Цит. по: Lazarev V., Gregory P. The Wheels of a Command Economy // Economic History Review. 2002. Vol. 60. P. 324–348.

⁵⁰ Цит. по: Davies R.W., Khlevnyuk O. Gosplan // Decision Making in the Stalinist Command Economy. P. 55.

Необязательно формулировать приоритеты в явном виде, если их и так все знают. Тяжелая промышленность и оборона имели однозначный приоритет. Как писал Залески:

В результате... экономическая политика не выполнялась в том виде, как она была сформулирована в планах. Пятилетние планы не приводились в действие, а годовые и квартальные планы – плохо скоординированные, составленные с опозданиями и вводившиеся в действие по частям – представляют лишь один из элементов системы принятия решений... В той степени, в какой плановые задачи невыполнимы, государству приходится делать выбор, которого оно хотело избежать с помощью планирования... Выбор правительством приоритетов происходит согласно определенной схеме. Обычно предпочтение отдается средствам производства и транспорту за счет сельского хозяйства и потребительских товаров... Результаты показывают истинную сталинскую «модель роста»⁵¹.

Таким образом, лица, ответственные за распределение ресурсов, как на высшем, так и на низшем уровне, ясно понимали правила принятия решений, остававшиеся на удивление неизменными во времени и пространстве. Тяжелая промышленность важнее легкой промышленности. Военные заказы важнее гражданских заказов. Выполнение заказов должно быть основано на использовании внутренних ресурсов, а не импортных. Сфера услуг не играет особой роли, и ею можно пренебречь. Эти правила довольно просты, и они твердо отпечатались в сознании советских хозяйственников и плановиков.

Политбюро самостоятельно могло принимать лишь небольшое число решений. Большинство вопросов передавалось на усмотрение экономических агентов, которые уже напрямую общались с хозяйственниками, отвечавшими за производство в промышленных наркоматах. В следующей главе речь пойдет об иерархической структуре административно-командной экономики, начиная с диктатора, стоявшего на вершине пирамиды, вплоть до предприятий, находившихся в основании.

Выводы

Советский диктатор сохранил пятилетние планы в качестве фасада административно-командной экономики, несмотря на то что после Второй мировой войны у него была возможность от них отказаться. Опыт пятилетнего планирования с гордостью был передан соседним странам Восточной Европы и Китаю. Советские

⁵¹ Zaleski E. Stalinist Planning... P. 503–504.

советники в Индии помогали разрабатывать пятилетние планы в этой стране в 1950-е и 1960-е годы. Пятилетки использовались как один из главных инструментов пропаганды, при помощи которого руководство доносило до народа планы строительства коммунизма. Пятилетние планы обычно оглашались с большой помпой и под бурные аплодисменты, за которыми следовала гробовая тишина, так как важнейшие плановые показатели приходилось пересматривать как нереалистичные. Однако во время подготовки очередного пятилетнего плана превозносились впечатляющие успехи предыдущей пятилетки. В 1930-е годы власть использовала пятилетки, чтобы объяснить людям, почему от них требуются жертвы, делая упор на светлое будущее. Используя выражение Сталина, можно сказать, что главной задачей всех пятилетних планов было объяснить людям, что «жить стало лучше, жить стало веселее».

Советское руководство сохранило институт пятилетних планов, так как оно посчитало, что его выгоды превышают издержки. От того, что внимание людей сосредотачивалось на светлом будущем, государство ничего не проигрывало. Тем не менее мы должны задать вопрос, не превышали ли выгоду издержки невыполненных планов, причем не только в послевоенный период, но и в 1930-е годы, когда разрыв между планом и его выполнением был наибольшим. Модель справедливой заработной платы, предложенная в предыдущей главе, предполагает, что интенсивность трудовых усилий зависит от представлений о справедливости. В самом деле, в 1930-е годы рабочих, возможно, и удалось бы убедить работать за мизерную заработную плату, если бы они были убеждены в том, что эти жертвы в самом деле необходимы. Возможно, их можно также было бы убедить идти на жертвы, утверждая, что «дела идут не очень хорошо» из-за иностранных врагов, засухи или иных стихийных бедствий. Однако советская пропаганда всю трубила об успехах, достигнутых несмотря ни на что. Утверждалось, что фабрики и заводы выпускали потоки машин, тракторов, текстиля и товаров широкого потребления. В какой-то момент рабочие, чья реальная заработная плата не повышалась и которые продолжали жить в крайне тяжелых условиях, должны были бы спросить: когда же мы получим свою долю? И если они придут к выводу, что не получают «справедливую» заработную плату, то в ответ они снизят интенсивность своих трудовых усилий.

Вот один небольшой пример, который показывает последствия такой ситуации: 12 июня 1932 года Сталин лично рас-

порядился, чтобы «Правда» публиковала «ежедневные сводки производства автомашин на АМО и Нижегородском Автозаводе»⁵². Вскоре после этого СНК получил запрос на автомобили от Карагандинского обкома ВКП(б) со следующей сопроводительной запиской: «Раньше мы не настаивали. Но теперь с запуском Горьковского автозавода я требую, чтобы вы удовлетворили нашу просьбу»⁵³. Если бы рядовые рабочие ответили на обещания и заявления об успехах так же, как этот партийный комитет, то для того, чтобы удержать интенсивность трудовых усилий на прежнем уровне, потребовалось бы перенаправить значительные ресурсы с инвестиций на потребление. Если утверждения об успехах не подтверждались реальным повышением уровня жизни, рабочие и в самом деле могли стать (по словам Сталина, приведенным в начале этой главы) усталыми, издерганными, изношенными, отчаявшимися.

⁵² Сталин и Каганович. Переписка. С. 161.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 2029. Л. 219–220.

Глава 6

ПЛАНОВИКИ ПРОТИВ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ

Рисунок карандашом, сделанный председателем Госплана В.И. Межлауком во время мартовского Пленума ЦК 1937 г. Кандидат в члены Политбюро Косиор жалуется зам. министра тяжелой промышленности Пятакову: «Никак не могу взнуздать этого рыжего черта!» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 170. Л. 30)

Первые пять глав этой книги мы посвятили тому, как Сталин и его сторонники в Политбюро («жокей» в терминологии Берлинера) создали административно-командную систему («лошадь» в терминологии Берлинера). Этих «жокеев» было совсем немного, и им приходилось делегировать другим часть своих полномочий для воплощения своих целей и инструкций в жизнь. Кроме того, выпуск продукции осуществляли предприятия, которые контролировались не самим высшим руководством непосредственно, а разнообразными промежуточными промышленными и региональными органами управления, которые и несли ответственность за результаты деятельности подконтрольных им предприятий. Таким образом, менеджеров в административно-командной системе можно примерно разделить на две группы: «плановиков» (planners) и «производителей» (producers). Сами плановики были «жокеями», которым помогали многочисленные эксперты. Производителями были те, кто либо непосредственно руководил производственными единицами, либо нес ответственность за производство. Если говорить в терминах третьей главы этой книги, то плановики в соответствии с экономическими целями партии определяли генеральную линию, которая выражалась в планах, инструкциях и указаниях, в то время как производители воплощали эту генеральную линию в жизнь.

В период нэпа производители по большей части принимали решения самостоятельно. Производители были объединены в тресты и реализовывали товар через синдикаты, при ограниченном контроле со стороны плановиков. С началом политики Великого перелома на смену трестам и синдикатам пришли наркоматы и региональные органы управления. Предприятиям, которые раньше сами были вольны решать, что производить и кому продавать, теперь приказывали сверху, какие товары они должны выпускать, кому и по какой цене их поставлять. Подобно тому, как крестьяне всячески сопротивлялись применению силы в деревне, так и производители боролись с принуждением по отношению к ним. Производители, в отличие от крестьян, не организовывали вооруженных восстаний. Их методы были более тонкими и изощренными и были нацелены на сохранение как можно большей власти, чтобы защитить себя от неразумных приказов. Эта глава описывает борьбу между производителями и плановиками.

Демократическая власть или диктатор, будь то Сталин или небольшая группа (Политбюро), могут принимать относительно небольшое число решений в силу временных и пространственных ограничений. Количество решений, принятых Политбюро, можно установить по протоколам его заседаний. В 1930-е годы оно принимало ежегодно от 2300 до 3500 решений¹. В начале 1930-х годов на одном заседании Политбюро могло разбирать до полусотни вопросов. В 1932 году, по предложению Сталина, количество вопросов, обсуждаемых на одном заседании, было ограничено пятнадцатью². Однако уже в середине 1930-х годов повестка заседания Политбюро иногда состояла из нескольких сотен пунктов³. Несмотря на то что количество решений, принятых Политбюро, кажется значительным, это была всего лишь небольшая часть всех решений, необходимых для того, чтобы управлять экономикой, состоящей из тысяч предприятий, разбросанных по гигантской территории самой большой страны в мире. В январе 1930 года весь аппарат ЦК состоял всего лишь из 375 человек, при этом самыми крупными подразделениями были секретный отдел (103 человека) и управление делами (123 человека). В других отделах, таких, как распределительный, организационно-инструкторский, отдел культуры и пропаганды, числилось менее полусотни человек в каждом⁴. Фонд заработной платы секретного отдела в 1932 году составлял только 20 000 рублей в месяц⁵. Таким образом, центральный партийный аппарат насчитывал менее четырехсот человек, которые занимались подготовкой, рассылкой и контролем исполнения директив и указаний высшего руководства. Крупнейший государственный центральный орган, Госплан, включавший в себя в то время Центральное управление народнохозяйственного учета (ЦУНХУ), в начале 1930-х годов имел в штате всего лишь 900 человек, слишком мало, по мнению руководства Госплана, чтобы выполнять всю не-

¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 15.

² Там же. С. 25.

³ Там же. С. 196–250.

⁴ Там же. С. 14–15.

⁵ Бюджет секретного отдела предусматривал множество мелочей, таких, как количество папирос для работников секретариата Сталина (от 5000 до 6000 в месяц), расходы на питание в столовой сотрудников секретариата Сталина (24 тысячи рублей) и целый ряд специальных категорий пайков, например пайки тем, кто оставался работать после 11 вечера (Там же. С. 28–29).

обходимую работу. Сектор энергетики и электрификации Госплана (один из важнейших секторов) насчитывал только 30 человек. Начальник химического сектора Госплана жаловался, что не в состоянии решить хотя бы один вопрос из-за нехватки кадров⁶. В 1935–1936 годах штат Госплана увеличился до восьмисот человек, без учета ЦУНХУ⁷.

Поскольку диктатор не в состоянии принимать все решения лично, он вынужден делегировать полномочия по решению некоторых вопросов. Рассуждая логически, можно предположить, что диктатор оставит за собой право принятия «важнейших» решений, передавая технические вопросы на рассмотрение экспертов. Хайек писал о проблемах делегирования полномочий при демократии, но его наблюдения справедливы и по отношению к диктатуре:

Возражения вызывает тот факт, что к делегированию часто прибегают в силу того, что очередной вопрос не может быть решен при помощи общих правил и процедур принятия решений, а требует отдельного подхода. В таких случаях делегирование означает, что некая организация получает полномочия от имени закона принимать решения, которые в сущности зависят от личных предпочтений и взглядов работников этой организации... Делегирование принятия решений по конкретным техническим вопросам определенным органам, хоть и является распространенной практикой, представляет собой лишь первый шаг к *утрате власти* [курсив автора] демократией [здесь читай – диктатурой. – Авт.], – вступившей на путь планирования⁸.

В случае Советского Союза неизбежное делегирование полномочий таило в себе несколько угроз. Во-первых, Сталин и его сторонники, создавшие тоталитарный режим, несомненно, должны были осознавать описанную Хайеком потенциальную угрозу утраты власти в результате делегирования полномочий; соответственно они были склонны делегировать как можно меньше полномочий, чтобы сохранить всю полноту власти. Во-вторых, среди «старых большевиков» было мало специалистов-инженеров. Лояльность многочисленных беспартийных специалистов вызывала сомнения. Многие из них раньше состояли в меньшевист-

⁶ Примеры наиболее серьезных жалоб секторов Госплана, касавшихся нехватки кадров, см. в докладных записках Варганского (сектор энергетики и электрификации) и Блинова (химический сектор) председателю Госплана Куйбышеву. (Российский государственный архив экономики, далее – РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 39. Д. 34. Л. 9–93).

⁷ ГАРФ. Ф. 9372. Оп. 39. Л. 85–86.

⁸ Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 74.

ской партии, другие занимали должности в таких областях, как финансы или банковское дело. Как можно было доверить власть таким людям? В-третьих, довольно часто было сложно провести грань между принципиальными и техническими вопросами. Является ли решение увеличить производство сульфата аммония на 10 процентов принципиальным или техническим? Решение о том, где построить новый завод, в Ленинграде или Сталинграде, должно было приниматься диктатором или экспертами?

Кому можно доверять?

В советской административно-командной экономике можно выделить три уровня управления (см. рис. 6.1). На вершине находился диктатор. На втором уровне располагались функциональные органы управления, такие, как Госплан (важнейший орган управления экономикой), наркомат финансов, наркомат труда и т.д., которые воплощали директивы диктатора в подробные, конкретные задания. Назовем представителей этих двух уровней плановиками. На втором уровне также располагались экономические наркоматы (в своем большинстве промышленные) и, наконец, на третьем – предприятия. Экономические наркоматы и предприятия были ответственны за выполнение поставленных задач. Будем называть представителей этих организаций производителями.

Употребляя слово «диктатор», мы подразумеваем под ним существовавший на практике симбиоз Политбюро и Совета Народных Комиссаров (СНК). Единство управления обеспечивалось тем, что ключевые должности в СНК занимали члены и кандидаты в члены Политбюро. Административно-командная система управления состояла из двух частей: партийной и государственной. Предполагалось, что государственные органы управления во главе с СНК должны руководить повседневной жизнью страны, а партийные органы определять направление проводимой политики в соответствии с «ведущей и направляющей ролью» партии. На практике, однако, партия была активно вовлечена в повседневную рутину управления народным хозяйством.

СНК состоял из отраслевых и функциональных органов управления. Председателем СНК долгое время был В.М. Молотов. Хотя формально высшим органом власти в СССР был Центральный Исполнительный Комитет СССР, на практике высшим советским органом был СНК, главная задача которого заключалась в управлении экономикой страны. При СНК существовало

управление делами (свой собственный «маленький Госплан») с очень небольшими отраслевыми отделами. Так, например, за вопросы автомобиле- и авиастроения отвечал один чиновник, которому помогали два секретаря⁹. СНК состоял из экономических наркоматов (на протяжении 1930-х годов их число менялось от 3 до 23); бюджетных наркоматов, таких, как наркомат просвещения, труда, обороны и т.д.; функциональных органов, таких, как Госплан или Народный комиссариат финансов, государственные контрольные органы (в частности, Комитет советского контроля) и разнообразные специальные комиссии (например, комиссии по ценообразованию, хлебозаготовкам, транспорту и топливу). Как функциональный орган, Госплан не управлял ни одним из секторов экономики, но отвечал за подготовку государственных народнохозяйственных планов. Он был скорее консультативным, нежели исполнительным органом, и отчетывался непосредственно перед высшим партийным и государственным руководством¹⁰.

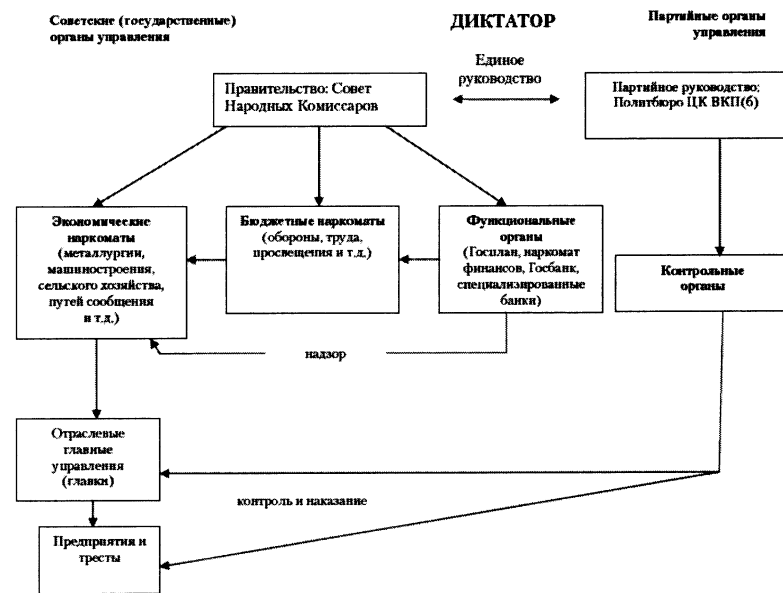

Рис. 6.1. Схема центральных органов управления в СССР

⁹ Lazarev V., Gregory P. The Wheels of Command Economy // Economic History Review. 2002. Vol. 60. P. 328–332.

¹⁰ Davies R.W., Khlevnyuk O. Gosplan // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–1937 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 32.

В СНК также входило несколько членов с совещательным голосом, в частности представители республиканских СНК¹¹. В начале 1930-х годов более сорока тысяч служащих ОГПУ–НКВД охраняли промышленные предприятия оборонного назначения. Столь большая цифра предполагает, что они были заняты не только в непосредственной охране этих объектов¹². ОГПУ–НКВД составлял разнообразные специальные доклады, в том числе об условиях труда, беспорядках, демонстрациях, забастовках, нарушении отчетности и дефектах в конструкции самолетов. На оборонных предприятиях также работали военные представители, подчинявшиеся наркомату обороны, отвечавшие за приемку военных заказов. В 1940 году количество военных представителей на предприятиях достигало двадцати тысяч человек¹³.

И у партии, и у государства были свои контрольные органы, возглавляемые наиболее «лояльными» членами Политбюро, наделенными властью проводить проверки работы советских чиновников, включая наркомов. Наибольшие полномочия в области контроля были у объединенного партийно-советского наркомата ЦКК–РКИ, Центральной контрольной комиссии – Рабоче-крестьянской инспекции. В 1934 г. этот объединенный наркомат был разделен на государственную Комиссию советского контроля (в дальнейшем наркомат государственного контроля) и Комиссию партийного контроля. Эти контрольные органы часто работали рука об руку с наркоматом юстиции и прокуратурой. Наказания высшим чиновникам за их ошибки и правонарушения определялись непосредственно Политбюро, имевшим право применять самые суровые наказания, включая смертную казнь. Следует отметить, что Госплан не был карательным органом и не имел полномочий наказывать. Он мог лишь угрожать или просить поддержки у карательных органов. Госплан постоянно обращался к другим органам, чтобы с помощью их силы добиться выполнения своих директив. Например, в 1933 году Госплан просил ЦКК–РКИ провести расследование грубых ошибок, бесхозяйственного расходования материалов на ленинградском трубном заводе и в кратчайшие сроки найти виновных и отдать их под суд. Он также просил ЦКК–РКИ провести расследование, почему нар-

комат лесной промышленности не построил электростанцию в Архангельске¹⁴. В 1934 году Госплан просил прокуратуру СССР установить уголовную ответственность за предъявление преувеличенных заявок, дачу неправильных сведений о запасах, получение фондируемых материалов и оборудования без фондов¹⁵.

Экономические наркоматы являлись отраслевыми подразделениями СНК и отвечали за соответствующие отрасли народного хозяйства. Их внутренняя структура и практика работы будут рассматриваться в следующей главе. В данной главе мы будем говорить о них как о единых органах, постоянных оппонентах предложениям СНК, Госплана и наркомата финансов. Производители вместе с региональными руководителями формировали группы влияния¹⁶. В аппаратах экономических наркоматов работало больше служащих, чем в центральных органах управления. В 1932 году в центральном аппарате Народного комиссариата путей сообщения работало 7600 человек, а общее число служащих вместе с работниками региональных органов управления составляло 62 тысячи человек. В 1933 году общее число служащих сократилось до 39 тысяч. Штат центрального аппарата Народного комиссариата тяжелой промышленности в 1928 году составлял 7375 человек. В центральном аппарате Народного комиссариата легкой промышленности в 1933 году работало от 2547 до 3989 человек, в зависимости от того, какие именно подразделения считать составными частями центрального аппарата¹⁷.

Из-за нехватки специалистов большая часть работы по планированию и управлению экономикой была сосредоточена в хорошо укомплектованных функциональных организациях, таких, как Госплан и Народный комиссариат финансов, а также, что немаловажно, в экономических наркоматах. В вопросах подготовки планов, контроля за их выполнением Политбюро и СНК должны были полагаться на помощь функциональных органов, контрольных комиссий и секретной полиции, тогда как сведения, необходимые для детальной разработки народнохозяйственных планов, поступали в центр от экономических наркоматов. Несомненно, всемогущее Политбюро могло увеличить свой собственный ап-

¹¹ Подробнее о составе союзного СНК см.: Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom // Decision Making in the Stalinist Command Economy. P. 9–32.

¹² Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1995. С. 106–107.

¹³ Harrison M., Simonov N. Voenpriemka: Prices, Costs, and Quality Assessment in Defense Industries // The Soviet Defense-Industry Complex from Stalin to Khrushchev / Ed. by J. Barber, M. Harrison. London: MacMillan, 1998. P. 326–347.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 35. Л. 172, 204.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 27. Л. 215.

¹⁶ Rutland P. The Myth of the Plan. LaSalle, Ill.: Open Court, 1985. P. 237–257; Boettke P.J., Anderson G. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of the Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93. P. 37–53; Treisman D. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. P. 30–32.

¹⁷ Подробнее об экономических наркоматах см. главу 7.

парат. Но, возможно, в центре не желали держать большой штат работников, поскольку последние могли претендовать на участие в принятии решений, или же высшее руководство считало, что лишь немногие заслуживают доверия. Всего в центральных органах государственного управления Советского Союза в середине 1930-х годов работало приблизительно сто тысяч человек.

Вертикальные и горизонтальные связи в административно-командной системе. Исследователи административно-командной экономики, начиная с Хайека и Мизеса и вплоть до современных авторов, таких, как Мансур Олсон (см. главу 1), практически не уделяли внимания вопросу о том, каким образом диктатор организывает свой бюрократический аппарат, для того чтобы добиться эффективного управления и обеспечить контроль над производителями. Мизес и Хайек крайне неопределенно говорили о центральном комитете планирования, который имеет дело непосредственно с предприятиями. Исследователи теории диктатуры тоже упрощали этот вопрос, делая допущение о принуждении, осуществляемом без издержек (*costless coercion*), предполагая, что диктатор может, не прикладывая особых усилий, добиться от подчиненных выполнения своих требований¹⁸.

На рис. 6.1 представлена вертикальная иерархия административно-командной экономической системы. Однако рисунок не показывает в явном виде существовавшие горизонтальные структуры. Был целый ряд наркоматов, еще больше главных управлений и тысячи предприятий. Все они могли иметь горизонтальные связи с другими организациями своего уровня. Вертикальная структура ясно показывает иерархию управления: Политбюро/СНК управляли промышленными наркоматами, которые управляли предприятиями. Вертикальная структура действовала по принципу «вертикального треста» (*vertical trust*). Чтобы распоряжения диктатора выполнялись, приказы «сверху», передаваемые вниз по официальной иерархической лестнице, должны были быть обязательными для исполнения. Однако подчиненные, такие, как наркоматы и предприятия, могли быть также вовлечены в неофициальные горизонтальные связи, порождавшие конфликты интересов между официальными «вертикальными» и неформальными «горизонтальными» связями¹⁹. Вместо того чтобы подчиниться приказу плановиков и поставить сто единиц произведенной продукции организации В, организация А на основании

неофициальной договоренности могла поставить эту продукцию организации С. Диктатор должен был препятствовать возникновению неформальных отношений между промышленными наркоматами или между заводами, поскольку они вели к ослаблению контроля, особенно когда наркоматы или предприятия объединялись в группы влияния.

На рис. 6.2 показана причина противоречий между вертикальными и горизонтальными отношениями. Правый график описывает производство и распределение определенного продукта, например чугуна, обозначим его X, в условиях административно-командной системы. Кривая спроса D показывает количество продукта X, которое требуется различным потенциальным потребителям по различной цене. Это могут быть как цены, установленные государством, так и цены, определяемые как количество ресурсов, которые потенциальный потребитель готов потратить за право получить продукт X. Кривая предложения S показывает объем производства X, установленный плановиком (мы делаем допущение, что запланированный объем был действительно произведен).

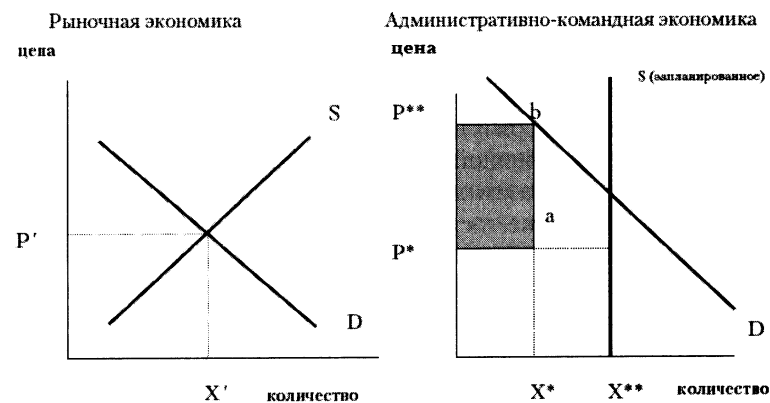

Рис. 6.2. Вертикальные и горизонтальные связи в административно-командной системе

В рыночной экономике (см. левый график рис. 6.2) объем производства X определяется рынком. Все те, кто готов платить рыночную цену (P'), получают продукт в количестве, суммарно равном X' . В административно-командной экономике, сколько продукта X производить и кому его продавать, решает диктатор. Он использует контроль над распределением ресурсов (перефразирование)

¹⁸ Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 208–212.

¹⁹ Ibid.

зируя Адама Смита, «видимую руку») для вознаграждения и наказания за экономические или политические успехи и просчеты. Диктатор устанавливает производство продукта X на уровне X^* и его цену P^* . При такой цене производитель должен продать весь произведенный товар (X^*) установленным покупателям по государственной цене P^* . Диктатор решает, кто именно из всех желающих купить товар по официальной цене P^* действительно его получит. Если «вертикаль власти» работает идеально (vertical trust), то подчиненные выполняют приказ вышестоящего начальства и продукт X действительно получают лишь те, кто в соответствии с волей диктатора должен его получить.

Однако горизонтальные связи будут неизбежно вступать в противоречие с приказами, спущенными по вертикали. Производитель продукта X знает, что он производит ценный товар. В действительности некоторые покупатели готовы заплатить за него значительно более высокую цену, чем та, что установлена государством. Покупатели готовы купить объем X^{**} продукта по цене P^{**} . Если производитель продает продукт в объеме X^{**} незапланированному покупателю по цене P^{**} , то он получает «прибыль» в размере $P^* \cdot X^{**}$ (на рис. 6.2. заштрихованный прямоугольник). Те, кто готов переплачивать, могут одновременно поставлять производителю продукта X иной ценный товар, Y. Производитель продукта Y также понимает, что он производит ценный товар, за который целый ряд покупателей готов платить цену выше государственной. Если производители продуктов X и Y подчиняются приказам диктатора, спущенным по вертикали, они продают товары по государственным ценам P^* . Не нарушив приказ, они будут вознаграждены плановиками. С другой стороны, оба они упустили возможность продать свой товар по ценам выше государственных. Конечно, они могли в дополнение к деньгам, полученным за проданный товар по государственным ценам, получить денежные взятки, укрепить хорошие отношения со своими собственными лучшими клиентами или добиться льготных условий для своих покупок, если покупатель одновременно является и поставщиком.

Если выгоды от сделки, основанной на горизонтальных связях, превышают награду за вертикальную лояльность, производитель совершит нелегальную, не предусмотренную планом «горизонтальную сделку». В некоторых ситуациях горизонтальные сделки могут заключаться даже чаще, чем вертикальные. Тогда плановик утрачивает контроль над транзакциями и вместо этого выполняет роль некоего арбитра, который стремится контроли-

ровать объемы прибыли соперничающих групп влияния²⁰. Утрата контроля приводит к «красному склерозу» (red sclerosis)²¹, характерному для экономики, управляемой группами влияния.

Диктатор (СНК/Политбюро) не имеет достаточно времени, ресурсов и информации для того, чтобы определить производство и потребление тысяч и миллионов товаров (X на рис. 6.2) реальной экономики. Госплан должен составлять планы производства и распределения товаров в соответствии с предпочтениями диктатора. Госплан, другие функциональные органы и контрольные комиссии также могут препятствовать горизонтальным сделкам, которые ставят под угрозу вертикальный план распределения товаров. Для того чтобы выполнить этот план, плановикам необходима точная и своевременная информация, кроме того, они должны решить, насколько детально следует составлять планы распределения. При 20 миллионах различных товаров Госплан мог составлять планы распределения только на агрегированную продукцию. Если бы Госплан составлял планы хотя бы по нескольким конкретным товарам, его аппарат, насчитывавший менее тысячи специалистов, был бы перегружен работой в силу необходимости планировать конкретные операции, составлять инструкции, касающиеся дат, сроков и условий поставки. Плановикам нужно было выбирать, какие задачи они в состоянии решить.

Государственные и ведомственные интересы. Ни практик Сталин, ни теоретики Хайек и Мизес не предполагали, что в условиях диктатуры даже высшие органы управления будут разделены на «них», тех, кто представляет ведомственные или частные интересы (narrow interests), и «нас», тех немногих, кто отстаивает «государственные» интересы (encompassing interests). Число высших партийных руководителей, которые могли занимать должности, не связанные с отраслевыми или региональными интересами, было ограничено. Из десяти членов Политбюро только от трех до пяти человек занимали такие должности. В начале 1930-х годов это были Сталин, Каганович (заместитель Сталина по партии) и Молотов (председатель СНК). Один или два члена Политбюро временами возглавляли организации, отстаивавшие государственные интересы, такие, как контрольные комиссии, Госплан или Центральный Исполнительный Комитет

²⁰ Boettke P.J. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. London: Routledge, 2001. P. 145–152.

²¹ Olson M. The Devolution of Power in Post-Communist Societies // Russia's Stormy Path to Reform / Ed. by R. Skidelsky. London: The Social Market Foundation, 1995. P. 9–42.

(ЦИК СССР). Остальные члены Политбюро возглавляли отдельные ведомства: военные, промышленные или региональные, которые должны были выполнять планы по экспорту, военные бюджеты или производственные задания. Серго Орджоникидзе, один из наиболее влиятельных членов Политбюро, возглавлял Народный комиссариат тяжелой промышленности. А. Микоян, в начале 1930-х годов кандидат в члены Политбюро, возглавлял Народный комиссариат снабжения. Член Политбюро А.А. Андреев возглавлял Народный комиссариат путей сообщения, пока его не сменил на этом посту Л.М. Каганович. Как только член Политбюро занимал хозяйственную должность, он начинал отстаивать ведомственные интересы.

Кажется, превращение верных помощников из «нас» в «них» застало Сталина врасплох. В письме к Кагановичу он с тревогой пишет о своем старом товарище Серго Орджоникидзе:

Не понимаю, как могло ПБ [Политбюро] согласиться с предложением ВСНХ [Орджоникидзе] о дополнительном импорте вагонных осей и колес и качественной стали. Оба предложения представляют прямой обход июльского решения ЦК... об окончательной программе импорта металла на 1931 год. Насколько я понимаю, Вас и Рудзутака просто обманули. *Нехорошо и противно, если мы начинаем обманывать друг друга* [курсив автора]²².

В том же письме Сталин разделяет «нас» и «их», отклоняя предложение Микояна установить резервный фонд хлеба при его наркомате (НКснабе). В письме от 4 сентября 1931 года Сталин писал: «Как Вы [Каганович] могли допустить этот разврат? Нельзя ли этот “резерв НКснаба” перечислить в резерв Государства (СНК СССР) с тем, чтобы он расходовался лишь с разрешения ПБ или СНК?»²³ В письме Кагановичу от 6 сентября 1931 года Сталин повторял свою идею: «Мы против анархо-синдикалистского взгляда на государство, по которому прибыли от экономии достаются ВСНХ, а убытки государству. Мы считаем, что государство выше ВСНХ»²⁴. Когда нарком тяжелой промышленности Орджоникидзе воспользовался положением члена Политбюро, чтобы оградить предприятия своего наркомата от критики со стороны А. Вышинского, в то время занимавшего должность за-

местителя прокурора СССР, Сталин в один день (29 августа 1933 года) написал Кагановичу два сердитых письма:

...Узнал, что Вы [Политбюро] признали неправильным одно место в речи Вышинского, где он намекает на ответственность наркомов в деле подачи и приемки некомплектной продукции. Считаю такое решение неправильным и вредным. Подача и приемка некомплектной продукции есть грубейшее нарушение решений ЦК. За такое дело не могут не отвечать также наркомы. Печально, что Каганович и Молотов не смогли устоять против бюрократического наскока Наркомтяжа²⁵.

Если вы будете так воспитывать кадры, у Вас не останется в партии ни один честный партиец. Безобразие...²⁶

Столкнувшись с необходимостью делегировать полномочия и нехваткой членов Политбюро, отстаивающих государственные интересы, Сталин нуждался в том, чтобы Госплан и другие функциональные органы были ему верны на сто процентов. Но одним лишь назначением на ответственные посты верных сторонников нельзя было обеспечить лояльность аппарата, даже после чисток 1929 и 1930 годов, когда из Госплана были удалены «ненадежные специалисты». Сталину вплоть до Большого террора 1937–1938 годов приходилось терпеть экспертов, чья верность режиму вызывала сомнения, а к некоторым из них Сталин испытывал личную ненависть. Фактически Сталин предлагал Госплану и другим функциональным органам негласную сделку: «Если вы будете служить мне верой и правдой, вы не будете нести ответственность за конкретные экономические результаты»²⁷.

Как свидетельствуют архивы, Госплан очень хорошо понимал условия этого негласного соглашения. Практически нет документов, которые указывали бы на отклонение Госплана от соблюдения государственных интересов в 1930-е годы. Единственное исключение – 1929–1930 годы, когда руководство Госплана подверглось чистке за поддержку умеренного курса²⁸. Как видно из беспокойства председателя Госплана Куйбышева по поводу опубликованного в «Правде» в июле 1931 года обвинения Госплана в «скептицизме» касательно выполнимости плана, первая волна репрессий заставила работников Госплана с опаской относиться

²² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 80.

²³ Там же. С. 80.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Сталин и Каганович. Переписка. С. 318.

²⁶ Там же. С. 319.

²⁷ Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. New York: Cambridge University Press, 1990. P. 23.

²⁸ Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 118–119.

к малейшим подозрениям в неверности. Куйбышеву пришлось в течение целого месяца давить на своих коллег по Политбюро, пока наконец Госплан не был оправдан, а «Правде» не сделали внушение²⁹. Все существенные изменения в экономическом курсе Госплан согласовывал с Политбюро (и лично со Сталиным), послушно принимая любые изменения, предлагаемые «сверху». Редкие случаи нарушения беспрекословной верности Госплана высшему руководству и государственным интересам в 1930-е годы представляли собой одиночные попытки отдельных чиновников относительно низкого уровня сделать планы более реалистичными или проявить снисходительность к невыполнению производственных заданий. Например, известен случай, когда работник Госплана получил выговор за то, что он одобрил принятие относительно низкого производственного задания для одного треста. При этом Политбюро объявило строгий выговор начальнику треста и директору завода, для которых было снижено задание, — так обычно наказывали за невыполнение плана, — в то время как сотрудник Госплана отделался простым выговором³⁰.

Несмотря на то что в Госплане, в свою очередь, существовали отраслевые сектора, архивы, по крайней мере начала 1930-х гг., т.е. раннего этапа существования плановой экономики, не содержат свидетельств лоббирования секторами Госплана интересов подшефных отраслей. Возможно, лоббирование сдерживалось открытой нелюбовью Сталина к отраслевым специалистам. О чрезмерном влиянии специалистов Госплана Сталин писал Молотову следующее: «Но есть вещи и похуже: во главе стоит не Госплан, а “секции” Госплана и их специалисты»³¹. Лоббирование отраслевыми секторами Госплана более низких производственных заданий, чего так опасалось высшее руководство, возможно, проявилось позже, вызвав вторую волну репрессий в Госплане и арест его председателя³².

Госплан имел дело в основном с высшим советским исполнительным органом, СНК, в непосредственном подчинении которого он находился, хотя он также работал в тесном контакте с Политбюро. Судя по действиям СНК, там считали Госплан «честным помощником» (*honest broker*). СНК использовал Госплан для под-

готовки планов, но не наделил его полномочиями издавать свои окончательные распоряжения по этим вопросам. За несколькими исключениями, все сколько-нибудь значительные распоряжения Госплана утверждались СНК, хотя такое утверждение обычно было не более чем простой формальностью. СНК также полагался на Госплан в вопросах экспертизы запросов и петиций, валом поступавших в адрес правительства. Когда промышленные наркоматы пытались действовать в обход Госплана, СНК, показывая свое доверие Госплану, направлял их просьбы обратно в Госплан. Стремясь принимать решения в пользу СНК, Госплан постоянно жаловался на то, что планы, разработанные наркоматами, не соответствуют целям правительства. В начале 1930-х годов наркоматы могли запрашивать производственные ресурсы, не предоставляя обоснование запроса³³, заставляя Госплан выполнять совершенно невозможную (и нежелательную для него) работу по проверке соответствия запросов государственным директивам.

Придерживаясь негласного соглашения, Госплан активно стремился избежать ответственности за конкретные результаты. На протяжении 1930-х годов Госплан просил ограничить его работу только вопросами общего планирования и старался не участвовать в решении конкретных задач, например, таких, как разработка планов распределения товаров, за которые ему пришлось бы потом отвечать. Госплан неоднократно пытался избежать выполнения поручений СНК о проведении экспертизы по заявкам экономических агентов о выделении материальных ресурсов, утверждая, что, «по условиям построения своего аппарата, Госплан абсолютно лишен возможности проделывать такую оперативную работу»³⁴. Много раз Госплан пытался освободиться от так называемых «синдикатских» функций под предлогом нехватки персонала. И тем не менее, вопреки его желанию, Госплан принимал участие в оперативном управлении.

Для того чтобы проиллюстрировать, насколько хрупкой была грань между планированием и оперативной деятельностью (синдикатскими функциями), приведем конкретный пример: в апреле 1933 года Госплан по его просьбе освободили от оперативного планирования для полиграфической промышленности, которое было передано наркомату лесной промышленности. Пророческая докладная записка для внутреннего пользования предупреждала, что «планирование распределения бумаги... неотделимо от планирования печати. Планирование же печати... НКЛесом дело совершен-

²⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 34.

³⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 86.

³¹ Lih L. et al. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 174–176.

³² Tikhonov A., Gregory P. *Stalin's Last Plan // Behind the Façade of Stalin's Command Economy* / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 165–166.

³³ Lazarev V., Gregory P. *The Wheels of Command Economy*. P. 329–330.

³⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 30. Д. 25. Л. 186.

но несвойственное НКЛесу...», и напоминала Госплану о том, что печать это «дело... насквозь политическое и идеологическое, связанное со всей культурой и всем народным хозяйством»³⁵. Записка предупреждала, что жалобы на наркомат лесной промышленности все равно будут направляться в Госплан. Действительно, освобождение Госплана от обязанности планирования производства бумаги было недолгим. Поскольку планирование производства бумаги одновременно означало и планирование печати, количество жалоб все увеличивалось. С неохотой Госплан возобновил планирование производства бумаги и полиграфии, поставив условие, что издатели будут сами составлять свои планы, хотя в ведении Госплана остались важные вопросы планирования капиталовложений и распределения печатной продукции³⁶.

Для того чтобы избежать ответственности за возможные неудачи, Госплан неизменно составлял планы с уровнем агрегирования, намного превышающим уровень реальных операций, и постоянно передавал решение вопросов о распределении конкретных ресурсов в ведение промышленных наркоматов. Вот весьма красноречивая цитата из документов Госплана: «Госплан... не является сбытовой организацией, не может по существу своей работы взять на себя ни централизованного специфицирования заказов потребителей по номенклатуре и районам, ни выдачи централизованного правильного районирования и специфицированного заказа на производство однородных видов продукции разными наркоматами-производителями»³⁷. В любом случае высшее руководство не приветствовало бы какую бы то ни было попытку увеличения полномочий организации, где работали непартийные специалисты, которых, по словам Сталина, следовало «гнать в шею из Москвы»³⁸, тем более что эти попытки превращали Политбюро в апелляционный суд или совет старейшин³⁹.

Представляется, что ни один плановик не в состоянии отделить важные вопросы от повседневной рутины. Немало времени Политбюро посвящало мелким вопросам, таким, как обсуждение просьб о перевозках или того, какое конкретное предприятие должно получить больше стали или импортных автомобилей. Описание того, как Политбюро обсуждало узкоспециальные тех-

нические вопросы, можно найти, например, в письме Кагановича отсутствовавшему в Москве Орджоникидзе. Оно показывает, насколько Политбюро погрязало иногда в деталях:

Вчера у нас было заседание ПБ, второе после отъезда хозяина [Сталина]... Хозяин раз просил выяснить – верно ли, что ряд частей в машине М-1 взяты из Бюика?... выяснилось, что действительно ряд частей... отличны от фордовских. Установить нам – вредно ли это – трудно, поэтому мы поручили Наркомтяжу разобрать и доложить нам. Сам Дьяконов доказывает, что это не создает дисгармонии. Лихачев, как будто, считает, что это отразилось на качестве конструкции⁴⁰.

Если Политбюро разбирало подобные мелочи, любое решение, принятое Госпланом, могло рассматриваться им как вторжение на его территорию.

Экономика обмана

Неизменной чертой советской административно-командной системы было то, что информация в основном генерировалась самими производителями⁴¹. Питер Беттке (Peter Boettke) писал об «экономике обмана» (economics of illusion), которая применима для анализа данной ситуации: речь идет о склонности производителей скрывать или искажать информацию в своих интересах, «втирать очки» высшему руководству⁴². Наркоматы были обязаны предоставлять гигантское количество форм отчетности⁴³, все они утверждались Центральным управлением народнохозяйственного учета при Госплане по соглашению с соответствующими наркоматами, Народным комиссариатом финансов и Госбанком⁴⁴. Помимо этих официальных отчетов также составлялись многочисленные

⁴⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 150.

⁴¹ Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. P. 16–17.

⁴² Boettke P.J. Why Perestroika Failed: The Politics and Economics of Socialist Transformation. New York: Routledge, 1993; подробнее о фальсификации информации руководителями предприятий см.: Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957. P. 160–181.

⁴³ Главные управления наркоматов представляли ежегодные доклады и балансовые отчеты в Народный комиссариат финансов (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1365. Л. 18); ежемесячные и ежеквартальные балансовые отчеты подавались в Госбанк, спецбанки и Народный комиссариат финансов. В случае, если предприятие имело кредит Госбанка, ежегодные и ежемесячные отчеты представлялись в Госбанк. О правилах представления отчетности см.: Собрание законов СССР 1931. № 14. Ст. 138. Постановление от 26.02.1931 «О порядке рассмотрения и утверждения отчетов и балансов госорганов, действующих на началах хозрасчета»; Собрание законов СССР 1932. № 19. Ст. 108/б. «Положение о ЦУНХУ» от 10.03.1932.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 1365. Л. 18.

³⁵ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 36. Л. 33–34, 57.

³⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 39. Л. 5.

³⁷ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 28. Л. 144–147.

³⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. С. 156.

³⁹ Lih L. et al. Stalin's Letters to Molotov. P. 174–176.

внеплановые, специальные отчеты, просто ответы на текущие запросы. «Они» (экономические наркоматы) контролировали предоставление информации. «Мы» (Политбюро/СНК/Госплан) не собирали независимые данные, хотя время от времени и получали информацию от контрольных комиссий, ОГПУ–НКВД и военных представителей. В отношениях с центральными органами наркоматы обладали существенным *информационным преимуществом*. Ясно, что административно-командная система не могла эффективно функционировать на основе неверной информации. Интересы Госплана и экономических наркоматов неоднократно сталкивались именно по вопросам обладания и доступа к информации.

Оппортунизм производителей. Перед производителями диктатор ставил простую задачу: они должны честно производить заказанную продукцию, затрачивая минимум ресурсов. Цель промышленных наркоматов и предприятий заключалась в «выполнении плана»⁴⁵, но смысл этой фразы был отнюдь не очевиден. В соответствии с принципом единоначалия нарком отвечал за выполнение плана наркомата, а директор предприятия нес ответственность за выполнение плана предприятия. Таким образом, руководители предприятий могли использовать свое информационное преимущество для получения более легких планов или избыточных ресурсов. План фактически представлял собой контракт с множеством переменных, разработанный в ситуации, когда одна из сторон обладала неполной информацией. Именно по поводу такого контракта/плана Сталин высказывал опасения, что он будет выполнен только на бумаге. Производители боролись за контракт/план, который соответствовал бы их ведомственным или частным интересам⁴⁶. «Мягкая» интерпретация такого поведения производителей предполагает, что ими двигало желание «спокойной жизни»⁴⁷. Более «жесткая» интерпретация указывает на стремление производителей извлечь финансовую или политическую прибыль как на главную причину такого поведения⁴⁸. Как бы то ни было, перед

⁴⁵ Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy. P. 131–158.

⁴⁶ После того как Орджоникидзе сменил кресло наркома ЦКК–РКИ на пост председателя ВСНХ, он превратился из ярого приверженца нереалистичных темпов роста в сторонника умеренного, более реалистичного курса (Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. С. 17–40). Каганович (первый заместитель Сталина по партии в начале 1930-х годов) претерпел аналогичные изменения во взглядах, когда был назначен наркомом путей сообщения.

⁴⁷ Berliner J. Factory and Manager in the USSR; Granick D. Management of Industrial Firms in the USSR. New York: Columbia University Press, 1954.

⁴⁸ Lazarev V., Gregory P. Commissars and Cars: The Political Economy of

плановиками стояла задача не давать производителям «спокойной жизни» и не давать им извлекать политическую или финансовую выгоду. Эти взаимоотношения хорошо иллюстрирует жалоба Сталина Кагановичу (30 августа 1931 г.) на Орджоникидзе:

Вместо того, чтобы нажимать на свой аппарат и заставить его выплачивать больше чугуна, ВСНХ [Орджоникидзе] нажимает на государственную кассу (т.е. на государство, т.е. на рабочий класс), заставляя рабочий класс расплачиваться своими валютными ресурсами за неспособность, косность, бюрократизм аппарата ВСНХ... Поэтому-то я и думаю, что нельзя идти ни на какие поблажки людям (и учреждениям), пытающимся растратить валютные ресурсы рабочего класса ради спокойствия работников своего аппарата⁴⁹.

Эта борьба составляла основу конфликта «принципал–агент» в административно-командной экономике, и Госплан участвовал в этой битве в первых рядах⁵⁰.

Информационная асимметрия. Архивы хранят много свидетельств того, что промышленные наркоматы утаивали информацию. Так, в мае 1933 года, через два месяца после одобрения СНК директив по подготовке плана на вторую пятилетку, Народный комиссариат тяжелой промышленности, возглавляемый Орджоникидзе, предложил, чтобы этот наркомат, наряду с другими наркоматами и республиканскими совнаркоматами, представил свои предложения по контрольным цифрам на три месяца *позже* установленного крайнего срока, причем *без* разбивки по предприятиям: «Указанные сроки, особенно при сохранении существующего порядка прохождения контрольных цифр, приводят к спешке в плановой работе и понижают ее качество на самых важных стадиях»⁵¹. Далее руководство НКТП жаловалось на необходимость повторной плановой работы для наркомата, его трестов и предприятий. Госплан отклонил предложение об отсрочке: «Такой план [не проработанный предприятиями] неизбежно будет содержать ряд ошибок и... может существенно изменить весь план»⁵². В итоге НКТП проиграл битву, но выиграл войну, что станет типичным для его взаимоотношений с Госпланом на последующий ряд лет. К тому времени, когда в июне СНК вынес решение отклонить предложение НКТП, тот уже получил требуемую отсрочку.

Dictatorship // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 1. P. 1–19.

⁴⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 72.

⁵⁰ Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. P. 15–17.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 3. Л. 34–37.

⁵² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14. Д. 3. Л. 32.

А вот другой типичный случай. 13 января 1934 года Госплан выразил недовольство, что НКТП все еще не сдал свои балансовые отчеты, несмотря на то что крайний срок, установленный Госпланом, истек три дня назад⁵³. Первого января 1935 года заместитель наркома тяжелой промышленности (Пятаков) под предлогом необходимости избавиться от лишней работы и дублирования попросил изменить постановление СНК и разрешить НКТП отчитываться о количестве отгруженной продукции ежеквартально, а не ежемесячно⁵⁴. Госплан категорически возражал против этой инициативы НКТП⁵⁵, заявив, что если просьба НКТП будет удовлетворена, то такие отчеты потеряют всякое оперативное значение. Борьбу Госплана за доступ к необходимой информации хорошо показывает его попытка принять декрет о повышении заработной платы на 20 процентов в Бурят-Монгольской республике, провалившаяся из-за чрезмерных запросов по фондам заработной платы, предъявленных региональными лидерами, и неспособности местных властей предоставить необходимую информацию, несмотря на срочность запроса⁵⁶.

Промышленные наркоматы, в свою очередь, считали, что, задерживая информацию, они поступают правильно, так как планы постоянно пересматривались и переделывались, что отнимало время у наркоматовских специалистов. Инструкции сверху часто воспринимались как непродуманные и вызывали раздражение. Орджоникидзе писал: «Вообще должен откровенно сказать, что дела складываются довольно неважно. Нам преподносят чуть ли не каждый день постановление за постановлением, причем одно крепче другого и далеко не справедливое»⁵⁷.

Степень агрегирования. Когда Мизес и Хайек впервые подняли проблему высокой степени агрегированности планов, они не предполагали, что сами производители будут лоббировать обобщенные планы. Еще в 1925 году, когда хозяйственники жаловались на то, что Госплан не устанавливает конкретные производственные задания, Госплан отвечал:

Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением — получить без всяких усилий со своей стороны вполне готовый план с детальней-

шими заданиями по каждой группе производства, по каждому тресту... Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан, сидя у себя в Москве, на Воздвиженке, взял на себя роль всеоюзной няньки или какого-то попечительного провидения по отношению к каждому захолустному тресту, до которого и в три года не доскачешь⁵⁸.

Эта цитата показывает наивность Госплана, в частности, уверенность в том, что он и вправду был в состоянии подготовить детальный производственный план, который подошел бы всем. К тому времени, когда Госплан начал реальную плановую работу, эта иллюзия рассеялась. Вместо того чтобы подготавливать планы для относительно небольшого государственного сектора, от Госплана теперь требовалось планировать экономику всей страны. Кроме Госплана у диктатора не было другого планового органа, к которому он мог бы обратиться. Промышленные наркоматы боролись за агрегированные планы столь же яростно, как они боролись за большие капиталовложения. В апреле 1933 года Госплан жаловался, что материалы, которые подаются наркоматами, «страдают такой неполнотой и таким количеством дефектов, что в целом ряде случаев эти материалы следует рассматривать только как формальное выполнение постановления Правительства... помимо чрезвычайной неряшливости, технической небрежности, материалы настолько недостаточны, как по объему показателей, так и по своему экономическому обоснованию, что удовлетвориться ими нет никакой возможности»⁵⁹. Особенно мало деталей наркоматы предоставляли по строительным проектам. В 1932 и 1933 годах Госплан жаловался на то, что план капитального строительства НКТП не имел разбивки по районам и не содержал никакой информации о том, «насколько удовлетворены важнейшие промышленные пункты и новостройки»⁶⁰.

Госплан разрывался между желанием получить как можно больше информации и ограниченными возможностями по обработке этой информации. Даже в случае относительно однородных промышленных товаров, легковых автомобилей и грузовиков, распределение которых происходило на самом высоком уровне, Госплан не имел возможности планировать и составлять планы снабжения и делал неоднократные попытки передать вопросы оперативного планирования снабженческо-сбытовым

⁵³ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 34. Л. 64а.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 239. Л. 2.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 239. Л. 16.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 28. Л. 266.

⁵⁷ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993. С. 32.

⁵⁸ Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М.: Наука, 1928. С. 312.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 36.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 25. Л. 89, 385.

организациям наркоматов. Так же как диктатору приходилось балансировать на зыбкой грани между «ведущей ролью» и непосредственным вмешательством, так же и Госплану было чрезвычайно трудно установить оптимальный уровень детализации.

Двойное планирование и несоставление планов. Наркоматы и предприятия должны были выполнять свои планы, что предполагало существование единого плана. Согласно жалобе Госплана, в феврале 1934 года НКТП установил своим предприятиям один вариант плана с суммарным производственным заданием выше того, что было утверждено правительством, одновременно представив Госплану другой вариант с «низкими» заданиями, соответствовавшими тем, что были официально одобрены. Заместитель председателя Госплана предостерегал от подобного двойного планирования: «Система двух планов подрывает плановую дисциплину и вносит элементы дезорганизации в народное хозяйство и в сам аппарат промышленности, колебля незыблемость государственного плана...»⁶¹ Архивы содержат даже примеры отсутствия планирования, несоставления планов как таковых. В январе 1934 года Госплан сообщил СНК о том, что Народный комиссариат легкой промышленности даже не разрабатывал планы детальнее, чем планы главков. Для предприятий и трестов составлялись лишь квартальные планы; их годовых планов попросту не существовало. Трест по производству хлопчатобумажных изделий подготовил в 1934 году производственный план на 1933 год, который был нужен для составления отчетности: «До этого времени никто планом на 1933 г. не интересовался... На предприятиях... работникам Госплана и ВЦСПС прямо заявили, что они годовых планов в течение ряда лет не видели»⁶². Фабрики, работавшие без производственных планов, были одними из важнейших и располагались в Москве.

Несоставление планов позволяло наркоматам оставить себе максимально широкое поле для маневра в их отношениях с предприятиями, получить от последних максимум продукции, накопить скрытые резервы и вообще вести дела с предприятиями вне поля зрения центрального руководства.

Злоупотребление свободой действий. В 1932 году Госплан, не желая более заниматься одобрением незначительных изменений в планах, предоставил наркоматам право перераспределять капиталовложения между стройками в пределах 10 процентов

⁶¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 34. Л. 9–10.

⁶² РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 32. Д. 53а. Л. 136–140.

от всех выделенных сумм⁶³. В ответ на предоставленную свободу НКТП перераспределил капиталовложения между 465 из своих 650 строек⁶⁴, используя правило десятипроцентных изменений для одного и того же проекта по несколько раз. В августе 1935 года Госплан жаловался на злоупотребления и частые нарушения правил:

План капитальных работ по Главуглю НКТП пересматривался в текущем году дважды... В процессе выполнения плана НКТП производил уменьшение ассигнований Главуглю в порядке предоставленного ему права 10% уменьшения затрат по каждому объекту. Эти уменьшения привели к сокращению плана на 8,5 млн. руб.

Манипулируя отчетностью, НКТП сократил капиталовложения в угледобывающую промышленность еще на 24,5 миллиона рублей. По расчетам Госплана, «таким образом, физический объем работ по каменноугольной промышленности НКТП уменьшится фактически на 33,0 млн. руб.»⁶⁵. Специальное расследование Госплана показало, что только в 1935 году объемы капвложений, перераспределенных НКТП, составили сумму, достаточную для того, чтобы построить восемь крупных промышленных предприятий⁶⁶. Злоупотребление правилом 10 процентов получило столь широкое распространение, что Госплан пришел к выводу о том, что в 1935 году план НКТП по капитальным вложениям был выполнен лишь формально.

«Обман государства». Уже первые западные работы, посвященные проблемам функционирования советского предприятия, обнаружили разнообразие сленговых выражений для обозначения разнообразных практик обмана предприятиями своих наркоматов («очковтирательство», «липа»)⁶⁷. Тот факт, что предприятия мошенничали, общеизвестен. Впрочем, как показывают архивы, наркоматы и высшие должностные лица также были либо замешаны, либо смотрели сквозь пальцы на обман го-

⁶³ Собрание законов СССР. № 33. Ст. 196. 27 апреля 1932 г.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 33. Д. 85. Л. 244.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Расследование ЦУНХУ по капиталовложениям показало, что общий объем инвестиций НКТП в 1935 году составил 9042 миллиона рублей. Таким образом, «долженное» внутреннее перераспределение инвестиций составило 5 процентов от общего объема инвестиций (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 10. Д. 468. Л. 1–5). 322 миллиона рублей вполне могли бы покрыть расходы на строительство восьми металлообрабатывающих заводов средней величины, таких, скажем, как завод им. Горького с производственной мощностью в пять тысяч станков в год (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 10. Д. 531. Л. 41).

⁶⁷ Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*.

сударства. В подтверждение приведем следующие три примера. В октябре 1933 года Каганович так описывал Орджоникидзе низкое качество текстиля:

Пришлось влезть в вопросы текстиля, очень плохо там. Дают безобразное качество продукции, придется за это дело партии крепко взяться. Доходит до того, что для выполнения плана в метраже искусственно растягивают ткани, а это значит, что купивший пять метров после мойки рубахи получает вместо взрослой детскую рубашонку⁶⁸.

Узнав о подобной практике, Сталин дает Кагановичу следующее указание (24 сентября 1933 г.):

На текстильную промышленность Вы должны нажимать вовсю и как секретарь МК, и как секретарь ЦК. Виновных надо искать обязательно, не глядя на лица и их «коммунистические» чины⁶⁹.

Каганович жаловался Орджоникидзе и на другие наркоматы, но был намного менее взыскательным, когда сам Орджоникидзе попустительствовал махинациям своих подчиненных. В конце июля 1932 года запорожский завод «Коммунар», находившийся в ведении наркомата Орджоникидзе, был обвинен в поставках сельскому хозяйству комбайнов без ряда важнейших узлов. На основании этих жалоб СНК поручил прокуратуре провести расследование. В августе 1933 года в своей заключительной речи на слушании дела о некомплектности комбайнов заместитель генерального прокурора А.Я. Вышинский, в частности, заявил: «Процесс дает нам основание для постановки общих вопросов работы советских хозяйственных организаций... Я говорю о Наркомземе Союза... я говорю о Наркомтяжпроме...»⁷⁰ Разгневанный Орджоникидзе принялся энергично защищаться, утверждая, что отсутствовавшие запчасти высылались отдельно во избежание краж. В отсутствие Сталина Орджоникидзе добился принятия проекта постановления Политбюро, составленного Кагановичем и Молотовым, осуждавшего Вышинского за то, что его речь «дает повод к неправильному обвинению в отношении НКТяжпрома и НКЗема»⁷¹. Узнав об этом решении, Сталин послал Кагановичу, Молотову и Орджоникидзе резкую телеграмму (от 29 августа 1933 г.),

в которой объявил НКТП ответственным за провал и заявил, что «за такое дело не могут не отвечать также наркомы»⁷². Через два дня раскритикованный Каганович писал Сталину: «С нашим постановлением действительно получилось нескладно. Выходит – прокуратура только-только начала разворачиваться, а мы ей даем по носу. Вот почему Вы правильно нас критикуете»⁷³.

После того как Каганович возглавил комиссию по транспорту, он докладывает Сталину (13 октября 1933 г.):

Отменили старую НКПСовскую инструкцию об учете погрузки, по которой в число погруженных зачислялись вагоны переадресованные, так, например: если в Москву прибыл вагон с хлопком и переадресовывается в Иваново, то его зачисляют в погруженные. Это безобразное дело было легализовано, т.е. был узаконен обман государства. Инструкция была издана ряд лет назад, поэтому теперь виновника трудно даже найти, но то, что терпели, – это безобразие⁷⁴.

Таким образом, обман государства в 1930-е годы практиковался и допускался тремя крупнейшими наркоматами – НКТП, Народным комиссариатом легкой промышленности и Народным комиссариатом путей сообщения. Заметим, что Сталин не делал различий между теми, кто непосредственно обманывал государство, как, например, завод «Коммунар» или текстильный завод, и соответствующим наркомом. Как заявил он сам, «за такое дело не могут не отвечать также наркомы»⁷⁵.

Горизонтальные связи: пример сделок по автомобилям и грузовикам. Горизонтальные сделки по определению были операциями незаконными, поскольку производились в обход плана/закона. Во избежание подобного рода злоупотреблений, распределение особо ценных товаров детально планировалось, вплоть до составления списка конечных получателей. С 1932 по 1937 год планированием поставок автомобилей и грузовиков конечным потребителям занималась комиссия Политбюро в составе Молотова, Кагановича и еще одного члена Политбюро. Госплан помогал «комиссии Молотова» собирать и обрабатывать заявки на транспортные средства⁷⁶. В редких случаях вмешивался сам Сталин, изменяя решения, принятые комиссией. Так, 30 сентября

⁶⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 137.

⁶⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 359.

⁷⁰ Там же. С. 303.

⁷¹ Там же.

⁷² Сталин и Каганович. Переписка. С. 318.

⁷³ Там же. С. 325.

⁷⁴ Там же. С. 387.

⁷⁵ Там же. С. 318.

⁷⁶ Подробнее см.: Lazarev V., Gregory P. The Wheels of Command Economy. P. 324–348.

1933 года он распорядился удвоить число транспортных средств, предназначенных для сельского хозяйства:

Из 9600 грузовиков НКЗему и НКСовхозов отдаете лишь 2000 штук. Что за чепуха такая? Теперь, когда через политотделы создали в земледелии на местах действительные опорные пункты, — а вопросы земледелия, его трудности далеко еще не ликвидированы, — вы, неизвестно на каком основании, берете установку на перемещение центра внимания от земледелия к «прочим потребителям». Рано пташка запела...⁷⁷

То, что комиссия Молотова утверждала распределение транспортных средств с точностью до машины (9378), создает впечатление существования жестко контролируемого механизма распределения, не оставлявшего места для горизонтальных сделок. Однако в действительности, как показывают факты, горизонтальные сделки не могло ликвидировать даже всемогущее Политбюро.

Окончательный план распределения транспортных средств, принятый комиссией Молотова, направлялся в сектор сбыта автомобилей и тракторов НКТП для подготовки фактических поставок. Только в наиболее приоритетных случаях комиссия Молотова распоряжалась об осуществлении конкретных поставок. Как это ни удивительно, но помимо поставок в сельское хозяйство фактическая реализация плана распределения не контролировалась, и Госплан никогда не знал, сколько транспортных средств имелось в наличии в различных организациях. В таблице 6.1 приведены редкие данные о планируемых поставках автомобилей и реально осуществленных в первом квартале 1932 года. Как видно из таблицы, не только общий объем фактических поставок не совпадал с объемом, определенным комиссией Молотова, но и, более того, производитель внес изменения в фактическое распределение путем «вторичного планирования» (planning aftermarket), что в наибольшей степени отразилось на распределении автомашин по регионам.

Существовал также активно функционировавший вторичный рынок, на котором продавались списанные или «пропавшие» транспортные средства. В начале 1933 года в Сталинграде имелось две тысячи зарегистрированных автомобилей и грузовиков. В течение года пятьсот транспортных средств были списаны как «не подлежащие ремонту», а 220 были украдены. Таким образом, только за один год почти 40 процентов транспортных средств исчезли в черной дыре неформального распределения! Организации, которым в официальном порядке не разрешалось иметь

транспортные средства, покупали и переоснащали использованные машины или же из запчастей собирали новые. Или же они попросту воровали машины, или совершали незаконные покупки. Автомобили, предназначенные одним пользователям, «по ошибке» железнодорожников направлялись другим людям. Автомобили, которые должны были быть направлены в валютные магазины для продажи иностранцам, продавались офицерам ОГПУ или перекупщикам по низкой цене, в рублях.

Таблица 6.1. План распределения автомобилей на первый квартал 1932 г. и его выполнение

	Комиссия Молотова: план распределения	Поставщики: фактические поставки
Армия	48	48
Сельское хозяйство	27	27
Резерв	29	31
Промышленность	50	50
Милиция	21	21
Разное ^a	20	8
Другие наркоматы	14	14
РСФСР	8	5
Москва	22	9
Ленинград	30	6
Украина	2	8
Цудортранс	13	13
Другие республики	17	2
Итого	301	242

^a Различные правительственные организации.

Источник: Lazarev V., Gregory P. The Wheels of Command Economy // *Economic History Review*. 2002. Vol. 55. № 2. P. 335.

Архивы не молчат об условиях этого неофициального обмена автомобилями, но вряд ли производители, выделяя транспортные средства неутвержденным пользователям или организациям, которые докладывали об утере своих транспортных средств, занимались благотворительностью. Особо примечательно в этих внеплановых операциях то, что они производились с товаром, наиболее жестко контролировавшимся, товаром, распределением которого занималось само Политбюро. Если мы можем установить наличие неплановых операций со столь приоритетным товаром, значит, они должны были иметь место, видимо, в значительно больших объемах, и с другими видами продукции.

⁷⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 367.

На чьей стороне был диктатор?

Поддержка диктатором лояльных ему органов власти в спорах с экономическими наркоматами не была автоматической, даже в тех случаях, когда Госплан честно пытался представлять интересы диктатора. На это указывает следующий пример. Затянувшаяся борьба Госплана с НКТП по вопросам увеличения штатов и повышения заработной платы получила огласку, когда НКТП в своей газете «За индустриализацию» подверг критике госплановскую систему учета рабочей силы как излишне сложную. В одностороннем порядке НКТП усунул сокращенную форму отчетности по труду. Чтобы воспрепятствовать этому «беззаконию», Госплан сослался на постановление СНК от 9 мая 1931 года, запрещавшее учреждениям «вносить различного рода изменения в существующую систему и формы отчетности без утверждения их с ЦУНХУ Госплана СССР»⁷⁸. Госплан указывал также, что действия наркомата противоречили постановлению СНК от 6 апреля 1932 года «О планировании и учете заработной платы». Хотя было очевидно, что НКТП нарушил два правительственных постановления, СНК согласился с доводами НКТП, указывавшего, что он действовал в соответствии с кампанией СНК по сокращению «непроизводительного» персонала: упрощение форм означало, что на заводах будет работать больше рабочих и меньше бухгалтеров. Госплану оставалось лишь угрожать выборочным инспектированием⁷⁹.

Обычно в случае возникновения конфликта между Госпланом или Народным комиссариатом финансов и экономическими наркоматами СНК создавал «согласительную» комиссию, в которую входили представители руководства враждующих сторон. Во время одного такого конфликта, произошедшего в 1933 году, Народный комиссариат финансов обвинил НКТП в уклонении от налогов путем нарушения стандартных правил бухгалтерского учета⁸⁰. СНК поручил Госплану выработать компромиссное решение, но это решение было отклонено НКТП, и в сентябре была сформирована вторая комиссия. Результаты её деятельности также не удовлетворили НКТП, и 11 ноября была создана очередная комиссия. В итоге НКТП добился победы: записка управляющего делами от 4 февраля 1935 года, направленная в НКФ и НКТП, сообщала, что «вопрос о разногласиях между НКТП и НКФ по отчету НКТП с обсуж-

дения в СНК снят»⁸¹. В 1935 году НКТП, не представив вовремя отчет за 1934 год, фактически получил в свое распоряжение «лишние» 330 миллионов рублей, так как в отсутствие отчета за 1934 год НКФ неверно рассчитал инвестиции НКТП на 1935 год⁸². И вновь, несмотря на очевидное нарушение правил, СНК «простил» НКТП, поскольку ему требовалось дополнительное финансирование для завершения основных объектов капитального строительства.

Строительство было тем вопросом, по которому между экономическими наркоматами, желавшими свободно получать кредиты на строительство, с одной стороны и НКФ и Госбанком, боровшимися за ограничение расходов на эти цели, с другой происходили постоянные столкновения. СНК издал ряд постановлений, запрещавших банкам осуществлять финансирование строительства без смет⁸³. Однако наркоматы постоянно задерживали составление этих смет, несмотря на это, лишь в некоторых случаях у банковских работников хватало смелости приостановить финансирование строительства приоритетных объектов, поскольку они боялись обвинений в срыве важных государственных заданий. В январе 1935 года СНК потребовал от НКТП представить сметы на строительство⁸⁴. Летом 1935 года Харьковский судостроительный завод, находившийся в подчинении НКТП, получил предупреждение о том, что его финансирование будет приостановлено, если он не представит, наконец, смету на строительство. 3 августа 1935 года руководство завода послало телеграмму Молотову и в Совет труда и обороны (СТО), в которой указывало, что прекращение финансирования поставит под угрозу решение важных государственных задач. Дело дошло до руководства СНК, которое затребовало от банка объяснений, хотя он всего лишь выполнял постановление правительства. Запросы НКТП об отсрочке подачи сметы на строительство были настолько часты, что едва ли можно перечислить все случаи⁸⁵.

⁸¹ Аналогичную победу НКТП одержал в 1934 году, затянув спор по балансовой отчетности предприятий за 1934 год до октября 1935 года, когда вопрос был снят с обсуждения (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 2692. Л. 1).

⁸² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 210.

⁸³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 230. Л. 233.

⁸⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 306.

⁸⁵ В 1934 году первый заместитель наркома НКТП, Пятаков, подал запрос об отсрочке представления сметы расходов по целому ряду строительных объектов химической и азотной промышленности (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 88). Второго августа 1935 года он же просил об отсрочке представления смет по одиннадцати оборонным заводам и продолжении их финансирования без смет (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 49). В том же 1935 году Пятаков просил об отсрочке представления смет авиационных заводов (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 44). Наркомфин обычно соглашался с первой просьбой об отсрочке. Например, он удовлетворил просьбы

⁷⁸ За индустриализацию. 1933. № 22.

⁷⁹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 31. Д. 34. Л. 3, 54; Оп. 32. Д. 53а. Л. 136.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 269. Л. 2–24.

То, что диктатор занимал сторону экономических наркоматов в их борьбе с функциональными и контрольными органами, объясняется тем, что в распоряжении первых находились весьма эффективные стратегии отстаивания своих интересов. Наркоматы могли ссылаться на разные, противоречившие друг другу постановления, использовать личное влияние или применять тактику проволок. Однако наиболее мощным аргументом в их пользу была потенциальная угроза срыва выполнения производственной или строительной программы. В таких случаях диктатору приходилось решать, что важнее: общие правила, соблюдение которых пытался обеспечить Госплан, или те последствия, к которым, как запугивали производители, может привести выполнение этих правил. Таким образом, диктатору постоянно приходилось выбирать между своими собственными правилами и «тем, что лучше», что подтверждает вывод, сделанный Хайеком (см. главу 2), о том, что диктатор не может связать себя общими правилами. При принятии подобных решений диктатору также приходилось считаться с тем, что целый ряд наркомов были также и членами Политбюро и, следовательно, участвовали в принятии решений. Диктатор не всегда становился на сторону производителя; на самом деле, производителям лишь казалось, что диктатор чаще становился на сторону функциональных органов. Однако приведенные примеры показывают, что диктатор был готов в любую минуту встать на сторону производителей, если того требовали интересы производства.

Выводы

Плановики и производители не любили друг друга. Производители считали, что их заваливают массой сомнительных, постоянно меняющихся инструкций, и задавались вопросом: «Чем вызван такой интерес к нашей работе?» Плановики считали производителей ненадежными, склонными скрывать информацию и поступающими лишь так, как они сами хотят, независимо от указаний сверху. Производители пришли к выводу, что чем меньше известно начальству, тем лучше. Главный плановый орган, Госплан, оказался посередине,

НКТП об отсрочках для вышеупомянутых химических и азотных заводов, кроме завода № 98, который просил об отсрочке повторно. В результате директор Главного управления химической промышленности, в чьем подчинении находился химический завод № 98, лично явился к председателю Госплана и заместителю председателя СНК с просьбой о вмешательстве и продолжении финансирования. Наркомфин не удовлетворил просьбу об отсрочках для авиационных заводов, поскольку эти заводы уже получили отсрочки. Поступая так, Наркомфин отметил, что эти заводы относительно невелики, и им было бы несложно подготовить сметы.

между диктатором и производителями. Как лояльный диктатору орган Госплан должен был соблюдать его интересы и принимать решения в его пользу, но чем более значимыми были эти решения, тем выше был риск быть привлеченным к ответственности в случае плохих результатов. Поэтому Госплан составлял агрегированные, неоперативные планы и избегал планировать конкретные сделки. Вопреки существующему стереотипу, что Госплан был организацией, жадной до власти (*power-hungry organisation*), в 1930-е годы Госплан на самом деле пытался свести свою власть к минимуму. Госплан не мог рассчитывать на диктатора, который отказывался от своих собственных постановлений, если они вредили производству.

Модель научного планирования предполагает, что диктатор устанавливает общие правила и направления развития, передавая полномочия по реальному распределению ресурсов в руки экспертов-плановиков. Несмотря на то что Госплан находился в центре властного механизма, в 1930-х годах он был чем угодно, но только не организацией, занимавшейся «научным планированием». Председатель Госплана с 1930 по 1934 год, Куйбышев, был членом Политбюро и заместителем председателя СНК. Госплан составлял планы, устанавливавшие в основном задания в агрегированном виде. Большинство сделок осуществлялось в результате обсуждения-торга вокруг условий будущего контракта между покупателем и продавцом. Несмотря на то что его мнением постоянно интересовалось высшее руководство страны, Госплан искал возможность освободиться от подобных обязанностей. Госплан не имел властных полномочий, ему приходилось обращаться к другим органам управления, чтобы добиться выполнения своих директив. Такая роль Госплана соответствует данному Евгением Залески определению советской системы распределения ресурсов как централизованно управляемой (*centralized management*), а не централизованно планируемой (*centralized planning*)⁸⁶. Она также хорошо согласуется с предложенным Рэймондом Пауэлом описанием механизма распределения ресурсов как серии ответов на конкретные обстоятельства, о которых государственные и партийные чиновники узнают, получая неценовые сигналы⁸⁷.

Что бы произошло, если бы процесс планирования и вправду был передан в руки профессионалов, которые подготавливали бы научные производственные планы для экономики всей страны?

⁸⁶ Zaleski E. *Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 482–572.

⁸⁷ Powell R. *Plan Execution and the Workability of Soviet Planning* // *Journal of Comparative Economics*. 1977. Vol. 1. № 1. P. 51–76.

Для Троцкого всемогущий Госплан, в котором работают специалисты-плановики, был предпочтительнее, чем «режим партийных секретарей»⁸⁸. Именно на такой Госплан рассчитывали его первые руководители. Пионеры Госплана Г.М. Кржижановский и С.Г. Струмилин разрабатывали методы административного планирования. «Материалы по балансу народного хозяйства за 1928, 1929 и 1930 гг.», изданные в 1932 году, представляли собой наиболее серьезную попытку создания общенационального экономического плана⁸⁹. Однако чистка Госплана в 1929 году показала, что Сталин и его сторонники не были готовы передать вопросы распределения ресурсов в руки непартийных «скептиков», которые не заслуживали, по их мнению, доверия и не понимали истинные нужды общества. Пионеры Госплана перебрались на академические должности, этот мудрый шаг спас и Кржижановского и Струмилину от Большого террора. Оставшимся в Госплане непартийным специалистам повезло меньше: за редким исключением, все они погибли в результате террора.

Методы планирования, применявшиеся Госпланом, такие, как национальные балансы, разработанные в конце 1920-х годов, были весьма примитивны. Если бы диктатор передал распределение ресурсов в руки Госплана, возглавляемого Струмилиным или Кржижановским, результатом мог бы стать хаос. Балансы 1928–1930 годов, например, составлялись только по группам товаров в целом, таким, как строительные материалы, сельхозпродукция, промышленные или потребительские товары. При этом было составлено всего лишь каких-нибудь шестьдесят балансов, и это для экономики, производившей миллионы различных товаров⁹⁰. Любой научный план, который в то время подготовил бы Госплан, не мог обеспечить предприятия детальными инструкциями, и его осуществление в любом случае требовало бы политического вмешательства. К этому необходимо добавить проблему оппортунизма производителей, учитывая наличие в отношениях между центром и производителями проблемы «принципала–агента». Следовательно, мы должны отклонить возможность реализации научного планирования в чистом виде при ином варианте развития событий в 1930-е годы.

⁸⁸ Getty J.A., Naumov O. *The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 38.

⁸⁹ *Materials for a Balance of the Soviet National Economy 1928–1930* / Ed. by S.G. Wheatcroft, R.W. Davies. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

⁹⁰ Ibid. Appendix A–C.

Глава 7

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

...Пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевистски издевающихся над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм, – постановления ЦК будут класть под сукно. Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт.

Сталин – Кагановичу о предстоящем снятии с должности наркома путей сообщения, 19 сентября 1931 г.¹

Из постановления получается впечатление, что в ВСНХ сидят идиоты. Не думаю, чтобы ты этого хотел... Вообще должен откровенно сказать, что дело складывается довольно плохо. Нам подносят чуть ли не каждый день постановление за постановлением, причем одно крепче другого и далеко не справедливое...

Жалоба Серго Орджоникидзе против вмешательства в дела ВСНХ «сверху»².

Несмотря на обширную литературу³, мы относительно мало знаем о том, как экономические министерства, или народные комиссариаты, как они назывались в 1930-е годы, работали на самом деле. Народные комиссариаты являлись высшими органами управления производством. Они, а не Госплан, осуществляли

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 109.

² Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993. С. 32.

³ Об экономических наркоматах и министерствах см.: Gregory P. *Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy*. New York: Cambridge University Press, 1990; Conyngham W.J. *The Modernization of Soviet Industrial Management*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1982; Dyker D. *The Future of Soviet Economic Planning*. Beckenham, Kent: Croom Helm, 1985; Gorlin A.C. *The Power of Industrial Ministries* // *Soviet Studies*. 1985. Vol. 37. № 3; Fortescue S. *The Technical Administration of Industrial Ministries* // *Soviet Industry Science and Technology Work Group, Center for Soviet and East European Studies, University of Birmingham, England, February 1986*; Granick D. *The Ministry as the Maximizing Unit in Soviet Industry* // *Journal of Comparative Economics*. 1980. Vol. 4. № 3; Keren M. *The Ministry, Plan Changes, and the Ratchet Effect in Planning* // *Journal of Comparative Economics*. 1982. Vol. 6. № 4; Вишняков В.Г. Структура и штаты советского государства и управления. М.: Наука, 1972. Глава 3; Аверьянов Д.В. Функции и организационная структура органов государственного управления. Киев: Наука, 1979.

большую часть оперативного планирования. Поскольку наркоматы несли ответственность за конечные результаты, для того чтобы защитить себя, они нередко действовали эгоистично (см. главу 6). Борьба за контроль над ресурсами была еще одним постоянным источником конфликтов. Диктатор желал владеть и распоряжаться ресурсами. Однако в руках производителей был оперативный контроль над активами и физический контроль над произведенной продукцией, по крайней мере в момент ее выпуска. Тот, кто контролирует активы и производство, тот и обладает реальной властью. Существование этого правила хорошо понимал главный соперник Сталина Л. Троцкий, утверждавший в середине 1920-х годов, что контролировать ресурсы должна не партия, а авторитарный Госплан – организация, которую он намеревался возглавить⁴. Разделение могущественного ВСНХ на три наркомата показывает, что это правило понимали и в 1932 году. Любая отдельная от партии организация, контролировавшая практически всю промышленность страны, представляла собой потенциальную угрозу «ведущей роли партии».

Если в предыдущей главе мы рассматривали взаимоотношения экономических наркоматов с плановиками, то в этой главе будет проанализирована внутренняя структура экономического наркомата. Мы рассмотрим два ведущих промышленных наркомата 1930-х годов – Народный комиссариат тяжелой промышленности (НКТП) и Народный комиссариат легкой промышленности (НКЛП). Оба они были основаны в 1932 году. Во главе первого стоял Серго Орджоникидзе, член Политбюро и давний приверженец Сталина. Он возглавлял НКТП со времени основания наркомата в 1932 году вплоть до своей смерти в 1937 году⁵. Вторым наркомом НКТП был бывший председатель Госплана В.И. Межлаук, погибший во время Большого террора в 1938 году. Л.М. Каганович, образцовый чиновник, член Политбюро и заместитель Сталина по партии в первой половине 1930-х годов, возглавлял НКТП после Большого террора и вплоть до момента ликвидации наркомата в 1939 году. НКЛП с 1932 по 1937 год возглавлял И.Е. Любимов, фигура менее известная, который также погиб во

время Большого террора. Фактически НКТП руководил работой всей тяжелой промышленности, отвечая за производство металла, добычу угля, машиностроение и производство товаров военного назначения. НКЛП ведал производством хлопковых, льняных и шерстяных тканей и кожаных изделий⁶. Каждую отрасль промышленности возглавляло соответствующее главное управление наркомата (главк), непосредственно руководившее предприятиями и трестами⁷.

Хорошей иллюстрацией истории советских «производителей» может быть судьба крупнейшего хозяйственника 1930-х годов, Серго Орджоникидзе. В отличие от других партийных лидеров, к которым обычно обращались – товарищ Молотов или товарищ Сталин, Орджоникидзе, как среди своих коллег, так и среди подчиненных, был известен как Серго или товарищ Серго. Во время гражданской войны и в первой половине 1920-х годов он работал на Кавказе. По приглашению Сталина Орджоникидзе переехал в Москву, где занял целый ряд важных партийных постов, включая пост наркома ЦКК–РКИ. В 1930 году он стал членом Политбюро. Заняв пост главы ВСНХ, он фактически руководил всем промышленным производством в стране. Когда в 1932 году ВСНХ был разделен на несколько наркоматов, Орджоникидзе возглавил Наркомат тяжелой промышленности. Будучи одним из ключевых членов Политбюро и близким товарищем Сталина, Орджоникидзе имел огромное влияние. Он был груб, вспыльчив, нетерпелив, прямолинеен и не боялся вступать в конфликты с другими представителями высшего руководства. Сталин с горечью жаловался на постоянное стремление Орджоникидзе к независимости, которое «создает опасность... разрушения [руководящей группы]»⁸, безуспешно пытаясь урезонить Орджоникидзе:

Ясно также и то, что мы, члены ЦК в особенности, не должны и не можем надвигать друг друга... Большевики не могут становиться на такой путь, если, конеч-

⁴ Carr E.H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. Vol. 2. New York: MacMillan, 1951.

⁵ Подробнее об экономических наркоматах в 1930-е гг. см.: Khlevnyuk O. The People's Commissariat of Heavy Industry; Rees E.A. The People's Commissariat of the Timber Industry; Rees E.A. The People's Commissariat of Transport; Barnett V. The People's Commissariat of Supply and the People's Commissariat of Internal Trade // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–1937 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 94–123, 124–149, 203–234, 176–202.

⁶ В декабре 1936 года руководство оборонной промышленностью было передано из НКТП во вновь созданный наркомат оборонной промышленности. В августе 1937 года для руководства машиностроением был создан Народный комиссариат машиностроения СССР.

⁷ Мы рассмотрим типичный главк НКТП, Главное управление металлургической промышленности (ГУМП), руководившее советской металлургией, добычей руды, производством металлических труб, высококачественных сталей и т.д. В 1937 году ГУМП был одним из тридцати четырех главков при НКТП, вторым по численности центрального аппарата. Мы также рассмотрим несколько главков Народного комиссариата легкой промышленности.

⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 51.

но, не хотят они превратить нашу большевистскую партию в конгломерат ведомственных шаек⁹.

Раздражение Сталина постепенно нарастало, так как Орджоникидзе продолжал яростно отстаивать интересы НКТП. В сентябре 1936 года Орджоникидзе пришлось смириться с арестом своего первого заместителя (Г.Л. Пятакова), расстрелянного в 1937 году. Сталин писал Кагановичу 11 сентября 1936 г.: «Лучше сейчас же снять Пятакова с поста зама, не дожидаясь результатов следствия»¹⁰. В результате политики Большого террора Орджоникидзе пришлось столкнуться с увольнениями и арестами среди руководящего состава своего наркомата и крушением своей власти. Непосредственно перед Пленумом ЦК, назначенным на 19 февраля 1937 года, Серго покончил с собой. Этот нелицеприятный факт был скрыт, и официально было объявлено, что Орджоникидзе скончался от паралича сердца. Самоубийство Орджоникидзе стало его последним актом неповиновения, поскольку Сталин говорил о самоубийстве как о последней возможности наплевать на партию, предать партию¹¹. Как история создания административно-командной системы неотделима от истории Сталина, так и создание советской промышленности неотделимо от истории Орджоникидзе.

Советская командная экономика была организована как «иерархическая диктатура» (nested dictatorship). Это означало, что в вертикали власти каждый орган управления воспроизводил структуры вышестоящего¹². СНК являлся диктатором по отношению к промышленным наркоматам, промышленные наркоматы играли роль диктатора по отношению к главкам, главки – по отношению к предприятиям. Структура промышленных наркоматов напоминала структуру СНК, главки имели структуру, аналогичную структуре промышленных наркоматов, управленческий аппарат предприятий воспроизводил структуру главков. Каждый орган управления имел небольшое центральное подразделение, отраслевые подразделения и функциональные подразделения, такие, как плановый или финансовый сектора, работавшие над вопросами, выходявшими за рамки конкретных отраслей. Явная

сложность структуры НКТП вызвала взрыв недовольства со стороны Орджоникидзе: «Структура нашего аппарата, сколько мы его ни реорганизовываем, сколько мы с ним ни возимся, а все-таки, когда ее возьмешь и нарисуешь на бумажке и посмотришь, более безобразного уroda нигде не увидишь»¹³. Главки организационно фактически копировали работу наркомата. Наркоматы несли ответственность за производство в целом, а на плечи главков ложилась задача руководства отдельными отраслями, они отвечали за производство и сбыт продукции. В главке металлургической промышленности более половины персонала было вовлечено в работу, связанную со снабжением и сбытом. В главках легкой промышленности вопросами снабжения и сбыта также занималось большое количество служащих.

Материальные балансы и организация промышленности

Материальные балансы¹⁴ стали вкладом Советского Союза в теорию планирования. Материальные балансы представляют собой расчет предложения и спроса на ресурсы, такие, как сталь, цемент, зерновые, транспортные средства или продукция машиностроения. Текущее производство, импорт и задействованные резервы составляют предложение. Спрос равняется заявкам всех потребителей на производственные ресурсы. Баланс между предложением и спросом достигается за счет административных приказов, а не изменения цен. Если спрос на ту или иную продукцию превышает предложение, в административном порядке принимается решение либо сократить ее потребление, либо увеличить предложение.

Таблица 7.1. *Схема материального баланса*

Производство (предложение)	Потребление (спрос)
Сталь =	Сталь, необходимая производителям стали + Сталь, необходимая для машиностроения + Сталь, необходимая для других отраслей
Продукция машиностроения =	Продукция машиностроения, необходимая для производителей стали + Продукция машиностроения, необходимая для самого машиностроения + Продукция машиностроения для других отраслей

⁹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 711.

¹⁰ Там же. С. 673.

¹¹ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999. P. 218.

¹² Gregory P., Markevich A. Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built // Slavic Review. 2002. Vol. 61. № 4. P. 801–809.

¹³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 104. Л. 2.

¹⁴ Подробнее о материальных балансах и истории их составления см.: Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Structure and Performance. 6th ed. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1998. P. 104–108.

В таблице 7.1 приведена схема материального баланса двух продуктов: стали и продукции машиностроения¹⁵. Запланированное производство стали и продукции машиностроения – это ресурсы, имеющиеся в наличии. Суммарный спрос на сталь равняется спросу, предъявленному сталелитейной промышленностью, машиностроительными заводами, а также предприятиями других отраслей. Аналогично суммарный спрос на продукцию машиностроения равняется спросу, предъявленному машиностроительными заводами, сталелитейной промышленностью и предприятиями других отраслей. Т.е. материальные балансы включают в себя вопросы не только производства, но и распределения. Запланированный материальный баланс мог оказаться нереализованным по целому ряду причин. Если машиностроительные заводы не получали сталь, они не могли выполнить свое производственное задание. Если производители стали не выполняли план, они не могли удовлетворить требования машиностроителей. Орджоникидзе суммировал существовавшие проблемы, однажды напомнив металлургам:

Сколько бы вы ни жаловались, сколько бы ни предъявляли требований к машиностроению и к кому угодно, они все эти требования могут вернуть обратно с полным правом, потому что вы металла не даете... Вы свои требования можете предъявить, но эти требования должны быть подкреплены тем, что вы дадите количество металла, необходимого для работы¹⁶.

Если работой всех промышленных отраслей руководит один административный орган, производство и распределение всех товаров происходит как бы внутри него, а его работа оценивается в целом, а не по результатам работы его отдельных подразделений¹⁷. В случае же существовавшего разделения управления между отдельными организациями (такими, как наркоматы или главки) металлургический главк отвечал за производство и распределение стали, а машиностроительный – за производство

¹⁵ Таблица 7.1. не учитывает резервы, импорт и экспорт с целью сфокусировать внимание читателя на сути проблемы распределения ресурсов.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 10. Л. 4.

¹⁷ Пусть W_{ss} – предельный продукт использования стали в сталелитейной промышленности, а W_{sm} – предельный продукт использования стали в машиностроении. Если управление машиностроительной и сталелитейной отраслями промышленности осуществляется единым руководящим органом, то он будет склонен распределять сталь таким образом, чтобы предельный продукт использования стали был одинаков в обеих отраслях, $W_{ss} = W_{sm}$. Будем называть такое распределение ресурсов «беспристрастным».

и распределение продукции машиностроения. Даже если эти главки входили в состав одного наркомата, в вопросах снабжения они могли отдавать предпочтение своим собственным предприятиям. С точки зрения наркома, ответственного как за сталь, так и за продукцию машиностроения, и сталелитейные и машиностроительные заводы должны аккуратно снабжаться сталью и продукцией машиностроения, тогда как предприятиями, подчиненными другим наркоматам, можно пренебречь¹⁸. Из этого можно вывести следующее общее правило: чем более интегрированы управленческие структуры, тем больше вероятность того, что ресурсы будут использованы наиболее рациональным образом. Чем больше разделены органы управления производством, тем ярче представлена тенденция отдавать в вопросах снабжения предпочтение «своим» предприятиям перед предприятиями, подчиненными другим министерствам и ведомствам. Соответственно в вопросах снабжения потребителей высокоинтегрированный ВСНХ (до его разделения в 1932 году) работал четче, чем НКТП.

Пристрастного отношения (политики льгот по отношению к одним предприятиям в ущерб другим), по крайней мере теоретически, можно было избежать, если бы материальные балансы составлялись и реализовывались организациями, отстаивающими государственные интересы, такими, как СНК или Госплан, но большинство балансов подготавливалось не Госпланом, а сбытовыми подразделениями наркоматов и главков, такими, как Стальсбыт (см. главу 6). Для Стальсбыта машиностроители были чужаками, поскольку принадлежали «чужому» главку. А интересы предприятий–потребителей стали, входивших в НКЛП, были еще более чужды производителю, поскольку эти заводы подчинялись даже не «чужому» главку, а «чужому» министерству. В рыночной экономике цель предприятий – максимизировать прибыль, соответственно они предпочтут приобретать материалы на рынке, нежели самостоятельно их производить, если это поможет снизить издержки.

¹⁸ Народный комиссар стремится к тому, чтобы $W_{ss} = W_{sm}$, в то время как начальник сталелитейного главка отдает предпочтение «своим» предприятиям, т.е. $W_{ss} < W_{sm}$, а начальник машиностроительного главка – машиностроительным предприятиям, т.е. $W_{sm} < W_{ss}$.

Экономические институты функционируют на основе формальных или неформальных правил. Европейский рынок труда или государственный аппарат США работают на основе установленных, «записанных» правил, в то время как американский рынок труда использует неписанные правила, называемые имплицитными контрактами (implicit contract). Советский диктатор предпочитал не связывать себя формальными правилами и пренебрегал ими при возникновении конфликтов между производителями и плановиками (см. главу 6). Хотя можно было бы ожидать, что работа институтов в иерархической экономической системе будет основана на формальных правилах, и НКТП и НКЛП годами действовали без официально утвержденных положений, определяющих их работу, а когда такие положения в конце концов были утверждены, они фактически не касались оперативных правил. Тысячи страниц официальных документов в архивах НКТП и НКЛП не содержат четкой единой формулировки формальных правил и процедур.

НКТП и НКЛП были образованы 5 января 1932 года, после того как ВСНХ был поделен на три наркомата – наркомат тяжелой промышленности, наркомат легкой промышленности и наркомат лесной промышленности¹⁹. Указ об их образовании распределял предприятия ВСНХ между тремя наркоматами (большинство предприятий отошло НКТП), но практически не содержал ничего о правилах управления. Положение об НКТП не было утверждено вплоть до 11 ноября 1937 года; оно устанавливало, что НКТП должен «руководить составлением и осуществлением утверждаемых правительством производственных и финансовых планов... планов капитального строительства». С этой целью НКТП должен был организовать работу подчиненных предприятий, оказывать им техническую помощь, организовывать снабжение и сбыт продукции, руководить подбором персонала²⁰.

Устав НКЛП, утвержденный в 1938 году, определял его статус как союзно-республиканского наркомата, но также не содержал никаких четких инструкций²¹. Главное управление металлургической промышленности (ГУМП) было образовано в 1931 году (тогда еще как главк ВСНХ) «для усиления народнохозяйственного и технического руководства металлургической

промышленностью»²². Положение о ГУМП, принятое в июне 1933 года, объявляло ГУМП ответственным за выполнение плана и техническое руководство («достижение оптимальных показателей работы») предприятиями в отраслях промышленности черной металлургии, железнорудной, коксохимической и огнеупоров²³.

Выполните план! Какой план? Положения о промышленных наркоматах и главках в явном виде содержали два пункта. Во-первых, они четко определяли сферу компетенции каждой организации, определяя, какие именно предприятия ей подчиняются. Во-вторых, они однозначно устанавливали, что каждая организация несет ответственность за выполнение плана. План наркомата представлял собой сумму планов его главков. План главка – сумму планов всех его предприятий. Юридически необходимость выполнить план была недостаточно строго определена²⁴: среди планов были долгосрочные пятилетние планы, годовые планы, квартальные, месячные и даже декадные планы. В некоторых случаях вообще не существовало годового плана или же он подготавливался ретроспективно²⁵. Существовали также планы снабжения. Более того, как производственные планы, так и планы снабжения часто менялись и содержали несколько групп показателей. Они содержали производственные задания (в натуральных и стоимостных показателях), задания по ассортименту производимых товаров, задания по труду, себестоимости, задания по срокам завершения капитального строительства и т.д. Какое из этих плановых заданий и планов должен был выполнить наркомат или главк?

Наиболее важным был план по производству, так называемый план по валу. Как признался на совещании НКТП 1934 года один из работников наркомата, товарищ Золотарев, «выполнение плана – это выполнение программы»²⁶. Предприятия признавали, что они боролись в основном за «досрочное выполнение количественных показателей» и в этой борьбе нередко «имели очень много потерь», отражавшихся на качестве продукции²⁷. Для пред-

²² РГАЭ. Ф. 3429. Оп. 1. Д. 146. Л. 809–810.

²³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 272. Л. 6.

²⁴ Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 131–158.

²⁵ Belova E., Gregory P. Dictators, Loyal and Opportunistic Agents: The Soviet Archives on Creating the Soviet Economic System // Public Choice. 2002. Vol. 113. № 3–4. P. 274–275.

²⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 335. Л. 5.

²⁷ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 177. Л. 10.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 65. Л. 13.

²⁰ СЗ. 1937. № 76. Ст. 375.

²¹ СЗ. 1938. № 34. Ст. 207.

приятный задача получить доход, обеспечивающий финансовую автономность, не стояла на первом месте. Производство наиболее важной продукции и заказы для наиболее приоритетных заказчиков – армии, оборонной промышленности и других – должны были выполняться в первую очередь, ради них можно было пожертвовать всеми остальными показателями планов. Оборонная промышленность занимала особое место, о чем свидетельствуют приказы Орджоникидзе: «Все наряды и заказы для НКОбронпрома на оборудование и материалы по выделенным для него фондам выполнять точно в установленные сроки, не допуская просрочек»²⁸. Выполнение заказов оборонной промышленности было провозглашено «первоочередной задачей главков и секторов тяжелой промышленности» в соответствии с приказом НКТП, изданным в феврале 1932 года²⁹. Приоритетные планы рассматривались на специальных заседаниях, например, таком, как заседание НКТП по вопросам выполнения заказов на спецсталь для оборонной промышленности, состоявшееся 8 июля 1937 года³⁰. Тяжелая промышленность также была одним из приоритетов. Как говорил Орджоникидзе: «Я готов отдать черной металлургии что угодно, берите все, но поставьте дело так, как следует»³¹. Другим примером может служить директива ГУМП (№ 219, октябрь 1933 года), выделявшая дополнительные ресурсы с целью обеспечения «бесперебойной работы» предприятий тяжелой промышленности³². Целые предприятия переводились в режим исключительного снабжения приоритетных отраслей. Так, приказ НКТП (№ 51, март 1932 года) выделил пять приоритетных заводов, предписав «удовлетворить в необходимых размерах, как стройматериалами, так и оборудованием, потребностью этих заводов вне всякой очереди и преимущественно пусковыми предприятиями»³³. Важнейшие стройки являлись еще одним приоритетом. Приказ НКТП (№ 5, 4 января 1934 года) «О расширении действующих автозаводов им. Молотова и им. Сталина и строительстве новых автозаводов»³⁴ выделял для этих автозаводов истроек специальные ресурсы.

²⁸ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 304. Л. 22.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 5. Л. 11.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 304. Л. 81.

³¹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 10. Л. 10.

³² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 276. Л. 28–29.

³³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 5. Л. 27.

³⁴ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 25. Л. 17.

Поскольку наркоматы и главки сами много занимались вопросами планирования, они подготавливали свои собственные проекты планов, а затем лоббировали их подписание в вышестоящих инстанциях. В 1932 году НКТП приказал главку рудной промышленности в течение 5 дней подготовить проект постановления СНК о развитии производства серы³⁵. На заседании, состоявшемся 8 июня 1937 года, Межлаук приказал Главному военномобилизационному управлению (ГВМУ) и двум другим главам совместно подготовить проект постановления СНК по спецстали для оборонной промышленности³⁶. Подобные проекты постановлений, подготовленные заинтересованными организациями, могли быть направлены вышестоящими органами на «независимую» экспертизу. Так, например, в феврале 1932 года проект постановления, подготовленный Главцветметзолотом, о получении дополнительных 13 800 тонн металла был вдвое урезан Орджоникидзе после заключения строительного управления³⁷.

Принцип единоначалия. Соблюдение правил не так важно, если кадры подобраны правильно. Каганович – Сталину (21 сентября 1931 г.): «Повторный опыт моей работы... показал, что главное, конечно, в людях, в руководстве наркоматом»³⁸. В самом деле, Политбюро уделяло больше внимания кадровым вопросам (сильная сторона Сталина), чем каким-либо иным³⁹. Порядок решения кадровых вопросов был определен в начале 1920-х годов, когда непосредственно Политбюро производило назначения на 647 номенклатурных должностей. Партийные документы 1930-х годов дают некоторое представление о процедуре назначения ответственных работников⁴⁰. 19 сентября 1931 года Сталин заявил Кагановичу о своем решении снять с должности наркома путей сообщения М.Л. Рухимовича. Через шесть дней Политбюро предложило трех кандидатов на эту должность. Кандидат, выбранный Сталиным (А.А. Андреев), был единогласно одобрен членами Политбюро 26 сентября⁴¹, хотя формально Рухимович был снят с поста только 1 октября. Тогда же Сталин отклонил список замов, предло-

³⁵ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 1. Л. 263.

³⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 304. Л. 81.

³⁷ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 335. Л. 5.

³⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 114.

³⁹ Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom // Decision Making in the Stalinist Command Economy. P. 9–13.

⁴⁰ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 15–16.

⁴¹ Сталин и Каганович. Переписка. С. 111–127.

женный Андреевым (тот хотел забрать в НКПС слишком много работников из Северо-Кавказского края), и предложил своих кандидатов. 5 октября 1931 года Политбюро одобрило список новых руководителей. Таким образом, в течение трех недель назначение нового наркома путей сообщения было главным вопросом, занимавшим внимание Политбюро, что показывает особую важность назначения руководителей высшего эшелона.

Тот, кто возглавлял наркомат, главк или предприятие, становился ответственным за результаты работы вверенной ему организации в соответствии с советским принципом *единоначалия*⁴². В отличие от других правил оперативного управления, бывших довольно туманными, принцип единоначалия был неоднократно сформулирован в явном виде в приказах и постановлениях НКТП и НКЛП⁴³. В соответствии с положением о главном управлении хлопкозаготовок и хлопкоочистительных заводов, «начальник главка, действуя на основе единоначалия, несет полную ответственность перед НКЛП за техническое и хозяйственное состояние подведомственных главку трестов, предприятий и организаций, за выполнение ими плана, директив Правительства и НКЛП»⁴⁴. Совершенно очевидно, что в условиях единоначалия в громоздких по своей структуре органах управления высшие руководители должны были делегировать часть своих полномочий. Орджоникидзе передал немалую власть своему первому заместителю Г.Л. Пятакову, которого особенно не любил Сталин за его сомнительную лояльность к режиму. Другие заместители Орджоникидзе, И.П. Павлуновский (1932–1933) и бывший нарком путей сообщения М.Л. Рухимович (1933–1936), по очереди несли ответственность за работу оборонной промышленности. В соответствии с положением НКТП 1937 года, народный комиссар издавал «в пределах своей компетенции приказы и инструкции на основании и во исполнение действующих законов, а также постановлений и распоряжений СНК»⁴⁵, но на практике более половины приказов подписывали его заместители⁴⁶. Наделение

правом подписи большого числа лиц вызвало недовольство Орджоникидзе в июне 1934 года: «Я недавно получил материал, из которого видно, что из Наркомата выходит невероятное количество бумаг, причем бумаги эти подписываются всеми кому угодно. Если в Главке будут подписывать бумаги 40 человек и этим самым давать распоряжения от Главка, куда это может привести»⁴⁷. Несмотря на делегирование полномочий, последнее слово, несомненно, оставалось за народным комиссаром. Последний нарком тяжелой промышленности, Каганович, позволял высказывать различные точки зрения, однако противоречили ему редко. Его предложения становились окончательными решениями. Он применял власть немедленно, как, например, на заседании 17 июля 1937 года, на котором он указал виновных в аварии, произошедшей на медеплавильном заводе, и уволил директора завода⁴⁸.

Персональную ответственность несли как высшие руководители, так и чиновники нижнего ранга. Когда злополучный нарком путей сообщения (Рухимович) объявил, что наркомат не может выполнить заданий по строительству из-за нехватки рельс, Сталин послал Кагановичу злое письмо: «Мне кажется, что Рухимович здесь заранее хочет снять с себя ответственность за невыполнение плана строительства»⁴⁹. Когда кандидат в члены Политбюро Г.И. Петровский, столкнувшись с ужасающим голодом на Украине, попытался понизить план по хлебозаготовкам, за который нес личную ответственность, Каганович радостно сообщал Сталину (12 июля 1932 г.):

Петровский с первых же строк начинает сваливать вину на ЦК ВКП(б), заявляя, что он «понимал необходимость выполнения директив ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках», как будто они не могли поставить в ЦК ВКП(б) своевременно и честно все их вопросы. Он (Петровский) полемизирует с теми, кто говорит правду, что они были оторваны от села и не знали положения дел, но тогда он должен признать, что они скрывали от ЦК ВКП(б) правду и только тогда начали говорить, когда ЦК из Москвы указал им на вопиющие безобразия⁵⁰.

новский и, позднее, Рухимович подписывали «секретные» приказы, касавшиеся работы оборонной промышленности. Аналогичная система существовала и в главках, где заместители начальников главков, главные инженеры также имели право подписи. Тем не менее начальники главков подписывали большую долю приказов главка, чем нарком – наркоматовских приказов.

⁴² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 106. Л. 1.

⁴³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 4. Л. 22.

⁴⁴ Сталин и Каганович. Переписка. С. 84.

⁴⁵ Там же. С. 164.

⁴² Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. P. 57–59.

⁴³ См., например, постановление № 330 от 15 апреля 1934 г. «С целью усиления единоначалия в системе управления НКЛП и усиления ответственности директоров предприятий» (РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 13. Д. 362. Л. 1).

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 564. Л. 5.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 35. Л. 2–14.

⁴⁶ Распределение рабочей нагрузки можно видеть из числа приказов и постановлений, подписанных Орджоникидзе и его заместителями. Нарком подписывал менее половины приказов. Его первый заместитель Пятаков подписывал большую часть приказов и фактически руководил повседневной работой наркомата. Павлу-

Если ответственность несли даже высшие партийные чиновники, то руководителям наркоматов и главков тем более было практически невозможно избежать ответственности. Они не могли защитить себя ссылками на то, что они не получили необходимого оборудования или материалов или что произошла авария. Как сказал Орджоникидзе в своей речи 16 июня 1934 года, «тот директор, тот инженер, тот начальник цеха, тот технический директор, который не следит за тем, чтобы распоряжения наркомата, распоряжения СНК, распоряжения ЦК нашей партии выполнялись в точности, тот директор – не директор»⁵¹. Орджоникидзе высмеивал руководителей, которые думали, что смогут избежать ответственности перед государством: «У нас бывают умники, которые считают, что распоряжения Наркома, начальника Главка можно как хочешь выполнять или не выполнять»⁵². Чтобы продемонстрировать судьбу такого «умника», Орджоникидзе 8 января 1934 года уволил директора Ярославского резинового комбината Михайлова за то, что тот заявил на общекомбинатской партийной конференции о невозможности выполнения плана: «План, утвержденный правительством, является законом. Выступление против утвержденного плана есть нарушение партийной и советской дисциплины. Директор предприятия, выступающий против утвержденного плана, не может оставаться руководителем предприятия»⁵³. Орджоникидзе не принимал в качестве оправданий и заявления о нехватке материалов (6 июня 1932 г.): «Сколько бы вы ни жаловались, сколько бы ни предъявляли требований к машиностроению и к кому угодно, они все эти требования могут вернуть обратно с полным правом, потому что вы металла не дадите... Вы свои требования можете предъявить, но эти требования должны быть подкреплены тем, что вы дадите количество металла, необходимое для работы»⁵⁴. И вновь Орджоникидзе (20 сентября 1934 г.): «Мы не будем слушать этих людей [говорящих, что с нашим сырьем дело не пойдет], а мы говорим следующее: если хороший директор завода, если хороший технический директор, если начальники цехов хороши, если хороши мастера, если они умеют организовать дело как следует, то результаты налицо»⁵⁵.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 106. Л. 12.

⁵² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 106. Л. 3.

⁵³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 25. Л. 192.

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 10. Л. 4.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 334.

Смысл очевиден – хороший руководитель будет использовать любые средства и выполнит приказ *любой ценой*. Руководители, жаловавшиеся по официальным каналам, обычно слышали в ответ, что свои проблемы они должны решать сами⁵⁶. Таким образом, высшее руководство, начиная с СНК и заканчивая директорами главков, косвенным образом потворствовало неформальным связям. Можно сказать, что хорошим руководителем был тот руководитель, который использовал неофициальные каналы для того, чтобы обеспечить выполнение производственных заданий, и руководство не задавало ему по этому поводу никаких каверзных вопросов. *Сама система попустительствовала и поощряла горизонтальные сделки, ставившие в конечном итоге под угрозу власть диктатора.*

Единоначалие отнюдь не означало, что подчиненные автоматически подчинялись приказам. На всех уровнях, начиная с самого высокого вплоть до самого низкого, приказы не выполнялись или, что еще хуже, – игнорировались. В письме к Молотову от 22 сентября 1930 года Сталин предложил образовать «постоянную комиссию [при СНК СССР] (“Комиссию Исполнения”) с исключительной целью систематической проверки исполнения решений центра», отметив, что «без такой или подобной ей реформы директивы центра будут оставаться сплошь и рядом на бумаге»⁵⁷. В своем более раннем письме от 21 августа 1929 года он признался Молотову: «Боюсь далее, что ППГПУ [полномочные представители ГПУ. – Авт.] не узнают ничего о решении Политбюро, и оно (решение) застрянет в “недрах” ОГПУ»⁵⁸. Аналогичны и жалобы Орджоникидзе на работников своего собственного наркомата: «Я вижу, наблюдаю, ругаюсь, дерусь как зверь, но, чтобы проташить какой-либо вопрос, чтобы он был как следует проведен, для этого надо самому впасть в истерику и того загнать в истерику, кто это выполняет»⁵⁹. В своей речи, посвященной десятой годовщине газеты НКТП «За индустриализацию», Орджоникидзе заявил:

Очень часто, почти каждый день мы выносим прекрасные решения – пожалуй, лучше никто не придумает. Если собрать да посмотреть все наши решения, все наши постановления, все наши декреты – только выполняй, больше ничего не

⁵⁶ Belova E. Economic Crime and Punishment. P. 139–140.

⁵⁷ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 96.

⁵⁸ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936 гг. / Сост. Л. Кошелева и др. М.: Россия молодая, 1995. С. 146.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 104. Л. 2.

требуется. А вот насчет выполнения у нас дело не всегда хорошо. Газета должна следить изо дня в день за тем, чтобы наши решения выполнялись⁶⁰.

А вот менторски-горделивая реакция Орджоникидзе на приказы Госплана:

Сегодня мне передали твое распоряжение, адресованное непосредственно Союзхиму... Я считаю такого характера распоряжения через голову НКТП неправильными, думаю, что и ты согласишься с этим, а потому прошу все необходимые распоряжения направлять в обычном нормальном порядке... Дальше Комиссия Исполнения думает, вернее её аппарат, давать распоряжения через голову ВСНХ. Черт его знает, может быть, так и нужно, но в таком случае на кой черт ВСНХ и для чего я там должен сидеть...⁶¹

Таким образом, несмотря на то что Сталин, возможно, и считал, что его приказы были чрезвычайно важными и должны были выполняться, Орджоникидзе, в свою очередь, вполне мог посчитать приказы сверху «неправильными», а свои собственные – «прекрасными».

Наказание и «козлы отпущения». Советским руководителям, действовавшим на основе принципа единоначалия, приходилось выполнять противоречивые и постоянно изменяющиеся планы. Они не могли возражать, поскольку планы принимались вышестоящими чиновниками. Кандидат в члены Политбюро Петровский не мог спорить и доказывать, что хлебозаготовительные задания невозможно было выполнить, поскольку эти задания были установлены всеведущим Политбюро! Поскольку официальным путем получить помощь не удавалось, чиновникам приходилось искать другие способы. Единственной возможной причиной невыполнения плана была несостоятельность руководителей предприятия, которая вполне могла быть истолкована и как преднамеренный саботаж. В таких обстоятельствах ни один начальник не мог иметь незапятнанную репутацию, способную выдержать тщательную проверку. В то же время число способных руководителей было ограничено. Соответственно существовала дилемма, порожденная институциональными особенностями советской системы: планы часто не выполнялись, и их невыполнение официально вменялось в вину советским хозяйственникам; в то же время в силу скудости управленческих ресурсов нужно

было ограничивать наказание символическим числом руководителей⁶².

Для решения этой дилеммы советская система создала тщательно разработанный ритуал обвинения и наказания. Участники этого ритуала обычно прекрасно понимали свои роли. Руководитель снимал с себя вину, обвиняя подчиненных, которые в свою очередь старались обвинить своих подчиненных, пока вина, наконец, не сваливалась на кого-нибудь внизу иерархической лестницы. Опытные руководители выбирали козла отпущения, которого и обвиняли в невыполнении плана. Эта черта советской системы оказалась одной из наиболее живучих⁶³. Первый заместитель Орджоникидзе (Пятаков) играл роль своего рода громоотвода за многие промахи наркомата. Чаще за невыполнение планов наказывались заместители директоров или главные инженеры предприятий, а не директора заводов. Чем ниже был статус выбранного козла отпущения, тем лучше. Заместители наркома тяжелой промышленности Кагановича подготавливали ключевые предложения, тогда как он указывал, что может быть не выполнено, заранее отмежевываясь от возможных неудач⁶⁴. Сталин был наиболее опытным мастером нахождения козлов отпущения. Он позволял другим выступать с планами и инициативами, в то время как сам оставался в стороне в качестве критика и, когда что-то шло не так, сваливал вину на других. В 1930 году Сталин отказался от поста председателя СНК, возможно, для того, чтобы оградить себя от ответственности за конкретные результаты.

На уровне наркоматов невыполнение планов запускало механизм расследования, с последующим выдвижением обвинения и наказанием. Как правило, создавалась комиссия, которая должна была установить причины невыполнения плана, наказать виновных и предложить пути исправления ситуации. Наказания варьировались от выговоров и увольнений до уголовной ответственности и смертной казни. Проводившееся ГУМП в июле 1933 года расследование аварии на Макеевском заводе, во время которой была разрушена одна из доменных печей, дает типичный пример подобного рода расследований⁶⁵. Комиссия признала виновными начальника доменного цеха и инженера доменной печи. Начальника сняли с поста и направили на другой, менее важный завод, но ему было обещано восстановление на прежнем месте работы,

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 252. Л. 2.

⁶¹ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. С. 32.

⁶² Подробнее об этом см.: Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. Chaps. 4–5.

⁶³ Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. P. 129.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 4. Л. 15; Д. 5. Л. 11–17; Д. 6. Л. 117.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 275. Л. 46–48.

если его «новый» завод выполнит полугодовой план. Инженер доменной печи, будучи на заводе человеком новым, был переведен на должность временно исполняющего обязанности инженера, его заработная плата была сокращена на 20 процентов, но и ему пообещали восстановление в должности, если ему удастся починить доменную печь в течение месяца. Остальные виновные получили строгие выговоры. Отметим, что руководителю Макеевского завода удалось успешно найти козлов отпущения рангом ниже. Выговоры заносились в личное дело советских и партийных чиновников, но позже могли быть сняты. Изъятие нелицеприятных записей из личного дела было явлением весьма распространенным, особенно если обвиняемый пользовался расположением кого-либо из высокого начальства⁶⁶.

Работники, выбранные в козлы отпущения, но отказавшиеся принять вину на себя и признать свои ошибки, считались не умеющими работать в команде. А.С. Енукидзе, который долгое время был соратником Сталина, отказался признать свою вину летом 1935 года, когда он как начальник охраны Кремля был обвинен в оплошностях охраны и неподобающих связях. Енукидзе сделал ошибку, защищая свою репутацию, вопреки сталинской версии событий, гласившей, что Кремль был буквально наспигован террористами. На пленуме ЦК, проходившем 6 июня 1935 года, Каганович обратился к Енукидзе со словами:

Если Вы искренни, товарищ Енукидзе, в Вашей готовности принять наказание, чтобы другие извлекли из этого урок, тогда Вам нужно было более честно проанализировать ситуацию, Вы должны были бы рассказать нам, как враги влезли в Вашу организацию, как Вы приютили никчемных негодяев. Вместо этого Вы отошли от темы и попытались доказать, что ничего необычного не происходило⁶⁷.

Енукидзе был переведен в провинцию и позже, 30 октября 1937 года, расстрелян, пополнив ряды жертв сталинского Большого террора. Неудачливому Енукидзе стоило последовать примеру подхалима Кагановича, который, когда Сталин обвинил его в принятии неправильного решения по поводу низкого качества комбайнов, написал Сталину (7 сентября 1933 г.):

О деле по сельхозмашинам согласен с Вашими доводами и в 1-м и в последнем письме. Я только считаю необходимым Вам сказать, что руководство этим процессом было поставлено неправильно и поэтому я, в частности, оказался не

в курсе дела. У нас существует традиция, внедренная Вами, что, если возникает даже менее важный вопрос, Вы собираете нас, подымаете его на принципиальную высоту и тогда неясное становится ясным, непонятное понятным. Здесь же т. Молотов руководил этим процессом сам, никому ничего не говоря. Это в значительной мере содействовало тому, что вместо прямой и простой постановки вопроса о том, что наркомы несут ответственность за это дело, были даны такие «тонкие» намеки, которые оказались обычными «арбузами». *Я принимаю на себя Ваш упрек, что я допустил ошибку и не понял значения этого дела...* [курсив автора]⁶⁸.

Зловещий оттенок приняло наказание во время репрессий 1937–1938 годов. Тюремное заключение и расстрел заменили умеренные наказания раннего периода. Во время инспекционной проверки расследования причин невыполнения планов добычи угля в августе–октябре 1938 года замнаркома НКТП Макаров проверил работу нескольких угольных шахт. Заслушав доклады директоров шахт и начальников участков, он заклеил шахты, выполнявшие план на 35 процентов, как работающие «отвратительно»; «определенно плохо» работали шахты, выполнявшие план на 40–60 процентов; «неудовлетворительной» была работа шахт, выполнявших план на 85 процентов. Макаров определил причины провала, признал виновными отдельных лиц, предложил пути улучшения работы и наложил взыскания. Некоторых директоров он отправил под суд, других уволил, но оставил на работе остальных руководителей, если те давали заверение в том, что ситуация будет немедленно исправлена⁶⁹. К счастью для большинства директоров, Макаров воздержался от обвинений в саботаже, что в те годы означало бы высшую меру наказания.

В то время как главк скорее был склонен наказывать руководителей, нарком чаще их награждал, по крайней мере, такой была практика в НКТП. В 1930-х годах наркомат тяжелой промышленности награждал директоров предприятий и их заместителей машинами и мотоциклами, а начальников цехов и главных инженеров велосипедами и часами, а также денежными премиями⁷⁰. Наркоматы оставили в своих руках право давать подобные награды, поскольку они боялись, как бы главки не бросились награждать свой персонал с излишним пылом⁷¹.

⁶⁸ Сталин и Каганович. Переписка. С. 333.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 58.

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 1. Д. 25. Л. 41.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 44. Д. 9. Л. 16.

⁶⁶ Belova E. Economic Crime and Punishment. P. 153–156.

⁶⁷ Getty J.A., Naumov O. The Road to Terror. P. 174.

Выражение «борьба за план» неоднократно встречается в архивных документах. Оно использовалось и позже, хозяйственниками 1970–1980-х годов, т.е. каждое новое поколение управленцев вовлекалось в борьбу за план⁷². Говоря о борьбе за план, мы имеем в виду борьбу наркомов или руководителей предприятий за доступ к необходимым ресурсам, выполнение производственных заданий и получение от своих подчиненных хороших результатов. Речь идет о сложном потоке переговоров, обещаний, обращений, извинений и ходатайств, которые сопутствовали разработке и исполнению плана. Условия этой борьбы были просты: подчиненный желал упрочить свое положение и максимизировать свое благосостояние, что, говоря в целом, выражалось в заработной плате, премиях, надбавках, продвижении по служебной лестнице и, что было особенно важно в 1930-е годы, защите от возможных репрессий. Начальство желало получить максимальное количество произведенной продукции при минимальных затратах ресурсов, не поставив при этом подчиненного в ситуацию, в которой выполнение плана было бы невозможно⁷³.

В советской иерархической диктатуре такая борьба между начальниками и подчиненными происходила на каждом уровне. Так же как наркомы не желали делиться информацией с центром, главки не желали делиться информацией друг с другом и с наркомом. Это однажды вызвало у Орджоникидзе следующую гневную тираду:

Кто же будет нашим цифрам верить, если кто-либо уличит нас в том, что мы даем неправильные цифры по выпуску тракторов. Здесь тов. Афанасьев должен самым жесточайшим образом наказать того, кто его обманывает, должен взять отшлепать и выгнать ко всем чертям, подобных лгунов нам не надо⁷⁴.

Подобно наркоматам (см. главу 6), главки напускали туману, издавая по два плана. На заседании коллегии НКЛП, проходившем 5 марта 1933 года, работник центрального аппарата НКЛП Левин жаловался:

Раньше всего необходимо ликвидировать имеющуюся практику спуска главком отдельным своим трестам и предприятиям планов больших, чем те, которые

утверждаются на коллегии наркомата. Если это было допустимо в прошлом году, то невозможно в условиях, которые складываются в нынешнем году, потому что это будет способствовать перерасходу фонда зарплаты, рабочей силы предприятий и трестов, что создаст тяжелое финансовое состояние. Нужно установить, чтобы главки спускали на места план в соответствии с директивой, установленной коллегией⁷⁵.

Борьба и торг вокруг плана велись прежде всего по вопросам производства и необходимых для него ресурсов. Наркомы, директора главков и руководители предприятий активно лоббировали низкие задания по производству и высокие объемы выделяемых ресурсов. Во время обсуждения плана на вторую пятилетку Орджоникидзе лоббировал низкие производственные задания по стали и сопротивлялся сокращению капиталовложений⁷⁶. Микоян, нарком снабжения, постоянно лоббировал низкие задания по экспорту, к немалой досаде Сталина, который отзывался о нем как о бюрократе, чьему «самолюбию нет предела»⁷⁷. Каганович – Сталину (31 августа 1931 г.):

В экспортном плане на сентябрь был горячий спор о размерах хлебного экспорта. Микоян, Яковлев требовали уменьшения плана, мы дали задание, предложенное НКТоргом, 1340 т. тонн. В прошлом году была та же история, и я помню, как вы тогда нажимали на выполнение сентябрьского задания, конечно, в прошлом году была другая ситуация, но и план этого сентября меньший, и выполнить его надо⁷⁸.

Оптимальная жесткость. Работа вышестоящих органов заключалась в том, чтобы оказывать давление, добиваясь необходимых объемов производства и количества затрачиваемых ресурсов. В этом вопросе Сталин был большим мастером. Сталин и нарком обороны Ворошилов писали 14 сентября 1933 г. Кагановичу, Молотову и Куйбышеву:

В связи с громадным недовыполнением программы военных заказов авиации, танков, артиллерии, снарядов – просим рассмотреть вопрос в Комиссии обороны с вызовом людей с заводов и решительно подтянуть выполнение и наказать провинившихся⁷⁹.

⁷⁵ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 137. Л. 9.

⁷⁶ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke: MacMillan, 1996. P. 292–301.

⁷⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 52.

⁷⁸ Там же С. 74.

⁷⁹ Там же. С. 343–344.

⁷² Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Chap. 5.

⁷³ Belova E., Gregory P. Dictators, Loyal and Opportunistic Agents. P. 273–274.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 9. Л. 4.

В данном случае «наказать провинившихся», возможно, означало, что следовало расстрелять несколько официально назначенных жертв. И снова Сталин – Кагановичу:

Очень плохо обстоит дело с артиллерией. Мирзаханов [директор завода] разложил прекрасный завод. Павлуновский [заместитель Орджоникидзе по военному производству] запутал и губит дело артиллерии. Серго надо вздуть за то, что он, доверив большое дело двум-трем своим любимчикам – дуракам, готов отдать в жертву этим дуракам интересы государства. Надо прогнать и снизить по «чину» всех Мирзахановых и Павлуновских. Иначе дела не поправить. Плохо обстоит дело с бакинской нефтью. В этом году добываем в Баку 15 млн. тонн нефти. В будущем году надо добыть 21–22 млн. тонн... Несмотря на это Нефтяной главк спит, а Серго отделяется благочестивыми обещаниями. Это будет для нас позором, если мы не сумеем заставить НКТяж взяться немедленно за дело и на каждом заседании ПБ давать нам отчет о принятых мерах⁸⁰.

Для того чтобы обеспечить выполнение заданий по хлебозаготовкам, Сталин оказывал давление на своих коллег по Политбюро, а региональным руководителям угрожал увольнениями.

С точки зрения наркомов, главки слишком терпимо относились к своим предприятиям. На заседании НКТП в сентябре 1934 года Орджоникидзе жаловался, что его главки были скорее союзниками предприятий, нежели руководителями:

Главки наши как руководят? По-моему, они недалеко ушли от трестов. Что значит недалеко ушли от трестов? Они, бедняги, собираются здесь в Москве, являются ходатаями своих предприятий, чтобы побольше денег получить от нас и поменьше программу дать предприятиям. Никуда это не годится, никакого управления в этом нет. Мы вовсе не такие люди не с такими нервами, что нельзя нас подтянуть. Главк должен руководить. Когда предприятия требуют от него, он должен проверить до конца, дать такую программу своему предприятию, чтобы она была напряженной, и заставить ее выполнить⁸¹.

Призыв Орджоникидзе к своим подчиненным быть строгими руководителями по отношению к своим предприятиям хорошо иллюстрирует концепцию оптимальной жесткости (optimal tautness) Холланда Хантера (Holland Hunter) и Януша Ширмера (J. Szygmer)⁸², идея которой состоит в том, что руководитель мо-

жет добиться оптимальных показателей, задавая предприятиям жесткий план. Если план окажется слишком легким, будет произведено мало продукции. Однако если он будет слишком жестким, производство может даже сократиться. Оптимально жесткий план позволяет добиться от производителей максимально возможных объемов производства. Как видно из речи начальника главка снабжения НКТП 1937 года, оптимальный уровень жесткости плана основывался на чистой интуиции:

В области распределения наших фондов мы частенько распределяем и смотрим, сколько вчера дали, в прошлом квартале, и определяем потребность этого квартала. Одному Главку 100 единиц, другому 90, в след. квартале наоборот. Из чего вы так исходили? Знаете, мы так чувствуем, – объяснения этому не бывает⁸³.

Подобные эксперименты сопровождались постоянным давлением снизу. ГУМП жаловался (20 августа 1937 г.), что «заводы присылают в ГУМП телеграфные требования на дополнительный отпуск топлива без всякого обоснования». ГУМП принял решение о том, что не будет даже рассматривать заявки на топливо без приложенного подробного обоснования заявки «исходя из полного использования внутренних ресурсов, производственной программы и установленных удельных расходов»⁸⁴.

Проблемы с поиском оптимальной жесткости хорошо иллюстрирует следующий забавный обмен репликами, состоявшийся на одной из конференций НКТП между Орджоникидзе и одним из его сотрудников, Муклевичем.

Орджоникидзе: Скажи, пожалуйста, как получилось, что снабжения дали на 50%, а программу выполнили на 100%?

Муклевич: В июле я просил всех моих работников составить доклады наркому о выполнении программы по отдельным участкам, затем стал эти доклады корректировать и увидел, что выполнена программа на 102%, а снабжение получено всего на 40%. Думаю, вероятно, был жирок с прошлого года. Беру отчет прошлого года, и опять: программа на 103%, а снабжение получено на 40%. Еще заглянуть на год раньше мне не удалось, потому что не удалось найти⁸⁵.

⁸⁰ Сталин и Каганович. Переписка. С. 395.

⁸¹ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 334. Л. 42.

⁸² Первоначально изложенная в: Hunter H. Optimal Tautness in Development Planning // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9. № 4. Part I.

Р. 561–572. См. также: Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton: Princeton University Press, 1992. P. 57–63.

⁸³ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 5. Д. 2. Л. 14.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3415. Л. 32.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 335. Л. 32.

Начальник главка снабжения НКТП откровенно говорил о том, что «надо бить и выявлять рвачей и этим оздоравливать процесс снабжения» (на заседании, проходившем 12 декабря 1937 г.):

Еще наши задачи заключаются в том, что мы как следует не проверяем заказчика-заявителя и не можем проверить... мы частенько приходим с историческими материалами – в таком-то мы должны столько, в таком квартале столько, в то же время вы даете нам столько. Это не материал, это не материал, а мы должны приходить в Правительство с полной ответственностью, знать, что нам требуется минимально столько от общехозяйственного баланса там-то, для того, чтобы обеспечить такие-то предприятия – там-то. А мы вместо этого, когда получаем фонды, распределим, потом забрасываем Правительство записками, в Совнарком посылаем письмо «нас обидели, мало дали, поэтому дайте дополнительно»⁸⁶.

Вышестоящие органы управления, которые были буквально завалены просьбами снизить план, редко давали послабления. В апреле 1935 года НКТП получил редкую уступку от СНК, согласившегося уменьшить задание по гражданскому судостроению, после того как Орджоникидзе сообщил Молотову, что он не может выполнить производственное задание, определенное в 550 миллионов рублей⁸⁷. Орджоникидзе предложил перенести значительную часть гражданских заказов на 1936 год, для того чтобы его наркомат смог выполнить военные заказы, приложив соответствующий проект постановления СНК⁸⁸. Госплан, дававший оценку предложениям НКТП, с неохотой согласился, «несмотря на то, что эти обязательства были возложены на НКТП специальным постановлением Правительства»⁸⁹. В данном случае нарком выступил в защиту судостроительного главка, которому в свою очередь, вероятно, пришлось доказать скептически настроенному Орджоникидзе необходимость сокращения плана. Чаше наркомат наотрез отказывал главкам в их попытках снизить производственные задания. Когда Главное военно-мобилизационное управление (ГВМУ) НКТП в одностороннем порядке снизило производственное задание без одобрения НКТП, его руководство было жестоко наказано. Несмотря на то что Орджоникидзе опасался, что главки излишне мягко относились к своим предприятиям, предприятиям обычно отказывали в запросах о

снижении производственных заданий. Просьба Косогорского металлургического комбината о снижении производственного плана для проведения необходимых ремонтных работ была отклонена ГУМП три раза. Когда Петровский завод запросил у ГУМП (8 августа 1937 г.) снижения своих производственных заданий, то получил следующий ответ: «План на третий квартал был утвержден правительством. Изменить его я не имею возможности. Учитывая напряженное положение с балансом чугуна, прошу Вас принять меры к безусловному выполнению плана на третий квартал»⁹⁰. Заместитель директора Краматорского завода в октябре 1932 года получил выговор за то, что без разрешения вышестоящих органов остановил доменную печь⁹¹.

«Мы» и «они». Обычно в вопросах снабжения позиция вышестоящих органов (наркомата по отношению к главку или главка по отношению к предприятию) была менее «ведомственной» и более «государственной», чем позиция их подчиненных. В самом деле, в июне 1932 года Орджоникидзе пришлось напомнить своим подчиненным, что все они зависят друг от друга: «Никто не требует, чтобы вы обещали Золотые горы, Вы скажите то, что Вы можете сделать, и что для этого нужно. Давайте честно драться за это и выправим положение»⁹². Нарком легкой промышленности Любимов тоже побуждал своих подчиненных работать единым фронтом (1 ноября 1933 г.):

Совершенно правильно... что надо рассчитывать даже, какое сырье вы будете употреблять, какие красители, и скандалить вовсю, вместе с нами скандалить, не так, как делают наши товарищи, – не заходя в наркомат, бегать по всем организациям – в РКИ, МК и проч., а через наркомат, вместе с наркоматом⁹³.

Нарком или начальник главка регулярно перераспределяли плановые задания и ресурсы между своими подчиненными. Главкам и предприятиям, несмотря на их сопротивление, приказывали компенсировать невыполнение плана другими главками и предприятиями внутри наркомата или главка соответственно. НКТП приказал «донорам» увеличить поставки для Луганского паровозостроительного завода с целью его пуска в срок и для Мариуполь-

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 5. Д. 2. Л. 12–13.

⁸⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 84. Л. 6–8.

⁸⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 84. Л. 9.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 84. Л. 3.

⁹⁰ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 44. Д. 1. Л. 310.

⁹¹ Там же.

⁹² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 10. Л. 15.

⁹³ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 169. Л. 4.

ского металлургического завода, чтобы последний мог увеличить поставки Харьковскому паровозостроительному заводу⁹⁴.

Напоминания наркома о том, что «все мы в одной лодке и должны помогать друг другу», встречали жесткий отпор со стороны главков. И ГУМП и Главспецсталь (Главное управление спецстали) производили мартеновские слитки и поставляли друг другу металлические изделия. ГУМП был назначен «плановиком» мартеновских слитков как крупнейший производитель этого вида продукции. Спор ГУМП и Главспецстали по поводу производственного плана и плана поставок на второй квартал 1937 года был лишь одним из многих. Главспецсталь информировала ГУМП о том, что Запорожсталь не может поставить предприятиям ГУМП мартеновские слитки, поскольку «баланс металла на Запорожстали... складывается крайне неприятно» и эти слитки нужны самой Запорожстали для дальнейшего выполнения плана⁹⁵. ГУМП послал НКТП протест, заявив, что Главспецсталь регулярно не выполняет свои плановые обязательства и что «Главспецсталь творит произвол в... отгрузке металла», распределяя слитки преимущественно между своими собственными предприятиями. Более того, ГУМП напомнил НКТП о привычке Главспецстали добиваться более низких плановых заданий для собственных предприятий за счет более высоких плановых заданий для ГУМП⁹⁶. 31 октября 1937 года ГУМП пришел к выводу, что может составлять планы только для своих собственных заводов:

В свое время, когда ГУМП объединял все заводы черной металлургии, на него было возложено планирование металлургических цехов машиностроительных заводов (малая металлургия). В настоящее время в связи с тем, что из состава ГУМПа часть заводов черной металлургии выделилась в самостоятельные главки (Главспецсталь, Главтрубосталь) и почти все заводы малой металлургии выделились в другие наркоматы, в дальнейшем ГУМП будет планировать только производство заводов, непосредственно ему подчиненных⁹⁷.

Несмотря на гнев ГУМП в отношении других главков, сам он тоже часто не выполнял обязательства по поставкам предприятиям других главков НКТП. Орджоникидзе особо выделил одного из сотрудников ГУМП: «В ГУМПе был Дукаревич абсолютно гнилой и

разложившийся человек. Когда к нему приходили люди за снабжением, он только отвечал: ничего у нас нет, ничего дать не можем»⁹⁸.

Горизонтальные сделки

Горизонтальные сделки предлагали решение проблемы неэффективного распределения ресурсов, возникавшей в силу того, что снабженцы отдавали предпочтение потребителям внутри своего наркомата или главка. Если внешняя организация (например, в случае ГУМП машиностроители) требовала больше стали и могла использовать ее лучше, чем производитель стали, она могла заключить неформальную сделку с производителем стали, что могло улучшить эффективность распределения ресурсов. Производитель машиностроительной продукции, например, мог предложить производителю стали лучшее оборудование или строгое соблюдение сроков выполнения поставок в обмен на большие поставки стали. Если в результате снабжение улучшалось, оба производителя (и сталелитейщик и машиностроитель) могли больше внимания уделять выпуску своей основной продукции, что вело к сокращению завышенных заявок на производственные ресурсы⁹⁹.

Гигантские непромышленные министерства, такие, как Народный комиссариат путей сообщения, Гулаг НКВД (самая крупная строительная организация) и Народный комиссариат снабжения, руководивший производством готовых потребительских товаров, были конкурентами НКТП и НКЛП в борьбе за ресурсы. Снабжение и поставки должны были быть сбалансированы не только в промышленности, но и в транспорте, торговле и строительстве. Горизонтальные сделки между разными ведомствами редко фиксировались в письменном виде. Тем не менее, у нас есть информация по спорам НКТП с другими наркоматами и двухмесячная переписка НКТП с НКЛП (май–июнь 1934 г.) по этим вопросам. То, что писем, которыми обменялись НКТП и НКЛП, было совсем немного (меньше десятка за два месяца), наводит на мысль о том, что существовали веские причины, ограничившие число взаимных межведомственных претензий. Наркоматами заведовали лидеры общесоюзного масштаба (такие, как Орджоникидзе, Микоян и Каганович), и неразрешенные споры между ними передавались непосредственно в Политбюро или СНК. Все, кроме Орджоникидзе,

⁹⁴ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 5. Л. 310.

⁹⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 11.

⁹⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 9–10.

⁹⁷ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3561. Л. 30.

⁹⁸ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 106. Л. 1.

⁹⁹ Linz S., Martin R. Soviet Enterprise Behavior Under Uncertainty // Journal of Comparative Economics. 1982. Vol. 6. № 1. P. 24–36.

хотели избежать репутации смутьяна. Конфликтующие стороны не могли знать наперед, кто выиграет спор, а терпение Политбюро тоже имело пределы. Поэтому мы предполагаем, что к разрешению споров в административном порядке стороны старались прибегать лишь в крайнем случае, предпочитая неформальное разрешение конфликтов¹⁰⁰. Когда НКЛП не смог достичь компромисса с НКТП по вопросу поставок оборудования, нарком НКЛП Любимов послал Сталину и Молотову жалобу: «Несмотря на все мои нажимы на НКТП, я не мог добиться выделения этого оборудования в сроки, обеспечивающие ввод в эксплуатацию вышеупомянутых строок в установленные сроки»¹⁰¹. Архивы не сохранили ответ Сталина или Молотова Любимову, тем не менее это письмо, по крайней мере, показывает формат жалоб высшего уровня. Сторона, подающая жалобу, должна была доказать, что перед тем, как передавать дело в высшие инстанции, ею были предприняты все возможные меры.

Неформальные соглашения были делом вполне обыденным: неформальное решение проблемы в стиле «услуга за услугу» отражено в письме наркома легкой промышленности Любимова к Орджоникидзе, написанном в июне 1934 года. Один из заводов НКТП должен был поставить два вакуумных насоса тресту НКЛП в первом квартале, но НКТП попросил об отсрочке до сентября. Любимов просил Орджоникидзе, чтобы тот приказал своему заводу вовремя осуществить доставку, утверждая, что эти помпы были необходимы для завершения строительства Балахнинского завода, который производил сульфатцеллюлозные экстракты, необходимые как НКЛП, так и НКТП. НКЛП не смог выполнить последний заказ НКТП на сульфатцеллюлозные экстракты, но, если насосы будут доставлены вовремя, НКТП непременно получит свой заказ¹⁰². Другая сделка между НКТП и НКЛП имела более изощренную форму и требовала наличия

¹⁰⁰ Белова и Грегори описали несколько случаев, когда споры между руководителями высшего уровня были разрешены в административном порядке. Конфликтующими сторонами в описанных спорах были промышленные наркоматы и Госплан или Наркомфин. Процедура разрешения споров состояла из формирования согласительной комиссии, в которую входили представители спорящих сторон. Комиссия разрабатывала решение, приемлемое для обеих сторон. Как правило, в подобных спорах выигрывали промышленные наркоматы. Belova E., Gregory P. Dictators, Loyal and Opportunistic Agents. P. 275–276.

¹⁰¹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 291. Л. 4.

¹⁰² Разрешение конфликтов, возникавших между предприятиями одного главка, поручалось начальнику главка. Подобные конфликты должны были решаться внутри организации, не передаваясь в арбитражные инстанции. Главки не хотели «выносить сор из избы».

доверия между сторонами. В мае 1934 года НКЛП запросил у НКТП дополнительные материалы на реконструкцию Батуринского химического завода. НКЛП попросил помощи у НКТП, обещая взамен прекратить создавать НКТП проблемы по поводу будущих поставок химической продукции, как только завод будет построен¹⁰³. Таким образом, НКЛП предлагал сделку, которая могла быть реализована только в течение довольно длительного периода.

Конфликт между НКТП и наркоматом путей сообщения обнаруживает еще одну причину, почему предпочтение отдавалось негласным соглашениям. Она заключалась в неуверенности в том, что высшие органы власти смогут решить проблему. В 1934 году наркомат путей сообщения подал заявку на получение 46 600 тонн металла для мостов; НКТП предложил половину запрошенного объема. СНК поддержал НКТП, существенно уменьшив заявку Народного комиссариата путей сообщения¹⁰⁴. Когда же НКТП не поставил потребителям даже этот, меньший объем металла, СНК отклонил его просьбу (21 ноября 1934 г.) об отсрочке осуществления поставок и потребовал наказать виновных: «Просьбу т. Пятакова отклонить. Поручить КСК [Комиссия советского контроля] установить виновных в срыве постановления СНК»¹⁰⁵. Несмотря на однозначный приказ СНК, в результате последующих переговоров НКТП получил требуемую отсрочку¹⁰⁶. Возможно, у НКТП действительно не было металла, который он мог бы поставить наркомату путей сообщения, тем не менее примечательным является тот факт, что СНК не смог заставить свой крупнейший промышленный наркомат выполнить прямой приказ.

Спор, возникший в 1935 году между НКТП и НКВД (Народным комиссариатом внутренних дел) из-за строительства жилого поселка, решался самими конфликтующими сторонами. Поселок был построен НКТП во время строительства Ярославского гидроузла, однако незавершенное строительство было передано в руки НКВД¹⁰⁷. Все ресурсы строительства: оборудование, транспортные и другие технические средства – следовало передать НКВД. Однако НКТП выразил несогласие с такой постановкой вопроса, среди прочего предложив «выстроенный поселок гидроузла пере-

¹⁰³ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 453. Л. 12.

¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 27. Д. 92. Л. 24.

¹⁰⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 689. Л. 20.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 689. Л. 1–3.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 433. Л. 6–8.

дать Ярославскому резиновому комбинату, который очень нуждается в жилплощади»¹⁰⁸. К тому времени как Комиссия советского контроля, которой было поручено разбирательство этого вопроса, начала свою работу, НКТП и НКВД уже успели найти компромисс, и дело было закрыто.

На уровне главков можно найти еще больше свидетельств горизонтальных сделок. В постановлении по отчету отдела сбыта металлов ГУМП приходит к выводу, что «фактически сам потребитель с многочисленным штатом толкачей руководил аппаратом отдела сбыта»¹⁰⁹. ГУМП приходилось усиленно препятствовать присвоению материалов подчиненными трестами и предприятиями. 27 августа 1937 года ГУМП сообщал, что «имели место случаи, когда конторы расходовали по своему усмотрению без согласия отдела сбыта металл, прибывший на склады контор или Снабсбытов в броню отдела сбыта, несмотря на специальную оговорку в наряде-заказе», и что «обычно отдел сбыта о поступлении металла в его броню узнает с запозданием и случайно, несмотря на наличие в наряд-заказах просьбы известить о прибытии»¹¹⁰. Поскольку подобные неофициальные сделки производились без огласки, у нас нет достаточной информации о них. Но мы знаем наверняка, что толкачи представляли существенную статью расходов организаций снабжения и предприятий, которую приходилось скрывать за другими расходными статьями. Толкачам платили надбавки даже за осуществление плановых поставок. Это говорит о том, что толкачи были необходимы также и для того, чтобы заставить поставщиков поставить предусмотренные планом материалы¹¹¹.

Дробление наркоматов и главков

Как показывает исторический опыт, административно-командная экономика может быть организована либо по отраслевому, либо по территориальному принципу. В течение почти всего периода советской истории доминировал отраслевой принцип. Подобная организация означала, что заказы на продукцию и по-

ставки произведенной продукции исходили от промышленных министерств и их отраслевых главков. В начале 1930-х годов существовало лишь одно промышленное министерство – Высший совет народного хозяйства, в конце периода (в 1941 г.) – промышленных наркоматов было уже двадцать два¹¹². В 1932 году в состав НКТП входило тринадцать главков, а в 1938 году их было уже тридцать четыре. С редким постоянством, начиная с 1930-х годов вплоть до самого развала Советского Союза, диктатор поддерживал процесс дробления ведомств и противостоял созданию наркоматовских «империй».

Орджоникидзе угрожал отставкой из-за разделения ВСНХ на три наркомата, и тем не менее разделение состоялось. В 1935 году СНК отклонил запрос НКТП о создании собственного независимого отдела снабжения на том основании, что это ведет к созданию «неконтролируемых» организаций¹¹³. Так же была отклонена заявка НКТП на передачу под его контроль небольшого парка локомотивов в качестве внутризаводского транспорта его крупнейших предприятий¹¹⁴. XVII съезд партии, состоявшийся в 1934 году, несмотря на сильную оппозицию¹¹⁵, передал часть предприятий из подчинения всесоюзных наркоматов в подчинение республиканским наркоматам. СНК даже отклонил запрос НКТП, поданный 2 июня 1935 года, о прикреплении к нему заводов, выполняющих военные заказы, из так называемого «списка 68», которые находились в ведении Народного комиссариата местной промышленности РСФСР¹¹⁶. Даже рассматривая незначительные споры, правительство постоянно действовало таким образом, чтобы предотвратить усиление одной организации за счет другой, как, например, в случае спора о возвращении студен-

¹¹² Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom. P. 24.

¹¹³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 99.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 66.

¹¹⁵ В ведении крупнейших наркоматов, таких, как НКТП и НКЛП, оставались крупнейшие предприятия, на которых они и должны были сконцентрировать свое внимание. Республиканские СНК, например СНК Украины, претендовали на предприятия, принадлежавшие союзным наркоматам. Окончательный список предприятий, которые должны были перейти в ведение республиканских и местных органов, вызвал бурный протест со стороны наркоматов, особенно со стороны НКЛП и Народного комиссариата лесной промышленности. НКЛП пытался опротестовать передачу Полиграфического института в ведение РСФСР, утверждая, что этот институт имеет всесоюзное значение. Наркомлес оспаривал передачу некоторых предприятий, ссылаясь на то, что они являются довольно крупными, имеют хорошо подготовленные кадры и производят продукцию на экспорт (ГАРФ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 402. Л. 4, 11–13, 24–45, 30, 39).

¹¹⁶ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 20.

¹⁰⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 433. Л. 3–5.

¹⁰⁹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3568. Л. 336–345.

¹¹⁰ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3415. Л. 76.

¹¹¹ Так, например, Ростовская снабженческая контора платила своим толкачам дополнительно 6 рублей за каждую поставку металлопродукции, если она составляла 80 процентов установленного объема, и 12 рублей за каждую поставку низкокачественного металла, плюс служебные расходы в размере средней заработной платы. По этому вопросу см.: Belova E. Economic Crime and Punishment. P. 140.

ческого общежития, перешедшего от НКТП НКЛП, что вызвало неповиновение со стороны НКТП¹¹⁷.

Дробление министерств и главков усиливало проблему снабжения «мы-и-они». Шансы на своевременное получение материалов и оборудования по официальным каналам были неплохими лишь в том случае, если продукция производилась в пределах той же организации, например в пределах того же главка. Чем «дальше» находился поставщик, скажем, в другом главке или даже в другом наркомате, тем меньше было шансов получить необходимые ресурсы, если, конечно, в дело не вмешивались вышестоящие органы власти. Проблема снабжения, усиленная дроблением организаций, могла быть решена одним из трех способов. Во-первых, производитель мог инвестировать в патрона, который мог бы приказывать чужим организациям обеспечить необходимые поставки. В частности, такой подход проявлялся в целом ряде вмешательств в вопросы снабжения, которые обсуждались ранее в этой главе. Соответственно государственные и партийные руководители были приговорены к бесконечному рассмотрению обращений, заявок и жалоб (см. главу 3). Вторым путем решения проблемы нежелания чужих предприятий обеспечить необходимые поставки были горизонтальные сделки. Несмотря на то что они не были санкционированы вышестоящими органами, горизонтальные сделки могли исправить ошибки нерационального распределения ресурсов, и, как было отмечено выше, управленцы фактически имели негласное указание следовать этим путем – никто не задавал никаких вопросов. Третий путь – это самоснабжение или автаркическое производство; а именно создание интегрированной производственной структуры, которая, например, позволяет производителю добывать свое собственное сырье, изготавливать собственную продукцию и поставлять ее в своих собственных товарных вагонах. Дэвид Граник (David Granick) продемонстрировал крайнюю автаркичность советской промышленности¹¹⁸. В отличие от рыночных экономических систем, в которых фирмы отличаются специализацией, советские предприятия были в высшей степени не специализированы. Машиностроительные предприятия производили свой собственный металл, а металлообрабатывающие предприятия занимались машиностроением. Когда производители ущемляли в поставках предприятия, подчиненные другим главкам и наркоматам, те в ответ самостоятель-

но начинали обеспечивать себя необходимыми ресурсами. Если производитель продукции машиностроения не может положить-ся на производителя металла в вопросе поставок стали, ему приходится производить свою собственную сталь. Таким способом он повышает вероятность получения поставок, но при этом утрачивает преимущества специализации и не получает экономии за счет масштабов производства, то есть лишается того, за счет чего, по утверждению Адама Смита, обеспечивается «благополучие нации».

В рыночных экономических системах степень специализации определяется сравнительными преимуществами и транзакционными издержками. При низких издержках на организацию рыночной операции предприятия будут специализироваться на выпуске той или иной продукции и приобретать необходимые материалы, запчасти и пользоваться транспортными услугами других фирм-поставщиков, получая преимущества специализации. В некоторых случаях, например, когда поставщики должны производить продукцию, которая подходит лишь одному покупателю, может возникнуть нежелание специализироваться, тем не менее в большинстве случаев беспокойство по поводу надежности поставщиков не ведет к автаркии в вопросах производства¹¹⁹. В советской административно-командной экономике беспокойство по поводу надежности цепи поставок было настолько сильным, что предприятия становились автаркическими, жертвуя преимуществами специализации. Автаркические тенденции производителей при административно-командной системе были основным источником экономической неэффективности.

Выводы

Предприятия, под руководством главков и наркоматов, производили валовый продукт советской административно-командной экономики. И предприятия, и главки и наркоматы несли ответственность за конечные результаты; таким образом, мы классифицируем их как производителей, или «хозяйственников», если использовать советский термин. Архивные документы, характеризующие работу народных комиссариатов, совершенно однозначно развенчивают миф о согласии между плановиками и производителями, и это при том, что некоторые производители

¹¹⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 100.

¹¹⁸ Granick D. Soviet Metal Fabricating and Economic Development. Madison: University of Wisconsin Press, 1967.

¹¹⁹ См., например: Joskow P. Contract Duration in Long Term Contracts: Empirical Evidence from Coal Markets // Case Studies in Contracting and Organizations / Ed. by S. Masten. New York: Oxford University Press, 1976. P. 104–129.

являлись влиятельными членами Политбюро. Несмотря на то что наркоматы и главки большей частью работали в отсутствие оперативных правил, руководители всех организаций отвечали за результат. И хотя начальники могли свалить вину на кого-то другого, они всё равно не могли полностью избежать ответственности. Необходимость выполнения плана ставила наркомат и диктатора перед нелегким выбором. Руководители предприятий могли выполнить свои плановые обязательства только за счет участия в горизонтальных сделках, которые подрывали власть диктатора. Сталкиваясь с подобным выбором, наркомат настаивал на выполнении плановых обязательств «любыми средствами и любой ценой». Те, кто игнорировал подобный совет, считались плохими руководителями.

Если бы эффективность того или иного института оценивалась по частоте выполнения приказов центра, то наркоматы и главки получили бы неудовлетворительную оценку. Конфликт принципал–агент между диктатором и наркоматом был постоянным и острым. Производственные возможности утаивались, заявки на ресурсы завышались, а информация скрывалась, даже несмотря на то, что тремя крупнейшими наркоматами руководили члены Политбюро. «Борьба за план» показывает «централизованное управление ресурсами» Залески в действии: постоянное перераспределение ресурсов в результате петиций, жалоб и произвольных изменений. Самой слабой стороной системы было снабжение. Большая часть борьбы происходила в сфере снабжения, а не производства. Наркоматы и их отделы снабжения не справлялись с вопросом нахождения материального баланса на практике; число работников наркоматов, занятых проблемами снабжения, не уступало или даже превосходило количество служащих, занятых вопросами производства. По сути, широко разрекламированные материальные балансы составлялись наркоматами, а не Госпланом или другими государственными организациями. Экономические агенты в первую очередь обеспечивали сами себя и лишь потом предприятия, подчинявшиеся другим главам и наркоматам, если до удовлетворения их заявок вообще доходило дело. С дроблением наркоматов на более мелкие организации проблема снабжения «мы-и-они» усиливалась, вынуждая экономических агентов защищать себя путем создания авторитарных производственных структур.

Наше описание осуществления материальных балансов на практике – еще один гвоздь, забитый в гроб концепции «научного планирования». Снабженцы работали, основываясь главным

образом на интуиции, совершенно ясно осознавая, что предприятия завышали заявки на производственные ресурсы. Абсурдность сложившейся ситуации показывает тот факт, что предприятия выполняли поставленные перед ними производственные задачи даже при пятидесятипроцентном снабжении от запрошенных производственных ресурсов. Некое подобие порядка обеспечивалось сердитыми окриками-приказами вышестоящих органов обеспечивать в первую очередь снабжение приоритетных заводов тяжелой промышленности, оборонных предприятий и важнейших строек. Но даже правящая элита не могла добиться поставок материалов в том количестве и в те сроки, в которые она приказывала их поставить (вспомним хотя бы историю спора между НКТП и НКПС, приведенную в этой главе). Наркомат и его предприятия поддерживали тонкий баланс в своих внутренних взаимоотношениях. Наркомат должен был найти оптимальную степень «жесткости», для того чтобы выжать из предприятий максимум продукции, не ставя при этом перед ними невыполнимых заданий. Невыполнение планов предприятиями, если оно происходило в широких масштабах, означало невыполнение плана наркоматом.

Можно предложить три объяснения последовательно проводившейся политики дробления органов управления промышленностью. Диктатор–«научный плановик» или «оседлый грабитель» мог проводить такую политику, чтобы решить вопрос технической эффективности. Поскольку технологии и структура производства различаются, производство продукции с использованием разных технологий должно и управляться по-разному. Технология производства алюминия отличается от технологии производства стали. Как только алюминий становится важен, его производство должно быть передано под управление отдельной организации. И в самом деле, предприятия новых главков, отделившихся от ГУМПа (который изначально объединял всех производителей металлургической промышленности), таких, как Главное управление по цветным металлам, золоту, платине и редким элементам, выделившееся в 1931 году, Главное управление качественных сталей и ферросплавов, выделившееся в 1937 году, использовали различные технологии. Мы не можем судить о том, до какой степени технологический фактор влиял на создание новых главков в наркоматах, тем не менее архивные документы оставляют впечатление, что определенные виды продукции сами по себе обуславливали создание самостоятельных управленче-

ских единиц, так же как некоторые группы товаров (например, текстиль) способствовали созданию отдельных министерств.

Диктатор, нацеленный на максимизацию власти, должен был опасаться концентрации власти в чьих-либо руках. Высший совет народного хозяйства, руководивший практически всеми промышленными предприятиями, неизбежно стал бы столь же могущественным, как и Политбюро, что было неприемлемо даже в том случае, если бы его возглавил верный член партии. Тот факт, что Народный комиссариат тяжелой промышленности самостоятельно руководил промышленным производством, уже представлял известную опасность. Страх диктатора, нацеленного на максимизацию власти, перед концентрацией экономической власти объясняет его упорное и настойчивое противодействие всяким попыткам создания промышленных «империй».

У диктатора, нацеленного на максимизацию власти, могла быть и еще одна причина для дробления органов управления промышленностью. «Диктатор-эгоист» укрепляет власть за счет подкупа политических лидеров, предлагая последним определенные выгоды, в том числе и быстрое продвижение по служебной лестнице¹²⁰. Но при ограниченном количестве постов высокого ранга (и при том, что никто не уходит на пенсию) обещания служебного продвижения не имеют особой ценности и верность может ослабнуть. Создание новых наркоматов и главков увеличивает количество ответственных постов. Пост наркома предполагал ряд привилегий, одинаковых и для «старых» и для свежиспеченных наркомов. Более того, новоявленный нарком получал возможность действовать независимо и создавать свою собственную базу власти. Бывшие заместители Кагановича редко противоречили своему наркому, но стоило им возглавить собственные наркоматы, как они тут же начали с ним спорить. Дробление НКТП, руководившего приоритетными, с точки зрения власти, промышленными предприятиями, происходило гораздо быстрее, нежели дробление НКЛП. *Можно предположить, что «подарки» в виде постов в тяжелой промышленности были наиболее ценными, что вело к «быстрому» дроблению НКТП.* То, что подчиненные противостояли разукрупнению своих организаций, означает, что вследствие дробления они теряли нечто ценное. Архив НКЛП дает пример одного из таких эпизодов борьбы за власть из-за доходов: 23 июня 1932 года объединение Союзкино послало про-

тест непосредственно Сталину и Кагановичу по поводу того, что НКЛП попытался ликвидировать Союзкино, создав вместо него управление НКЛП, и передать деньги, выделяемые киноотрасли, другим отраслям. НКЛП назвал жалобу абсурдной, отрицая, что был заинтересован в деньгах, и утверждая, что Союзкино попросту противилось какому-либо внешнему контролю¹²¹.

В 1930-е годы НКТП возглавляли три весьма разных наркома или, говоря языком Берлинера, «жокея»: Орджоникидзе – крупный представитель правящей элиты с неистовой жадностью независимости; Межлаук, занимавший пост наркома очень недолгое время, плановик и технократ; наконец, Каганович, одна из ключевых политических фигур сталинской системы, добившийся своего положения, играя роль лакея Сталина. Несмотря на все их различия, управляя наркоматом, они использовали одинаковые методы, и это при том, что наркомат функционировал в основном на основе неофициальных правил. Таким образом, создается впечатление, что «жокей» не имел особого значения. Более того, «жокеи» в основном копировали поведение своего начальства. Каждая организация имела структуру и действовала по образу и подобию вышестоящего органа. Во время сталинского Большого террора 1937–1938 годов практически все «жокеи» были уничтожены и на их место пришли новые, более молодые и мобильные лидеры, однако это не повлекло за собой существенных изменений в работе системы. Эти факты достаточно убедительно говорят в пользу того, что жокей не играл особой роли.

¹²⁰ Lazarev V. Evolution of the Soviet Elite and Its Post-Communist Transformation. Conference «Initial Conditions and the Transition Economy in Russia». University of Houston, Houston, Texas, April 19–21, 2001. P. 3–17.

¹²¹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 129. Л. 15.

Глава 8

ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ

На заседании комиссии по транспорту выяснилось, что НКПС [Народный комиссариат путей сообщения] совершенно не знает плана, хотя даже и при нынешней системе он должен был бы знать.

Письмо Кагановича Сталину от 30 августа 1933 г.¹

Мы протестуем против чрезмерно частых изменений плана на 3 квартал по цеху рельсовых скреплений [в течение июня – июля месяца 1937 г. программа менялась 6 раз]. Такие задания совершенно дезориентируют завод и ведут к срыву выполнения плана.

Письмо директора Макеевского металлургического завода им. С.М.Кирова Трахтера в ГУМП от 22 июля 1937 г.²

То, что мы поместили оперативное планирование почти в конец книги, может показаться весьма странным, ведь планирование было одним из трех ключевых принципов административно-командной системы. Мы уже затрагивали некоторые аспекты планирования. Как было показано, долгосрочное планирование играло скорее мотивационную роль, нежели в самом деле определяло распределение ресурсов (см. главу 5). Глава 3 объясняет, почему Сталин так сильно не доверял специалистам-плановикам, и обвинял их в превращении Политбюро в «совет старейшин», принимающий лишь общие решения, и почему соперник Сталина Троцкий считал необходимым наделить полномочиями в области распределения ресурсов специалистов, а не членов партии. Предыдущие главы подтверждают справедливость критики Залески в отношении теории «научного планирования»: в главе 6 показаны борьба между Госпланом и экономическими наркоматами за обладание информацией, необходимой для планирования, произвольное изменение планов, борьба за предельно обобщенные планы, наркоматовская практика двойного планирования и несо-

¹ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 321.

² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 5–7.

ставления планов как таковых, прямое дезинформирование плановиков. «Научное планирование» было нежелательно и с политической точки зрения. Урок чистки Госплана 1929 года состоял в том, что тех, кто ставил балансы выше темпов развития, наказывали³. В главе 7 речь шла об «оппортунизме» производителей, об их попытках добиться от центра более легких планов, а также о хаотичности системы планового снабжения.

В начале 1930-х годов структура управления советским народным хозяйством была относительно проста. Основную роль в ней играли три промышленных наркомата (тяжелой, легкой и лесной промышленности) и три крупных непромышленных наркомата (путей сообщения, снабжения и НКВД с его Главным управлением лагерей). Различные республиканские и областные организации управляли предприятиями республиканского и местного значения. Увеличение числа наркоматов, региональных органов управления и главных управлений в 1930-е годы требовало составлять планы для все более сложной административной структуры. В начале 1950-х годов на общесоюзном уровне планы приходилось составлять для пятидесяти двух различных учреждений⁴, а количество устанавливаемых центром плановых показателей немного не дотягивало до десяти тысяч⁵. Если взять только эти 52 «планируемые» организации, то это означает, что в год нужно было составлять 260 годовых и квартальных планов, что вовлекало плановиков фактически в водоворот бесконечного планирования.

Любая экономическая система, распределяющая ресурсы в административном порядке, а не при помощи рынка, должна решить проблему планирования материальных балансов, которую мы обсудили в седьмой главе. Независимо от избранной модели планирования, производство не может осуществляться без производственных ресурсов. Для того чтобы выпускать продукцию машиностроения, необходима сталь; заводы невозможно построить без строительных материалов; сталь невозможно производить без руды и кокса. Таким образом, план должен представлять собой план производства и план использования произведенной продук-

³ Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 118–120.

⁴ План инвестиций включал пятьдесят две отдельные государственные организации. Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 183.

⁵ Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 486.

ции в качестве ресурсов. План не мог просто устанавливать объемы производства в надежде на то, что будет достаточно ресурсов для производства запланированных объемов. В идеале, план должен был представлять собой последовательный и согласованный баланс. В рыночной экономике последовательность и согласованность обеспечивается с помощью рыночного ценового механизма: товары получают лишь те, кто согласен платить рыночную цену. Если строительная компания не имеет достаточно ресурсов на покупку строительных материалов, она попросту не построит завод. Предложение будет равняться спросу. В административно-командной экономической системе подобная согласованность должна достигаться при помощи административных распоряжений.

Два образа плановиков

В то время как история диктатора – это история Сталина, а история промышленных наркоматов – это история Орджоникидзе, у Госплана две различные истории. Одна – история его профессиональных партийных руководителей, вторая – история его технических специалистов. В.В. Куйбышев, председатель Госплана с 1930 по 1934 год, представляет собой первый «образ» Госплана. Куйбышев вступил в партию в 1904 году и принадлежал к когорте «старых» большевиков. Он занимал большое количество должностей вплоть до самой своей смерти в 1935 году: член Политбюро с 1927 года, председатель Центральной контрольной комиссии с 1923 по 1927 год, председатель ВСНХ с 1927 года до назначения на пост главы Госплана в 1930 году. С 1934 года и до своей смерти Куйбышев возглавлял Комиссию советского контроля. Сам он был не столь внушителен, как его анкетные данные. Он злоупотреблял спиртными напитками, не умел противостоять давлению и неоднократно просил освободить его от должности председателя Госплана. Отзывы о Куйбышеве были далеки от хвалебных. Сталин предупреждал Молотова (12 сентября 1933 г.), что не стоит очень полагаться на Куйбышева, поскольку «Куйбышев может запить»⁶. В конфликтных ситуациях Куйбышев быстро терял самообладание. Каганович цитирует Куйбышева в письме к Сталину (12 августа 1931 г.): «Если взаимоотношения Серго с Молотовым не удалось урегулировать, то со мной наверняка не удастся, ведь вся история [конф-

ликт Серго–Молотов]... кончилась торжеством и победой Серго, ведь он обратно своих слов не взял»⁷. Куйбышев организовывал технические комиссии, которые подготавливали пятилетние, годовые и квартальные планы. Он был связующим звеном между Госпланом и Политбюро. В частности, заседания Политбюро, созданные с целью обсуждения планов, откладывались, если на них не присутствовал Куйбышев⁸. Куйбышев превратил Госплан из «мозгового центра», в котором работали ведущие специалисты по вопросам планирования, в орган, состоящий из партийных назначенцев. Госплан превратился в нечто вроде группы поддержки амбициозных планов. По этому поводу один из основателей Госплана высказался в том смысле, что лучше «стоять» за более высокие планы, чем «сидеть» за реальные⁹.

В.И. Межлаук, заместитель Куйбышева с 1931 по 1934 год и председатель Госплана с 1934 по 1937 год, представляет собой образ плановика-профессионала, второй «образ» Госплана. Именно Межлаук создал советскую систему планирования и распределения ресурсов и написал книгу «О плановой работе и мерах её улучшения». Он считается «главным теоретиком методов административного планирования»¹⁰. Межлаук был ответственным редактором газеты «За индустриализацию». Планы в период с 1931 по 1937 год подписывались Межлауком, снабжавшим их комментариями. Его самой высокой партийной должностью стала должность члена ЦК. Юридическое образование Межлаук получил в Харьковском университете в 1917 году, в том же году он вступил в партию. Он говорил на нескольких европейских языках, знал латынь и греческий. У него были боевые заслуги, связанные с эпизодом, когда он вывез ценности из Госбанка Украины в Москву во время отступления Красной Армии. По окончании гражданской войны, в начале 1920-х годов, он занимал посты комиссара ряда железных дорог, работал в наркомате путей сообщения, затем в ВСНХ, в том числе занимал должность начальника Главметалла ВСНХ. Политбюро дважды направляло его на обучение в США и Европу, он входил в состав коллегии Советско-американского совета по обмену экономическими исследова-

⁷ Сталин и Каганович. Переписка. С. 42.

⁸ Там же. С. 40.

⁹ Замечание С.Г. Струмилина цитируется по: Carr E., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Vol. 1. London: MacMillan, 1969. P. 886.

¹⁰ Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М.: Вече, 2000. Статья «Межлаук».

⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 133.

ниями¹¹. В 1937 году он немногим более полугода занимал пост наркома тяжелой промышленности. В декабре 1937 года был арестован и расстрелян в июле 1938 года.

Разительный контраст между плохо образованным партийным бюрократом Куйбышевым и блестяще образованным Межлауком символизирует два полюса самого Госплана, две альтернативы его развития: Госплан мог стать организацией, разрабатывающей планы в соответствии с формальными правилами, или же превратиться в организацию, слепо исполняющую партийные директивы, причем даже в тех случаях, когда они противоречат экономической логике.

Планирование и модели диктатур

Четыре модели диктатур, описанные в первой главе, предусматривают различный подход к планированию. Диктатор-«научный плановик» будет довольствоваться тем, что сам он устанавливает лишь общие принципы, передавая вопросы составления материальных балансов Госплану. Госплан будет использовать «научные» коэффициенты для определения заявок производителей (например, сколько стали необходимо для рационального производства одной единицы продукции машиностроения). При составлении планов снабжения Госплан будет соотносить объемы производства и потребления той или иной продукции. Перед тем как издавать обязательные инструкции по поставкам и производству, он будет подгонять производственные ресурсы и произведенную продукцию, пока не уравнивает материальный баланс. Диктатор при этом будет придерживаться принципа невмешательства, передавая управление Госплану. В результате результаты выполнения планов будут близки к запланированным. Вероятно, на раннем этапе плановики могут создавать не очень хорошие планы, поскольку они только учатся и могут допускать существенные ошибки. Тем не менее, со временем качество работы плановиков повысится, а разработанные планы будут выполняться с все большей точностью.

«Оседлый грабитель» будет составлять планы, стремясь достичь оптимальных стратегий экономического развития и роста. «Оседлый грабитель» будет устанавливать объем инвестиций и распределять инвестиции между отраслями, выбирая соотношение цен между сельским хозяйством и промышленностью, и бу-

дет изменять решения, принятые учеными-плановиками, если они противоречат решению задачи экономического роста. Все принимаемые решения будут нацелены на достижение высоких темпов экономического роста и ускоренное развитие. При такой модели политическое вмешательство будет более навязчивым. И тем не менее, плановик будет правой рукой «оседлого грабителя», и в целом разработанные планы будут реализовываться.

А вот для «диктатора-эгоиста» передача полномочий по распределению ресурсов в руки экспертов-плановиков неприемлема. Вместо этого диктатор-эгоист будет самостоятельно разрабатывать как можно больше производственных планов и планов распределения, будучи ограничен лишь своей способностью получить и переработать необходимую информацию (или же позволит Госплану подготавливать лишь первую версию планов), и не будет придавать большого значения сохранению материальных балансов. Производители, сталкиваясь с многочисленными дефицитами, будут вынуждены обращаться к диктатору с просьбами о понижении производственных заданий или о предоставлении большего количества ресурсов, и диктатор будет предпринимать тысячи пересчетов и исправлений, обусловленных в основном политическими соображениями. Этот «диктатор-эгоист» напоминает диктатора из модели Рэймонда Пауэла (см. главу 1), который действует на основании множественных «неценовых сигналов», таких, как телефонные звонки, личные прошения и петиции производителей. «Диктатор-эгоист» будет тщательно следить за всеми планами, подготавливаемыми экспертами, и будет вмешиваться в процесс планирования, если планы не обеспечивают достижения желаемых политических результатов. В этой модели предполагается, что результаты реализации планов на практике будут существенно отличаться (или же вообще не будут иметь никакого отношения) от того, что было изначально запланировано. По сути, возникает вопрос, является ли такая экономическая система плановой, поскольку выполняются лишь те планы, которые не имеют политического значения и, следовательно, не привлекают внимания диктатора.

В модели «групп влияния» или «корпоративного государства» («диктатор-рефери») предполагается, что планирование организовано снизу вверх: группы влияния навязывают планы плановым органам. Производители устанавливают свои собственные производственные планы и несут ответственность за распределение произведенной продукции между своими собственными и «чужими» производителями. Такая модель предполагает мини-

¹¹ См. сайт Международного фонда демократии Александра Яковлева (<http://www.idf.ru>).

мум централизованного координирования; следовательно, все это многообразие отдельных планов будет несогласованным, и реальное распределение ресурсов будет складываться в результате борьбы между группами влияния. В отличие от модели диктатора, нацеленного на максимизацию власти, несбалансированность будет разрешаться не в результате подачи петиций всемогущему диктатору, а скорее путем «горизонтальных» решений, основанных на сравнительной силе конфликтующих сторон. Лишь в совершенно безвыходных случаях стороны будут обращаться к диктатору, играющему роль арбитра. Как и в предыдущей модели, планы не будут выполняться, однако преимущественно из-за слабой скоординированности.

Эти четыре модели различаются по мере согласованности планов и степени делегирования полномочий. «Научный плановик» и «оседлый грабитель» будут стремиться к согласованным планам; в то время как диктатор, нацеленный на максимизацию власти, будет одобрять несогласованные планы, ну а корпоративное планирование попросту не в состоянии произвести сбалансированные гармоничные планы.

Глава 3 показывает информационные ограничения принятия решений любым диктатором. Следовательно, диктатор вынужден делегировать полномочия либо экспертам-плановикам, таким, как Госплан, либо корпоративным группам влияния, таким, как промышленные наркоматы. Избежать делегирования полномочий невозможно во всех четырех случаях. Делегирование может основываться на принципе периодичности (диктатор оставляет за собой составление годовых планов и делегирует полномочия по составлению квартальных), степени обобщения (диктатор составляет агрегированные планы, делегируя вопросы детального планирования) или уровне планирования (диктатор составляет планы для организаций, которые находятся в его непосредственном подчинении, и делегирует подчиненным органам право составления планов предприятий). Независимо от выбранной модели планирования, диктатор нуждается в помощи экспертов для того, чтобы создать согласованный план. По поводу масштабов делегирования полномочий Залески пишет: «Достаточно сравнить количество показателей, которые устанавливались в централизованном порядке (9490 в 1953 году), со списком промышленных товаров (более 20 миллионов), чтобы осознать масштабы полномочий промежуточных инстанций и предприятий»¹². Экс-

перты-плановики находились в лучшем положении, чем диктатор, имея больше возможностей собрать необходимую информацию. Промышленные наркоматы, благодаря их информационным преимуществам, обладали еще более детальными сведениями, но не могли решить проблему согласованности планов. Если бы ответственность за планирование была возложена на Госплан, он мог бы попытаться создать согласованный план для экономики всей страны. Если бы ответственность за планирование была возложена на наркоматы, они бы создавали отдельные планы, не составляющие единого целого. Таким образом, дилемма диктатора заключалась в том, что полномочия по вопросам планирования должны были быть делегированы либо в силу необходимости, либо в силу желания получить согласованный план. Тем не менее, любое делегирование полномочий в вопросах планирования являлось первым шагом по пути, на котором бы диктатор «постепенно утрачивал свою власть»¹³. Если Госплан или наркоматы имеют право решать, кто получит сталь или оборудование, то это означает, что именно они, а не диктатор, обладают властью. Стремясь сохранить власть, советский диктатор должен был бы сопротивляться утрате главного источника своей власти, заключающегося в контроле над ресурсами.

Вероятно, диктатор попытается оставить за собой принятие лишь «наиболее важных» решений, но ранее в этой книге мы показали, что диктатор испытывал трудности в вопросе разграничения существенных и тривиальных вопросов. Высшее партийное руководство постоянно вовлекалось в мелкие споры и решение незначительных проблем. Госплан, несмотря на многочисленные попытки, также не мог выбраться из болота утомительных деталей. Хотя Госплан в 1930-е годы не особо стремился к власти, промышленные наркоматы, напротив, не уклонялись от властных полномочий. В начале 1930-х годов Народный комиссариат тяжелой промышленности производил большинство промышленных товаров, и его возглавлял могущественный член Политбюро Орджоникидзе. Если бы в его руки были полностью переданы полномочия по составлению планов для тяжелой промышленности, это существенно облегчило бы процесс планирования, но было бы равносильно передаче в руки Орджоникидзе практически неограниченной власти в области экономики. Дилемма диктатора была очевидна: планирование необходимо делегировать, но любое делегирование уменьшает власть диктатора. Передача пла-

¹² Zaleski E. Stalinist Planning... P. 486.

¹³ Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: Chicago University Press, 1944. P. 486.

нирования единственному агенту (Госплану) означала бы передачу полномочий в руки экспертов, чья верность режиму вызывала сомнения, и которые руководствовались исключительно экономическими соображениями, а отнюдь не политическими, понятными только диктатору.

Притязания Советского Союза на научное планирование¹⁴ (здесь—первая модель планирования) были подвергнуты сомнению уже давно, начиная с ранних работ Берлинера и Граника о работе советских предприятий¹⁵. Смертельный удар мифу о научном планировании нанесло исчерпывающее исследование Залески о советском планировании в период с 1933 по начало 1950-х годов. Залески показал, что планы в том виде, как они реализовывались, имели минимальное сходство с первоначально утвержденными планами и что распределение ресурсов обеспечивалось скорее теми, кто их контролировал, нежели планами¹⁶. Планы и не должны были быть оперативными. Они являлись «прообразами будущего роста, задавая стратегию развития»¹⁷, и были основаны на чрезмерно оптимистичных допущениях, которые при столкновении с реальностью лопались, как мыльные пузыри. Сбалансированные планы были нереальны: чрезмерно амбициозные планы давали предприятиям право требовать огромные объемы ресурсов, в таких условиях ни один опытный руководитель не стал бы добровольно ограничивать свою заявку на производственные ресурсы. Так как производственные планы основывались на невероятно оптимистичных допущениях, заявки на ресурсы были практически безграничны. Следовательно, лишь те, кто управлял ресурсами, могли бы реализовать первоначально разработанные «материальные балансы», которые, как предполагалось, были основой планирования. Дополнительную сложность представляла несогласованность планов. Пятилетние, годовые и квартальные планы составлялись независимо друг от друга и часто изменялись. По словам Залески, единственной постоянной величиной в системе были органы централизованного распределения ресурсов, которыми являлись Политбюро и СНК. Другие организации, такие, как промышленные наркоматы и главки, по-

стоянно реорганизовывались, и лишь Политбюро и СНК оставались неизменными.

Реальность — сложная штука. Скорее всего, каждая из четырех моделей в некоторой степени описывает реальность. Возможно, «научное планирование» являлось изначальным намерением диктатора, но оказалось неработоспособным в связи с информационными и управленческими проблемами, о которых писали Мизес и Хайек. На практике ни одна из моделей не работала в чистом виде; вопрос состоит в том, какая из моделей наилучшим образом описывает реальность, какая из моделей доминировала? Тот факт, что советская практика планирования была далека от модели «научного планирования», совершенно не говорит о том, какая из трех оставшихся моделей — модель диктатора—«оседлого грабителя», модель «диктатора-эгоиста» или модель групп влияния (модель «диктатора-рефери») — ближе к исторической действительности.

Исследователи советской экономической системы первоначально больше внимания уделяли научному планированию и вопросам планирования развития¹⁸, тогда как в центре исследований современных авторов находятся последние две модели. Так, Питер Рутлэнд (Peter Rutland) разработал модель диктатора-эгоиста, утверждая, что планы составлялись с целью реализации политических задач партии, чьим «главным приоритетом... было осуществить структурные изменения в экономической системе, которые передадут экономическую власть непосредственно в ее руки»¹⁹, и что «сложно представить, каким образом большевистская партия могла бы десятилетиями оставаться единой политической силой, если бы она не приняла на себя обязанности по тщательному руководству повседневной экономической жизнью»²⁰. Пятилетние и ежегодные планы представляли собой символические ритуалы, поддерживающие легитимность системы, выполняя ту же роль, что и первомайские парады на Красной площади.

Питер Беттке (Peter Boettke) и Г. Андерсон (G. Anderson) согласны с тем, что лучше всего описывает реальность модель групп влияния. Они утверждают, что советская экономическая система была на самом деле квазимеркантилистской экономикой, в которой партия «гарантировала» монополию на власть влиятельным

¹⁴ Госплан СССР. Методические указания. М., 1980.

¹⁵ Berliner J. *Factory and Manager in the USSR*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957; Granick D. *Management of Industrial Firms in the USSR*. New York: Columbia University Press, 1954.

¹⁶ Zaleski E. *Stalinist Planning*... P. 484–490.

¹⁷ Ibid. P. 483.

¹⁸ Montias M. *Planning With Material Balances in Soviet-Type Economies* // *American Economic Review*. 1959. Vol. 49. № 5. P. 963–985; Levine H. *The Centralized Planning of Supply in Soviet Industry // Comparisons of the United States and Soviet Economies*. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1959.

¹⁹ Rutland P. *The Myth of the Plan*. LaSalle, Ill.: Open Court, 1985. P. 104, 259.

²⁰ Ibid. P. 241.

политическим фигурам. Эта монополия вела к созданию дистрибутивных коалиций, которые конкурировали друг с другом за прибыль в виде обладания инвестиционными ресурсами или другими материальными или политическими благами. Распределение ресурсов было скорее результатом «горизонтальных» сделок между коалициями, нежели основано на спущенных сверху приказах («bottom down» management) могущественной централизованной партии. Диктатор играл роль рефери в вопросе распределения прибыли между группами влияния²¹. Мансур Олсон соглашается с тем, что плановые экономические системы после окончания начального периода жесткого централизованного контроля становятся добычей дистрибутивных коалиций, которые захватывают и используют ресурсы в своих целях²².

Оперативное планирование

Для исследования того, каким образом планирование осуществлялось на практике, мы используем архивы Народного комиссариата тяжелой промышленности (НКТП) и Народного комиссариата легкой промышленности (НКЛП). Ранние исследования советского планирования, особенно значительными из которых являются работы Залески, основаны на опубликованных источниках. Мы заглянем в кулуары советского планирования и исследуем процесс составления годовых и квартальных планов, использовавшихся производителями, для того чтобы определить, как на практике распределялись ресурсы, *ex ante* (по первоначальному плану) или *ex post* (по факту), и в какой мере в процессе составления планов участвовали диктатор и сами производители. В случаях, когда ресурсы распределялись *ad hoc*, распределялись ли они представителями диктатора, такими, как СНК или Политбюро, или же самими производителями? Были ли планы достаточно стабильны, чтобы производители могли основывать на них свою работу? Или же называть советскую экономику 1930-х годов «плановой» попросту ошибочно?

Пятилетние планы обсуждались на самом высоком уровне. Представляя собой «прообраз будущего роста», они печатались в прессе и обсуждались на съездах партии. Оперативное планиро-

вание, напротив, происходило вне поля зрения посторонних глаз, в отраслевых отделах Госплана, наркоматовских секторах планирования, главках и на предприятиях. Тем не менее, именно эти оперативные планы, борьба за которые велась в «окопах реального производства», составляли основу плановой системы. Если распределение ресурсов в самом деле основывалось на каких-то планах, так это были именно эти годовые, квартальные и ежемесячные планы, составленные вдалеке от посторонних взглядов. Из краткого обзора Залески о квартальном планировании мы можем понять, что оперативное планирование было беспорядочным, нерегулярным, импровизированным и запутанным. Годовые, квартальные и месячные планы были плохо скоординированы, редко составлялись в срок, а информация составлялась с запозданием²³. Наше описание планирования, основанное на архивах наркоматов, столь же запутанно и неоднозначно, в основном по той причине, что сам процесс планирования был таким.

В этой главе мы проанализируем планы и их согласованность на основе архивов наркоматов и главков. Мы исследуем документы, которыми обменивались между собой Госплан, СНК и промышленные наркоматы, наркоматы и главки, главки и предприятия. Эти архивы сохранились неплохо, а планы, будучи «законом», должны находиться среди наиболее важной документации. Таким образом, мы предполагаем, что имеем дело с относительно полным комплексом документов по планированию. Анализ материалов по планированию осложняется нечеткой терминологией, использовавшейся плановиками²⁴. Годовой план обычно назывался промфинпланом, но иногда тот же термин употреблялся, когда речь шла о квартальном плане. Термин техпромфинплан обычно употреблялся по отношению к предприятию и включал в себя множество плановых показателей, в отличие от короткой обобщенной версии плана. Главки, как и наркоматы, как правило, устанавливали предприятиям оперативные планы с заданиями, завышенными по отношению к планам, установленным вышестоящими органами. Стальтрест, например, докладывал ГУМП, что «за первые 5 месяцев текущего года программа ГУМП по стали выполнена по оперативному заданию на 79,8% и госплану на 87,6%»²⁵.

²¹ Boettke P.J., Anderson G. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of the Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93. P. 37–53.

²² Olson M. The Devolution of Power in Post-Communist Societies // Russia's Stormy Path to Reform / Ed. by R. Skidelsky. London: The Social Market Foundation, 1995. P. 9–42.

²³ Zaleski E. Stalinist Planning... P. 500–503.

²⁴ Цифры, задававшие производственные задания и необходимые для их выполнения ресурсы, могли иметь следующие названия: «план», «проект плана», «контрольные цифры», «программа», «лимиты». «Вал» (валовая продукция) мог выражаться как в рублях, так и в натуральных показателях.

²⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3548. Л. 51–54.

Ниже рассматриваются конкретные примеры разработки планов производства металла внутри НКТП и его Главного управления металлургической промышленности (ГУМП), а также примеры разработки планов выпуска различной продукции легкой промышленности внутри НКЛП. То, что в центр нашего исследования мы ставим металлургическую промышленность, объясняется тем, что планы металлургической промышленности утверждались на самом высоком уровне; производством металлов управлял вначале один главк (ГУМП), а затем три главка, входившие в наркомат тяжелой промышленности. Мы можем предполагать, что металлургия (чугун, прокат, спецсталь), учитывая высокую приоритетность ее продукции и пристальное внимание центра к ней, была одной из наиболее тщательно планируемых отраслей. Легкая промышленность планировалась различными главками и региональными управлениями НКЛП. Несмотря на то что приоритетность этой отрасли была ниже, у нее было преимущество менее пристального контроля. Благодаря лучшей сохранности архивов НКЛП у нас есть больше информации о том, как происходил процесс планирования в НКЛП, нежели в НКТП.

Таблица 8.1. *Этапы подготовки годового плана: правительство и наркоматы*

Этап	Сроки	Действия
Первый	июнь–июль	СНК и Госплан разрабатывают контрольные цифры и лимиты будущего плана
Второй	август–октябрь	Экономические наркоматы и ведомства разрабатывают и представляют в Госплан свои предложения по будущему плану
Третий	октябрь–декабрь	Госплан и Наркомфин торгуются с экономическими наркоматами
Четвертый	декабрь–январь	Официальное утверждение плана

Источник: Markevich A., Gregory P. Was the Soviet Economy a Planned Economy? Answer of the Soviet Archives of the 1930s // Zvenigorod International Conference. Zvenigorod, Russia. June 2001; Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 26.

Процесс планирования. В главе 6 мы говорили о том, что сроки составления планов не соблюдались. Наркоматы старались подать Госплану данные как можно позже, и одной из наиболее частых жалоб Госплана была жалоба на то, что наркоматы задер-

живали подготовку планов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что оперативные планы составлялись с существенной задержкой. Составление общесоюзного годового плана (начало планового периода—1 января) проходило четыре основных этапа (см. таблицу 8.1). После того как общесоюзный план был «утвержден», наркоматы должны были спустить «окончательные» планы предприятиям. Таблица 8.2 показывает три основных этапа подготовки планов предприятий. Частое употребление кавычек в отношении слов «утверждение» и «окончательный» будет объяснено ниже.

Таблица 8.2. *Этапы подготовки планов предприятий*

Этап	Сроки	Действия
Первый	октябрь–декабрь	Предприятия подают информацию в главки
Второй	январь–март	Представители главков и предприятий встречаются для утверждения основных показателей будущих планов
Третий	март и позднее	Главки утверждают «окончательные» планы

Источник: Markevich A., Gregory P. Was the Soviet Economy a Planned Economy? Answer of the Soviet Archives of the 1930s // Zvenigorod International Conference. Zvenigorod, Russia. June 2001.

Как показано в таблице 8.1, на «первом этапе» подготовки годовых планов наркоматы участия не принимали. Этим занимались Политбюро, СНК и Госплан. Тем не менее наркоматы не были исключены из этого процесса полностью. В переписке со Сталиным Каганович упоминает встречи с наркоматами, происходившие в те же дни, что и заседания Политбюро, на которых обсуждались годовые и квартальные планы²⁶. Данные Кагановичем описания заседаний Политбюро показывают, что речь на них шла лишь о самых общих плановых показателях, таких, как валовые задания тяжелой и легкой промышленности, общий объем хлебозаготовок или грузоперевозок. Само Политбюро своими постановлениями не устанавливало годовые контрольные цифры по конкретным видам продукции (см. главу 5). В любом случае, на первом этапе определялись важнейшие «контрольные цифры» и «лимиты» (такие, как лимиты капиталовложений), задававшие общие рамки обсуждения и торгов по показателям будущего плана

²⁶ Сталин и Каганович. Переписка. С. 658–659.

между наркоматами и Госпланом, между наркоматами и главками. После первого этапа процесс составления планов фактически заключался в обмене информацией и торге, достигавшем апогея к четвертому этапу. В течение всего процесса планирования Госплан играл ведущую роль. СНК и Политбюро утверждали планы, предложенные Госпланом, после внесения в них своих «исправлений»²⁷. СНК не утверждал производственные планы для отдельных наркоматов в 1930-е годы; в рамках общесоюзного плана утверждались лишь некоторые плановые задания по наркоматам в целом. СНК утверждал финпланы наркоматов в разбивке по главкам и титульные списки наркоматов. Госплан также должен был подготавливать основные материальные балансы, такие, как баланс по металлу, но они утверждались уже после того, как был подготовлен годовой план. В дополнение к годовым планам отдельно могли подготавливаться специальные планы, такие, скажем, как план по черной металлургии.

Таблица 8.3. *Годовое планирование в НКТП в 1932 году на 1933 год*

Дата	Кто и что должен сделать
20 сентября	Главки должны представить в плановый сектор материалы по контрольным цифрам
20 сентября	Главки должны разверстать лимиты по производству и капитальному строительству по предприятиям
23 сентября	Сектора труда, кадров и оргта совместно с главками должны преподать лимиты по труду, кадрам и рационализации всем объединениям, трестам и предприятиям, согласовав их предварительно с плановым сектором
25 сентября	Плановый сектор должен сообщить главкам лимиты по себестоимости (к моменту появления приказа лимиты по производству и капитальному строительству уже были переданы ГУ)
27 сентября	Главки должны разверстать лимиты по себестоимости по предприятиям
1 октября	Объединения и тресты должны дать директивы и лимиты предприятиям по применению форм контрольных цифр и инструкции к ним
5 октября	Республиканские уполномоченные через республиканские объединения и областных уполномоченных должны обеспечить спуск директив и лимитов предприятиям республиканской и местной промышленности

²⁷ Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 20–54.

Дата	Кто и что должен сделать
5 октября	Объединения и тресты должны дать главкам контрольные цифры по сокращенному кругу форм, не дожидаясь получения контрольных цифр от предприятий
9 октября	Главки должны представить сводные контрольные цифры
1 ноября	Все предприятия должны выслать контрольные цифры
20 ноября	Все объединения и тресты должны составить свои контрольные цифры на основе контрольных цифр предприятий и выслать их в главки
20 ноября	Республиканские уполномоченные должны составить свои контрольные цифры на основе контрольных цифр предприятий республиканской и местной промышленности и выслать их в главки
1 декабря	Главки должны представить сводные контрольные цифры

Источник: Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 49–51.

На первом этапе планирования СНК издавал постановления, устанавливавшие график составления будущего плана. На их основе наркоматы издавали свои приказы, такие, как, например, «О порядке и сроках составления контрольных цифр по тяжелой промышленности на 1933 год». В таблице 8.3 приведены инструкции, данные НКТП своим подчиненным, по срокам составления плана на 1933 год. Они содержат двенадцать заданий, подлежащих выполнению в 1932 году. Подготовка плана НКТП на 1939 год предусматривала реализацию девятнадцати заданий, которые должны были быть выполнены в 1938 году. Иногда к одному и тому же дню должны были быть выполнены сразу несколько заданий. Например, при подготовке плана на 1933 год к 25 сентября 1932 года следовало выполнить 5 заданий, а к 1 октября должно было быть выполнено еще шесть. Каждое задание заключалось в требованиях к главкам, функциональным подразделениям или предприятиям предоставить необходимую для планирования информацию, такую, как расчет себестоимости, объемов производства или задания предприятиям. Процесс планирования предполагал неоднократный обмен информацией между главками и предприятиями, предприятиями и главками, главками и плановым сектором наркомата, а также другими его функциональными подразделениями. Процесс подготовки плана НКТП на 1933 год, например, должен был

завершиться подачей главками итоговых предложений в плановый сектор народного комиссариата.

Вместо того чтобы выработать общие правила и инструкции на несколько лет подряд, СНК каждый год издавал новое постановление. Как было показано в предыдущих главах, диктатор избегал общих правил, несмотря на то что наличие «твердого» расписания планирования несомненно облегчило бы разработку планов. Как было отмечено в главе 6, наркоматы боролись не только за размер плановых заданий, но и за сроки их разработки. НКТП принимал участие во множестве конфликтов, для того чтобы добиться отсрочки представления отчетов.

Структура планов. Планы наркоматов состояли из трех обязательных частей: текстовой части, в которой перечислялись основные задачи и приоритеты плана, сводных таблиц, в которых давались ключевые плановые показатели, и детальных таблиц, в которых были прописаны плановые задания главков и иногда крупных предприятий. Наркомат не утверждал планы предприятий; скорее, это было задачей главков. Каждый «общий» план состоял из нескольких разделов. Наиболее важными были производственный план, план по ассортименту продукции и план капитального строительства. Менее важными – планы по труду и план по себестоимости. Иногда планы включали раздел по социальной сфере – по работе детских садов, медицинских учреждений и т.д. Финансовый план составлялся отдельно и согласовывался с Наркомфином, а не Госпланом. Кроме того, отдельно составлялись наркоматовские планы распределения, как правило, в последнюю очередь. Двумя наиболее важными частями «общего» плана были производственный план и план капитального строительства²⁸. Изменения, вносимые в титульные списки, требовали изменений финансового плана; в таких случаях изменение финансового плана было автоматическим, как видно из сухого письма НКЛП, отправленного в ЦКБ:

Вследствие уточнения титульных списков по жилищному строительству на 1933 г. союзной легкой промышленности, финсектор НКЛП СССР вносит следующие изменения по годовому плану финансирования жилищного строительства с покрытием за счет специального капитала и бюджета ЦКБ²⁹.

Несмотря на то что плановые задания по производству и капитальному строительству были важнее других, СНК и Госплан периодически проводили кампании за выполнение других по-

казателей планов. Так, к примеру, коллегия НКЛП и президиум ВЦСПС в 1933 году приняли постановление о необходимости выполнения плановых заданий по труду:

НКЛП и ВЦСПС обращают внимание руководителей главков, республиканских наркоматов легкой промышленности, областных управлений легкой промышленности, ЦК союзов, управляющих трестами, руководителей областных комитетов союзов, директоров предприятий и председателей ФЗК на то, что основным условием оценки работы предприятий в текущем хозяйственном году является степень выполнения плана по производительности труда и зарплате³⁰.

В 1937 году СНК принял постановление, утверждавшее, что «выполнение плана должно оцениваться не по валовой продукции, а по выпуску готовой и комплектной продукции установленного наркомом качества и ассортимента»³¹. Появление подобных приказов предполагает, что при оценке выполнения плана в целом в первую очередь смотрели на выполнение плана по валу. Лишь когда невыполнение плана по второстепенным показателям, таким, как, например, по труду, становилось очевидным, центральные власти обращали на них внимание.

В наркомате планированием занимался прежде всего его плановый сектор. Штат плановых секторов НКТП и НКЛП в 1930-е годы колебался от 50 до 100 человек, но в наиболее ответственные моменты работы над планом он мог быть существенно увеличен. Так, например, осенью 1938 года, в самый разгар работ по годовому плану на 1939 год, к работе в плановом секторе НКТП было дополнительно привлечено сто экономистов и техников из наркоматовских институтов³². Другие подразделения наркомата отвечали за составление отдельных частей плана, которые увязывались плановым сектором вместе, в общий наркоматовский план. Отраслевые главки разрабатывали планы для своих отраслей (например, ГУМП составлял планы по металлургии, Главшерсть – по производству шерстяной продукции и т.д.), функциональные подразделения, такие, как сектор труда или финансовый сектор, разрабатывали показатели по труду и заработной плате или финансовые показатели наркомата соответственно. Отдел снабжения составлял сводную заявку на фондируемые материалы и оборудование.

Плановый сектор наркомата играл ключевую роль в вопросах оперативного планирования. Он представлял интересы наркомата

²⁸ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3452, 3453, 3454.

²⁹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 2. Д. 740. Л. 6.

³⁰ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 119. Л. 25–26.

³¹ СЗ. 1937. № 24. Ст. 98.

³² РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 28. Д. 5. Л. 77–90.

во время согласования плановых заданий наркомата с Госпланом, а также представлял наркомат на переговорах с главками и крупными предприятиями. В некоторых случаях нарком был склонен организовывать «теневой» плановый сектор, который проверял бы работу официального. Так, например, в 1938 году, во время работы над планом на 1939 год, нарком тяжелой промышленности Каганович организовал альтернативную плановую группу работников, «освободив их от основной работы на 15–20 дней, которые бы наряду с Плановым сектором изучали материалы и цифры и представили Коллегии свои соображения при обсуждении плана на 1939 год»³³.

Несмотря на то что теоретически все основные решения, касающиеся планов, должны были рассматриваться наркомом и коллегией наркомата, на коллегии рассматривался, как правило, лишь первый проект плана. Полный список заседаний, касающихся вопросов планирования, коллегий НКТП (1938) и НКЛП (1933) представлен в следующей таблице.

Таблица 8.4. *Список заседаний коллегий НКТП и НКЛП, посвященных составлению годовых планов на будущий год*

Заседания коллегии НКЛП в 1933 г., посвященные составлению плана на 1934 г.	
Дата	Тема и решения
22 сентября	Обсуждение производственной программы и плана капитального строительства в целом
25 октября	Уточнение сроков планирования, принятие указаний исполнителям по составлению проектов финплана и плана снабжения
27 октября	Одобрение контрольных цифр капитального строительства по отдельным главкам
29 октября	Одобрение контрольных цифр капитального строительства в целом по наркомату
1 ноября	Одобрение контрольных цифр по производственным программам отдельных главков
2 ноября	Одобрение контрольных цифр по производственным программам отдельных главков
Заседания коллегии НКТП в 1938 г., посвященные составлению плана на 1939 г.	
Дата	Тема и решения
7 сентября	Начало работы над составлением плана. Установление сроков планирования, принятие указаний исполнителям по составлению проектов плана капитального строительства и плана снабжения

³³ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 3. Д. 136. Л. 181.

Дата	Тема и решения
13 сентября	Одобрение контрольных цифр по НКТП в целом, уточнение сроков составления проектов планов по главкам, принятие указаний плановому сектору
16 сентября	Обсуждение плана. Уточнение сроков планирования
26 сентября	Принятие указаний плановому сектору
25 октября	Принятие указаний замам по составлению титульных списков
29 октября	Обсуждение контрольных цифр по отдельным главкам, принятие указаний по составлению проектов планов отдельных главков и указаний плановому сектору по составлению проекта сводного плана
3 ноября	Одобрение контрольных цифр производственных программ отдельных главков, принятие указаний плановому сектору по сводному плану
5 ноября	Одобрение контрольных цифр производственных программ и капитального строительства отдельных главков
14 ноября	Одобрение контрольных цифр производственных программ и капитального строительства отдельных главков; принятие указаний плановому сектору по труду и себестоимости
16–17 ноября	Одобрение контрольных цифр производственных программ и капитальных вложений отдельных главков, уточнение сроков планирования, принятие указаний по финплану
19 ноября	Одобрение контрольных цифр по себестоимости и труду, принятие указаний по финплану
23 ноября	Одобрение контрольных цифр по капитальным вложениям, принятие указаний по труду и себестоимости
25 ноября	Одобрение контрольных цифр по капитальным вложениям по отдельным главкам
13 декабря	Установление сроков и порядка составления плана распределения наркомата
14 декабря	Одобрение проекта финплана

Источник: Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история: Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 52–53.

Задержки в составлении планов: предварительные планы.

Несмотря на то что формально плановые задания на год должны были утверждаться в конце декабря – начале января, на практике это происходило значительно позже как в случае наркоматов, так и в случае главков. Годовые планы главков периодически «корректировались», и сумма квартальных планов часто отличалась

от годового плана. Отсутствие утвержденных планов в начале планируемого года заставляло разрабатывать квартальные планы на основе предварительных лимитов и контрольных цифр. Разработка контрольных цифр наркоматами и главками происходила в два этапа: первый – с октября по декабрь года, предшествующего плановому, и второй – в январе планового года³⁴. Основываясь на этих предварительных контрольных цифрах, предприятия согласовывали с главками «авансовую загрузку». В ГУМП в работе комиссий по рассмотрению протоколов «авансової загрузки» участвовало по четыре представителя ГУМП и по три представителя предприятий³⁵. При этом внимание в первую очередь уделялось заданиям по ассортименту и объему выпускаемой продукции (валу). Другие показатели плана, такие, как показатели по труду, себестоимости, выпуску новой продукции, на этом этапе практически не рассматривались. При этом главк находился в невыгодном положении, так как ему приходилось вести переговоры с предприятиями до получения собственного плана.

Протоколы «авансової загрузки» были одной из важнейших составляющих, на основе которых предприятия строили свою работу. Предприятия отказывались заключать договора на поставку своей продукции до утверждения главком плановых показателей по ассортименту в протоколах «авансової загрузки». Так, например, объединение «Сталь» направило ГУМП следующую телеграмму: «Протоколы авансової загрузки заказами прокатных станов завода 4 кв. нет. Фонды заказы также дополнительные ордера 4 кв. поступают, просим распорядиться высылке протокола 4 кв., до получения такового заключения договоров воздерживаемся»³⁶. Помимо утверждения протоколов авансової загрузки главку также приходилось спешить с утверждением лимитов по труду и других показателей, в соответствии с которыми предприятия должны были работать. Так, например, ГУМП установил тресту «Нерудосталь» лимит по труду на 1937 год 21 декабря 1936 года, сообщив при этом, что он останется в силе «впредь до утверждения плана правительством»³⁷. Таким образом, предприятия и главки начинали новый плановый год, имея лишь предварительные задания по производству и труду. Ни у главка, ни у предприятий не было ничего, что хотя бы отдаленно напоминало утвержденный план.

Однако плановый сектор наркомата, главки и предприятия справлялись с проблемами, вызванными задержками разработки планов, используя «предварительные» оперативные планы, наиболее важными среди которых были так называемые протоколы «авансової загрузки». Главки и предприятия научились работать в отсутствие утвержденных планов. Получение плана предприятиями по прошествии полугодия после начала планового периода отнюдь не доказывает, что советская экономика не являлась плановой. Это говорит лишь о том, что предприятия производили продукцию и осуществляли ее поставки, основываясь на хрупких предварительных соглашениях, которые могли быть изменены в любой момент.

Квартальное планирование было организовано примерно по той же схеме, что и годовое планирование. Приблизительно за месяц-полтора до начала планируемого квартала плановый сектор наркомата на основании указаний, полученных от Госплана, письмом сообщал главкам свои проекты заданий по производству на предстоящий квартал. Одновременно копии отправлялись в отдел труда, финсектор и отдел себестоимости. Так, например, ГУМП в 1937 г. получил такие письма от планового сектора НКТП в срок от недели до месяца до начала очередного квартала³⁸. Задание на первый квартал следующего года ГУМП нередко получал летом предыдущего года, одновременно с первой версией годового плана по производству, т.е. намного раньше, чем задания на второй, третий или четвертый кварталы³⁹.

Число (и детальность) предварительных заданий зависели от степени важности отрасли промышленности и приоритетов центра. ГУМП, как основной производитель металла, был одним из наиболее приоритетных главков и получал задания по производству чугуна, стали, проката, труб, аммиака, кокса, сульфата аммония и цемента в виде заданий в целом по главку⁴⁰. Эти задания отраслевые сектора ГУМП распределяли между подчиненными ГУМП предприятиями. 12 декабря 1932 года плановый сектор ГУМП сообщил коксохимическому сектору ГУМП предварительные задания на первый квартал 1933 года, основанные на цифрах, полученных от НКТП. По получении предварительных заданий по производству предприятия начинали переговоры с главком, «уточняя» задания. Уточненные задания отсылались

³⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3452, 3453, 3454.

³⁵ Там же.

³⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3562. Л. 14.

³⁷ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3431. Л. 56.

³⁸ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 9, 31, 41.

³⁹ Так, например, плановый сектор НКТП направил в ГУМП утвержденные СНК контрольные цифры на первый квартал 1937 г. еще 25 июля 1936 года (РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 48–52).

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 9, 31, 41.

обратно в плановый сектор наркомата для одобрения⁴¹. Во время переговоров главк имел возможность изменить отдельные цифры, но каждый случай уменьшения плановых заданий требовал согласования с плановым сектором наркомата. Так, например, через месяц после начала третьего квартала заместитель начальника планового сектора ГУМП отправил начальнику планового сектора НКТП письмо, в котором просил уменьшить задание, аргументируя тем, что такое уменьшение уже было предварительно согласовано с плановым сектором НКТП⁴².

Плановый сектор наркомата направлял эти, полученные «снизу», цифры в Госплан и СНК; после утверждения СНК они превращались в «окончательные» квартальные планы и передавались обратно в главки, а затем на предприятия. В случае с ГУМП НКТП передавал главку «окончательные» квартальные задания по мере их утверждения. Первыми показателями квартального плана, которые главк получал в начале первого месяца планируемого квартала, были задания по производству чугуна, стали, железной руды, кокса, аммиака, сульфата аммония, огнеупоров и цемента. Например, задания на четвертый квартал 1937 года по ним ГУМП получил через три дня после начала квартала⁴³ и уже позже получил разбивку плана по трестам и предприятиям в натуральном и стоимостном выражении⁴⁴. В последнюю очередь ГУМП получал задания по производству проката, через две недели или даже через месяц после начала квартала⁴⁵. Иногда разбивка задания по производству проката по заводам давалась одновременно с показателями по ГУМП в целом⁴⁶. Цифры по прокату задерживались в силу того, что Стальсбыт должен был собрать все заявки на сталь и передать их в наркомат. ГУМП совместно со Стальсбытом определял ассортимент и объемы производства проката, а также какие именно предприятия будут его произво-

дить. Перед принятием решения об «окончательных» цифрах плановый сектор НКТП требовал от ГУМП представить развернутый план по главку по всем показателям на текущий квартал вместе с полной отчетностью за предыдущий квартал. Например, плановый сектор НКТП сообщил ГУМП разбивку на четвертый квартал по чугуну, стали и прокату и ассортимент проката через десять дней после начала квартала, указывая:

В соответствии с утвержденной производственной программой на 4 квартал 37 [года], вам необходимо представить в плановый сектор не позднее 15.10 [через пять дней] развернутый план 4 квартала с фактическим выполнением за 3 квартал в натуральном и ценностном выражении⁴⁷.

Наркомат сначала утверждал задания по производству, поскольку именно они в первую очередь интересовали центр. Другие показатели плана, такие, как себестоимость и производительность труда, утверждались позднее, если вообще утверждались.

Тресты и предприятия получали от ГУМП свои предварительные производственные задания на следующий квартал за несколько дней до начала квартала, за исключением заданий по ассортименту проката⁴⁸. Например, в третьем квартале 1937 года задания по ассортименту проката с разбивкой по предприятиям были получены через две недели после начала квартала⁴⁹. Задания по некоторым другим видам продукции могли поступать с еще большей задержкой. Кузнецкому металлургическому комбинату ГУМП направил задание по производству костылей на второй квартал 1937 года через три недели после начала квартала⁵⁰. Таким образом, в каждом квартале предприятия начинали свою работу на основе заданий, спущенных главками до того, как задания самих главков были одобрены вышестоящими организациями. ГУМП сообщил своим предприятиям их задания на четвертый квартал 28 июля 1937 года, в то время как сам получил от НКТП свой план в разбивке по предприятиям только 5 июля 1937 года⁵¹. Планы по производству и ассортименту проката

⁴¹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 65. Л. 19.

⁴² «Представленные... ГУМПом контрольные цифры по валовой продукции на 3 квартал 1937 имеют расхождения с утвержденным НКТП планом: по железно-рудной промышленности 50,86 миллиона руб. вместо 51,5 миллиона руб. по плану и по огнеупорной промышленности 53,81 вместо 52,5 миллиона руб. по плану» (РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 22).

⁴³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 5–7.

⁴⁴ Иногда разбивка по трестам и предприятиям утверждалась правительством одновременно с показателями в целом по главку. В таких случаях НКТП успевал сообщить эти цифры ГУМП одновременно с заданиями в целом по главку. Так было, например, во втором квартале 1937 года (РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 34–40).

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 2–4, 11–14.

⁴⁶ Так случилось, например, в четвертом квартале 1937 года (РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 2–4).

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 4.

⁴⁸ Так, например, письма с заданиями по производству на второй квартал 1937 года ГУМП отправил подчиненным трестам и предприятиям 16 марта, то есть за 15 дней до начала квартала; а с заданиями на третий квартал – 27 июня, за три дня до начала квартала (РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566, 3492).

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566, 3492.

⁵⁰ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 101.

⁵¹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3492, 3450.

были направлены предприятиям 17 июля 1937 г., а задания от НКТП ГУМП получил лишь 8 августа 1937.

Запутанная история, изложенная выше, — это всего лишь история потока приказов, которые передавались сверху вниз главкам, а затем и предприятиям. Сами планы поступали с существенной задержкой. Квартальные планы поступали с меньшей задержкой, чем годовые, так как сами кварталы короче года, кроме того, длительность задержки зависела от вида продукции. После того как предприятия получали плановые задания, поток информации менял свое направление, теперь основной массив информации передавался снизу вверх.

В течение двух недель после получения от главков производственных заданий предприятия должны были представить в главки свои предложения по разбивке производимой ими продукции по кварталам и месяцам, подтвержденные расчетами по загрузке оборудования (например, такого, как доменные печи, прокатные станы и т.д.)⁵². После чего главк сообщал предприятиям, были ли одобрены их предложения. Так, заместитель директора ГУМП через шесть недель после начала квартала сообщил Косогорскому металлургическому заводу, что его план на третий квартал 1937 г. принят без изменений⁵³. Другие плановые показатели, не связанные с объемами производства, сообщались предприятиям еще позже, если вообще сообщались в течение квартала. Так, например, ГУМП сообщил лимиты по себестоимости на второй квартал 1937 года только 3 мая 1937 года, то есть через месяц после начала квартала⁵⁴.

Предприятия постоянно торговались с главками по поводу размера производственных заданий на протяжении всего процесса составления планов. Для обоснования меньших заданий тресты и предприятия ссылались на технические трудности, плохое состояние имеющегося оборудования и агрегатов, возможные поломки и необходимость ремонта оборудования. По поводу последнего вопроса ГУМП вел бесконечные споры со своими предприятиями, стараясь по возможности отложить проведение ремонтных работ. Директор завода им. Коминтерна 15 февраля 1937 года просил при составлении плана учесть остановки завода на ремонт⁵⁵. Директор завода им. Орджоникидзе в письме в ГУМП от 3 апреля 1937 года объяснял невозможность выполнения установленного месячного

задания на апрель по производству чугуна аварийным состоянием домны № 2, пониженной производительностью домны № 5, в связи с чем просил снизить задание по чугуну на 90 тонн⁵⁶. ГУМП отклонил просьбу завода им. Петровского от 8 августа 1937 года уменьшить программу производства печи № 4 в связи с тем, что ее капремонт затягивался, приказав отложить ремонтные работы и повысить производство, поскольку «план на 3 квартал уже утвержден правительством»: «Изменить его я не имею возможности. Учитывая напряженное положение с балансом чугуна, прошу Вас принять меры к безусловному выполнению баланса на 3 квартал»⁵⁷. ГУМП отклонил также и просьбу Косогорского металлургического комбината учесть при составлении квартального задания необходимость остановки доменных печей и чистки газопровода⁵⁸. ГУМП также приказал заводу им. Петровского отложить капитальный ремонт прокатного стана. И всё же ГУМП отклонял отнюдь не все запросы. 20 июля 1937 года ГУМП направил в плановый сектор наркомата следующую просьбу: «В связи с изменением сроков ремонтов и сортамента чугуна на 3 квартал 1937 г. просим изменить план по чугуну по следующим [трем] заводам без изменения общего итога выплавки чугуна, утвержденного вами»⁵⁹. В двух письмах Сулинскому заводу главк подчеркивал неизменность сроков окончания реконструкции проволочного стана, приказывая заводу «принять все меры к окончанию реконструкции проволочного стана к 01.09», а также «ежедекадно сообщать о ходе работ на проволочном стане»⁶⁰. Интерес ГУМП к этому вопросу был настолько велик, что он просил завод «сообщить, какая помощь нужна со стороны ГУМП»⁶¹.

Несмотря на то что второстепенные плановые задания были не так важны, как задания по производству и ассортименту, они также служили предметом торга. Примером может служить спор вокруг размера заданий по снижению себестоимости заводу «Свободный Сокол» между дирекцией завода и ГУМП. Первоначально, 3 мая 1937 года, ГУМП установил заводу цифру в 18,6%⁶². 13 мая директор завода направил в ГУМП письмо, в котором отстаивал меньшую цифру — 14,5%, которая, по его подсчетам, соответствовала уже утвержденным фондам заработной

⁵² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3492, 3566.

⁵³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 88.

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 21, 66, 71.

⁵⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 135–136.

⁵⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 8.

⁵⁷ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 155.

⁵⁸ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 89, 91, 94.

⁵⁹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 21.

⁶⁰ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 110.

⁶¹ Там же.

⁶² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 37.

платы, расходным коэффициентам сырья и топлива, а также действовавшим ценам. Директор просил ГУМП «при определении лимитов по снижению себестоимости не допускать скачкообразности лимитов» и отмечал, что во втором квартале «по неизвестным причинам лимит снижения [себестоимости] ... увеличен в 3 раза»⁶³. В ответ на этот протест главк в качестве компромисса предложил цифру в 16%⁶⁴.

Сбытовые организации, такие, как Стальсбыт, Коксхимсбыт и Огнеупорсбыт, собирали заявки на продукцию заводов от потенциальных потребителей. Они определяли ассортимент проката на основании полученных заказов и заключали с предприятиями генеральные договоры на поставку продукции. В начале каждого квартала, после получения заданий по производству, предприятия обсуждали с соответствующими сбытовыми организациями и утверждали план, определявший, сколько произведенной продукции останется на заводе для дальнейшей переработки (скажем, чугуна в сталь), сколько будет передано другим заводам внутри главка, и сколько будет поставлено на сторону. Таким образом, сбытовые организации играли важную роль в составлении, например, баланса металла. Предварительные договоренности в процессе выполнения планов могли изменяться либо Стальсбытом (в случае изменения портфеля заказов), либо предприятиями (в случае перебоев в снабжении). Соответственно предприятия часто выпускали продукцию не в соответствии с заказами сбытовых организаций. Эту проблему главки неоднократно пытались решить совместно со сбытовыми организациями. Органы сбыта также получали годовые планы⁶⁵. Так же как и в случае с годовыми планами «производителей», утверждение планов сбытовых организаций проходило несколько стадий и растягивалось фактически на целый год. Так, например, контрольные цифры по сбыту продукции коксохимического отдела ГУМП на 1937 год были утверждены лишь в мае 1937 года, но, даже принятые так поздно, они не являлись «окончательным» планом по сбыту⁶⁶.

Процедура оперативного планирования была сходной и в НКТП и в НКЛП. Однако предприятия легкой промышленности чаще получали свои квартальные планы в срок, так как их продукция была неприоритетной, и планы утверждались не на столь

высоком уровне. Например, Главное управление шерстяной промышленности и его предприятия получали утвержденные плановые задания до начала квартала⁶⁷.

В целом, годовые и квартальные оперативные планы, которые должны были обеспечивать управление советской плановой экономикой, поступали исполнителям уже после начала планового периода, и значительную часть времени предприятия работали на основе «предварительных» плановых заданий. Более того, планы, которые предприятия должны были выполнить по закону, были на самом деле всего лишь планами по производству и ассортименту. Несмотря на то что техпромфинпланы предприятий включали в себя множество других финансовых и технических показателей, непроизводственные плановые задания попросту утверждались по факту и служили исходными посылками для разработки будущих планов. Предприятия должны были выполнить план по производству и ассортименту, при том что в момент, когда они выполнялись, они еще не были «окончательными». Таким образом, реальное производство осуществлялось на основании предварительных договоренностей, которые не связывали вышестоящие организации никакими обязательствами.

Интервенции и изменения планов. Задержки в утверждении планов не были главной проблемой наркоматов, главков и предприятий. В предыдущих главах говорилось о склонности вышестоящих организаций вмешиваться, вносить изменения в планы для обеспечения «мобильности ресурсов». На самом деле политическое руководство рассматривало возможность менять планы когда угодно в качестве одной из наиболее сильных сторон системы. Сталин писал:

Могут сказать, что, меняя так основательно наметки пятилетнего плана, ЦК нарушает принципы планирования и роняет авторитет планирующих органов. Но так могут говорить только безнадежные бюрократы. Для нас, для большевиков, пятилетний план не есть нечто законченное и раз и навсегда данное. Для нас пятилетний план, *как и всякий план*, есть лишь план, принятый в порядке *первого приближения* [здесь и дальше курсив автора], который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана. Никакой пятилетний план не может учесть всех возможностей, которые таятся в недрах нашего строя и которые открываются лишь в ходе работы, в ходе осуществления плана на фабрике, на заводе, в колхозе, в совхозе, в районе и т.д. Только бюрократы могут думать, что плановая работа заканчивается составлени-

⁶³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 35.

⁶⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 22.

⁶⁵ Вплоть до 1936 года вышеперечисленные сбытовые организации были «независимыми», хозрасчетными органами. В 1936 году они стали отделами ГУМП.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3429. Л. 1–2.

⁶⁷ Markevich A., Gregory P. Was the Soviet Economy a Planned Economy? Answer of the Soviet Archives of the 1930s // Zvenigorod International Conference. Zvenigorod, Russia. June 2001.

ем плана. Составление плана есть лишь начало планирования. Настоящее плановое руководство разворачивается лишь после составления планов...⁶⁸

В предыдущих главах также было описано, каким образом экономические наркоматы защищали себя от интервенций центра: они задерживали предоставление информации, добивались подачи плана в последнюю минуту и подготавливали свои собственные (двойные) планы, независимые от государственных планов. Наркоматы боролись с Госпланом за материалы, оборудование и капиталы, и эту борьбу Госплану приходилось вести в отсутствие надежной информации.

Для составления годовых и квартальных планов в срок было необходимо, чтобы каждый участник процесса планирования подавал информацию вовремя. И тем не менее, как вышестоящие, так и подчиненные организации для достижения своей выгоды задерживали подачу информации. Поэтому информация в обоих направлениях, и сверху вниз, и снизу вверх, передавалась с хронической задержкой. На одном из заседаний коллегии НКЛП (6 апреля 1933 г.) плановый сектор наркомата жаловался:

Надо сказать, что контрольные цифры [по х/6] в том виде, как мы докладываем, к великому сожалению, являются продуктом исключительно ПЭУ [планово-экономическое управление; так тогда назывался плановый сектор]. Несмотря на неоднократные настояния со стороны ПЭУ и со стороны наркомата в целом, хлопчатобумажное управление до сих пор не дало никаких показателей плана, если не считать каплюжения, которые они вернули в том же виде, в каком они были даны в директивах, отправленных ПЭУ...

По себестоимости у нас материалы не готовы не по вине ПЭУ, а потому что некоторые главки еще до сих пор не предоставили материала⁶⁹.

Неудивительно, что плановый сектор использовал по отношению к главкам такие же средства давления, что и Госплан по отношению к наркоматам. На заседании коллегии НКЛП плановый сектор жаловался на усиленное давление Госплана, который требовал представить план наркомата, при том что некоторые части плана задерживались главками. Нарком НКЛП Любимов угрожал главкам:

Если главки завтра не смогут дать всех элементов плана, тогда нам придется это сделать за главки, в частности, это касается себестоимости. Сделаем это чрезвычайно простым путем, а именно: тем главкам, которые смогут доказать свои за-

дания, — дадим в соответствии с их заявкой, а тем, которые не представят, — разверстаем между ними ту разницу, что останется от главков, представивших свои заявки. Я хотел бы к часу дня получить все элементы плана⁷⁰.

ГУМП не смог сообщить одному из своих трестов первые «лимиты» квартального плана по прокату на четвертый квартал 1937 года. При этом ГУМП жаловался, что сам трест задерживал подачу информации⁷¹. Постоянные задержки создавали порочный круг. Главк не мог составлять планы из-за того, что предприятия не предоставили ему информации; а предприятия не могли предоставить информацию, поскольку у них не было хотя бы первых набросков будущего плана! Предприятия по возможности затягивали предоставление необходимых материалов наверх, ведь чем позже поступал план, тем больше была вероятность, что он будет близок «окончательной» версии плана. «Востокосталь», например, в 1937 году представила ГУМП план по валу и товарной продукции только в начале второго месяца второго квартала⁷². Подобные задержки подачи информации снизу вызывали недовольство ГУМП, который требовал от своих предприятий подавать материалы вовремя⁷³. В частности, ГУМП приказал, чтобы представитель «Востокостали» немедленно приехал в Москву для принятия решения о квартальном плане по ассортименту проката⁷⁴. Сами главки также не спешили представлять предприятиям плановые задания в окончательном виде, что вызывало протесты со стороны последних. Трест «Трубосталь» в письме от 10 января 1937 года жаловался ГУМП, что «до сего времени месячные оперативные производственные задания мы получаем от вас не ранее 28–29 числа предыдущего месяца, и наши заводы, получая лимиты 30 числа, не могут своевременно спустить их цехам». В своем письме трест «Трубосталь» требовал, чтобы ГУМП представлял задания по производству не позднее 23–24 числа предыдущего месяца⁷⁵, в противном случае, утверждал трест, ему придется разрабатывать их самостоятельно⁷⁶.

У предприятий не было иного выбора, кроме как работать исходя из предварительных заданий, полученных от главка, однако

⁷⁰ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 815. Л. 9–11.

⁷¹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3455. Л. 3.

⁷² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3455. Л. 22.

⁷³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567.

⁷⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3561. Л. 145–148.

⁷⁵ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3561. Л. 161.

⁷⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3455. Л. 3–11.

⁶⁸ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М.: Партиздат, 1937. С. 413.

⁶⁹ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 152. Л. 6, 18.

«окончательные» квартальные планы требовались для составления квартальной отчетности. Несмотря на то что предприятия работали в основном в отсутствие «окончательного» плана, они должны были представлять отчеты о выполнении плана в конце каждого планового периода. Эти отчеты должны были включать в себя не только цифры по производству и ассортименту, являвшиеся главными, но и другие, менее приоритетные показатели, такие, как выполнение заданий по себестоимости. Задержки были настолько существенными, что предприятиям при составлении отчетов приходилось полагаться на свои собственные плановые расчеты. Например, металлургический завод им. Дзержинского к моменту, когда надо было приступить к работе над отчетом, не получил окончательных финансовых показателей на третий квартал 1937 года. В письме ГУМП от 29 августа он просил, чтобы ГУМП представил квартальный план завода в окончательно «утвержденном» виде⁷⁷. Если под «планом» мы подразумеваем утвержденный план, то получается, что это крупное предприятие проработало два из трех месяцев квартала в отсутствие такового.

Планы наркоматов, главков и предприятий могли быть изменены в любой момент. Несмотря на то что годовые задания НКЛП по производству обычно принимались вовремя, т.е. до начала планового года, они не многого стоили. Так, например, плановые задания НКЛП на 1936 год продолжали меняться вплоть до декабря⁷⁸. Задания предприятиям могли быть изменены практически любой вышестоящей организацией – СНК, Госпланом, наркоматом или главком. Большинство изменений вносилось в «обычном порядке» корректировки планов. Как было описано выше, процесс планирования проходил несколько стадий – от составления «предварительного» плана до «окончательного», и на каждой из этих стадий вышестоящие организации могли изменять плановые задания. Интервенции считались совершенно обыденной и нормальной частью процесса планирования. У главка не было особого выбора, ему приходилось исполнять директивы наркомата и правительства об изменении квартальных планов предприятий. Так, например, ГУМП пришлось изменить план на второй квартал 1937 года для завода «Красное Сормово» в первом месяце квартала «в связи с необходимостью, по указанию заместителя наркома тяжелой промышленности т. Брускина, увеличения выпуска центров для Главтрансмаша»⁷⁹. Хотя большин-

ство интервенций было связано с увеличением производственных заданий, наркоматы иногда, наоборот, понижали квартальные планы. Так, НКТП во втором квартале 1937 года понизил задание по сульфату аммония на 500 тонн⁸⁰. Некоторые изменения были связаны с административными реорганизациями, передачей предприятий из одного главка в другой. Реакция главков на изменения квартальных планов была болезненной и не моментальной. Главки были чаще склонны оспаривать решения своих наркоматов, нежели решения СНК. В соответствии с первоначальным планом на четвертый квартал 1937 года заводы ГУМП должны были произвести 101 тысячу тонн прокатной стали из запланированных всему наркомату 160 тысяч тонн. 10 октября 1937 года наркомат своим решением увеличил план производства ГУМП на 500 тонн за счет уменьшения плана другого главка (Главспецстали); этот случай уже упоминался в предыдущей главе. ГУМП немедленно послал НКТП письмо (19 ноября 1937 г.), в котором протестовал против такого изменения, напоминая наркомату, что формально предварительное согласование распределения производства проката между главками НКТП было возложено на ГУМП и что это изменение через ГУМП не проходило⁸¹. 9 июня 1937 года (т.е. в конце квартала) ГУМП увеличил производство сульфата аммония Кузнецкому металлургическому комбинату с 6080 тонн до 6290 тонн⁸². В мае 1937 года ГУМП увеличил задание по коммерческой себестоимости продукции с 6,5% до 8,4% Одесскому заводу им. Дзержинского⁸³.

Предприятия обращались в свои главки с протестами против частых изменений плана. Так, 23 июля 1937 года расстроенный директор Макеевского металлургического завода им. Кирова отправил в ГУМП письмо с протестом против «чрезмерно частых изменений плана на 3 квартал по цеху рельсовых креплений» и просил «наконец, установить сортамент по рельсовым креплениям, соответствующий балансу металла, и прекратить дергание»⁸⁴.

Позиции производителей, как наркоматов, так предприятий, в борьбе против увеличений плановых заданий были весьма слабыми, так как увеличивались всего лишь «предварительные» задания. Производственные показатели, которые подвергались изменениям, были частью *предварительной договоренности* с вышестоящими

⁷⁷ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 2.

⁷⁸ Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? С. 39.

⁷⁹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 2.

⁸⁰ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 32.

⁸¹ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3450. Л. 1.

⁸² РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 100.

⁸³ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3566. Л. 50.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 5–7.

организациями. Даже предварительная договоренность между наркоматом и Госпланом обеспечивала лишь минимальную защиту от изменений. Нарком легкой промышленности Любимов однажды попытался помешать подобным изменениям, заявив на заседании наркомата 12 ноября 1936 года, что наркомат вынужден «настаивать на позициях НКЛП и возражать против проектировок Госплана, которыми не принята во внимание недозаготовка сырья по льно- и пенькозаводам, центральным чесальным фабрикам и предприятиям по переработке новолубяных волокон, считая, что это обстоятельство заранее предопределяет невыполнение запланированной производственной программы»⁸⁵. Однако, хотя наркомат настаивал на предварительных договоренностях, Госплан сумел увеличить план в декабре.

Наиболее остро и быстро предприятия реагировали на значительные или повторные повышения плановых заданий. Директор Новомосковского жестекательного завода после двойного повышения в 3 квартале 1937 года (сначала на 3000 тонн, затем еще на 3800 тонн) попросил ГУМП о пересмотре. Директор ссылался на то, что более высокое задание было невыполнимо и нарушало «предыдущие договоренности» с плановым сектором ГУМП⁸⁶.

Выводы: была ли советская экономика плановой?

Процесс планирования был хаотичен и непрозрачен. Если описанный процесс планирования сложно понять постороннему наблюдателю, то столь же сложно в нем было разобраться и непосредственным участникам. Несмотря на запутанность процесса планирования, мы можем сделать два важных вывода. Первый: столь разрекламированные техпромфинпланы предприятий, конечный продукт планирования, создавались ретроспективно. План как комплекс заданий по производству, ассортименту, качеству, себестоимости, труду, новым технологиям и т.д. не имел особого значения. В 1930-е годы работа предприятий в действительности планировалась только по двум показателям: по объему производства и по ассортименту выпускаемой продукции. Это были единственные показатели, по которым плановики, по крайней мере, пытались создать видимость предварительного планирования и, следовательно, пытались руководить работой предприятий. Второй вывод касается того, что сама система была устроена так, чтобы избегать появления «окончательных» пла-

нов. Все планы, вплоть до конца планируемого периода, квартала или года, назывались «предварительными». В результате поиска в архивах НКТП и НКЛП удалось обнаружить лишь один наркоматовский план, который был подписан наркомом и содержал полный набор плановых показателей, план НКЛП на 1939 год⁸⁷. В сущности, хранителем наркоматовского плана был плановый сектор наркомата, который подготавливал предварительные проекты планов и вел учет вносимых в них изменений. Отсутствие «окончательных» планов открывало простор для интервенций, что порождало неуверенность среди предприятий и главков, которые должны были строить свою работу на основе шатких предварительных договоренностей, в отсутствие гарантий от произвольных изменений планов. Твердого фундамента для оперативной деятельности предприятий попросту не существовало.

Наше запутанное описание процесса оперативного планирования помогает разобраться в существующих противоречивых оценках советского планирования. В соответствии с одной из них, советская экономика вообще не была плановой. Для обоснования этого вывода обычно приводят два аргумента: во-первых, планы предприятий изменялись слишком часто, а во-вторых, планы не выполнялись⁸⁸. Сторонники другой точки зрения указывают на то, что, хотя планы предприятий не были фиксированы, фиксированными были планы наркоматов. Изменения планов предприятий представляли собой, как правило, перераспределение заданий между предприятиями при неизменности фиксированного наркоматовского плана⁸⁹. Примеры, найденные нами в архивах, показывают, что планы наркоматов и главков разрабатывались в ходе интенсивного торга и что планы, утвержденные на самом высоком уровне (СНК), были в большей степени неизменны, чем остальные планы. Однако Политбюро и СНК считали возможность изменять планы одной из сильных сторон системы. Наркоматовские планы в ходе их выполнения не были ни в коей мере защищены от изменений. Более того, «план» на практике представлял собой лишь задания по производству и ассортименту; настоящих оперативных планов, которые включали бы в себя и другие плановые показатели, не

⁸⁷ См.: Markevich A., Gregory P. Was the Soviet Economy a Planned Economy?

⁸⁸ Keren M. The Ministry, Plan Changes, and the Ratchet Effect in Planning // Journal of Comparative Economics. 1982. Vol. 6. № 4. P. 327–342.

⁸⁹ Granick D. The Ministry as the Maximizing Unit in Soviet Industry // Journal of Comparative Economics. 1980. Vol. 4. № 3. P. 255–273; Gorlin A., Doane D.P. Plan Fulfilment and Growth in Soviet Ministries // Journal of Comparative Economics. 1983. Vol. 4. № 3. P. 415–431. См. также: Wilhelm J. Does the Soviet Union Have a Planned Economy? // Soviet Studies. 1979. Vol. 21. P. 268–273.

⁸⁵ РГАЭ. Ф. 7604. Оп. 1. Д. 815. Л. 9–11.

⁸⁶ РГАЭ. Ф. 4086. Оп. 2. Д. 3567. Л. 135.

существовало. Тот факт, что планы, начиная с пятилетних планов и вплоть до квартальных, лучше выполнялись в конце 1930-х годов, чем в начале 1930-х годов, объясняется не улучшением планового дела в СССР, а правилом «планирования от достигнутого», суть которого заключалась в том, что план на будущий год (квартал) равнялся достигнутому уровню развития в текущем году (квартале) плюс поправка на прирост производства (growth adjustment). Наше описание процесса планирования соответствует модели управления ресурсами Пауэла (Powell) (см. главу 1), согласно которой вышестоящие органы, высшими среди которых были СНК, Политбюро и лично Сталин, играют роль «апелляционного суда». Планы превращались в нечто, имевшее весьма отдаленное сходство с первоначальными планами, по мере того как вышестоящие органы совместно или по отдельности принимали решения по тысячам поданных апелляций. Хотя первые советские плановики предполагали, что для исправления ошибок, допущенных в ходе планирования, потребуется некоторая «корректировка»⁹⁰ плановых заданий, в действительности корректировок было великое множество.

Политическая элита большую часть своего времени проводила, отвечая на тысячи запросов и обращений об изменении плановых заданий. Вот несколько примеров из тысяч подобных случаев, свидетельства которых хранятся в архивах. 12 сентября 1933 года Молотов писал председателю Госплана:

«Были у меня крымчаки, хотят по двум районам снизить показатели по урожайности... Надо проверить и поскорее решить...»⁹¹ В переписке Сталина можно найти сотни упоминаний о визитах советских руководителей на его дачу в Сочи с запросами о корректировке планов и другими просьбами. Шестого сентября 1935 года Сталин удовлетворил просьбу двух кавказских партийных лидеров о предоставлении зерновых ссуд, после того как заручился их поддержкой в вопросе увольнения вставших в немилость официальных лиц. Напор промышленных наркоматов (в частности, настойчивого Орджоникидзе), добивающихся, чтобы им предоставили больше ресурсов, был столь мощен, что Сталин открыто сомневался, сможет ли Госплан противостоять ему⁹². По мере того как Политбюро отвечало на все эти обращения и запросы, планы менялись, в них вносились исправления и уточнения, которые иногда вообще разрушали всякую видимость согласованности планов. Несмотря на то что план на первый квартал 1933 г.

по распределению автомобилей и грузовиков был уже утвержден, Политбюро увеличило количество транспортных средств, предназначенных Казахстану (для проведения уборочной кампании⁹³), и радикально изменило распределение автомобилей, выделив 90% органам контроля за сельскохозяйственными производителями⁹⁴. Уже эти два вмешательства Политбюро превратили первоначальный план в неоперабельный.

В начале этой главы мы изложили четыре модели оперативного планирования – модель «научного планирования», модель «оседлого грабителя», модель «диктатора-эгоиста» и модель групп влияния. Модель научного планирования мы можем сразу исключить из рассмотрения как далекую от действительности в силу причин, о которых уже давно было сказано Мизесом и Хайеком. В лучшем случае ресурсы распределялись на основании интуиции, а специалисты-плановики имели смутные представления или вообще не имели никаких представлений о том, как соотносились объемы производства и выделяемые ресурсы. Таким образом, у нас остаются три модели планирования. Несмотря на то что промышленные наркоматы и региональное руководство пытались устанавливать собственные планы, планы диктовались не ими. Их влияние было более существенным на этапе распределения ресурсов, когда они, имея контроль над произведенной продукцией, решали, кого им этой продукцией реально снабжать. Эта книга изобилует примерами того, как наркоматы и главки принимали решения о распределении произведенной продукции независимо от правительственных директив. Наказание за неповиновение было не очень суровым, и к тому же производитель всегда мог оправдаться тем, что он действовал в интересах производства. Из поведения наркомов можно заключить, что чем выше был уровень, на котором утверждался план, тем серьезнее было отношение к установленным заданиям. Утверждение плана Политбюро или СНК означало гораздо больше, нежели его одобрение наркоматом.

Мы не можем окончательно ответить на вопрос, какие экономические или политические выгоды преследовались при распределении ресурсов. Однако нельзя не признать, что трудно было создать оперативную систему планирования, которая бы в большей мере способствовала достижению политического влияния. «Окончательных» планов не существовало. Все задания были

⁹⁰ Струмилин С.Г. На плановом фронте 1920–1930 гг. М.: Госполитиздат, 1958.

⁹¹ Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 134.

⁹² Там же. С. 133.

⁹³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 628. Л. 143–144; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 914. Л. 10–11.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 915. Л. 8.

подвержены изменениям, которые могли быть внесены любой вышестоящей организацией. Даже если бы все плановые интервенции, вызванные политическими соображениями, осуществлялись исключительно с целью достижения экономической эффективности, итоговый результат был бы прямо противоположен задуманному, учитывая невозможность координации вносимых изменений. В то же время архивы указывают на огромное число просителей, обращавшихся в СНК, Политбюро, к Сталину, наркомам, начальникам главков и т.д. Часть просьб удовлетворялась, другая отклонялась, и все это, как заявлялось, делалось в «государственных интересах». Мы не знаем, что точно происходило в кулуарах, но мы знаем, что опытные политики, такие, как Сталин, тщательно взвешивали политические последствия, которые могли быть вызваны отклонением просьбы влиятельного регионального или промышленного лидера. Анализ решений Политбюро о распределении автомобилей и грузовиков, основанный на архивных материалах, четко показывает, что распределение одного из наиболее дефицитных в Советском Союзе товаров происходило в силу политических факторов, при пренебрежении экономическими⁹⁵. Один из наиболее важных выводов, который можно сделать, заключается в том, что почти невозможно понять, что же представляло собой «экономическое благо» (economic good). Само Политбюро не могло отличить действительно важные вопросы от несущественных. Возможно, наиболее сильным аргументом в пользу модели диктатора, нацеленного на максимизацию власти, является неэкономическая деятельность советского диктатора: Большой террор, чистки и т.д.

⁹⁵ См.: Lazarev V., Gregory P. Commissars and Cars: The Political Economy of Dictatorship // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 1.

Глава 9

КОНТРОЛЬ РУБЛЕМ: ДЕНЬГИ, ЦЕНЫ И БЮДЖЕТ

Предполагалось, что деньги, цены и финансовые отношения не будут иметь особого значения в административно-командной экономике. В расчет принимались только административные решения, которыми распределялся кирпич, продукция машиностроения, пшеница, швейные изделия, потребительские товары или рабочая сила. В этой главе мы рассмотрим ряд вопросов, касающихся финансовых операций и всего, что с ними связано: вопросы денег, кредитов, цен, государственного бюджета. Были ли деньги и кредиты лишь пассивными инструментами для планирования в натуральных показателях, или же деньги имели самостоятельное значение? Использовались ли деньги, кредиты и цены только для того, чтобы следить и учитывать реально осуществляемые сделки с физическими товарами, и если да, то насколько успешно? Или же деньги, финансовые вопросы оказывали значительное влияние на исход торгов о распределении ресурсов в натуре? Учитывая, что планы капитальных вложений составлялись в рублях (см. главу 4) и их осуществление финансировалось из государственного бюджета, встает вопрос, в какой мере сам госбюджет определял объем инвестиций?

Эта глава объясняет, почему советская финансовая система не работала так, как первоначально было задумано. По мере развития финансовых отношений советское руководство было шокировано дважды в связи с использованием денег. Во-первых, деньги продолжали иметь большое значение. Руководители предприятий всячески искали возможности аккумулировать денежные средства, особенно в виде наличных денег, и готовы были ради этого на любые хитрости, незаконное повышение цен на свою продукцию или незаконные сделки из-под полы и т.д. Во-вторых, предложение денег и кредита не соответствовало предложению реальных товаров даже при едином финансово-учетном центре. Предприятия предоставляли друг другу нелегальные кредиты, а в случаях особой нехватки наличных денег использовали денеж-

ные суррогаты. Государственный банк, будучи кредитором последней инстанции в экономике с «мягкими» бюджетными ограничениями, был вынужден давать кредиты против своей воли.

История советской финансовой системы – это история долгое время работавшего в этой системе Г.Ф. Гринько, наркома финансов с 1930 по 1936 год. Гринько родился на Украине в 1890 году, в семье государственного чиновника. Он учился в Московском и Харьковском университетах, но в 1913 году, как член партии социалистов-революционеров, был исключен за революционную деятельность и призван в армию. Он относительно поздно вступил в большевистскую партию (в 1919 году). Гринько занимал ряд ответственных постов на Украине. В 1926 году он был переведен в Москву в качестве заместителя председателя Госплана и в 1930 году назначен на должность наркома финансов. Он никогда не занимал высоких партийных постов, поднявшись по партийной лестнице лишь до уровня члена ЦК. Был уволен с поста наркома финансов в 1937 году, репрессирован и расстрелян в 1938 году. Гринько не имел практического опыта в банковском деле и полагался на специалистов по финансам, получивших образование еще до революции¹.

Несмотря на свой относительно невысокий политический статус, Гринько играл значимую роль в принятии важнейших государственных решений, что противоречит утверждению о том, что деньги играли пассивную роль в советской экономике. В переписке между собой Сталин и Каганович отзываются о Гринько с большим уважением, как о человеке, «который знает цифры» и к чьим советам нужно относиться серьезно. Так, например, когда в июле 1932 года Гринько предложил столь немилое сердцу высшего партийного руководства сокращение капвложений, Сталин ответил: «Записку Гринько читал. У него... есть некоторые преувеличения, ведомственная односторонность и т.п. Но в основном Гринько и его работники правы, и их надо поддерживать»². Несмотря на то что Гринько часто приносил плохие новости, его точку зрения, как точку зрения технического специалиста, уважали, и,

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1975. С. 337; Who Was Who in the USSR. Metuchen, NJ: Scarecrow Press, 1972. P. 217. Одним из таких специалистов был В.К. Ситнин, закончивший Московский экономический институт. С 1931 по 1941 год он работал консультантом при Госбанке, был штатным сотрудником наркомата финансов; с 1941 по 1950 служил в армии; с 1950 по 1960 работал в министерстве финансов; с 1960 по 1965 год занимал пост замминистра и первого заместителя министра финансов; с 1970 по 1974 год был председателем Государственного комитета цен при Совете министров СССР.

² Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 245.

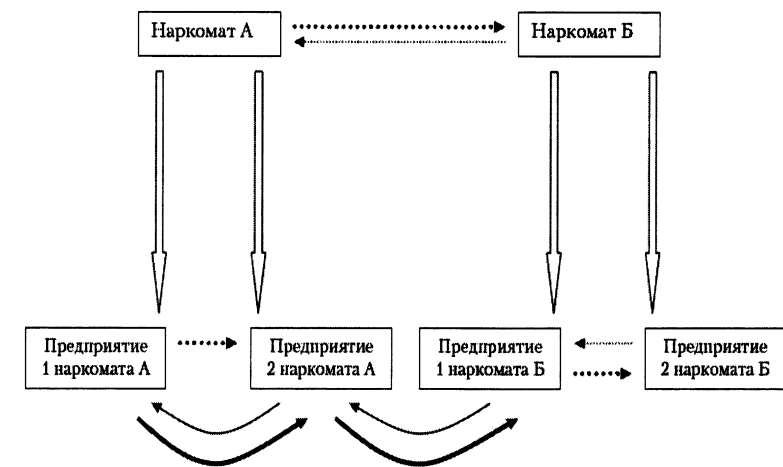
следовательно, он имел значительное влияние на экономическую политику.

Контроль рублем

Первоначально предполагалось, что финансовые показатели физических операций – денежные затраты и поступления, кредиты, наличные деньги и цены – будут иметь значение лишь постольку, поскольку они представляют властям информацию о физических операциях в удобном агрегированном виде. «Контроль рублем» – советский термин, описывающий учет физических операций при помощи финансовых индикаторов. Если предприятие X получает задание поставить предприятию Y 100 единиц стали по цене 5 рублей за штуку, то, следовательно, Y должен заплатить предприятию X 500 рублей – денежный эквивалент физической транзакции. На счет предприятия X при этом должно поступить 500 рублей, а со счета предприятия Y будет снято 500 рублей. При этом сто единиц стали направляются предприятию Y не из-за того, что предприятие X хочет получить взамен 500 рублей, а из-за того, что таков административный приказ. Если у предприятия Y нет 500 рублей, оно получит их из другого источника, такого, как наркомат или государственный бюджет. Следовательно, в отличие от предприятия рыночной экономики, которое может приобрести сталь, только если у него имеется 500 рублей, предприятие Y работает в условиях «мягкого» бюджетного ограничения (soft budget constrain)³.

Для того чтобы «контроль рублем» работал, кто-то должен вести учет всех сделок, сравнивая денежные выплаты и поступления с физическими потоками. Как и в любой другой экономической системе, в административно-командной экономике отслеживать сделки за наличный расчет гораздо сложнее, нежели банковские операции; следовательно, было решено, что все сделки между предприятиями должны проходить в форме банковских операций. Единый банк-монополист должен исполнять роль гигантского расчетного центра, который обеспечивает, чтобы «деньги следовали за планом». Финансовые учреждения должны обеспечивать предприятия достаточными наличными средствами или кредитами для выполнения планов, распределяя их соответствующим образом.

³ Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam–New York–Oxford: North-Holland Publishing Company, 1980 (русское издание – Корнай Я. Дефицит. М., 1990).

Обозначения:

Транзакции в натуре

- Официальные производственные задания
- Поставки, заказанные и предусмотренные официально
- Неофициальные поставки

Транзакции в рублях

- Безналичные расчеты
- Наличные, бартер, неофициальные кредиты

Рис. 9.1. Вертикальные и горизонтальные транзакции

Рисунок 9.1 иллюстрирует «контроль рублем» за вертикальными транзакциями (см. главу 6). На рисунке показаны два наркомата, устанавливающие объемы производства в натуре своим подчиненным, причем каждый из наркоматов устанавливает их двум подчиненным предприятиям. Двойные стрелки обозначают наркоматовские производственные приказы; сплошные жирные стрелки – поставки, заказанные и предусмотренные официально; сплошные тонкие стрелки – платежи, осуществляемые в виде официальных банковских операций в безналичных рублях. Пунктирные стрелки обозначают незаконные горизонтальные сделки. Жирный пунктир обозначает неофициальные поставки в натуре, а тонкий пунктир – движение финансовых средств. Варианты оплаты в горизонтальных сделках намного разнообразнее, чем в официальных, оплата которых должна осуществляться по безналичному

расчету. Неофициальные поставки могут оплачиваться наличными, бартером или неофициальными кредитами, которые предприятие-продавец предоставляет предприятию-покупателю. Отметим также, что контроль рублем не осуществляется за всеми операциями, обозначенными на рисунке 9.1. пунктиром. Финансовым органам приходилось бороться со сделками за наличный расчет (путем строгого ограничения денежной наличности предприятий), бартером и неофициальными кредитами точно так же, как органам планирования приходилось бороться с неплановыми сделками с физическими товарами.

На первый взгляд социалистическая теория «пассивных» денег, кредитов и цен кажется вполне осуществимой. В отличие от стали, швейных изделий или продукции машиностроения, деньги однородны. Банк-монополист мог лучше контролировать финансовые операции, чем Госплан, которому приходилось следить за тысячами товаров. Однако банк не смог выиграть ни одну из своих битв, так как предприятия каждый раз придумывали все новые методы борьбы с «контролем рублем». Один из них очевидно вытекает из того, что было изложено в предыдущих главах. Финансовые потоки между предприятиями отражают финансовую сторону микротранзакций между ними. В то же время планирование в натуре осуществлялось в обобщенных показателях, т.е. выше уровня конкретных сделок. Таким образом, контроль рублем не мог быть использован для проверки соответствия реальных потоков физических товаров плановым, поскольку столь детализированных планов попросту не было. Для того чтобы можно было проверить соответствие транзакций в рублях планам в натуральных показателях, сначала надо было бы агрегировать первые. Соответственно, в лучшем случае контроль рублем мог заключаться в сопоставлении агрегированных плановых заданий в натуре, таких, как тонны стали или проката, с агрегированными стоимостными показателями, такими, как миллионы рублей от продажи тонн стали или проката. С помощью планирования финансов можно было проверить выполнение планов в натуре лишь на том же уровне агрегирования.

«Пассивная» природа денег – представление о том, что скорее план в натуре определяет транзакции в рублях, чем деньги и кредит определяют сделки с физическими товарами, – одна из основ работоспособности плановой системы. Если предприятие может «покупать» внеплановые ресурсы, тогда количество ресурсов, полученное предприятием, зависит от его финансовой мощи: того, сколько наличности имеет предприятие, какие товары оно может предложить для бартера и может ли оно привлечь неофи-

циальные кредиты. Любые дополнительные неофициальные ликвидные средства становятся предметом неофициальных сделок. Соответственно борьба финансовых органов с неофициальными сделками будет борьбой с лишней наличностью и неофициальными кредитами. Действительно, история советского финансового планирования – это история борьбы с неучтенными наличными деньгами и неофициальными кредитами.

Социалистическая теория банковского дела

В рыночных экономиках банковская система, контролирующая денежную массу и предоставляющая кредиты, двухуровневая. Вверху находится центральный банк, определяющий объем денежной массы. Банки, принимающие вклады и выдающие ссуды на основе правил, установленных центральным банком, располагаются внизу. Большинство кредитов предоставляется коммерческими банками, но существуют и кредиты, предоставляемые вне банковской системы, такие, как коммерческие кредиты, предоставляемые коммерческими фирмами. С самого начала основатели советской финансовой системы предполагали, что в административно-командной экономике деньги и кредиты будут работать по-другому⁴. В ней должен существовать лишь один банк, кредиты, выдаваемые другими организациями, являются незаконными. Производство и распределение продукции осуществляются в административном порядке. Такие социалистические финансовые представления имели далеко идущие последствия в вопросах цен и спроса на деньги: если банк-монополист всегда готов предоставлять предприятиям кредиты на плановые операции, необходимо устранить любые стимулы для повышения цен. Если государство устанавливает цену 500 рублей за тонну стали, то предприятие X не должно получить никакой выгоды,

⁴ Ситнин В.К. Воспоминания финансиста. М.: Луч, 1993; Ситнин В.К. Контроль рублем в социалистическом обществе. М.: Госфиниздат, 1956; Ципкин И.Н. Советский кредит. Ч. 1. М.: Б.и., 1933; Батырев В.М., Ситнин В.К. Плановая кредитная система. М.: Огиз, 1945; Боголепов М.Н. Советская финансовая система. М.: Госфиниздат, 1947; Боголепов М.Н. Финансовый план пятилетия. М., 1929; Атлас М.С. Развитие Государственного банка СССР. М.: Госфиниздат, 1958. Обзор этой литературы см.: Davies R.W. A Short-Term Credit in the USSR: Some Post-War Problems // Soviet Studies. 1953/1954. Vol. 5. № 1. А также: Davies R.W. The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge: Cambridge University Press, 1958; Holzman F. Financing Soviet Economic Development // Capital Formation and Economic Growth / Ed. by M. Abramovitz. Princeton: Princeton University Press, 1955; Holzman F. Soviet Inflationary Pressures, 1928–1957 // Causes and Cures, Quarterly Journal of Economics. 1960. Vol. 74. № 2. P. 167–188; Arnold A. Banks, Credit, and Money in Soviet Russia. New York: Columbia University Press, 1937.

если продаст эту тонну за 800 рублей. Дополнительная прибыль на банковском счету предприятия X может быть использована только для осуществления плановых операций. Дополнительная прибыль не может быть использована для внеплановых закупок по усмотрению администрации предприятия.

Финансисты, работавшие до революции, были настроены откровенно скептически насчет того, что такая социалистическая финансовая система будет работать. Они не могли поверить в то, что «деньги не имеют значения». Если количество денег и кредитов превышает предложение товаров по установленным ценам, то цены должны возрасти. Если государственные расходы превышают государственный доход, необходимо выпустить дополнительные деньги. Если предприятия не платят друг другу вовремя, кредит выдается независимо от желания центрального банка. Предприятия будут повышать цены при наличии покупателей, соперничающих друг с другом за приобретение продукции предприятия, и спрос на деньги будет продолжать существовать.

Факты показывают, что изначальные намерения построения советской финансовой системы остались нереализованными. В соответствии с принципом, что финансовое планирование – пассивный слуга планирования в натуре («деньги следуют за планом»), денежная масса и реальный объем производства должны расти одинаковыми темпами. С 1932 по 1936 год реальный валовой внутренний продукт (ВВП) увеличился самое большее на 50 процентов; предложение потребительских товаров увеличилось совсем незначительно, если вообще увеличилось; в то же время предложение денег увеличилось минимум в два, а то и *в три раза*. Деньги не следовали за планом, другие факторы определяли предложение денег и кредита.

Значимость денег

Первым сюрпризом для советских финансовых органов стало то, что деньги сохраняли свое значение вопреки теоретическому стереотипу о том, что важны реальные товары – кирпич, сталь, трактора – а не деньги. Советская финансовая система использовала два вида денег: наличные и безналичные рубли. Наличные деньги использовались для выплаты заработной платы рабочим и при покупке потребительских товаров. Предприятия имели два текущих счета в Госбанке: с одного они могли снимать наличные деньги для выплаты заработной платы, а второй использовался только при безналичных расчетах при покупке материалов, уплате налогов и других операциях. Оба счета должны были быть строго разделены,

что контролировалось отраслевыми филиалами Госбанка. Теоретически, безналичные рубли нельзя было конвертировать в наличные, а фонды могли быть увеличены только с разрешения банка и только для целевых заданий. Если у предприятий не было достаточно средств для выполнения плановых заданий, они получали субсидии либо через наркомат, либо из государственного бюджета.

Как показывает стенограмма заседания НКТП, проходившего 11 мая 1935 года, финансовая самоокупаемость (или полный хозрасчет) не была среди приоритетов советского руководства. Товарищ Таль докладывал о результатах анкетирования, в котором у руководящих работников наркомата спрашивали, могут ли они работать без дотаций:

Таль: Она [анкета] заключала в себе два вопроса: «1. Назовите ориентировочную дату – месяц, квартал, год – когда вы откажетесь от дотации. 2. Если дотацию не получаете, то какую прибыль вы дадите в этом году? Заполните и передайте соседу». Первому эта анкета попала т. Бирману и он передал ее соседу, не заполнив. (*Смех в зале.*) Потом попала к тов. Макарову. Я не знаю, сговорился ли он с т. Бирманом, но сделал он точно так же – передал, не заполнив. Я по этому поводу вынужден был вести с Макаровым математический разговор и сказал ему: «Имей в виду, Макаров, ноль это тоже цифра и может иногда громко кричать». Когда попала эта анкета к т. Пучкову, то он написал, что со 2 полугодия отказывается от дотации. Самую лаконичную запись сделал т. Фушман: «1936». Размеров и всего прочего я не знаю. У т. Зоторева более сложная форма: «К концу 1935 г. предприятия Главка выходят с дотацией значительно меньше плановой, а с 1 квартала 1936 г. полностью отказываются от дотации». Так как размеров тут не указано и все это не воплощено в цифры, я не могу предъявить т. Серго и т. Пятакову как какой-то вклад. Дальше идет т. Осипов: «В зависимости от цены на спирт при ценах, существовавших до повышения, мы могли бы во 2 квартале 1935 г. отказаться от дотации». Это вполне естественно подкреплено улучшением качественных показателей, за которые блестяще борются т. Осипов и работники промышленности. Интересно замечание т. Зубжицкого: «При условии, что 65–75% программы 1936 г. будут состоять из машин, производящихся ранее или освоенных в 1935 г., Главк сможет в 1936 г. отказаться от дотации». По-моему, это оговорка консервативная. Если затронуть вопрос о технической политике в Главке, то вряд ли можно сказать, что у вас такие новые машины. Анкета маленькая, но, как видите, поучительная.

Орджоникидзе: Жаль, что ее дальше не продолжили.

Таль: Будем дальше продолжать.

Орджоникидзе: Теперь они не напишут, они думали, что делается это по-хорошему, что публиковать не будут⁵.

Подобные рассуждения предполагают, что производитель не был особо заинтересован в ценах. Более высокие цены означали увеличение количества безналичных рублей на банковских счетах, которые не могли быть конвертированы в наличные для выплат рабочим или приобретения потребительских товаров. Соответственно предприятие-продавец должно было быть удовлетворено официальными ценами, устанавливаемыми целым рядом организаций, начиная от Политбюро (в некоторых случаях Сталин сам устанавливал оптовые цены на сельхозпродукцию) и наркомата снабжения до бюро цен наркоматов и главков. Предполагалось, что именно эти государственные цены будут использоваться во время так называемых договорных кампаний по заключению генеральных и прямых договоров (см. главу 7), устанавливавших цены, сроки поставок, ассортимент и количество товара. Официальные установленные цены должны были быть опубликованы в специальных томах-прейскурантах, но часто последние было невозможно достать, или они вообще не составлялись. Штат бюро цен Главного управления металлургической промышленности (ГУМП) составлял всего лишь три человека. Соответственно производители нередко существенно отклонялись от официальных цен, особенно в 1930-е годы, для которых характерен рынок продавца (seller's market). Сталь, например, распределялась Стальсбытом при НКТП, который заключал генеральные договора и прикреплял потребителей к конкретным металлургическим заводам, с которыми они должны были заключать прямые договора. Фактически Стальсбыт являлся монополистом в вопросе распределения стали, как и другие наркоматовские отделы сбыта, такие, как Химсбыт или Шерстьсбыт, в отношении своих видов продукции⁶.

Предположение о том, что отсутствие заинтересованности в деньгах удержит монополистов от использования рыночных возможностей, не подтверждается фактами. Записка химического предприятия, покупателя специального машинного оборудования (поданная вместе со счетом, превышающим цену, указанную в договоре, на 50 процентов), суммирует дилемму покупателя: «Если мы не заплатим, продавец скажет: “Раз Вы не хотите платить, мы учтем это при рассмотрении Вашего следующего заказа”»⁷. Государственная арбитражная комиссия, разбиравшая жалобы на незаконное повышение цен, рассматривая отчет Мосштампа за 1935 год, вынесла ему выговор за увеличение цен, несмотря на то что он уже получал разрешение на повышение цен в 1934 году, а

⁵ РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 177. Л. 181.

⁶ ГАРФ. Ф. 8424. Оп. 1. Д. 1. Л. 8.

⁷ РГАЭ. Ф. 1880. Оп. 1. Д. 28. Л. 92.

также выговор артели «Ким» за повышение цен на 15–45 процентов. Оба случая были переданы в Центросоюз и инспекцию цен наркомата снабжения⁸. Арбитражная комиссия нашла незаконное увеличение цен Союзшерстью достаточно важным, чтобы сообщить о нем зампреда СНК (15 апреля 1935 г.): «Главарбитр при Ленинградском областном исполкоме сообщил мне, что всесоюзное объединение Союзшерстьсбыт вопреки ст. 12 Постановления СНК СССР от 10 января 1935 г. № 45 дало директиву своим базам об увеличении цен в среднем на 60,1% при отсутствии утвержденного НКЛП СССР прейскуранта»⁹. Даже наркомату оборонной промышленности приходилось сталкиваться со случаями незаконного повышения цен, несмотря на то что военные закупки должны были осуществляться на основе фиксированных цен. Поскольку оборонная промышленность работала на основе бюджета, установленного в рублях, увеличение цен, скажем, на танки означало поставку меньшего количества танков. Военные снабженцы жаловались на завышенные цены на военную продукцию по принципу: «сколько она стоит – вне зависимости от того, является ли полученная стоимость результатом правильной работы промышленности или же её бесхозяйственности»¹⁰. Уже в 1937 году наркомат оборонной промышленности ощущал необходимость предоставления ему полномочий проверять обоснованность производственных затрат предприятий.

Почему продавцы незаконно повышали цены, если они могли возместить свои потери с помощью субсидий, а платежи производились в строго контролируемых безналичных рублях, которые, как предполагалось, нельзя было перевести в наличные? Как показывают архивы, на самом деле на протяжении всего советского периода производители могли переводить безналичные рубли в наличные. Обналичивание было настолько широко распространено, что служило неожиданно мощным источником инфляции¹¹. Обналичивание денежных ресурсов вело к тому, что увеличение количества безналичных рублей на банковских счетах и рост кредитов означало, как будет показано далее в этой

главе, рост наличных денег¹². Какие выгоды могло извлечь руководство предприятия из этих дополнительных денег? Руководители не обладали правами собственности (они не владели акциями предприятий), и их привилегии (автомобиль или квартира) были неразрывно связаны с их должностью. Их единственная возможность заключалась в обналичивании безналичных рублей предприятия для удовлетворения своих собственных нужд или нужд предприятия¹³. Рис. 9.1 подчеркивает, что наличные являлись одной из форм оплаты горизонтальных сделок.

В теории, производителям, желавшим максимизировать свою неофициальную прибыль путем «серых» горизонтальных операций (см. главу 3), должны были быть выгодны *низкие* официальные цены. Ведь чем больше была разница между ценой, которую были готовы заплатить заинтересованные покупатели, и официальной ценой, тем выше была прибыль производителя в виде взяток¹⁴. Таким образом, устанавливая более высокие цены, производители упускали шанс получить взятки, равно как и другие возможности незаконно получить деньги. Тем не менее, архивы не содержат никаких свидетельств лоббирования производителями более низких цен. Пока не найдено ни одного случая, когда производитель добивался бы более низких официальных цен¹⁵.

Архивы не оставляют сомнений в ценности наличных денег. Партийцы шли на серьезный риск, для того чтобы аккумулировать наличные деньги. Архивы Комиссии партийного контроля (КПК), содержащие более трех тысяч дел об экономических преступлениях, начиная от незначительных проступков и до крупных хищений¹⁶, рассказывают о региональных руководителях, вымогающих деньги у местных предприятий¹⁷, партийных чиновниках, приказывающих местным отделениям банков перечислять крупные суммы денег на их личные счета, и даже о продаже членства в партии. Од-

⁸ Первые результаты выполнения контрактов в 1935 г. // Бюллетень Госарбитража. 1935. № 4, 8–9.

⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16. Д. 4308. Л. 19.

¹⁰ Симонов Н. Военно-промышленный комплекс в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1995. С. 93.

¹¹ Harrison M., Kim B.Y. Plan, Siphoning, and Corruption in the Soviet Command Economy // Warwick Economic Research Papers. 2001. № 606. P. 4.

¹² Tikhonov A., Gregory P. Central Planning and Unintended Consequences: Creating the Soviet Financial System, 1930–1939 // Journal of Economic History. 2000. Vol. 60. № 4.

¹³ Boettke P., Anderson G. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of the Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93. P. 37–53.

¹⁴ Shleifer A., Vishny R. Pervasive Shortages under Socialism // Rand Journal of Economics. 1993. Vol. 23. № 2. P. 237–246.

¹⁵ Harrison M., Kim B.Y. Plan, Siphoning, and Corruption in the Soviet Command Economy. P. 4.

¹⁶ Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 131–158.

¹⁷ Hoover Archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party» / РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 56. Л. 64–65.

ним из наиболее крупных дел 1930-х годов было дело о хищении астрономической суммы в 5 миллионов рублей руководителями Украинского фонда социального страхования в период с 1932 по 1935 год с помощью подтасовывания отчетности и даже торговли путевками в профсоюзный санаторий¹⁸. Крупные чиновники мехового треста создали общесоюзную сеть для получения взяток. В результате несколько чиновников треста было расстреляно. С 1939 по 1952 год за хищения из партии было исключено четверть миллиона человек, цифра, несомненно, впечатляющая¹⁹.

Потеря контроля над деньгами и кредитами

Вторым сюрпризом, который преподнесла советская финансовая система, стала невозможность контролировать предложение денег и кредита, проблема, ставшая очевидной уже в период нэпа (1921–1928 гг.). Экономика нэпа управлялась и была основана на «диктатуре финансов», когда наркомат финансов устанавливал лимиты по кредитам, которые предположительно должны были равняться объемам производства при заданных ценах. Отличительной чертой нэпа было объединение предприятий в тресты, продукция которых продавалась синдикатами, превратившимися к концу 1920-х годов в центры кредита и расчетов, занимающиеся планированием, снабжением, распределением и даже капитальным строительством²⁰. В годы нэпа лимиты по государственным кредитам удавалось обойти путем неофициальных кредитов в форме векселей, выдававшихся синдикатами. Держатели векселей обменивали их на деньги (ниже номинального курса) в Госбанке или в других государственных банках. Синдикаты даже брали на себя ответственность по долговым распискам своих неплатежеспособных предприятий и выступали в роли поручителей²¹. И наличные рубли, и краткосрочные кредиты только с 1925 по 1928 год увеличились почти одинаково, в 1,6 и 1,7 раза, несмотря на все усилия финансовых органов затормозить их рост. По мере того как синдикаты, тресты и предприятия выдавали друг другу кредиты, Госбанк был вынужден выпускать под

эти кредиты деньги и тем самым волей-неволей увеличивать предложение денег; если бы он отказался от этого, это сделали бы другие банки. В отсутствие угрозы банкротства расширение кредита автоматически означало рост денежной массы. Сочетание «мягких» бюджетных ограничений, коммерческих кредитов и конкуренции коммерческих банков за депозиты привело к утрате Государственным банком контроля над предложением денег еще во времена нэпа²².

Так же как Сталин заменил частное сельское хозяйство, которое он не мог контролировать, колхозами, опыт нэпа убедил финансовые органы в необходимости создания «командной» финансовой системы, которая обеспечила бы строгий контроль над наличными деньгами и кредитами.

Дискуссии о финансах. Начиная политику Великого перелома, советское правительство столкнулось с двумя противоположными взглядами на деньги и кредит. В соответствии с утопическими взглядами «левых», банки, деньги и кредит не должны были играть активной роли²³. Бюджетное финансирование и плановые кредиты заменят банки и коммерческий кредит. Деньги и кредиты автоматически следуют за материалами, производством и рабочей силой, по мере того как предприятия выполняют план. По словам Г.Л. Пятакова, председателя Госбанка в 1930 году, сторонника этой точки зрения, «кредитная реформа предполагает такую степень организованности во взаимоотношениях между отдельными частями обобщественного сектора, при которой невыполнение одной стороной своих обязательств может иметь место только в исключительных случаях»²⁴. Следовательно, «вопрос о кредитной дисциплине — это вопрос о плановой дисциплине»²⁵.

Специалисты, имевшие практический опыт в банковском деле, напротив, утверждали, что деньги и кредит будут продолжать играть традиционную роль при принятии решений о том, кто получит кредиты, и в вопросе контроля над их использованием. Предположение о том, что все будут выполнять планы точно в соответствии с приказами, противоречит человеческой природе. Специалисты называли утопические левые идеи рожденными в умах молодежи,

¹⁸ Hoover Archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party»/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 38. Л. 20–30; Д. 68. Л. 80.

¹⁹ Hoover Archive, collection «Archives of Former Soviet State and Communist Party»/РГАНИ. Ф. 6. Оп. 6. Д. 1, 3.

²⁰ Ципкин И.Н. Советский кредит. Ч. 1. С. 56.

²¹ Мы мало знаем о повседневных взаимоотношениях синдикатов и предприятий в период нэпа (см.: Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 1920-е гг.: Опыт регулирования и самоорганизации. М.: ИНИОН РАН, 1993; Канторович В.И. Советские синдикаты. М., 1928).

²² Арнольд показал, что, хотя Госбанк сократил объем выданных ссуд и учетных векселей в 1926/27 и в 1927/28 годах на 243 миллиона и 817 миллионов рублей соответственно, сумма выпущенных банкнот составила 333 миллиона и 337 миллионов рублей. Даже при том, что Госбанк не принимал векселя, их принимали его конкуренты. Arnold A. Banks, Credit, and Money in Soviet Russia. P. 279.

²³ Ibid. P. 358–363.

²⁴ Вестник правления Госбанка. 1930. № 15–16. С. 11.

²⁵ Вестник правления Госбанка. 1930. № 8. С. 8.

зараженной культом плана²⁶. Банки будут продолжать давать кредиты по своему усмотрению, проверять факты доставки и приемки товаров, проверять, были ли сделаны соответствующие выплаты.

Проведенная 30 января 1930 года сторонниками левых взглядов кредитная реформа предписывала проведение любых финансовых операций только по безналичному расчету. Госбанк становился монополистом, коммерческие кредиты были упразднены, а деньги автоматически переводились на счет продавца без разрешения покупателя, независимо от того, имело ли предприятие-покупатель денежные средства или нет, т.е. на практике реализовывалась утопическая идея планового автоматизма. Реформа предполагала идеальную плановую дисциплину и что плановый автоматизм создаст положение, когда кредиты будут следовать за товарами без надзора со стороны Госплана.

К разочарованию утопистов, автоматическое кредитование, осуществлявшееся Госбанком, позволило предприятиям требовать неограниченные кредиты. Как саркастически отмечено в докладе Рабоче-крестьянской инспекции: «Первый период кредитной реформы – период полного насыщения клиентуры деньгами и полного ее довольства»²⁷. Существенные отклонения и прямые нарушения правил, установленных реформой, такие, как поставки несезонных или незаказанных товаров, поставка товаров по завышенным ценам, предъявление в Госбанк счетов на просроченную задолженность и счетов на будущие поставки, стали повседневным явлением.

Несмотря на то что целью реформы было передать в руки Госбанка управление всеми деньгами и кредитами, Госбанк утратил контроль. Ему не хватало информации, и он был совершенно перегружен работой. По словам председателя Госбанка, отношения промышленных предприятий и торговых организаций с другими предприятиями стали настолько сложными, что в конечном итоге ни одна организация не имела полных сведений о финансовом положении предприятия²⁸. В недрах новоиспеченной централизованной системы расчетов затерялось множество платежей, количество непроведенных счетов-фактур увеличилось в десять раз только за первые два месяца осуществления кредитной реформы, достигнув сорока тысяч. Никто не мог сказать, сократился или возрос долг предприятий²⁹.

Объемы денег и кредитов росли с астрономической скоростью: кредиты Госбанка возросли на 87%, а эмиссия – на 78% только за 1929/30 хозяйственный год, повторяя опыт нэпа и в очередной раз доказывая, что увеличение кредита автоматически ведет к увеличению денежной массы³⁰. Плановый автоматизм снял ответственность с некредитоспособных клиентов и возложил ее на платежеспособных заказчиков, а в конечном итоге – на Госбанк и госбюджет, как кредиторов последней инстанции³¹.

Реформа 1931 года: становление командной финансовой системы. Провал кредитной реформы 1930 года привел к замене руководства Госбанка. Плановый автоматизм был отправлен в мусорную корзину, и с января 1931 года была начата новая реформа. Новые правила кредита были установлены постановлениями СНК от 24 января и 20 марта 1931 года. Как и по реформе 1930 года, Госбанк оставался единственным источником банковского кредита, коммерческие кредиты были запрещены, финансовые операции между предприятиями должны были осуществляться по безналичному расчету. Однако было добавлено несколько новых деталей, которые превращали Госбанк в административно-командный центр финансирования. Теперь Госбанк должен был осуществлять активный контроль над операциями, оплачивая счета-фактуры только с согласия покупателя. Госбанк в первую очередь должен был давать кредиты на торговые операции, а не на производство, и обеспечивать предприятия собственными оборотными средствами, чтобы добиться их самоокупаемости. Дополнительное постановление СНК, изданное в июле 1932 года, установило процедуру банкротства, призванную бороться с «мягкими» бюджетными ограничениями. Целью этого второго этапа реформ было ограничение роста кредитов. Банковские кредиты должны были выдаваться только торговым организациям. Производственные предприятия должны были использовать свои собственные оборотные средства; процедура банкротства должна была обеспечить введение «жестких» бюджетных ограничений.

На рисунке 9.2 приведена динамика различных финансовых индикаторов в 1932–1936 годах, показывающая полный провал второго этапа реформ. Денежный агрегат М1 (наличные деньги в

²⁶ Ситнин В.К. Воспоминания финансиста. С. 29.

²⁷ ГАРФ. Ф. 374. Оп. 7. Д. 943. Л. 31–32.

²⁸ Вестник правления Госбанка. 1930. № 8, С. 3.

²⁹ Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 325.

³⁰ Вестник правления Госбанка. 1930. № 30. С. 1.

³¹ Связь с бюджетом была следующей: основным источником доходов государства в 1930-е годы были налоги с оборота предприятий и другие налоги, которые выплачивались в госбюджет независимо от того, были ли средства на счету предприятия. Если средства предприятия были недостаточны, налог с оборота оплачивался кредитом Госбанка, что автоматически приводило к увеличению предложения денег.

обращении плюс депозитные счета в Госбанке) увеличился в три раза, а количество наличных денег удвоилось. Темпы роста М1 составили 43 процента в год, кредитов Госбанка – 80 процентов в год, L1 – 38 процентов в год, в то время как темпы роста ВВП составляли примерно 10 процентов в год, если считать в ценах 1928 года, и около 4 процентов, если считать в ценах 1937 года. Объем коммерческих кредитов рос не столь быстро, тем не менее они не исчезли. Несомненно, этот быстрый рост был не тем результатом, который ожидали инициаторы реформы 1931–1932 годов. Денежные агрегаты росли быстрее, чем реальная экономика³².

Рис. 9.2 ставит три важных вопроса. Первый – почему сохранились коммерческие кредиты, вопреки усилиям официальных властей? Второй – почему кредиты Госбанка выросли столь существенно, несмотря на стремление властей ограничить их рост? И третий – почему количество денег в обращении увеличивалось так быстро?

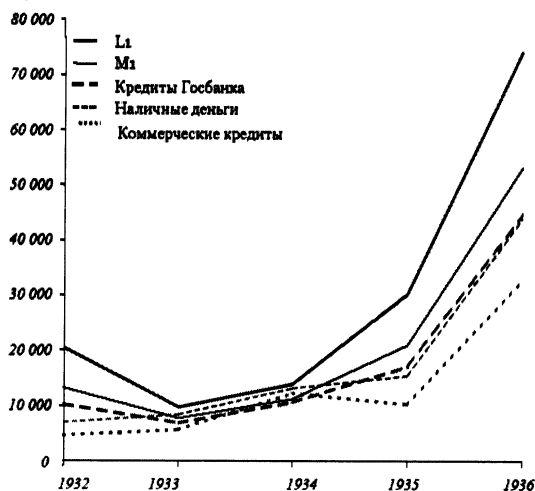

Рис. 9.2. Денежные агрегаты, 1932–1936 (на 1 января каждого года)

Источники: Khlevnyuk O., Davies R. The End of Rationing in the Soviet Union 1934–1935 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 4. Tables 2, 4; Arnold A. Banks,

³² По А. Бергсону, среднегодовые темпы роста с 1928 по 1937 год составили 12 процентов (Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia Since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. P. 261). Если мы примем эти темпы для периода с 1932 по 1936 год, то это даст суммарное увеличение ВВП приблизительно в 1,6 раза, что намного ниже темпов роста денежных агрегатов. Если мы пересчитаем оценку Бергсона в ценах 1937 года, суммарный рост ВВП за этот период составит только 1,3 раза.

Credit, and Money in Soviet Russia. New York: Columbia University Press, 1937. Table 62.

M1 – сумма наличных денег в обращении плюс кредиты Госбанка;

L1 – M1 плюс коммерческие кредиты.

Живучесть коммерческих кредитов. Несмотря на то что кредитные реформы 1930–1932 годов запрещали коммерческие кредиты, статус различных видов кредитования предприятия предприятием (долговые расписки, переводные векселя, кредиты продавца покупателю и кредиты покупателя продавцу) оставался неопределенным³³. «Незаконные» коммерческие кредиты оставались неизменной величиной советской экономической жизни, как видно из слов директора Госбанка, утверждавшего в 1938 году, что, несмотря на законы, запрещающие предприятиям кредитовать друг друга, на самом деле ничего не изменилось³⁴. Можно понять разочарование Госбанка по поводу живучести коммерческих кредитов. Госбанк был единственным органом, предоставляющим легальные кредиты, а коммерческие кредиты предприятия предприятию создавали финансовую параллель, основу для внеплановых горизонтальных сделок. Более того, когда предприятия отказывались платить, оказывался виноватым Госбанк как кредитор последней инстанции. До тех пор пока платежи по операциям осуществляются не мгновенно, кредиты остаются автоматическими³⁵. Кроме того, предприятия, тресты, главки, и наркоматы обладали более полной информацией, необходимой для принятия решений о предоставлении и получении займов, нежели Госбанк³⁶. Коммерческие кредиты могли также предоставляться в особых ситуациях,

³³ См.: Arnold A. Banks, Credit, and Money in Soviet Russia.

³⁴ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 4489. Л. 30.

³⁵ В.К. Ситнин, один из создателей этой финансовой системы, использовал пример трех гипотетических предприятий «Руда», «Кокс» и «Машины», чтобы показать, что административно-командная экономика автоматически генерирует коммерческие кредиты, нравится это финансовым органам или нет. Каждый раз, когда производится поставка сырья и материалов, возникает кредит, либо специально предоставленный Госбанком, либо спонтанно предоставляемый самими предприятиями. Клиринговые платежи не могут производиться на каждом этапе движения материалов. Более того, по утверждению Ситнина, такие кредитные операции перераспределяют ресурсы. Если предприятие «Руда» и предприятие «Кокс» получают оплату оперативно по цене, отражающей стоимость их ресурсов, перераспределения не происходит; но если им платят с запозданием, вообще не платят или платят по цене ниже себестоимости, происходит перераспределение ресурсов. В случае неплатежей или задержек платежей страдает в большей степени не тот, кто получает ресурсы, не имея возможности их оплатить, а тот, кто их направляет, т.е. кредитор (Ситнин В.К. Платежи в черной металлургии // Экономическая жизнь. 1933. № 69).

³⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900. Л. 13.

скажем, таких, как производство нестандартной продукции. Из сотен предприятий тяжелой промышленности, которые производили нестандартное полотно в Ленинграде, только пять кредитовались Госбанком. Остальные работали с коммерческими кредитами³⁷.

Таблица 9.1. *Распределение кредитов Госбанка, 1933–1936 (в процентах)*

	1933	1934	1935	1936
Торговые организации	23	29	34	28
НКПП (пищевая промышленность)	17	16	17	20
Комзаг (комитет заготовок)	16	15	12	11
НКТП (тяжелая промышленность)	9	9	11	11
Сельское хозяйство	8	6	5	5
НКЛП (легкая промышленность)	7	6	6	10
НКПС (транспорт)	4	3	3	3
НКЛес (лесная промышленность)	4	4	3	3
Промкооперация	4	2	2	1
Внешторг (внешняя торговля)	3	4	2	1

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 16. Д. 74.

Таблица 9.1 показывает, что торговые организации, которые давали только 10 процентов национального дохода в 1930 году³⁸, получали более половины кредитов Госбанка в середине 1930-х годов, как и предполагала реформа 1931 года. При этом основными получателями выступали торговые предприятия и сельскохозяйственные заготовительные организации. Производственные предприятия не были полностью отрезаны от кредитов. В 1933 и 1936 годах промышленные наркоматы и транспортные организации получили одну треть выделенных Госбанком кредитов. Таблица 9.2 показывает, что предприятия, которым не доставалось кредитов Госбанка, чаще пользовались коммерческими кредитами. Торговые организации занимали первое место и по государственным, и по коммерческим кредитам; предприятия тяжелой промышленности занимали второе место по коммерческим кредитам, но лишь четвертое по кредитам Госбанка; транспорт-

ные предприятия занимали восьмое место по кредитам Госбанка и четвертое место по коммерческим кредитам. Факт наличия подобных «рокировок» означает, что либо коммерческие кредиты использовались с целью помешать выполнению директив центра, либо «неофициальные» кредиты были жизненно необходимы, поскольку без них предприятия не могли выполнить планы.

Таблица 9.2. *Коммерческие кредиты и кредиты Госбанка (ранжированы в убывающем порядке)*

Сектор	Торговая задолженность	Коммерческие кредиты	Кредиты Госбанка
Торговые организации	1	1	1
Тяжелая промышленность	2	2	4
Пищевая промышленность	3	3	2
Транспорт	5	4	8
Снабжение	4	5	3
Сельское хозяйство	6	6	6
Легкая промышленность	9	7	5
Внешняя торговля	10	8	9
Кооперация	7	9	10
Лесная промышленность	8	10	7

Источник: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900.

Коммерческие кредиты сохранились еще и потому, что руководители некоторых предприятий на самом деле отдавали им предпочтение перед кредитами Госбанка. Газета «Экономическая жизнь» описывала следующий случай. Московскому хлебозаводу № 4 было положено иметь оборотных средств на общую сумму 800 тыс. рублей. Реально же было выделено 136 тыс. Вместо того чтобы требовать дополнительные средства, хлебозавод предпочитал договариваться с объединением «Союзмука», чтобы та не выставляла счетов за поставленную продукцию. В итоге коммерческий кредит, полученный заводом, достиг в 1931–1932 годах 1,7 миллиона рублей.

Предприятия предпочитали коммерческие кредиты, поскольку «это спокойнее. Можно плевать на требования банка о борьбе за хозрасчет, об улучшении отчетности»³⁹. Предприятия избегали уплаты налога с оборота, получая плату за свою продукцию в виде долговых расписок: два предприятия ленинградского комбината «Треугольник», например, скрывали свой доход в течение девяти месяцев и таким образом сэкономили на налогах более миллиона

³⁷ Экономическая жизнь. 1933. № 8.

³⁸ Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil. P. 489.

³⁹ Экономическая жизнь. 1933. № 38.

рублей⁴⁰. «Экономическая жизнь» приводила такой пример. Объединение «Союзмясо», имея 71 миллион рублей прибыли, скрывало их, добиваясь от правительства дополнительных ассигнований в размере 54 миллионов рублей для покрытия убытков⁴¹. Проверка НКФ 1936 года показала, что предприятия использовали коммерческие кредиты (внеплановые) на различного рода иммобилизацию оборотных средств и для того, чтобы скрывать свое неумение правильно организовывать оборотные средства⁴².

Госбанк как кредитор последней инстанции. Почему же Госбанк продолжал выдавать кредиты вместо того, чтобы удерживать их рост на уровне темпов роста экономики? Наиболее вероятный ответ заключается в том, что при отсутствии «жестких» бюджетных ограничений Госбанк не смог избежать роли кредитора последней инстанции. Постановление от 20 января 1932 года «О порядке регистрации неплатежеспособных хозорганов» стало неудачной попыткой наложить жесткие бюджетные ограничения, установив процедуру банкротства⁴³. Это постановление привело к созданию на какое-то время «внепланового» оптового рынка, поскольку заказчики отказывались от заказов. Однако документы 1930-х годов не содержат примеров банкротств⁴⁴. В 1938 году расстроенный председатель Госбанка писал, что, если предприятие имеет просроченные платежи, оно может быть вполне довольным собой, поскольку оно все равно получит деньги и на зарплату, и на другие нужды⁴⁵. Промышленные наркоматы, их отраслевые отде-

⁴⁰ Нарком финансов Гринько цитировал этот случай в своей речи при вступлении в должность. *Экономическая жизнь*. 1933. № 24.

⁴¹ *Экономическая жизнь*. 1933. № 24.

⁴² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900. Л. 13.

⁴³ В соответствии с этим постановлением, предприятие признавалось неплатежеспособным, если оно не выполнило своих обязательств по платежам или не погасило банковский кредит. В случае неоплаты счета в течение 10 дней предприятие объявлялось неисправным плательщиком. В случае повторной неоплаты в том же квартале предприятие объявлялось неплатежеспособным.

⁴⁴ Предприятия могли избежать платежей, если они отказывались от получения товаров. Товары, от которых отказывались покупатели, попадали в распоряжение местных филиалов Госбанка. В газетах того времени часто появлялись объявления о распродажах промышленных товаров и товаров широкого потребления. Например: «Чудовский филиал Госбанка, из-за просроченных платежей, объявляет распродажу изоляционных материалов, которые принадлежат Заводу Коминтерн. По всем вопросам обращаться в Чудовский филиал Госбанка» (*Экономическая жизнь*. 1933. № 36). В некоторых случаях такие распродажи использовались для того, чтобы обойти директивы центра. Так, например, Средневолжский филиал Госбанка под давлением местного руководства заставил целый ряд кооперативов продать сахар, который предназначался для других регионов. В результате в том районе сахара хватило на полтора года, в то время как в других районах сахара был в дефиците.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 4489. Л. 54.

лы и даже центральные органы утверждали, что введение реальной процедуры банкротства приведет к снижению объемов производства. Государство не могло позволить себе лишиться продукции, выпускаемой неплатежеспособным заводом, а завод, в свою очередь, не мог выпускать продукцию без материальных поставок, за которые нужно было платить. Следовательно, потери всех заинтересованных сторон от закрытия предприятия были слишком велики, и было проще взять его на поруки. Несомненно, предприятия осознавали это и действовали оппортунистически.

Кредиты Госбанка и легальные коммерческие кредиты, выдаваемые наркоматами и предприятиями, поддерживали неплатежеспособные предприятия на плаву. Когда кредиты не возвращались, возрастала задолженность. Просроченные кредиты, т.е. задолженность, в 1930-е годы бурно росли, увеличиваясь в 1934–1939 годах в среднем на 27 процентов в год. Однако в 1930-е годы суммарная задолженность была невелика в сравнении с ВВП: на самом пике (в 1937 году) она составила около 2 процентов ВВП, в отличие от задолженности середины 1990-х годов, составившей почти половину ВВП⁴⁶.

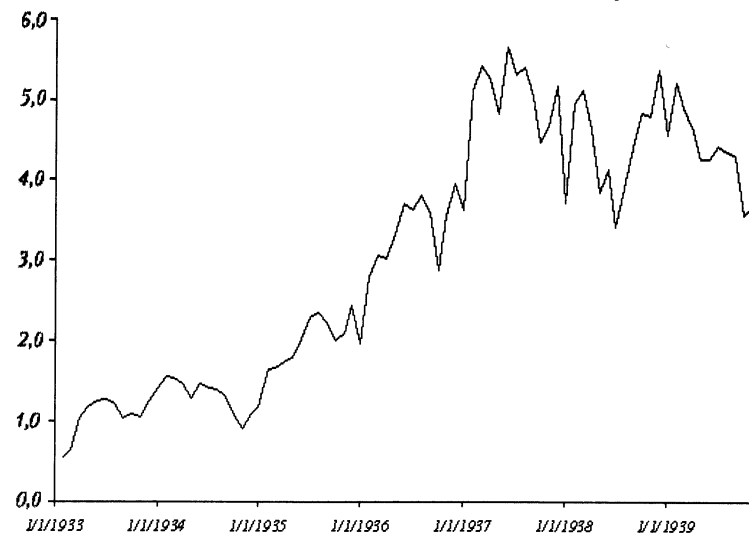

Рис. 9.3. Суммарная среднеемесячная задолженность предприятий, 1933–1939 (млн руб.)

Источник: РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 637.

⁴⁶ Gaddy C., Ickes B. Russia's Virtual Economy // Foreign Affairs. 1998. Sept.–Oct. P. 53–67. См. также: Desai P., Idson T. Work Without Wages: Russia's Non-Payment Crisis. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

Рис. 9.3 показывает «всплески» суммарной задолженности в 1935 и 1936 годах и в начале 1937 года⁴⁷. Задолженность стабилизировалась тогда, когда Госбанк как кредитор последней инстанции выделял кредиты для покрытия неплатежей. Финансовые власти были недовольны тем, что промышленные наркоматы позволяли нарушать финансовую дисциплину. В 1938 году в отчете Госбанка констатировалось, что неплатежи стали систематическими⁴⁸ и что имело место массовое перераспределение ресурсов из «здоровых» организаций в «нездоровые» по *распоряжениям наркоматов*. А когда власти хотят, чтобы кто-либо нес ответственность за это, ничего не происходит⁴⁹. На протяжении 1930-х годов задолженность по платежам вызывала тревогу⁵⁰. Финансовые власти пришли к выводу о том, что невозвращенные кредиты непосредственно нарушают основные правила кредитной реформы⁵¹. Некоторые задолженности погашались наркоматами или региональными властями, или же наркоматы перераспределяли финансовые ресурсы от прибыльных предприятий к неприбыльным, но большинство задолженностей приходилось погашать Госбанку. Один из известных финансистов того времени, В.К. Ситнин, писал в своих мемуарах о том, что ежегодно Госбанк производил единовременный зачет взаимных неплатежей предприятий и отраслей друг другу, широко используя для этого кредиты⁵². Подобные зачеты были лишь краткосрочными полумерами. В отчете Госбанка за 1933 год говорилось, что, хотя одномоментная ликвидация взаимных задолженностей в наркомате тяжелой промышленности стала главным административным мероприятием прошлого года, она имела лишь краткосрочный эффект, и через короткий период времени отношения между кредиторами и дебиторами вернулись к своему первоначальному со-

⁴⁷ РГАЭ. Ф. 2374. Оп. 20. Д. 637.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 4489. Л. 28.

⁴⁹ РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 20. Д. 4489. Л. 30.

⁵⁰ В докладе, подготовленном наркомом финансов, немногим более 50 процентов коммерческих кредитов и около 70 процентов всей суммарной задолженности предприятий между 1932 и 1936 годами классифицировались как незаконные. «Законность» определялась статусом платежа, при этом сильно просроченные платежи заносились в специальные картотеки, которые могли быть заморожены по желанию наркомата. Так, например, 1 января 1937 года суммарная задолженность составляла 3625 миллионов рублей, из них 252 миллиона рублей на счетах предприятий классифицировались как замороженные (арестованные) (Ситнин В.К. Дебиторско-кредиторская задолженность в 1935 году // РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900).

⁵¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900. Л. 4.

⁵² Ситнин В.К. Платежи в черной металлургии. С. 40.

стоянию⁵³. Подобные действия Госбанка привели к сокращениям суммарной задолженности в 1937, 1938 и 1939 годах, но каждый раз они давали лишь кратковременный эффект. Согласно отчету Госбанка за 1937 год, в конце года Госбанк провел искусственную амортизацию просроченных кредитов и неоплаченных счетов поставщиков. Однако сам Госбанк признавал ненадежность подобной амортизации, которая могла привести к увеличению задолженности по кредитам в будущем году⁵⁴.

Освобождение предприятий от долгов оказалось слишком сложным для Госбанка, так как он должен был иметь дело с участниками сделок, обладающими знанием местных условий. К концу 1930-х годов большинство взаимозачетов проводилось через региональные или наркоматовские расчетные организации. В 1939 году 108 действующих бюро взаимных расчетов (БВП), открытых Госбанком, осуществляли только 11 процентов всех взаимозачетов⁵⁵. Возвращение права проведения взаимозачетов промышленным и местным властям стало еще одной причиной существенного ослабления централизованного контроля над операциями. Однако децентрализованные взаимозачеты имели и достоинство, сокращая объемы рефинансирования Госбанка.

Денежные суррогаты. В отличие от современных рыночных экономик, в которых средства на текущих счетах и наличные деньги взаимозаменяемы, советская административно-командная экономика попыталась (вспомните перекачивание денег) провести четкое разграничение между наличными и безналичными деньгами. В 1930-е годы и позднее финансовые власти боялись инфляционного эффекта повышения заработной платы и соответственно боролись за ограничение фондов заработной платы предприятий⁵⁶. Фактически, само Политбюро было вынуждено одобрять денежные эмиссии, а председатель Госбанка и нарком финансов наказывались за то, что не смогли ограничить денежные эмиссии⁵⁷.

Тот факт, что количество наличных денег в обращении почти удвоилось с 1932 по 1936 год, показывает, что официальные лица из Госбанка и НКФ не могли сдержать эмиссию. Очевидно,

⁵³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 12. Д. 332. Л. 50.

⁵⁴ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 15. Д. 325. Л. 56.

⁵⁵ Davies R.W. A Short-Term Credit in the USSR. P. 23.

⁵⁶ Granick D. Job Rights in the Soviet Union: Their Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 58–60.

⁵⁷ Khlevnyuk O., Davies R.W. The End of Rationing in the Soviet Union 1934–1935 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 4. P. 586–590.

что с ростом занятости в промышленности и увеличением заработной платы в промышленности спрос на наличные увеличился⁵⁸. Несмотря на рост наличных денежных средств, в середине 1930-х годов задолженности по зарплате росли. К 1 января 1936 года невыплаты по заработной плате составили 359 миллионов рублей, около одной пятой коммерческого долга⁵⁹.

Подобно тому как рыночные экономики отвечают на нехватку денежных средств созданием суррогатов, советские предприятия и организации выпускали денежные суррогаты, чтобы смягчить задолженности по заработной плате. Денежные суррогаты еще во времена нэпа были распространены настолько, что потребовалось вмешательство со стороны властей: 29 февраля 1924 Совет труда и обороны издал специальное постановление, запрещающее всем государственным, кооперативным и частным организациям, предприятиям и лицам выпуск, без особого на то разрешения НКФ СССР, каких бы то ни было денежных суррогатов⁶⁰. В соответствии с этим решением наркомат финансов получил право ликвидировать организации, нелегально выпускающие денежные суррогаты. Централизация финансового управления в 1930 и 1931 годах должна была положить конец денежным суррогатам, но они не исчезли. Третьего июня 1930 года СНК выпустил специальное постановление, в соответствии с которым выпуск «других платежных средств» допускался только с согласия НКФ⁶¹. В отличие от постановления 1924 года, новое постановление не устанавливало никакого наказания за выпуск несанкционированных денежных суррогатов.

Использование денежных суррогатов достигло своего пика в 1934 и 1935 годах. Расследование, проведенное летом 1935 года, вскрыло 1340 таких случаев⁶². Доклад НКФ показал, что в июле и в августе 1935 года финансовые органы выделили немалые средства для борьбы с заменителями денег⁶³. Борьба против денежных суррогатов усилилась после издания постановления от 31 мая 1935 года, вводившего уголовное наказание за незаконный выпуск ценных бумаг и денежных суррогатов. Руководство полиграфических предприятий, выполнявших заказы на денеж-

ные суррогаты, и директора магазинов, которые принимали суррогаты в оплату, также подлежали уголовной ответственности⁶⁴.

На Урале денежные суррогаты широко использовались при расчетах с детдомами, больницами, выдавшими их в качестве зарплаты своим работникам, которые, в свою очередь, тратили их в местных магазинах. Рабочие привыкли к бонам как к обычному средству расчетов⁶⁵. Статья в местной газете под названием «Как в Иртышском районе отменили деньги», оказавшаяся в архиве НКФ, рассказывала о том, что в Восточном Казахстане заработная плата не выплачивалась в течение пяти-шести месяцев. В результате руководство МТС печатало боны для авансовой выплаты заработной платы. В статье приводилось высказывание одного рабочего: «Нам нужны деньги, а вместо них дают боны. Хочешь — не хочешь, а иди в столовую кушать сельповские помои»⁶⁶. Такие боны имели широкое хождение, а некоторые даже обменивались выше номинала (например, талоны Молоковской МТС). И все-таки в основном боны обменивались по курсу ниже номинальной стоимости⁶⁷.

Борьба государства с денежными суррогатами могла парализовать работу сектора услуг, поскольку полное согласование означало, что все потенциальные денежные суррогаты, в том числе и студенческие талоны на питание, автобусные талоны или билеты в кино, должны были одобряться НКФ. В 1935 году один партийный руководитель предупреждал НКФ, что «трудно усмотреть в ныне действующих билетах, применяемых много лет, денежные суррогаты, и, кроме того, во многих городах старые билеты отпечатаны в размере годовой потребности и замена билетов старого образца потребует расхода в несколько сот тонн бумаги»⁶⁸.

Несмотря на угрозы со стороны администрации, местные суды обычно отказывались рассматривать «суррогатные» дела. Не имея возможности добиться наказания, 21 августа 1935 года СНК объявил амнистию по делам о незаконных денежных суррогатах, напечатанных до 31 мая текущего года. Сотрудники НКФ справедливо видели в задолженности и денежных суррогатах две стороны одной и той же медали. В обоих случаях предприятия не имели ликвидных средств для проведения платежей. В первом случае задолженность накапливалась по отношению к поставщикам; во втором предприятия печатали денежные суррога-

⁵⁸ Holzman F. Soviet Inflationary Pressures. P. 167–188.

⁵⁹ Этот подсчет был произведен в докладе, подготовленном В.К. Ситниным. РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900. Л. 7.

⁶⁰ Денежное обращение и кредит в СССР. 1938. С. 112.

⁶¹ Там же. С. 241.

⁶² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 764. Л. 39.

⁶³ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 761. Л. 22.

⁶⁴ Денежное обращение и кредит в СССР. 1938. С. 318.

⁶⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 764. Л. 36.

⁶⁶ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 764. Л. 59.

⁶⁷ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 764. Л. 73.

⁶⁸ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 13. Д. 764. Л. 63.

ты для выплат рабочим. Руководство предприятий сталкивалось в обоих случаях с одним и тем же выбором: толерантность или банкротство. Сталкиваясь с подобной проблемой, они старались уклониться от решения. В ситуации жестких ограничений по кредитам предприятия предпочитали утратить платежеспособность, нежели отказаться от производства.

Государственный бюджет, экспорт и финансирование капитальных вложений

Так же как финансовые расчеты по поставкам товаров, предоставлению услуг и заработной плате являлись финансовым эквивалентом текущих физических операций, доходы и расходы государственного бюджета представляли собой финансовую сторону капитальных вложений физических товаров. Несмотря на то что по мере работы предприятий износ оборудования накапливался, а предприятия получали прибыль, фактически всё финансирование капитальных вложений велось из государственного бюджета по строке «расходы на народное хозяйство». В теории финансирование капитальных вложений должно было следовать за планом капитальных вложений в натуре. Однако никаких балансов в натуре по оборудованию или строительству фактически не существовало (см. главу 4). Все планирование производилось в рублях. Несмотря на то что Политбюро действительно тщательно следило за основными строительными объектами, планирование капитальных вложений в натуре было развито довольно слабо. СНК и Госплан утверждали титульные списки инвестиционных проектов для распределения фондируемых ресурсов, и каждый инвестиционный проект должен был иметь утвержденный бюджет. Но, как было показано в главе 6, наркоматы и главки не спешили составлять сметы расходов, и множество инвестиционных проектов осуществлялось в отсутствие расчетов себестоимости. В главе 4 описан план капитальных вложений, который обычно составлялся в рублях в разбивке по наркоматам и республикам и предоставлял этим организациям право расходовать бюджетные финансовые средства (которые предоставляли различные инвестиционные банки) на финансирование капитальных вложений. В главе 6 мы показали, что эти инвестиционные банки и НКФ не сильно стремились осуществлять строгий контроль над расходами из страха быть обвиненными в саботаже важнейших государственных проектов.

Связь между планом капитальных вложений и государственным бюджетом была следующей: план капитальных вложений (и

титульный список) наделял наркоматы, главки и предприятия правом получать средства для финансирования капитальных вложений в размере, определенном планом капитальных вложений, плюс любое увеличение стоимости или минус любое снижение стоимости финансируемых проектов. В соответствии с теорией, что «деньги следуют за планом», если план капитальных вложений устанавливал для всей экономики расходы на капитальные вложения в определенном размере, то это означало, что финансирование капитальных вложений в этом объеме автоматически должно было быть в наличии. Но в реальности этого не было.

Схемы финансирования капитальных вложений. Капитальные вложения в натуре – предприятия, оборудование и материалы – можно разделить на импортируемые средства производства (в основном это касается оборудования) и средства производства, создаваемые внутри страны. В большинстве рыночных экономик эти два вида капитала сочетаемы, поскольку ценность импортируемых средств производства может быть пересчитана в национальной валюте по рыночному обменному курсу. В советской административно-командной экономике импортируемые средства производства, которые оплачивали в иностранной валюте, были жестко отделены от средств производства, созданных советскими предприятиями, за которые платили в рублях. Импортируемые средства производства должны были оплачиваться из экспортных поступлений, в то время как отечественные средства производства оплачивались из централизованного инвестиционного фонда, части государственного бюджета. Таким образом, существовало две схемы финансирования капитальных вложений: одна – для импортируемых средств производства, вторая – для советских.

Импортируемые средства производства. Советской экономике 1930-х годов требовалось импортное оборудование и технологии для создания собственной промышленной базы. В начале 1930-х годов Советское государство импортировало 89 процентов всех турбин, паровых котлов и генераторов, 66 процентов всех станков⁶⁹. Поскольку дефолт 1918 года лишил Советский Союз доступа к иностранным кредитам, количество импортируемых средств производства ограничивалось суммой экспортных поступлений. То есть импорт средств производства = экспортные поступления – импорт потребительских товаров.

⁶⁹ Holzman F. Foreign Trade // Economic Trends in the Soviet Union / Ed. by A. Bergson, S. Kuznets. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. P. 297–298. См. также: Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930. Stanford: Hoover Institution Press, 1971.

Политбюро посвящало много времени обсуждению плана импорта-экспорта. Сталин возглавлял валютную комиссию Политбюро, которой он руководил железной рукой. Это был один из тех редких случаев, когда Сталин взял на себя руководство распределением одного из важнейших ресурсов. Главными помощниками Сталина в этом вопросе были нарком снабжения Микоян (кандидат в члены Политбюро с 1925 года, член Политбюро с 1935 года, один из немногих «старых большевиков», переживших чистки 1930-х годов), промышленные наркомы, чьи наркоматы нуждались в импортных средствах производства, и несколько чиновников, отвечавших за импорт товаров широкого потребления. Руководимая Сталиным валютная комиссия проводила политику практически стопроцентного использования иностранной валюты на приобретение средств производства, которые сама комиссия и распределяла. Страсти по поводу распределения валютных средств поднимали наркомы (тяжелой промышленности, путей сообщения и другие), доказывавшие крайнюю нужду своих наркоматов в импортных средствах производства. Сталин видел свою задачу в защите общесоюзных интересов и борьбе с чрезмерными аппетитами наркомов (таких, как упорный Орджоникидзе): «Вопрос об использовании этих денег должен быть обсужден особо с учетом интереса государства в целом, а не только ВСНХ»⁷⁰. Сталин особенно разозлился, когда Орджоникидзе вынудил Политбюро в его отсутствие одобрить крупный заказ на импортную продукцию для тяжелой промышленности:

ВСНХ пытается ограбить государственную валютную кассу из-за импорта металла, а импортированный уже для Челябинского металл оказывается безхозным, ввиду чего разбазаривают и распродают его чуть ли не с торгов. Преступники и сволочи!⁷¹

Сталин отклонял любые заявки на импорт, мотивируя тем, что эти товары должны производиться советскими предприятиями. Он жестко отвергал попытки использования иностранной валюты для приобретения потребительских товаров, настаивая, например, на том, что «впредь машины “Роллс-ройс” не следует импортировать»⁷². И что более важно, Сталин строго придерживался политики не импортировать хлеб:

⁷⁰ Сталин и Каганович. Переписка. С. 88.

⁷¹ Там же. С. 101.

⁷² Там же. С. 350.

Импорт хлеба теперь, когда за границей кричат о недостатке хлеба в СССР, может дать только политический минус. Советую воздержаться от импорта. Ячмень и овес надо вывезти, так как нам очень нужна валюта⁷³.

Микоян, ответственный за заготовки и экспорт сельхозпродукции, вызывал гнев Сталина своими неоднократными просьбами понизить задания по заготовкам и экспорту. Каганович писал Сталину 30 августа 1931 года: «В экспортном плане на сентябрь был горячий спор о размерах хлебного экспорта. Микоян, Яковлев требовали уменьшения плана...»⁷⁴ Подобные ведомственные действия Микояна вызвали гневную реакцию Сталина: «Из третьего пункта телеграммы Микояна видно, что бюрократическому самонению Наркоснаба нет пределов»⁷⁵. Несомненно, работа Микояна по форсированию хлебозаготовок была жизненно важной, поскольку зерно являлось основным источником иностранной валюты. Политбюро разбивало хлебозаготовительные планы по регионам и месяцам и тщательно следило за их выполнением, иногда получая отчеты о ходе хлебозаготовок каждые пять дней⁷⁶. Вопросы экспорта нефти также занимали существенную часть времени Политбюро⁷⁷. Когда возникла угроза невыполнения плана по добыче бакинской нефти, в Политбюро забили тревогу⁷⁸. Сталинская валютная комиссия жестко контролировала выполнение экспортно-импортного плана. Лишь немногие потребительские товары просачивались через сталинскую сеть.

Советские средства производства. Советские средства производства финансировались за счет доходов госбюджета (или за счет денежных эмиссий) по следующей формуле: *капитальные товары отечественного производства = доходы государственного бюджета – расходы по другим статьям + денежные эмиссии*⁷⁹.

Так же как импорт потребительских товаров означал соответственное уменьшение импорта средств производства, расходы по другим статьям государственного бюджета ограничивали объем финансирования советских средств производства. Капитальные вложения финансировались из поступлений государственного

⁷³ Сталин и Каганович. Переписка. С. 462.

⁷⁴ Там же. С. 74.

⁷⁵ Там же. С. 62.

⁷⁶ Там же. С. 509.

⁷⁷ Там же. С. 309.

⁷⁸ Там же. С. 312.

⁷⁹ В данной формуле не учитывается принудительная покупка населением государственных облигаций, прием, широко использовавшийся в 1930-е годы и позднее.

бюджета, не потраченных на другие нужды, такие, как общественное потребление, оборона или государственный аппарат, или, если так решало Политбюро, капитальные вложения финансировались за счет денежных эмиссий. Сталин четко обобщил эту существовавшую формулу на заседании Политбюро 25 декабря 1947 года:

Товарищ Сталин, выслушав зампредов председателя Совета министров, сказал: «План очень раздут и *нам не по силам* [здесь и ниже курсив автора]. Надо установить план [инвестиций] в 40 млрд. руб. вместо наброска в 60 млрд. руб. Мы должны иметь в виду, что на снижении цен и отмене карточек *государство потеряло 50 млрд. руб.*»⁸⁰

То есть при установлении лимитов капитальных вложений Сталин руководствовался наличием финансовых средств! Он не устанавливал изначально лимиты капитальных вложений, чтобы потом уже искать под них необходимые средства.

В борьбе вокруг составления бюджета принимал участие целый ряд организаций. Работа наркомата финансов (ни один нарком финансов, включая Гринько, при Сталине не был членом Политбюро) заключалась в том, чтобы контролировать государственные доходы и денежные эмиссии для решения задачи удержания стоимости рубля и сохранения сбалансированности государственного бюджета⁸¹. Взаимоотношения между расходами на потребление/инвестиции имели несколько аспектов. Во-первых, низкие цены на товары широкого потребления уменьшали поступления в силу меньших поступлений от налогов на товарооборот, а дотации на товары первой необходимости, такие, как хлеб, составляли неинвестиционные расходы. Во-вторых, чем больше государство тратило на общественный сектор (образование и здравоохранение), тем меньше ресурсов оставалось для инвестиций. Борьба за бюджет, когда строительные проекты и расходы на оборудование противостояли зарплате врачей, расходам на образование и дотациям на розничные цены, нашла свое отражение, например, в обмене репликами между Ждановым и Гринько на заседании комиссии Политбюро 29 апреля 1934 года. Жданов предложил повысить зарплату медперсоналу: «Если мы возьмем на свое попечение ту группу врачей, которая и туда и сюда, то ре-

⁸⁰ Конспект заседания одного из советских высших экономических чиновников, Малышева. Цитируется по: Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». Рабочий доклад. Флоренция, март 2000. С. 7–8.

⁸¹ Tikhonov A., Gregory P. Central Planning and Unintended Consequences. P. 1017–1039.

зультатов от прибавки у нас не получится. Поэтому мы должны выделить наиболее ударные категории – сельских врачей, руководителей больниц, эпидемических врачей и врачей некоторых остродефицитных специальностей и поставить вопрос о повышении материального уровня в отношении именно этих категорий». Гринько однозначно ответил: «Надо считать исключенным какой бы то ни было проект, который мог бы стоить 345 миллионов рублей в текущем году... Мы зарплату никому не повышаем, если мы делаем исключение, то только в небольшом масштабе»⁸².

Таблица 9.3. Государственный бюджет на вторую пятилетку, 1933–1937 (в миллиардах рублей)

Доходы	1933 ^a	1937 ^b
Налог на прибыль	6,6	72,9
Налог с товарооборота	19,6	216,1
Прочие налоги с организаций	7,6	39,0
Амортизация	2,0	20,2
Налоги с населения	8,2	44,6
Другое	0,6	17,7
Поправка на снижение цен	0	–55,0
Всего:	44,6	355,5
Расходы		
Расходы на народное хозяйство	30,2	211,4
Расходы на социальную и культурную сферу	9,5	75,4
Расходы на государственный аппарат и оборону	2,5	19,0
Выплаты по государственному долгу	1,0	10,0
Другое	1,4	15,7
Резерв	0	14,0
Всего:	44,6	355,5

^a 1933 – исполненный бюджет.

^b 1937 – запланированный бюджет.

Источник: Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 138.

В таблице 9.3 приведен государственный бюджет на вторую пятилетку, 1933–1937 годы. Налоги с товарооборота вместе с прибылью, получаемой от разницы цен, по которым государственная торговая сеть приобретала товары и которые платили потребители,

⁸² Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. С. 49.

составляли большую часть поступлений. Если бы розничные цены были понижены, сократились бы и поступления налогов с товарооборота⁸³. При исчислении налога на прибыль учитывалась главным образом разница между оптовой ценой и себестоимостью. Соответственно любое снижение издержек привело бы к росту поступлений от налогов с прибыли. Таблица 9.3 показывает, что две трети государственного бюджета использовались для финансирования народного хозяйства (на капитальные вложения и краткосрочные кредиты).

Сталин, нарком финансов и председатель Госбанка понимали, что если государственные расходы превысят доходы, то придется прибегнуть к денежным эмиссиям, которые поставят под угрозу «стабильность рубля» (стабильность цен внутреннего рынка). Этот факт получил отражение в сообщении Кагановича Сталину от 17 июля 1932 года:

Я Вам послал записку Гринько о финансовом положении. Сейчас это уже становится перед нами как вопрос сегодняшнего дня. Положение сейчас довольно затруднительное. Потребность в дензнаках растет с каждым днем и доходит до спроса 150–160 мил. в день, а возможность удовлетворения 30 – 40, максимум 50 миллионов руб. Уже образовывается задолженность по зарплате. Гринько ставит вопрос о сокращении ассигнований на капитальное строительство на 1½ м[иллиар]да рубл., т. Молотов считал возможным 1 миллиард. Я лично думаю, что во 1-х нам необходимо не провозглашать новых курсов механического сокращения, а практически, конкретно пойти от треста к тресту, сопоставлять финансовые ассигнования с фактическим отпуском стройматериалов и добиться таким образом без затяжки сокращения пока миллионов на 500⁸⁴.

В четвертой главе речь шла о трудном выборе между потреблением и инвестициями. Большие объемы инвестиций означали большой основной капитал, но меньше потребления и, как следствие, уменьшали заинтересованность рабочих в труде и интенсивность их трудовых усилий. Мы рассматривали этот выбор в терминах интенсивности трудовых усилий, реальной заработной платы и инвестиций. Эта глава показывает, что каждый физический компромисс означал также и финансовый компромисс. Борьба между дотациями на социальный сектор, зарплатой врачей, расходами на школы и капитальными вложениями – это другая сторона борьбы между физическим потреблением и капитальными вложениями в натуре.

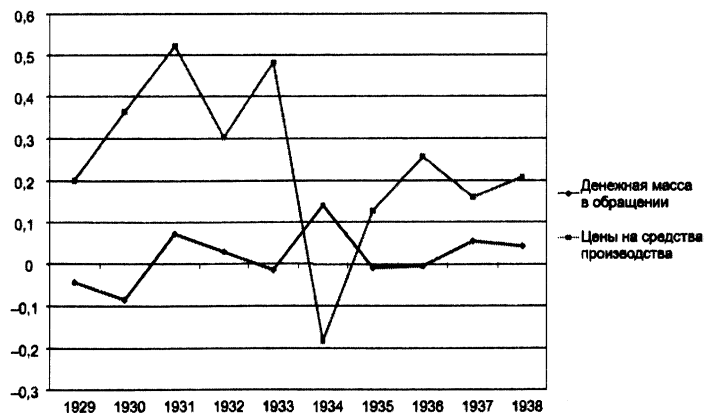

Рис. 9.4. Годовые темпы роста денежной массы и цен на средства производства, 1929–1938

Источник: Tikhonov A., Gregory P. Central Planning and Unintended Consequences: Creating the Soviet Financial System, 1930–1939 // Journal of Economic History. 2000. Vol. 60. № 4. P. 1017–1040.

В четвертой главе также было показано, что рост инвестиций сопровождался ростом цен на средства производства. Этот феномен можно рассматривать как результат войны цен. Используемая бюджетная формула создавала финансовую связь: рост доходов бюджета от налогов с оборота и прибыли зависел от снижения себестоимости выпускаемой продукции, что требовало повышения производительности труда. Если производительность снизится (или будет расти медленнее, чем предусмотрено планом), себестоимость увеличится, доходы от налогов упадут, и возникнет замкнутый круг. Если рост капитальных вложений вызовет снижение производительности труда, поступления в бюджет уменьшатся, и будет меньше средств для финансирования капиталовложений.

Бюджетная формула также показывает, что если капитальные вложения будут финансироваться за счет бюджетного дефицита, из денежных эмиссий, то рост денежной массы может привести к избыточному спросу на капитальные вложения и взвинтить цены на средства производства. Как предупреждал Сталин в 1947 году: «Если мы раздуем капстроительство, то на рынке появятся лишние деньги и обесценятся»⁸⁵. Рис. 9.4 показывает, что на практике объ-

⁸³ В частности, таблица 9.3 показывает поправку на снижение цен в размере 55 миллиардов рублей, которые нужно вычесть из доходов бюджета 1937 года.

⁸⁴ Сталин и Каганович. Переписка С. 230.

⁸⁵ Конспект заседания Политбюро одного из советских высших экономических чиновников, Малышева. Цитируется по: Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». С. 7–8.

ем денежной массы действительно зависел положительно от цен на средства производства, по крайней мере до 1934–1935 годов.

Выводы

Если правда, что «деньги – корень всех бед», то административно-командная экономика представляла наилучшие возможности либо совсем избавиться от денег, либо поставить их на службу обществу. Несмотря на то что марксисты-утописты попытались полностью избавиться от денег в годы военного коммунизма (1918–1921), позднее их усилия были направлены на то, чтобы поставить деньги на службу плану. Деньги, вместо того чтобы видеть в них источник зла, попытались использовать для обеспечения – с помощью «контроля рублем» – повсеместного выполнения плановых заданий. Такая система казалась работоспособной. Товары можно проще посчитать в рублях, нежели в натуре, и диктатор мог в законодательном порядке учредить единый центр расчетов, государственный банк-монополист, который проводил бы все операции.

Один из законов бухгалтерского дела заключается в том, что каждая транзакция физических товаров должна находить свое отражение в эквивалентной транзакции финансовых активов, либо явной, либо неявной, и здесь советская административно-командная экономика не была исключением. По сути, этот закон лежал в основе «контроля рублем»: контролируя транзакции финансовых активов, вы одновременно контролируете и транзакции физических товаров. Однако то, что казалось простым в теории, на практике оказалось намного сложнее. План в натуральных показателях не был детальным, и, следовательно, финансовые органы не могли сравнивать каждую транзакцию финансовых активов с плановым заданием. Однако самая большая опасность скрывалась за способностью системы самовосстанавливаться, что вело к тому, что не план, а ликвидные средства производителя (наличные, безналичные, кредиты) определяли его спрос на ресурсы. Именно по этой причине, для развития реальной экономики, финансовые власти столь яростно боролись за ограничение предложения денег и кредита. На протяжении всех 1930-х годов усилия Госбанка и НКФ ограничить предложение денег и кредита раз за разом терпели фиаско. Ликвидные средства всегда превышали реальные товары и услуги. Во время нэпа рост ликвидных средств происходил в основном за счет неофициальных кредитов. В 1930-е годы власти потратили немало сил на борьбу с неофици-

альными кредитами, и эти усилия привели к некоторым успехам. Несмотря на то что предприятия продолжали кредитовать друг друга, объемы неофициальных кредитов, по крайней мере, не увеличивались. Главной причиной утраты контроля над деньгами и кредитом было отсутствие «жестких» бюджетных ограничений. Финансовые органы, так же как и плановики физического производства, не могли навязать «жесткие» бюджетные ограничения. По общему мнению, предприятие, которое было банкротом и производило сталь с колоссальными убытками, было всё же лучше, нежели закрытое предприятие, которое вообще не производило стали. Для того чтобы держать такие предприятия на плаву, должен был существовать кредитор последней инстанции, и эта роль досталась Госбанку. В конечном итоге Госбанк должен был выдавать кредиты для того, чтобы неплатежеспособные предприятия могли продолжать работать.

История финансирования капитальных вложений также подтверждает тот факт, что даже административно-командная система не может избежать финансовых реалий. В любой экономике объем физических инвестиций должен быть равен суммарным сбережениям. Поскольку в распоряжении государства находились практически все сбережения, объем физических инвестиций был соответственно ограничен объемом накоплений в госбюджете. Финансовая действительность была такова, что, если диктатор хотел увеличить физические инвестиции на 50 процентов в текущем году, объем инвестиционных фондов в госбюджете также должен был быть увеличен на 50 процентов, за счет расходов на оборону, дотаций на потребление, расходов на образование или здравоохранение.

В этой главе мы еще раз обратились к вновь и вновь возникающей теме: формальные правила не выдерживают реальности производства. Идея диктатора была не нова: если все деньги и кредиты имеют один источник, Госбанк, диктатор может контролировать вертикальные операции. Но в то же время, для того чтобы выполнить свой план, производителям было нужно больше денег и кредитов, чем Госбанк был готов предоставить. Следовательно, они придумывали свои собственные платежные средства (суррогаты) и свои кредиты (коммерческие кредиты). Финансовые власти имели некоторый успех в вопросе осуществления контроля над горизонтальными финансовыми отношениями. Хотя они не смогли полностью ликвидировать коммерческие кредиты, они сумели предотвратить их дальнейший рост. Денежные суррогаты, досаждавшие властям, составляли несущественную долю наличных денег.

Глава 10

КРАХ СОВЕТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономический рост советской административно-командной экономики оставался положительным вплоть до 1989 года. Отрицательные темпы роста после 1989 года свидетельствовали об экономическом крахе системы¹. Несмотря на то что послевоенный период начался для Советского Союза с высоких темпов экономического роста (которые соответствовали темпам роста большинства европейских стран и уступали только экономическому чуду Германии и Японии), после 1970 года темпы роста в Советском Союзе стали постепенно снижаться. Рис. 10.1 показывает крайне невысокие темпы советского экономического роста после 1960-х годов, тогда как экономический рост в западных индустриальных державах, замедлившийся в связи с энергетическим кризисом середины 1970-х — начала 1980-х, позднее вновь пришел в норму, не обнаруживая каких-либо признаков долговременного спада. Тревогу советского руководства вызывало колебание темпов экономического роста, несмотря на быстрый рост основных фондов, сравнимый разве что с темпами роста основных фондов в Японии, экономика которой развивалась в три раза быстрее (рис. 10.2). Другая угроза заключалась в том, что реформы в Китае, начавшиеся в 1979 году, привели к бурному экономическому развитию этой страны. Продолжение этой тенденции означало постепенное сокращение доли Советского Союза в мировом производстве, снижение его относительной военной мощи.

Судьбоносное решение в пользу радикальной экономической реформы не было навязано явным развалом экономики. Партийная элита была в целом удовлетворена положением дел, да и население СССР не выражало открытого недовольства. Административно-командная система накануне радикальных изменений была «неэффективна, но стабильна»². По прогнозам Госплана,

¹ Directorate of Intelligence. Handbook of Economic Statistics, 1991. Washington, D.C., 1991. P. 37.

² Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, N.Y.: Sharpe, 1998. P. 13.

к 2000 году темпы роста должны были составить 3 процента в год³. Спад советских темпов роста при ускорении экономического роста в Китае и странах Юго-Восточной Азии и заметном оживлении экономики Соединенных Штатов вызывал тревогу, но это не до конца объясняет, почему нужно было предпринимать те роковые шаги, которые в конечном итоге привели к крушению системы.

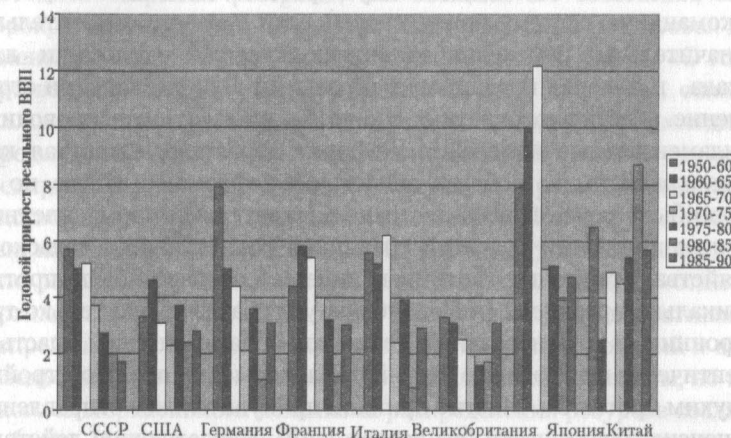

Рис. 10.1. Рост ВВП в Советском Союзе и других странах

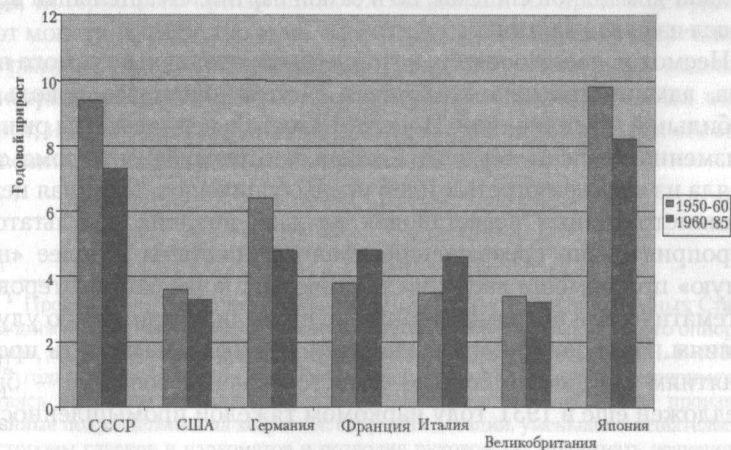

Рис. 10.2. Рост основных фондов в Советском Союзе и странах Запада

³ Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. P. 91.

Глава 10

КРАХ СОВЕТСКОЙ АДМИНИСТРАТИВНО-КОМАНДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Экономический рост советской административно-командной экономики оставался положительным вплоть до 1989 года. Отрицательные темпы роста после 1989 года свидетельствовали об экономическом крахе системы¹. Несмотря на то что послевоенный период начался для Советского Союза с высоких темпов экономического роста (которые соответствовали темпам роста большинства европейских стран и уступали только экономическому чуду Германии и Японии), после 1970 года темпы роста в Советском Союзе стали постепенно снижаться. Рис. 10.1 показывает крайне невысокие темпы советского экономического роста после 1960-х годов, тогда как экономический рост в западных индустриальных державах, замедлившийся в связи с энергетическим кризисом середины 1970-х — начала 1980-х, позднее вновь пришел в норму, не обнаруживая каких-либо признаков долговременного спада. Тревогу советского руководства вызывало колебание темпов экономического роста, несмотря на быстрый рост основных фондов, сравнимый разве что с темпами роста основных фондов в Японии, экономика которой развивалась в три раза быстрее (рис. 10.2). Другая угроза заключалась в том, что реформы в Китае, начавшиеся в 1979 году, привели к бурному экономическому развитию этой страны. Продолжение этой тенденции означало постепенное сокращение доли Советского Союза в мировом производстве, снижение его относительной военной мощи.

Судьбоносное решение в пользу радикальной экономической реформы не было навязано явным развалом экономики. Партийная элита была в целом удовлетворена положением дел, да и население СССР не выражало открытого недовольства. Административно-командная система накануне радикальных изменений была «неэффективна, но стабильна»². По прогнозам Госплана,

к 2000 году темпы роста должны были составить 3 процента в год³. Спад советских темпов роста при ускорении экономического роста в Китае и странах Юго-Восточной Азии и заметном оживлении экономики Соединенных Штатов вызывал тревогу, но это не до конца объясняет, почему нужно было предпринимать те роковые шаги, которые в конечном итоге привели к крушению системы.

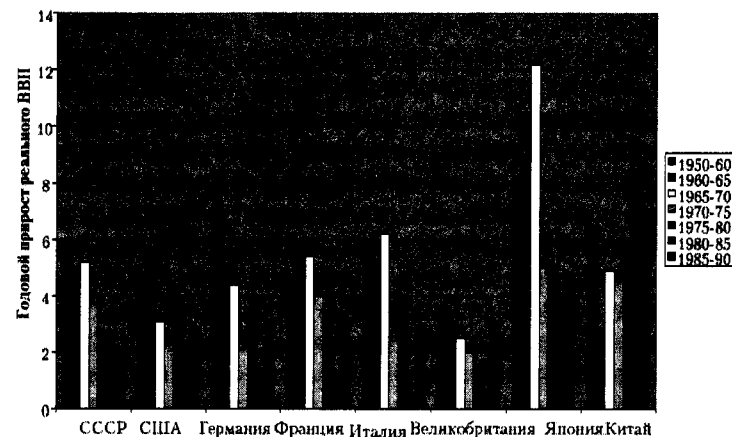

Рис. 10.1. Рост ВВП в Советском Союзе и других странах

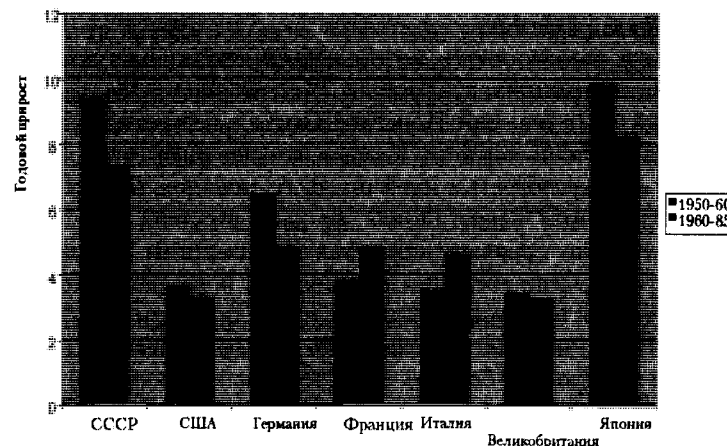

Рис. 10.2. Рост основных фондов в Советском Союзе и странах Запада

¹ Directorate of Intelligence. Handbook of Economic Statistics, 1991. Washington, D.C., 1991. P. 37.

² Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, N.Y.: Sharpe, 1998. P. 13.

³ Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. P. 91.

По иронии судьбы, именно традиция, установленная Сталиным, сделала реформы возможными. Михаил Горбачев, занявший пост Генерального секретаря в возрасте пятидесяти четырех лет, был первым молодым генсеком со времен Сталина, ставшего им в сорок три года. Хрущев и Брежнев занимали пост Генерального секретаря, когда им было почти по шестьдесят. Горбачев был избран Генеральным секретарем на пленуме ЦК КПСС в марте 1985 г. как лидер со свежими идеями. Его советники утверждали, что административно-командную систему можно спасти, если провести относительно незначительные изменения, такие, как открытие экономики для Запада, наделение предприятий большими полномочиями и ограничение власти бюрократии. Никто не рекомендовал проводить фундаментальные изменения. Реформа Горбачева, известная как *перестройка*, была, в общем, аналогична реформам в Китае, но ее нужно было осуществлять в стране с гигантскими промышленными предприятиями и долгой традицией коллективного сельского хозяйства. Стареющие партийные лидеры в основном были против радикальной реформы (в Политбюро у Горбачева было только три сторонника), но Генеральный секретарь обладал высшей властью. Скептически настроенные партийные лидеры приняли перестройку с глухим протестом. Многие приняли принудительное отправление на пенсию практически без возражений⁴. Последующие действия Горбачева привели бы Сталина в ужас: диктатор собственноручно запустил процесс, который привел к развалу не только административно-командной системы, но и самой партии. Смертельный враг вышел из рядов партии!

Несмотря на недостатки, которые были очевидны с самого начала, административно-командная система оказалась довольно стабильной и неизменной. Попытки внести в нее элементы рынка неизменно терпели неудачу. Каждая последующая реформа состояла из свежеразогретых идей предыдущих эпох. Длинная цепь административных перестановок не дала никаких результатов. Мероприятия по превращению плановой системы в более «научную» при помощи введения технических норм, компьютеров и математической экономики также не привели к каким-либо улучшениям. Наиболее многообещающий подход – позволить предприятиям принимать больше самостоятельных решений – был предложен еще в 1931 году наркомом тяжелой промышленности

⁴ Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. Chapter 2; Boldin V. Ten Years That Shook the World: The Gorbachev Era as Witnessed by His Chief of Staff. New York: Basic Books, 1994. Chapters 2–3.

Орджоникидзе⁵. Те же самые идеи всплыли в 1961 году в предложениях Либермана о проведении реформ и были частично воплощены в косыгинской реформе 1965 года. Те же принципы легли в основу перестройки, начатой Горбачевым в 1985 году.

Несмотря на то что идеи эти были не новы, Горбачев отличался от своих предшественников желанием подавить сопротивление реформам. Горбачев верил в то, что умеренные реформы смогут высвободить «скрытые резервы», как обещали его советники, если бюрократическая оппозиция будет подавлена. Горбачев провел два изменения, которые, по сути, и разрушили систему. Закон «О государственном предприятии», принятый в июле 1987 года, освободил предприятия от опеки министерств, оставив, правда, последним определенный административный контроль. С принятием закона о предприятиях промышленные министерства и региональное руководство более не контролировали предприятия. Конец руководящей роли партии наступил в сентябре 1988 года, когда Политбюро приняло резолюцию, упразднявшую отраслевые отделы ЦК, «отделив партию от народного хозяйства»⁶. Два столпа административного распределения ресурсов – министерская опека предприятий и вмешательство партийных чиновников – были ликвидированы, но никакого альтернативного механизма распределения ресурсов создано не было. Цены по-прежнему устанавливались государственными органами; собственность всё так же принадлежала государству. Горбачев создал худшее, что можно было придумать, – безголового монстра, потерявшего ориентацию. Оставленный на произвол судьбы, этот монстр топтался во тьме, не направляемый ни министерствами, ни рынком. Экономика оказалась в состоянии свободного падения, консервативные силы попытались осуществить неудавшийся переворот, и Советский Союз закончил свое существование, а на его месте возникло пятнадцать независимых государств.

⁵ Предложение Орджоникидзе выходило далеко за рамки дозволенных Сталиным дискуссий. Позднее на это предложение был наклеен ярлык «правого оппортунизма», а Орджоникидзе уволил либерального редактора газеты НКТП. В 1934 и 1935 годах Орджоникидзе продолжил свои административные эксперименты, пытаясь перевести в металлургической промышленности небольшие производственные подразделения на хозрасчет, сокращая дотации, уменьшая вмешательство со стороны главков и наркоматов и позволяя руководству принимать решения по подбору персонала. Подробнее см.: Khlevnyuk O. The People's Commissariat of Heavy Industry // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–1937 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997. P. 109–111.

⁶ Belik Y. Changes in the Central Committee Apparatus // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 166–167.

Экономический спад стал горькой пилюлей для советского руководства. Поколения советских лидеров говорили о превосходстве советской системы, основываясь на утверждениях о бурном экономическом росте, который в конечном итоге «похоронит Запад». Экономический рост представлял для таких разговоров наиболее благоприятную почву. Оперативные планы были призваны обеспечить скорее увеличение физического выпуска продукции, нежели её эффективное производство или высокое качество (см. главу 8). Наиболее эффективным был контроль над объемами производства, а не над качеством произведенной продукции или её себестоимостью (см. главу 7). Более того, темпы советского экономического роста могли быть завышены в силу существовавших методик их подсчета⁷.

Эта монография описывает период начиная с 1930-х годов и заканчивая 1952 годом, годом принятия «последней» сталинской пятилетки⁸. Следовательно, она описывает, возможно, наиболее благоприятный для административно-командной системы период, когда слаборазвитая страна шла к своей четко обозначенной цели – форсированной индустриализации. Основные недостатки заключались в том, что системе приходилось экспериментировать с новыми учреждениями, а системы планирования и контроля были примитивнее, чем в более поздний период. И тем не менее, основные черты системы сложились довольно быстро и оставались на удивление неизменны вплоть до конца 1980-х годов. Таким образом, возможно, причины экономического спада в поздний период существования системы можно обнаружить еще на ее раннем этапе. Эта книга описывает «иерархическую диктатуру» (nested dictatorship), возглавляемую диктатором (Сталиным или Политбюро), но которая при этом включала в себя сотни или тысячи мини-диктаторов. В этой иерархической системе каждый начальник был для своего подчиненного «диктатором»; каждый подчиненный имитировал действия своего «диктатора» на более низком уровне.

⁷ Примечательно то, что российские экономисты, получив возможность проверить официальные советские показатели экономического роста, пришли к выводу, что они были преувеличены в основном за счет того, что не учитывали снижение качества производимой продукции. Ханин Г. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск: Эко, 1993.

⁸ Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2001. P. 159–192.

Сложность системы. Для рыночной экономики нет каких-либо свидетельств того, что ее возрастающая сложность, выражающаяся в количестве видов продукции и технологий, числе фирм, делает ее менее эффективной. По отношению к административно-командным системам, однако, Мизес и Хайек утверждали, что они сталкиваются с проблемой экономического расчета, которая по мере усложнения системы становится более острой. Административной экономикой, состоящей из нескольких министерств, которые производят небольшое количество товаров по технологиям первого поколения, управлять легче, чем более сложной системой, в которую она будет постепенно превращаться. В самом деле, советским народным хозяйством первоначально руководили три промышленных наркомата (которые сами определяли свою структуру), а также наркоматы снабжения и путей сообщения. К началу Второй мировой войны число наркоматов выросло уже до сорока, помимо этого существовало множество местных органов власти. В 1953 году центром планировалось менее десяти тысяч показателей⁹; к середине 1980-х таких показателей было уже пятьдесят тысяч¹⁰. Административно-командная экономика в 1985 году была более сложной, нежели в 1930 году. В рыночных экономиках проблема возрастающей сложности решается рынком с помощью специализации информации. Демократические рыночные экономики допускают существование гигантских национальных и международных концернов, которые могут интернационализировать процесс принятия экономических решений, и позволяют им сосредотачивать в своих руках громадную экономическую власть.

Наше исследование показывает, что диктатор боялся концентрации экономической власти и последовательно осуществлял политику дробления органов управления экономикой (см. главу 7). При существовавшей системе, поощрявшей снабжение в первую очередь «своих» производственных единиц и пренебрежение поставками «чужим» организациям, ресурсы не могли распределяться наиболее рациональным образом. Предприятия заменяли ненадежную систему снабжения горизонтальными сделками и, что случалось еще чаще, самоснабжением. В современных экономических системах экономический рост происходит на основе специализации и децентрализации по мере их развития. В Советском Союзе, напротив, экономика по мере развития деспециализировалась.

⁹ Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980. P. 486.

¹⁰ Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. P. 109.

Рыночные экономики развиваются в ходе «созидательного разрушения» (creative destruction)¹¹. По мере изменения технологий и вкусов создаются новые отрасли промышленности, а старые разрушаются. Так, например, в Соединенных Штатах список крупнейших фирм обновляется в течение нескольких десятилетий. Структура советской промышленности, наоборот, оставалась в замороженном состоянии в течение длительного периода времени. Крупнейшие производители транспортных средств в 1933 году продолжали оставаться крупнейшими производителями транспортных средств и в 1989 году. Нахождение административных «балансов» было процессом настолько сложным и занимающим такое количество времени, что плановики не могли отклониться от уже существовавшего равновесия. Когда в начале 1930-х годов СССР начал производить собственные автомобили и грузовики, разные организации выступали за различное распределение транспортных средств. После того как транспортные средства были распределены в первый раз, в основном в силу сиюминутных причин и политических соображений, в дальнейшем они распределялись «в соответствии с практикой предыдущих лет». Это означает, что план каждого следующего года был фактически планом предыдущего года, в который были внесены некоторые минимальные изменения (см. главу 8.). В 1980-е годы, когда производитель сварочных изделий пожелал минимизировать издержки, используя более тонкие металлы, он получил следующий официальный ответ: «Мне безразлична новая технология. Просто делайте так, чтобы всё оставалось, как есть»¹².

Возрастающая сложность экономики не представляет проблемы в рыночных экономических системах. Некоторые новейшие теории развития, например эндогенная теория развития (endogenous growth theory), предполагают, что внедрение инновационных технологий на более раннем этапе облегчает реализацию дальнейших инноваций и изменений; следовательно, темпы роста должны возрастать, а не замедляться. Административно-командная система, несомненно, показала противоположный результат.

Принятие решений по капитальным вложениям. Закон убывающей отдачи имеет универсальную силу. Если один фактор производства, такой, как капитал, растет быстрее, чем другие факторы, в конечном счете доходность на единицу этого фактора снижается при прочих равных условиях. Даже если руководители делают правильный выбор о распределении и объеме инвестиций,

заменить капитал трудом становится всё сложнее в силу уменьшения количества проектов, дающих высокий доход¹³. Четвертым столпом административно-командной экономики было ускоренное накопление капитала. Рис. 10.2 показывает, что советские основные фонды увеличивались относительно быстрыми темпами вплоть до самого конца советского периода. В относительно бедной стране, какой был Советский Союз в 1930-е годы, мы можем ожидать, что решения должны были приниматься в пользу проектов, дающих более высокие нормы прибыли, и прямых инвестиций. Совершенно очевидно, что развивающаяся страна должна строить заводы, которые производят сталь, бетон, тракторы и станки. По мере того как экономика становится более развитой, выбор между альтернативными технологиями становится все более сложным. Снижающаяся отдача не означает, что экономика приговорена к сокращению темпов экономического развития. В Японии ускоренное накопление капитала произошло за полвека до сокращения темпов экономического роста.

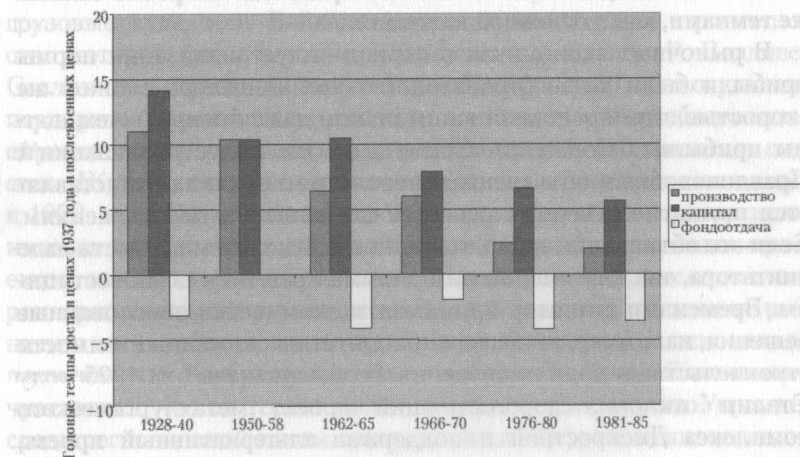

Рис. 10.3. Промышленное производство, промышленный капитал и фондоотдача в СССР

Капитальные вложения были одним из тех немногих вопросов, решения по которым диктатор, либо Сталин, либо Политбюро, принимал лично. Предпочтения плановиков находили свое отражение в программе капиталовложений, которая состояла из инвестиционного бюджета, его финансирования и титуль-

¹¹ Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934.

¹² Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. P. 49.

¹³ Weitzman M. Soviet Postwar Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. 1970. Vol. 60. № 4. P. 676-692.

Рыночные экономики развиваются в ходе «созидательного разрушения» (creative destruction)¹¹. По мере изменения технологий и вкусов создаются новые отрасли промышленности, а старые разрушаются. Так, например, в Соединенных Штатах список крупнейших фирм обновляется в течение нескольких десятилетий. Структура советской промышленности, наоборот, оставалась в замороженном состоянии в течение длительного периода времени. Крупнейшие производители транспортных средств в 1933 году продолжали оставаться крупнейшими производителями транспортных средств и в 1989 году. Нахождение административных «балансов» было процессом настолько сложным и занимающим такое количество времени, что плановики не могли отклониться от уже существовавшего равновесия. Когда в начале 1930-х годов СССР начал производить собственные автомобили и грузовики, разные организации выступали за различное распределение транспортных средств. После того как транспортные средства были распределены в первый раз, в основном в силу сиюминутных причин и политических соображений, в дальнейшем они распределялись «в соответствии с практикой предыдущих лет». Это означает, что план каждого следующего года был фактически планом предыдущего года, в который были внесены некоторые минимальные изменения (см. главу 8.). В 1980-е годы, когда производитель сварочных изделий пожелал минимизировать издержки, используя более тонкие металлы, он получил следующий официальный ответ: «Мне безразлична новая технология. Просто делайте так, чтобы всё оставалось, как есть»¹².

Возрастающая сложность экономики не представляет проблемы в рыночных экономических системах. Некоторые новейшие теории развития, например эндогенная теория развития (endogenous growth theory), предполагают, что внедрение инновационных технологий на более раннем этапе облегчает реализацию дальнейших инноваций и изменений; следовательно, темпы роста должны возрастать, а не замедляться. Административно-командная система, несомненно, показала противоположный результат.

Принятие решений по капитальным вложениям. Закон убывающей отдачи имеет универсальную силу. Если один фактор производства, такой, как капитал, растет быстрее, чем другие факторы, в конечном счете доходность на единицу этого фактора снижается при прочих равных условиях. Даже если руководители делают правильный выбор о распределении и объеме инвестиций,

¹¹ Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934.

¹² Ellman M., Kontorovich V. Destruction of the Soviet Economic System. P. 49.

заместить капитал трудом становится всё сложнее в силу уменьшения количества проектов, дающих высокий доход¹³. Четвертым столпом административно-командной экономики было ускоренное накопление капитала. Рис. 10.2 показывает, что советские основные фонды увеличивались относительно быстрыми темпами вплоть до самого конца советского периода. В относительно бедной стране, какой был Советский Союз в 1930-е годы, мы можем ожидать, что решения должны были приниматься в пользу проектов, дающих более высокие нормы прибыли, и прямых инвестиций. Совершенно очевидно, что развивающаяся страна должна строить заводы, которые производят сталь, бетон, тракторы и станки. По мере того как экономика становится более развитой, выбор между альтернативными технологиями становится все более сложным. Снижающаяся отдача не означает, что экономика приговорена к сокращению темпов экономического развития. В Японии ускоренное накопление капитала произошло за полвека до сокращения темпов экономического роста.

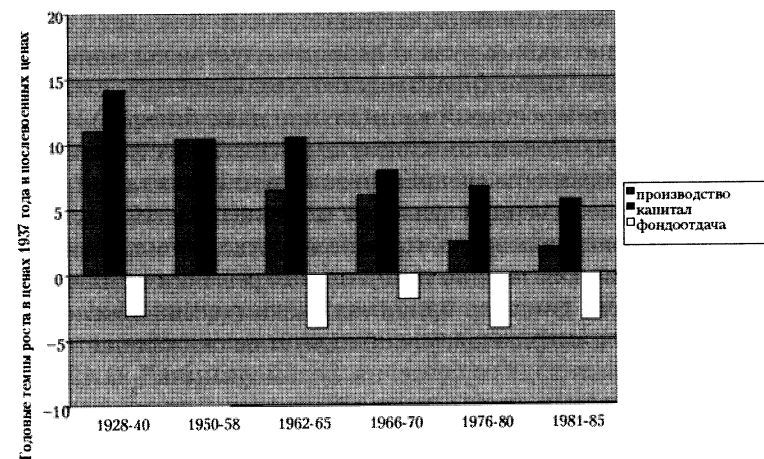

Рис. 10.3. Промышленное производство, промышленный капитал и фондоотдача в СССР

Капитальные вложения были одним из тех немногих вопросов, решения по которым диктатор, либо Сталин, либо Политбюро, принимал лично. Предпочтения плановиков находили свое отражение в программе капиталовложений, которая состояла из инвестиционного бюджета, его финансирования и титуль-

¹³ Weitzman M. Soviet Postwar Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. 1970. Vol. 60. № 4. P. 676–692.

ного списка инвестиционных проектов. Решение о том, сколько средств нужно инвестировать, рассматривалось более тщательно, чем большинство других экономических решений, а цель диктатора заключалась в максимизации инвестиций в каждом конкретном году, т.е. это была более примитивная цель, нежели максимизация инвестиций в долгосрочной перспективе (см. главу 4). Для принятия этого решения диктатор использовал данные о настроениях среди рабочих, доступных финансах и реальных инвестиционных ресурсах. Решения диктатора о распределении инвестиций в 1930-е годы показывают, какое распределение ресурсов он считал наилучшим. Рис. 10.3 показывает, что темпы прироста промышленного капитала были чрезвычайно высоки в течение всего советского периода, но особо быстрый рост произошел в начале индустриального скачка. Прибыль с этих первых инвестиций, тем не менее, была относительно невелика, учитывая, что капитал увеличивался со скоростью, на 3 процента превышавшей темпы роста производства. Только в период «золотого роста» 1950-х годов промышленное производство росло такими же темпами, как и основной капитал.

В рыночных экономиках в период индустриализации нормы прибыли были выше (производство увеличивалось с такой же скоростью, что и основной капитал, или даже быстрее), чем нормы прибыли в Советском Союзе в начале индустриализации¹⁴. Правдоподобным объяснением низких темпов роста представляется принятие неверных решений по капитальным вложениям. Если это объяснение верно, то винить в низких темпах роста надо диктатора, так как именно он принимал решения по инвестициям. Временами диктатор принимал экономически обоснованные решения, например, такие, как приоритет на снижении стоимости строительства в ходе сооружения Беломорканала¹⁵. В 1925 году Сталин отклонил дорогостоящий проект металлургического комплекса Днепрострой и поддержал альтернативный проект, стоивший одну треть от стоимости Днепростроя¹⁶, несмотря на мощное лоббирование первого. Сталин следовал экономической

логике, ограничивая деструктивную практику принятия большего количества инвестиционных проектов, чем могло быть построено, приводившую к накоплению неоконченных проектов. В 1932 году Сталин поддержал Госплан, когда тот выступил против дробления инвестиций¹⁷. Эту же тему Сталин развивал на заседании Политбюро в 1947 году:

Товарищ Сталин, выслушав зампредов председателя Совета министров, сказал: «План очень раздут и нам не по силам... Деньги надо давать только на пусковые объекты, а не размазывать по многим объектам. Разную чепуху строят на новых, необжитых местах и тратят много денег. Надо больше расширять старые предприятия. Проектанты у нас сволочи, проектируют все только новые заводы и раздувают строительство»¹⁸.

Подобные проявления экономической рациональности не уберегли Сталина и Политбюро от серьезных экономических промахов, таких, например, как Беломорканал, глубина которого оказалась слишком мала, для того чтобы по нему могли ходить грузовые суда, или Байкало-Амурская магистраль, строительство которой так и не было завершено при Сталине¹⁹. Позднее Сталин стал страстным защитником Днепростроя, а его огульная поддержка региональных инвестиционных проектов обеспечила ему поддержку региональных представителей, входивших в состав ЦК, на заключительном этапе борьбы с правой оппозицией в 1929 году. На протяжении всего анализируемого периода шло интенсивное политическое лоббирование инвестиционных проектов, как со стороны промышленных наркоматов, так и со стороны региональных руководителей, а это означает, что многие решения по инвестиционным проектам принимались на основании политических соображений (см. главы 4 и 5). Когда Сталин почувствовал, что он теряет политическую поддержку на Украине среди региональной элиты, он предложил ей крупные инвестиционные проекты (см. главу 3).

¹⁴ Kuznets S. *Modern Economic Growth*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966. P. 75–85; Harberg A. *Evaluating Development Experiences in Latin America and East Asia* // Third Senior Policy Forum, East West Center. Honolulu, Hawaii. May 1997.

¹⁵ Moryukov M.V. *Penal Labor and the Economics of the White Sea Canal* // *The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag* / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2003.

¹⁶ Lih L. et al. *Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936*. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995. P. 87–91.

¹⁷ Цитируется в: Davies R.W., Khlevnyuk O. *Gosplan // Decision Making in the Stalinist Command Economy*. P. 41.

¹⁸ Конспект заседания Политбюро одного из советских высших экономических чиновников, Малышева. Цитируется по: Хлевнюк О.В. *Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана»*. Рабочий доклад. Флоренция, март 2000. С. 7–8.

¹⁹ Khlevnyuk O. *The Economy of the Gulag // Behind the Façade of Stalin's Command Economy*. P. 123; Joyce Ch. *The Karelian Gulag*. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2003.

Даже если оставить политику в стороне, рациональный выбор инвестиционных проектов, даже при наилучших намерениях, не всегда очевиден в административно-командной системе, в которой невозможно посчитать норму прибыли²⁰. Следовательно, чутье Сталина на экономически рациональные решения было не лучше, чем у кого-то другого. Если принятие решений по инвестициям основывалось в основном на политических факторах, то это означает, что цель советского диктатора заключалась в максимизации власти. Если ведущую роль играли экономические факторы (учитывая отсутствие ясности в вопросе, что являлось «хорошим» экономическим решением), поведение диктатора лучше описывается моделью «оседлого грабителя». В таком случае все решения по инвестициям должны объясняться экономической рациональностью. Немногие политические лидеры готовы признать, что их главные инвестиционные проекты финансировались в основном из политических соображений. Исследование, посвященное конкретному примеру принятия решений по инвестициям (распределению транспортных средств), показывает совершенно однозначно, что диктатор вел себя как диктатор-эгоист (см. главу 8).

Хотя мы не можем измерить размах политических инвестиций в 1930-е годы, они были одной из постоянных величин советской экономической жизни. В 1982 году, когда Горбачев представлял в Политбюро интересы сельского хозяйства, он сражался с Госпланом за капитальные вложения в сельское хозяйство (сферу его личной политической ответственности), что вызвало у одного из бывших чиновников Госплана следующую ремарку: «Его [Горбачева] ментальность была типично советской – политические соображения затмевали здравый смысл»²¹.

В главах 6 и 7 мы рассказали о том, что централизованный контроль над инвестиционными решениями был относительно слаб и что информация, необходимая для принятия этих решений, практически отсутствовала. Наркоматы отказывались давать разбивку по планам капитальных вложений, задерживали составление строительных смет и запугивали финансовые ведомства, пытавшиеся заставить их действовать по правилам, обвиняя их в том, что они «ставят под угрозу выполнение важных правительственных заданий» (см. главу 6). Хотя инвестиционный бюджет

был централизован, так же как и принятие решения о распределении его между ведомствами, суммарная стоимость одобренных проектов не соответствовала размеру средств на инвестиции, что привело к возникновению типично советского феномена «долго-строя», украсившего советский ландшафт могильниками неоконченных строительных проектов. Несомненно, что неоконченный проект, потребляя ресурсы, не вносит никакого вклада в производство. В период с 1955 по 1977 год, по официальным советским данным, объемы незавершенного строительства варьировались между 73 и 92 процентами общих объемов инвестиций²². Главы 6 и 7 объясняют также, что основной капитал использовался не лучшим образом. Мольбы предприятий о капитальных ремонтах обычно отклонялись, накапливая задолженность по отложенному ремонту.

Наказание: могла ли система работать не из-под палки?

История знает много примеров концентрации безраздельной власти в одних руках. Даже при наиболее благоприятных обстоятельствах большевики могли рассчитывать лишь на незначительное количество голосов. Форсированное накопление капитала в той форме, в которой это было нужно диктатору, требовало применения чрезвычайных методов. Сотни тысяч производителей (в наркоматах, отраслевых главках и на предприятиях) необходимо было заставить выполнять административные приказы, поскольку их действия не могли стать согласованными сами по себе.

Важнейшая граница проходила между теми, кто отдавал приказы, и теми, кто отвечал за их выполнение, – хозяйственниками из наркоматов и предприятий (см. главу 6). Для хозяйственников невыполнение приказов означало сокращение премиальных, публичное унижение, увольнение, тюремное заключение или даже высшую меру наказания. В то время как диктатор или «минидиктатор» пытался дать своим подчиненным максимально напряженные задания, хозяйственники хотели легко выполнимых планов и спокойной жизни, т.е. прямо противоположного тому, чего хотело их руководство. Напряженность отношений плановиков с производителями легла в основу конфликта «принципал–агент», описанного в главах 6–8. Производители лгали, жульничали, утаивали информацию, требовали избыточные материалы из государственных фондов, производили меньше, чем позволяли производственные мощности, завышали цены и поставляли

²⁰ Grossman G. Scarce Capital and Soviet Doctrine // Quarterly Journal of Economics. 1953. Vol. 67. № 3. P. 311–343.

²¹ Zoteev G. The View from Gosplan // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 3–29.

²² ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1977 г. М.: Статистика, 1978. С. 362.

продукцию, кому сами считали нужным. Для диктатора вопрос заключался не в том, использовать ли силовые методы вообще, а в том, в какой мере необходимо применять силу в отношении хозяйственников. История использования силы диктатором в отношении производителей похожа на маятник, раскачивавшийся то в сторону чрезмерного ее использования, то в сторону излишней мягкости. В 1929 и 1930 годах жертвами первой волны террора пали директора и специалисты, на которых была возложена вина за катастрофические результаты политики Великого перелома. Опытных руководителей снимали с должностей и сажали в тюрьму, производство резко сократилось. Позже в Политбюро победу одержали более умеренные взгляды (чего нельзя сказать о партийных чиновниках на местах), и настал период затишья. Во время Большого террора 1937–1938 годов наказание и репрессии снова широко применялись, в результате чего целое поколение руководителей было стерто с лица земли. Следует отметить, что годы наиболее высоких темпов роста в 1930-е годы пришлось на период между двумя вспышками репрессий.

Возможности диктатора по применению террора были не безграничны. Ведь если он накажет слишком многих, то мало кто останется. Если же он накажет слишком мало подчиненных, то устрашение может оказаться недостаточным. Более того, наказание эффективно только в том случае, если оно приводит к увеличению производительности. На практике любой руководитель, насколько бы осторожен он ни был, не мог выполнить все плановые задания, как показывает доклад НКВД от 6 ноября 1938 года:

Территория завода загромождена готовыми снарядами в количестве до 160 вагонов. Часть снарядов в количестве до 20 вагонов забракованы, но до сих пор с завода не вывезены. Часть снарядов лежит на заводе несколько лет. На одной из площадок хранится около 35 тонн бракованной пикриновой кислоты. Здесь же в непригодных складах хранится около 100 тонн вещества «Р-12», которое в случае взрыва угрожает не только населению Нагатинского района, но и всей Москве²³.

Не совсем понятно, каким образом руководитель, столкнувшись с применением силы, может повысить производительность. Угрозу наказания гораздо проще нейтрализовать не за счет повы-

шения производительности (что бы это ни значило), а найдя козлов отпущения или обзаведясь патроном и защитником.

Даже если производитель мог выполнить план, план менялся. Система была устроена и работала так, что план, который производитель был обязан выполнить по закону, мог быть изменен в любой момент в ходе «обычной» корректировки и доработки плана (см. главу 8). Диктатор мог в любой момент полностью изменить план, оставляя производителя тщетно барахтаться, пытаясь выполнить план, прямо противоположный тому, который был дан сначала. Производители считали себя вправе пытаться защищаться от произвольных изменений, выпуская свои собственные внутренние планы, задерживая информацию, необходимую для подготовки предварительных планов, скрывая производственные мощности и требуя больше, чем нужно, производственных ресурсов. Погребенные под лавиной просьб плановики понятия не имели, какие производственные ресурсы были действительно необходимы.

Если бы руки производителей были связаны четкими, подробными планами, за выполнением которых велся бы тщательный контроль, проступки производителей были бы меньшей проблемой. Но Политбюро планировало только несколько видов продукции; Госплан составлял лишь общие планы, чтобы избежать ответственности. Большинство плановых заданий составлялись наркоматами или главками, и лишь наиболее важные задания утверждались диктатором. Следовательно, большинство экономических решений принималось самими хозяйственниками – факт, который должен был неизменно вызывать беспокойство диктатора, прекрасно осведомленного об оппортунизме руководителей предприятий. В периоды, когда частота применения наказания уменьшалась, существовала негласная договоренность между диктатором и производителями: если вы не можете выполнить план, вы можете либо найти козла отпущения, либо сами будете наказаны, но ваше наказание будет не жестким и обратимым. В периоды, когда принуждение достигало своего пика, даже наиболее успешные руководители могли попасть в тюрьму или быть расстреляны. Наказание за невыполнение плана имело еще и символическое значение, поскольку планы, предположительно составленные диктатором, были по определению совершенны. Следовательно, невыполнение плана могло произойти только по вине его исполнителей.

Конфликт «принципал–агент» предопределил содержание дискуссии об экономических реформах, начавшейся с согласия

²³ Цит. по: Симонов Н. Военно-промышленный комплекс в 1920–1950-е годы. М.: РОССПЭН, 1995. С. 111.

партийного руководства в 1950-е годы. Производители выступали за большую свободу и сокращение мелочной опеки. Плановики утверждали, что производителей нужно держать под контролем посредством угрозы наказания, поскольку они производят слишком мало, а требуют слишком много, завышают цены и экономят на качестве. Позицию производителей понять несложно. Они несли ответственность, их изводили непродуманными планами, и хуже того – постоянно меняющимися заданиями. С 1930 по 1985 год производители стонали все о том же. Орджоникидзе говорил в 1930 году: «Из постановления получается впечатление, что в ВСНХ сидят идиоты... Нам преподносят чуть ли не каждый день постановление за постановлением, причем одно крепче другого и далеко не справедливое...»²⁴ Главный оборонный подрядчик пятьдесят лет спустя вторил Орджоникидзе: «Они суют нос в каждый вопрос. Они говорят: “Это должно быть так и так”. Мы им сказали, что они не правы, но они всё равно требуют, чтобы всё делалось так, как они говорят»²⁵. Производители жаловались, что их руководство отдавало приказы, но не несло ответственности за их выполнение. Орджоникидзе на заседании Политбюро в августе 1931 года говорил: «Вы... хотите тут играть роль государственников, но, когда заводы сорвутся, мне придется отвечать, а не тем, кто тут ведет “серьезное обсуждение”».²⁶ Заместитель директора оборонного завода воспроизвел эту жалобу пятьдесят лет спустя: «Они [оборонный сектор ЦК] спрашивают, почему не выполнен план, они ведут себя как еще один Совет министров. Но у них больше власти и никакой ответственности»²⁷. Наркоматовские руководители, которые издавали и исполняли приказы, такие, как, например, Орджоникидзе, могли называть свои приказы «прекрасными», в то время как приказы, полученные от других инстанций, считать необоснованными.

Одним из способов защиты производителей от необоснованных приказов сверху было увеличение автономии. Уже в 1931 году Орджоникидзе предложил перевести тяжелую промышленность на самофинансирование, если ему позволят принимать решения самостоятельно. Та же идея вновь всплыла в

²⁴ Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М.: Россия молодая, 1993. С. 32.

²⁵ Цит. по: Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 47.

²⁶ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. // Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001. С. 55.

²⁷ Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 46.

1961 году в предложениях Либермана и была частично осуществлена в 1965 году. И всё же вплоть до принятия закона «О государственном предприятии» 1987 года выполнение требований производителей о независимости откладывалось. У обеих сторон имелись весьма веские аргументы. Плановики утверждали, что производители, если дать им независимость, производили бы слишком мало и требовали бы слишком много ресурсов. Производители твердили о глупости, противоречивости и переменчивости приказов и чрезмерном вмешательстве в дела предприятий, не позволяющем им эффективно управлять своими предприятиями. Эта патовая ситуация, длившаяся в течение пятидесяти пяти лет, завершилась в 1987 году принятием закона «О государственном предприятии», отменившего контроль министерств над предприятиями. В 1987 (закон о предприятиях) – 1988 (разделение партии и народного хозяйства) годах Горбачев поставил Советский Союз на грань «нового перелома», подобного Великому перелому 1929 года, когда другой диктатор, Сталин, пришел к выводу, что стране необходима новая система. Окружавшие Горбачева советники по экономике обещали ускорение экономического роста, если предприятия получат свободу и экономика будет открыта для внешнего мира. Остальные столпы системы, такие, как государственная собственность и ведущая роль партии, должны были остаться неизменными. Совершенно очевидно, что Сталин или Политбюро 1950-х и 1960-х годов ни за что бы не пожертвовали двумя основными опорами системы – планированием и партийным руководством экономикой. Когда предложение Орджоникидзе 1931 года встретило резкий отпор, ему пришлось найти и уволить козла отпущения, на которого он возложил ответственность за столь еретические идеи. Аналогичный проект реформы в 1960-е годы был встречен с большей симпатией, но дальше разговоров дело не пошло. Реформы Горбачева 1987–1988 годов осуществлялись реально.

Реформы не двигались с мертвой точки на протяжении половины столетия не без причины. Предприятие, принадлежащее государству, которому дали бы право действовать по своим собственным правилам, работало бы как сложная машина без руля. В чьих интересах оно бы действовало? Не существовало каких-либо организованных рынков, на которых продавались и покупались бы средства производства и произведенная продукция. Не существовало каких-либо рыночных цен, которые указывали бы, какая продукция является дорогой, а какая дешевой. Для того чтобы такое предприятие функционировало эффективно, должна

была быть создана совершенно новая институциональная система с четко определенными правами собственности, рыночным распределением ресурсов и институтами рыночной экономики. Другими словами, советская экономика должна была бы превратиться в рыночную экономику. В условиях сдерживания подобной трансформации оставалось непонятным, будет ли экономика лучше функционировать, если использовать принуждение, или нет. На самом деле, советская экономика уже имела предварительный опыт последствий уменьшения частоты использования принуждения. Когда в 1976 году плановые задания были намеренно уменьшены с целью побудить руководителей более эффективно использовать собственные ресурсы, рост производства сократился, тогда как эффективность использования ресурсов осталась неизменной²⁸. Основатели системы, отойдя от квазирынка периода нэпа, четко понимали, что при административном распределении ресурсов необходимо использовать силу по отношению к предприятиям. Система просуществовала пятьдесят лет, пока не появился диктатор, не понимавший этого простого принципа. Когда в 1987 и 1988 годах давление на предприятия прекратилось, это привело к краху производства и, как следствие, к переходу от реформы к переходному периоду (transition).

Почему именно 1987–1988 годы были выбраны Горбачевым для прыжка в неизвестное, остается загадкой. Его предшественники мирились с низкими темпами экономического развития более полутора десятков лет. Возможно, свою роль сыграли два фактора: во-первых, Горбачев мог прийти к выводу, что СССР без проведения радикальной реформы не мог более поддерживать свой статус военной супердержавы, особенно под давлением воинственного президента Соединенных Штатов, экономика которых переживала экономический подъем. Во-вторых, Горбачев мог прийти к выводу, что экономические проблемы связаны не с темпами роста, а с эффективностью экономики. Практически все факты говорят о том, что административно-командная система была нацелена на увеличение физических объемов производства, а не на увеличение эффективности производства продукции. Начиная с середины 1960-х годов советские экономисты обещали, что, если удастся задействовать огромные скрытые резервы, производство увеличится более чем на 50 процентов. В самом деле, в советской экономике действительно имелись скрытые резервы, но

их нельзя было высвободить простыми методами, которые не требовали бы полного отказа от административно-командной экономики. Горбачеву и его советникам не хватило проницательности.

Вознаграждение и интенсивность трудовых усилий. Первоначальное накопление капитала было важнейшей экономической задачей Сталина, хотя это и не признавалось открыто. Обширная программа капитального строительства должна была покончить с относительной отсталостью Советского Союза и защитить его от окружающих врагов. Сталин и его сторонники боялись, что, проводя политику накопления капитала, они станут заложниками крестьян, чьи требования более высокого уровня жизни угрожали уменьшить национальные сбережения, поскольку потребление – это то, что остается от произведенной продукции минус расходы на инвестиции и непотребительские статьи расходов. Если капитальные вложения должны резко увеличиться, то потребление должно сократиться. Бремя первоначального накопления капитала должно было лечь непосредственно на плечи крестьянства. Промышленные и строительные рабочие должны были быть освобождены от него; их уровень жизни мог оставаться прежним или даже расти благодаря жертве, приносимой деревней. Поскольку крестьяне не желали добровольно «платить» за накопление капитала, диктатору надо было применять чрезвычайные меры, используя меры принуждения. Для того чтобы обеспечить удовлетворительный уровень заработной платы рабочим приоритетных отраслей, Сталин лично изобрел систему нормированного распределения, с помощью которой можно было направить ограниченное количество потребительских товаров тем, кто трудится на индустриализацию (см. главу 4). Диктатор рассчитывал на то, что советские граждане будут работать, вдохновленные перспективой светлого будущего, и со временем возникнет «новый советский человек», согласный приносить жертвы во имя общего блага. Пятилетние планы должны были рисовать перспективу этого светлого будущего и вдохновлять советского человека.

Краткий опыт милитаризации труда во время военного коммунизма показал советскому руководству, что рабочим необходим пряник в виде материального вознаграждения, для того чтобы они хорошо работали. В отличие от станков, кирпича и автомобилей, людям не всё равно, где и в каких условиях работать, они должны чувствовать, что предлагаемое им вознаграждение соответствует их трудовым усилиям. Если условия труда

²⁸ Schroeder G. The Slowdown in Soviet Industry, 1976–1982 // Soviet Economy. 1985. Vol. I. № 1. P. 42–74.

неудовлетворительны, рабочие будут либо искать способ сменить место работы, либо попросту снизят интенсивность своих трудовых усилий. Они снизят интенсивность, если получают меньше «справедливой» заработной платы, размер которой зависит от существующих в обществе социальных норм. То, что диктатор понимал эти экономические законы, видно хотя бы из того, что он использовал немалые возможности секретной полиции для сбора информации о настроениях рабочих и крестьян, а не на сбор потенциально значимой независимой информации о производителях (см. главу 4).

Попытка свалить бремя первоначального накопления капитала на крестьян потерпела неудачу. С падением реальных доходов крестьян сократились также интенсивность их трудовых усилий и объем сельскохозяйственного производства. Даже Сталину пришлось начать кампанию по доставке товаров широкого потребления в деревню и лично повысить цены на сельхозпродукцию. Всеобщая нехватка продуктов питания привела к созданию высокодоходного частного рынка сельскохозяйственной продукции (так называемый колхозный рынок), в результате чего доходы из города перетекали обратно в деревню. Крестьяне истребляли свой домашний скот, основной источник тягловой силы, перед тем как вступить в колхоз, и промышленности приходилось замещать животную тягловую силу сельскохозяйственными машинами. Надежды Сталина добиться высоких темпов первоначального накопления капитала, избежав установления рабочим промышленности оплаты за их труд на уровне меньшем, чем тот, что предписывала «справедливая» заработная плата, не оправдались. Ускоренные темпы накопления капитала происходили в условиях застывшего или даже понизившегося уровня жизни рабочих. Следовательно, необходимо было решить проблему масштабных инвестиций и низкого уровня потребления, нейтрализовав их негативные последствия, сокращавшие интенсивность трудовых усилий рабочих.

Хотя Сталин опасался крестьян, которые имели возможность застопорить программу индустриализации, по иронии судьбы, эта возможность, в конце концов, оказалась в руках промышленных рабочих. В главе 4 показано, что исключительно высокие темпы накопления капитала в период с 1929 по 1932 год привели к тому, что заработная плата промышленных рабочих стала меньше соответствовать «справедливой». На это, наказывая своих работодателей, рабочие отреагировали ростом текучести, невыходами на работу и низкой интенсивностью трудовых усилий в це-

лом. Возможности экономики выпускать промышленные товары уменьшились, и диктатору, чьей основной целью было создание новых заводов, пришлось дважды урезать капитальные вложения. То, что в 1930-е годы, в самый разгар «построения социализма», советская экономика дважды испытала спад инвестиционной активности, показывает, до какой степени около 100 миллионов советских рабочих могли управлять темпами индустриализации. Диктатор, который создал наиболее мощную в мире систему принуждения, оказался беспомощным перед лицом сопротивления рабочих страны.

Перед диктатором, обладавшим значительными возможностями по применению наказания и принуждения, несомненно, возникал соблазн применить силу на производстве. Возможно, рабочих можно было заставить увеличить интенсивность их трудовых усилий без какого-либо экономического поощрения. Прямое использование силы по отношению к работникам в виде отправки в Гулаг было применено менее чем к трем процентам рабочей силы страны²⁹. Несмотря на то что система принудительного труда в Гулаге просуществовала более двух десятилетий, в конечном итоге от нее пришлось отказаться, когда оказалось, что затраты на принуждение превышают суммарные выгоды³⁰. Вскоре после второго спада инвестиционной активности (в 1937 году) поголовно ко всем работникам было применено драконовское рабочее законодательство, остававшееся в силе вплоть до середины 1950-х годов. Указы 1938–1940 годов фактически прикрепили работников к своим рабочим местам и установили наказание за опоздания и некачественную работу. Однако карательное законодательство эффективно только в том случае, если оно порождает сдерживающий эффект. На пике применения сурового рабочего законодательства (в 1940 и 1941 годах) более полумиллиона рабочих оказались в тюрьме, и более 3 миллионов человек были подвергнуты суровым взысканиям³¹. Страна, в которой и так не хватало рабочей силы, едва ли могла себе позволить иммобилизовать такое множество рабочих; как следствие, уголовные законы перестали применяться, а в марте 1955 года последние из них были отменены.

²⁹ Tikhonov A. Gulag Structure and Size // The Economic of Forced Labor: The Soviet Gulag / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Stanford, Calif.: Hoover Institution Press, 2003.

³⁰ Gregory P., Tikhonov A. The End of Gulag // The Economic of Forced Labor.

³¹ Sokolov A.K. The Period of Forced Labor in Soviet Industry: The End of the 1930s to the Mid-1950s // The Economic of Forced Labor (русский вариант – Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004).

Отношения между диктатором и рабочими в послевоенный период были охарактеризованы Дэвидом Граником как «экономика гарантированного права на труд» (job rights economy)³². Кнут заменили пряником. Гарантированное право на труд представляло собой негласный договор о том, что рабочих не будут увольнять или наказывать за плохую работу и они будут автоматически получать всевозможные социальные блага. Если реальная заработная плата не росла, рабочие могли действовать в соответствии с популярной поговоркой: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Несмотря на то что руководители все ещё несли ответственность за невыполнение планов, рабочим обвинения во вредительстве или саботаже больше не угрожали. Существенный акцент делался на «рабочем коллективе» как средстве закрепления рабочих за их местом работы. Медицинское обслуживание, социальное обеспечение ребенка, отпуска и даже потребительские товары предоставлялись «коллективом».

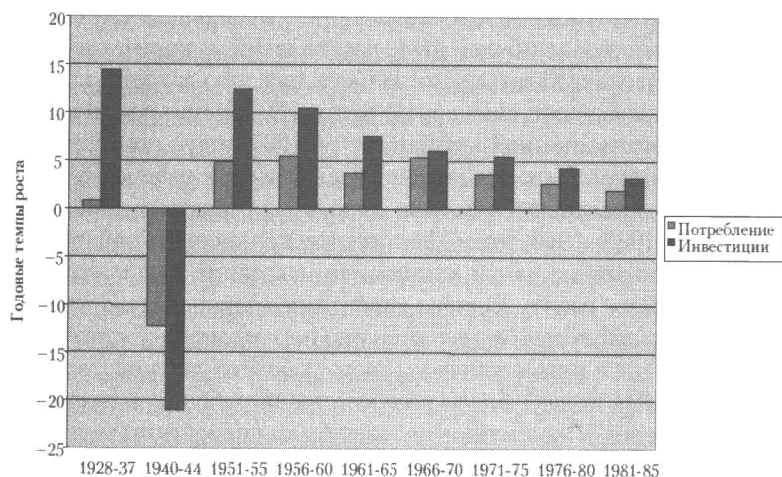

Рис. 10.4. Относительные темпы роста потребления и инвестиций

Источник: посчитано по: Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961; Joint Economic Committee of Congress. USSR: Measures of Economic Growth and Development, 1950–1980. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1982.

³² Granick D. Job Rights in the Soviet Union: Their Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 1–8.

Диктатор (хрущевское коллективное руководство) внедрил «экономику гарантированного права на труд» в середине 1950-х годов, в период оптимистических надежд на быстрые темпы экономического развития. Предполагалось, что увеличение реальной заработной платы увеличит интенсивность трудовых усилий рабочих, а экономический рост, который произойдет как следствие увеличения интенсивности трудовых усилий, обеспечит как рост инвестиций, так и рост потребления. Следует отметить, что существенную брешь в этом плане могла пробить оборонная промышленность. С увеличением доли расходов на оборону пришлось бы пожертвовать либо инвестициями, либо потреблением.

График 10.4 показывает соотношение между инвестициями и потреблением начиная с 1928 года и вплоть до вступления Горбачева на пост Генерального секретаря в 1985 году. Из графика видно, что увеличение темпов роста инвестиций в два раза в период между 1928 и 1937 годами финансировалось в основном за счет потребления и предположительно вело к сокращению интенсивности трудовых усилий рабочих. После значительного сокращения и инвестиций, и потребления в годы Второй мировой войны в период с 1950 по 1960 год и инвестиции, и потребление росли ускоренными темпами. Однако, когда в конце 1960-х экономический рост замедлился, темпы роста как инвестиций, так и потребления сократились. Однако сокращение темпов роста инвестиций было более существенным (с более чем 10 процентов в год до менее чем пяти), чем сокращение темпов роста потребления (с 5 до 3 процентов).

Диктатор столкнулся с замедлением экономического развития, будучи лишенным возможности использовать принуждение, возможности требовать от населения очередных жертв. Несмотря на то что рабочие всего лишь «делали вид, что работают», диктатор не мог применить по отношению к ним репрессивные меры, которые до этого уже провалились. Различные варианты создания «нового советского человека», такие, как стахановское движение, также уже были испробованы и оказались неработающими. Гулаг оказался слишком дорогостоящим. Не было никакой возможности высвободить обещанные сторонниками экономических реформ скрытые резервы. Единственной возможностью, которая оставалась, было аннулировать негласный договор о «гарантированном праве на труд». Эксперимент начался в 1967 году (под названием щекинского эксперимента): трудовому коллективу было позволено сокращать лишних работников и делить их

Отношения между диктатором и рабочими в послевоенный период были охарактеризованы Дэвидом Граником как «экономика гарантированного права на труд» (job rights economy)³². Кнут заменили пряником. Гарантированное право на труд представляло собой негласный договор о том, что рабочих не будут увольнять или наказывать за плохую работу и они будут автоматически получать всевозможные социальные блага. Если реальная заработная плата не росла, рабочие могли действовать в соответствии с популярной поговоркой: «Они делают вид, что платят, мы делаем вид, что работаем». Несмотря на то что руководители все ещё несли ответственность за невыполнение планов, рабочим обвинения во вредительстве или саботаже больше не угрожали. Существенный акцент делался на «рабочем коллективе» как средстве закрепления рабочих за их местом работы. Медицинское обслуживание, социальное обеспечение ребенка, отпуска и даже потребительские товары предоставлялись «коллективом».

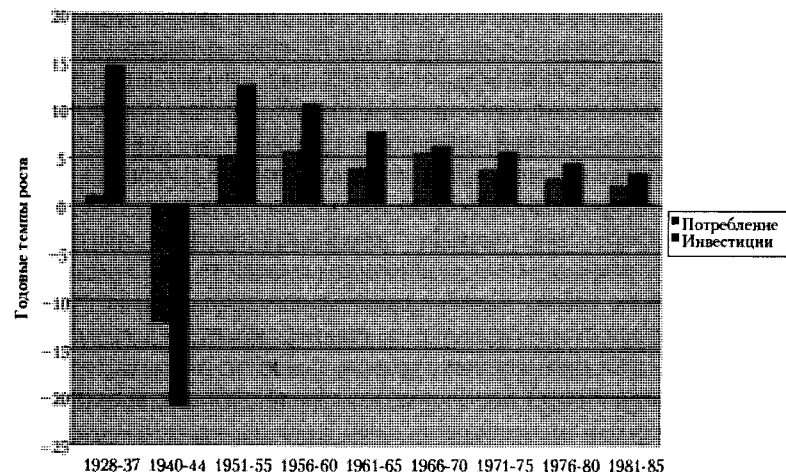

Рис. 10.4. Относительные темпы роста потребления и инвестиций

Источник: посчитано по: Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961; Joint Economic Committee of Congress. USSR: Measures of Economic Growth and Development, 1950–1980. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1982.

³² Granick D. Job Rights in the Soviet Union: Their Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 1–8.

Диктатор (хрущевское коллективное руководство) внедрил «экономику гарантированного права на труд» в середине 1950-х годов, в период оптимистических надежд на быстрые темпы экономического развития. Предполагалось, что увеличение реальной заработной платы увеличит интенсивность трудовых усилий рабочих, а экономический рост, который произойдет как следствие увеличения интенсивности трудовых усилий, обеспечит как рост инвестиций, так и рост потребления. Следует отметить, что существенную брешь в этом плане могла пробить оборонная промышленность. С увеличением доли расходов на оборону пришлось бы пожертвовать либо инвестициями, либо потреблением.

График 10.4 показывает соотношение между инвестициями и потреблением начиная с 1928 года и вплоть до вступления Горбачева на пост Генерального секретаря в 1985 году. Из графика видно, что увеличение темпов роста инвестиций в два раза в период между 1928 и 1937 годами финансировалось в основном за счет потребления и предположительно вело к сокращению интенсивности трудовых усилий рабочих. После значительного сокращения и инвестиций, и потребления в годы Второй мировой войны в период с 1950 по 1960 год и инвестиции, и потребление росли ускоренными темпами. Однако, когда в конце 1960-х экономический рост замедлился, темпы роста как инвестиций, так и потребления сократились. Однако сокращение темпов роста инвестиций было более существенным (с более чем 10 процентов в год до менее чем пяти), чем сокращение темпов роста потребления (с 5 до 3 процентов).

Диктатор столкнулся с замедлением экономического развития, будучи лишенным возможности использовать принуждение, возможности требовать от населения очередных жертв. Несмотря на то что рабочие всего лишь «делали вид, что работают», диктатор не мог применить по отношению к ним репрессивные меры, которые до этого уже провалились. Различные варианты создания «нового советского человека», такие, как стахановское движение, также уже были испробованы и оказались неработающими. Гулаг оказался слишком дорогостоящим. Не было никакой возможности высвободить обещанные сторонниками экономических реформ скрытые резервы. Единственной возможностью, которая оставалась, было аннулировать негласный договор о «гарантированном праве на труд». Эксперимент начался в 1967 году (под названием щекинского эксперимента): трудовому коллективу было позволено сокращать лишних работников и делить их

заработную плату между оставшимися членами коллектива. В конце концов, от эксперимента отказались, поскольку он угрожал возникновением массовой безработицы и из-за сопротивления со стороны бюрократического аппарата³³. Советское руководство до самого конца панически боялось призрака безработицы. Советские военные, например, вынуждены были принимать военные корабли без орудий, поскольку, если бы они забраковали эти корабли, рабочие не могли бы получить свою заработную плату³⁴.

Советское руководство годами ставило знак равенства между отсутствием рабочей дисциплины и текучестью рабочей силы. Текучесть рабочей силы считалась экономическим «злом», поскольку, когда рабочие меняли место работы, их специфический опыт работы на прежнем месте терялся. Во время начального этапа индустриализации промышленные рабочие меняли работу в среднем 1,2–1,5 раза в год. В отраслях, требующих тяжелого физического труда, таких, как добыча угля, рабочие меняли место работы 2–3 раза в год³⁵. У нас нет данных о текучести рабочей силы в середине и конце 1930-х годов, но мы знаем наверняка, что очередного пика текучесть рабочей силы достигла в 1947 году во время действия драконовского законодательства, запрещавшего менять место работы³⁶. Создание экономики с гарантированным правом на труд, несомненно, имело ожидаемый эффект – текучесть рабочей силы понизилась до уровня, аналогичного уровню, существовавшему в странах Западной Европы, и стала несколько меньше текучести рабочей силы в США³⁷. Высокий уровень текучести рабочей силы во время действия наиболее суровых ограничений доказывает, что даже режим, обладающий самыми жесткими репрессивными методами, не в состоянии контролировать всю рабочую силу. Тот факт, что текучесть рабочей силы в Советском Союзе в эпоху гарантированного права на труд была аналогична уровню текучести рабочей силы в Европе, показывает беспомощность диктаторского режима. Планирование на основе практики предыдущих лет привело к

распределению ресурсов по фиксированной схеме. Работникам не было никакой необходимости менять место работы, и все же они продолжали это делать.

Группы влияния. Конфликт «принципал–агент» разделил советское руководство на два лагеря – на тех, кто представлял промышленные и региональные интересы, и на тех, кто представлял общесоюзные интересы. Последние не несли ответственности за конкретные результаты, хотя теоретически они могли быть свергнуты в результате государственного переворота. Так, например, в первые два года осуществления форсированной индустриализации и коллективизации Сталин и его союзники опасались переворота. Те же, кто представлял ведомственные интересы, несли ответственность за конкретные результаты. Если наркомат или региональные власти не могли выполнить план, за это нес ответственность нарком или глава региона.

В главах 3 и 6 мы обсудили вопросы управления. По меньшей мере половина членов сталинского Политбюро представляли промышленные или региональные интересы. Орджоникидзе представлял интересы тяжелой промышленности, Микоян представлял интересы торговли, Каганович представлял интересы транспорта. Республиканские партийные лидеры представляли интересы республик, партийные руководители крупнейших городов, таких, как Москва и Ленинград, представляли интересы своих городов. Оставалось относительно немного членов Политбюро, которые представляли государственные интересы. Если бы Политбюро было на самом деле коллегиальным органом, то в 1930-е годы группы влияния могли бы управлять решениями, принимаемыми Политбюро, путем оказания взаимных услуг и обмена голосами (я буду голосовать за твой проект, если ты проголосуешь за мой). Упорное сопротивление Сталина какому бы то ни было лоббированию внутри Политбюро – лоббированию более низких плановых заданий, большего количества ресурсов, сокращения зерновых поставок и т.д. – создало базу для отстаивания государственных интересов, по крайней мере в том виде, как их понимал Сталин. Как уже процитировано в главе 6, Сталин увещевал Политбюро, что «нехорошо и противно, если мы начинаем обманывать друг друга», и укорял своих коллег, которые «не смогли устоять против бюрократического наскока Наркомтяжа... Если вы будете так воспитывать кадры, у вас не останется в партии ни один честный партиец». В третьей главе мы приводим цитату, где Сталин напоминает Политбюро, что оно должно «нажать на бюрократов в ВСНХ, чтобы защитить интере-

³³ Granick D. Job Rights in the Soviet Union. P. 238–239.

³⁴ Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 48.

³⁵ Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke, England: MacMillan, 1996. P. 543; Idem. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. P. 531.

³⁶ В этот период текучесть рабочей силы достигала в угледобывающей промышленности 64 процентов, в нефтедобыче – 46 и в легкой промышленности – 34. Такой высокий размер текучести рабочей силы связан с голодом (Sokolov A.K. The Period of Forced Labor in Soviet Industry).

³⁷ Granick D. Job Rights in the Soviet Union. P. 15.

сы государства» и что «вопрос об использовании... денег должен быть обсужден особо с учетом интересов государства в целом», а не только интересов отдельных членов Политбюро. Легкость, с которой члены Политбюро организовывали себе большинство, одобрявшее их собственные программы, когда Сталина не было в Москве, показывает потенциальные масштабы предоставления взаимных услуг внутри Политбюро в отсутствие сильного диктатора. Когда прокуратура (Вышинский) обвиняла НКТП в выпуске низкокачественной продукции, наркому тяжелой промышленности удалось организовать осуждение Политбюро действий прокуратуры, пока в дело не вмешался разгневанный Сталин (см. главу 6).

В иерархической советской диктатуре конфликт между «широкими» интересами руководителей и «узкими» ведомственными интересами возникал на всех уровнях. Наркому приходилось напоминать главкам о том, что они должны поставлять продукцию всем предприятиям наркомата, а не только своим собственным заводам. Нарком тяжелой промышленности сетовал на «гнилых и разложившихся» снабженцев в своей собственной организации, которые отвечают своим клиентам: «Ничего у нас нет, ничего дать не можем». Нарком легкой промышленности был вынужден призывать свои главки «скандалить вовсю, вместе с нами скандалить, не так, как делают наши товарищи, – не заходя в наркомат, бегать по всем организациям – в РКИ, МК и проч., а через наркомат, вместе с наркоматом». На всех уровнях системы ведомственные интересы напоминали о себе, заставляя игнорировать государственные интересы.

Мансур Олсон утверждал, что «оседлый грабитель» – фигура временная. В силу либо немощности, либо смерти, либо постепенного разрушения власти группы влияния в конечном итоге получают верховную власть³⁸. Согласно Олсону, в Политбюро представители ведомственных интересов рано или поздно будут искать компромиссы друг с другом и выносить решения против общегосударственных интересов. Министерства и региональное руководство будут использовать свое экономическое влияние для получения уступок. Более слабые промышленные министры будут не в состоянии противостоять давлению своих подчиненных. И то, как скоро задачи экономического роста и производитель-

ности труда будут забыты в борьбе промышленных министерств за экономические выгоды, лишь вопрос времени³⁹.

После смерти Сталина Советским Союзом действительно управляло коллективное руководство. Несмотря на существование нескольких сильных лидеров, таких, как А. Косыгин, защищавших общегосударственные интересы, типичное постсталинское Политбюро представляло собой собрание представителей «общих» и ведомственных интересов. Так, например, в состав брежневского Политбюро 1976 года входило четыре представителя республик и крупных городов, а большинство кандидатов в члены Политбюро являлись республиканскими руководителями⁴⁰. Более того, структура ЦК стала более сложной, в нем были созданы крупные отделы, и руководители отделов – такие, как Горбачев, глава сельскохозяйственного отдела, или руководители военно-промышленного комплекса, – лоббировали в интересах своих отраслей. Чем сильнее был их экономический сектор, тем большей экономической властью они обладали⁴¹. Лоббирование со стороны гигантских отраслевых монополий стало непреодолимым, по утверждению одного из наблюдателей, в 1980-е годы. При этом не только не выполнялись решения центра, но и сами группы влияния навязывали центру свою волю. Чем более влиятельным было министерство (как, например, Министерство среднего машиностроения, которое руководило предприятиями, связанными с ядерным производством), тем больше правительство подпадало под его влияние⁴².

После смерти Сталина система унаследовала и продолжила традицию существования всемогущего Генерального секретаря, остававшуюся неизменной до самого конца советского строя. Последнее слово оставалось за Генеральным секретарем, и именно эта традиция спасала Советский Союз от хаоса. Однако эта же традиция создавала и множество проблем, когда Генеральный секретарь был немощен и дряхл (как, например, в последние годы

³⁸ Olson M. The Devolution of Power in Post-Communist Societies // Russia's Stormy Path to Reform / Ed. by R. Skidelsky. London: The Social Market Foundation, 1995. P. 31–40.

³⁹ Boettke P.J. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. London: Routledge, 2001. P. 176–190; Boettke P., Anderson G. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of the Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93. P. 37–53.

⁴⁰ Cook P. The Political Setting // Joint Economic Committee. Soviet Economy in a New Perspective. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976. Appendix.

⁴¹ Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 46–48, 88.

⁴² Yasin Y. Getting the Details Wrong // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. P. 149.

правления Брежнева или во время правления Черненко). Она же позволила Горбачеву начать реализацию мер, непопулярных среди других членов Политбюро, которые в конце концов разрушили саму систему.

Отраслевые и региональные группы влияния проще сдерживать при помощи вертикальной иерархии (см. главу 1). Если они не вступают в горизонтальные сделки и остаются лояльными по вертикали, они имеют мало полномочий, которые диктатор не мог бы контролировать. Они получают материалы в соответствии с приказами «сверху» и, будучи лояльными, поставляют произведенную продукцию пользователям, определенным центром. Диктатор может поддерживать высокоцентрализованную систему с помощью принуждения, силой навязывая вертикальную лояльность. Основная идея этой книги состоит в том, что высокоцентрализованная система несет в себе семя своего собственного разрушения. Чем более централизован процесс принятия решений, таких, как решения о централизованных планах поставок и снабжения, тем менее надежна официальная система. Сталкиваясь с невыполнимыми планами и ненадежными поставщиками, производители вынуждены прибегать к горизонтальным сделкам. Неформальные горизонтальные сети постепенно превращаются в альтернативный источник власти и становятся основой для образования групп влияния. Хотя диктатор должен был бороться с горизонтальными сделками, они, по сути, наоборот, поощрялись. Политбюро требовало от министров обеспечить выполнение плановых заданий любыми возможными средствами. Министры говорили руководителям предприятий, что если хороший руководитель «умеет организовать дело как следует, то результаты налицо», несмотря на трудности с официальными поставками (см. главу 7), и что план должен быть выполнен «любой ценой». Таким образом, диктатор молчаливо поощрял ту самую поведенческую модель, которая в конечном счете привела к разрушению централизованной власти. Сталин и Политбюро поощряли наркомов самостоятельно решать свои проблемы и препятствовали разрешению споров в административном порядке (см. главу 7). Те руководители, которые не получали материалы в официальном порядке, жалуясь на это своему наркому, могли услышать: «Сколько бы вы ни жаловались, сколько бы ни предъявляли требований... они все эти требования могут вернуть обратно с полным правом» (см. главу 7). Наркомы признавали, что «фактически сам потребитель с многочисленным штатом толкачей руководил аппаратом отдела сбыта» (см. главу 7). Все выше-

перечисленное фактически поощряло участие в горизонтальных сделках.

Так же как и высокий уровень текучести рабочей силы в период драконовского рабочего законодательства, отказ руководителей подчиняться прямым приказам показывает несостоятельность диктатора. Крупные производители попросту игнорировали приказы, и, как правило, им это сходило с рук. Они, будучи производителями жизненно важных ресурсов, в свою защиту всегда могли сослаться на то, что закон или правило, введенное диктатором, может повредить процессу производства. Прямые указания финансовым органам, призывавшие к сокращению кредитования, также не выполнялись, поскольку горизонтальные сделки создавали обязательства, которые не мог преодолеть кредитор последней инстанции. На взгляд производителей, проблема была однозначна: «Выполнишь правило, потеряешь продукцию». Для финансовых властей выбор стоял между банкротством (и увеличением эффективности в долгосрочной перспективе) и сиюминутной утратой продукции, производимой предприятием-банкротом (см. главу 9). Несмотря на высокоцентрализованную систему принуждения, верх взял производитель.

Весьма соблазнительно присоединиться к распространенному мнению, утверждающему, что переход от модели «оседлого грабителя» к корпоративному диктату — это причина снижения темпов роста и ухудшения эффективности советской экономики. Из трех вероятных моделей диктатур — мы исключили модель научного планирования как неправдоподобную — только модель «оседлого грабителя» предполагает, что диктатор нацелен на достижение положительных экономических результатов. Как диктатор, максимизирующий власть, так и модель групп влияния предполагают неважные экономические результаты. В модели диктатора-эгоиста предполагается, что чаще будут приниматься решения, основанные на политических соображениях. Модель корпоративного диктатора предполагает, что цель диктатора заключается в распределении экономической прибыли, а не экономическом развитии.

Быстрый экономический рост в Советском Союзе середины 1930-х годов часто объясняют с помощью модели «оседлого грабителя». Но само по себе утверждение, что «оседлый грабитель» управляет экономикой, слабо помогает понять причины возникновения подобных «чудес»: как несколько партийных лидеров или съезд партии могут способствовать тому, что тысячи предприятий производят и аккуратно поставляют миллионы товаров. Мизес показал, каким образом рынки, благодаря их знанию вре-

мени и места, могут творить такие чудеса, но нет исследований, объясняющих, каким образом Политбюро, в состав которого входило всего десять человек, при аппарате, насчитывавшем менее трехсот служащих (не считая Госплан, в состав которого входило девятьсот человек), могло совершить такое чудо в 1930-е годы.

Несомненно, что в отсутствие рынка административно-командной экономике необходима некая цель, отличная от целей накопления политической власти или распределения прибыли. Шаги, предпринимаемые Сталиным, несмотря на то что они часто были импровизациями, последовательно преследовали достижение трех задач. Во-первых, устойчиво проводилась политика противодействия альтернативным источникам власти, особенно в лице крупных органов управления промышленностью. На протяжении всего периода наркоматы и главки делились на все более и более мелкие независимые единицы, и высшее руководство пресекало даже самые незначительные попытки создания промышленных империй. Во-вторых, «оседлый грабитель» и его преемники были постоянны в своих предпочтениях, которые были в основном неписаными, но осознавались всеми. Тяжелая промышленность была важнее легкой, а внутри тяжелой промышленности наиболее приоритетными были оборонные предприятия. Наличие приоритетов было жизненно необходимо, поскольку вносило некоторое подобие порядка в широко практикующиеся произвольные интервенции. В-третьих, неизменным было стремление «оседлого грабителя» к накоплению капитала, что мы уже обсудили выше.

Насколько хорошо функционирует экономика, возглавляемая «оседлым грабителем», зависит от качества принимаемых им решений. Экономические системы требуют принятия рациональных решений, таких, в частности, как не начинать какой-либо проект, если его издержки превышают прибыль. В рыночных экономиках частные предприятия преследуют цель максимизации прибыли или биржевой стоимости их акций. Критерии принятия решений «оседлым грабителем» определить гораздо сложнее. «Оседлый грабитель» должен определять оптимальный объем инвестиций и распределять инвестиции между теми проектами, которые способствуют экономическому развитию страны. Производителей необходимо заставлять производить максимум продукции при минимуме затраченных ресурсов. Так, например, при хлебозаготовках надо установить такое задание, которое обеспечит сбор максимально возможного количества зерна, не вызвав при этом широкомасштабного голода или серьезных политиче-

ских волнений, или не потребует дополнительных поставок дефицитных тракторов.

Для того чтобы принимать рациональные решения, «оседлому грабителю» требуются огромные объемы информации и разумные критерии для принятия решений. Выше мы обсудили критерии принятия решений по инвестиционным проектам, показав, что, когда речь шла о выборе инвестиционных проектов, выбор диктатора часто был экономически неоптимальным и основанным на политических мотивах, и всё же мы не можем сделать никаких выводов относительно рациональности решений диктатора в целом. Мы точно знаем, что информация, которой располагал «оседлый грабитель», поступала к нему непосредственно от экономических агентов, склонных к оппортунистическому поведению, в небольшом объеме и искаженном виде. В самом деле, диктатору, как и всем остальным в административно-командной системе, приходилось работать, страдая от нехватки информации и пребывая в неведении. Предприятия умудрялись выполнять планы, получив только половину материалов, которые, как они утверждали, были им необходимы. Ресурсы распределялись в основном на основе интуиции, а не на основе научных методов.

После того как «оседлый грабитель» (предположительно действующий рационально) принимал решение, оно должно было быть спущено сопротивляющимся и оппортунистически настроенным производителям, которые могли преследовать совершенно противоположные цели. Как показано в седьмой главе, Сталин всерьез опасался, что директивы центра останутся на бумаге или что важнейшие государственные органы не узнают о решениях Политбюро и они увязнут в недрах бюрократического аппарата. Наиболее влиятельный промышленный нарком-диктатор, для того чтобы заставить подчиненных выполнить его директивы, должен был «ругаться» и драться, «как зверь», ему приходилось «самому впасть в истерику и того загнать в истерику, кто это выполняет» (см. главу 7). Напрасно Сталин мечтал о Комиссии исполнения, которая заставила бы производителей выполнять приказы. Приказы спускались по вертикальной иерархической системе, после того как подготавливались агентами, такими, как Госплан, которые не несли ответственности за плохо составленные планы (т.е. за планы, которые невозможно было выполнить). Если диктатор был настроен чрезмерно оптимистически, плановики должны были быть столь же оптимистичны, даже если неосуществимость планов была очевидна. Одной из основных идей этой книги является та, что реальное распределение ресурсов

осуществлялось самими производителями. Производственные балансы и планы поставок составлялись в министерствах и их отраслевых подразделениях. Даже в случае с распределяемыми в центре товарами, такими, как транспортные средства, влияние производителей было на удивление велико. Формально решения принимались централизованно, но фактически производители имели достаточное поле для маневра и принятия самостоятельных решений о распределении ресурсов. Если решения о распределении ресурсов принимаются производителями в отсутствие рыночных механизмов распределения ресурсов, сложно представить, каким образом результаты такого распределения могут быть экономически приемлемыми.

В периоды наибольших экономических трудностей, такие, как Великий перелом, экономических агентов заставляли поступать против воли. Так, например, крестьян заставляли сдавать зерно по низким государственным ценам, промышленных рабочих заставляли работать за заработную плату ниже «справедливой», а предприятиям навязывали чрезвычайно напряженные планы. Можно предположить, что в такие моменты максимального напряжения оппортунистическое поведение было в наибольшей степени распространено. В таких обстоятельствах далеко не всегда ясно, сможет ли даже наиболее целеустремленный, самоотверженный и сосредоточенный «оседлый грабитель» навязать свою волю сопротивляющимся агентам. По этой причине нельзя сказать, действительно ли диктатор, действующий, как предписывает модель «оседлого грабителя», может добиться лучших экономических результатов по сравнению с теми результатами, каких он достиг бы, если бы действовал в соответствии с другими моделями, в которых экономические вопросы имеют второстепенное значение.

А диктатор-то голый! Великий перелом начался с великим энтузиазмом. Партийное руководство, рядовые члены партии, многие руководители и еще больше рабочих верили в идеи, которые провозглашала всезнающая партия. Но постепенно они начинали ставить под сомнение разумность предпринимаемых партийных шагов. Рабочие, писавшие на стенах заводов: «СССР – страна благородная, хлеб отправляет за границу, а сама голодная», – не понимали, почему Сталину понадобилось вывозить зерно, в то время как сами они недоедают (см. главу 4). Хотя Ленин утверждал, что партия должна принимать лишь наиболее важные решения, Сталин решал, как должны называться улицы и какие памятники следует воздвигать в Москве, должно ли шоссе иметь

две или четыре полосы, каковы должны быть цены на хлеб, хотя на эти вопросы не меньше времени, чем он тратил на решение ключевых экономических вопросов или внешнеполитических проблем. Оставляя за собой право изменения любого решения, неважно, насколько частного, Сталин пришел к тому, что все вопросы в конечном итоге попадали на его стол. Нелепость подобной ситуации должна была быть очевидной непосредственному окружению Сталина, равно как и более широкому кругу наблюдателей.

Миф о всеведущей партии не мог выдержать проверки суровой реальностью произвольных, безграмотных и незначительных решений. Тот факт, что партия позволяла себе барахтаться в болоте мелких вопросов, предполагает либо отсутствие какого-либо понимания происходящего, либо же, наоборот, четкое осознание того, что именно способность принимать решения по повседневным вопросам и является источником ее легитимности. Нет ничего удивительного в том, что идеология перестала играть важную роль после смерти Сталина, несмотря на то что идеологический ритуал оставался неизменным. Однако стоит принять во внимание тот вред, который нанесла административно-командной системе утрата идеологического фундамента.

Административно-командная система была внедрена в первую очередь по той причине, что советское руководство, начиная с Ленина в 1917 году и заканчивая Горбачевым в 1985, верило в то, что просвещенные решения, принимаемые самоотверженной небольшой группой людей, будут лучше «анархии рынка». Насилие и принуждение оправдывались тем, что они якобы обеспечивают рациональное распределение ресурсов. И все это было сделано для того, чтобы Сталин мог принимать решения о том, что необходимо производить 40–50 тонн льна вместо 35–40 тонн, завод X должен отправить заводу Y 10 тонн стали или что партийный руководитель Грузии должен получить «бьюик». Со всей серьезностью стоит задать вопрос о том, была ли эта система вообще легитимна.

Глава 11

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы начали эту книгу вопросом Джозефа Берлинера: что послужило причиной гибели административно-командной экономики – плохое руководство («жокей») или сама система («лошадь»)? В предыдущих десяти главах мы рассмотрели механизм функционирования советской административно-командной экономики, используя её собственные документы из ранее секретных государственных и партийных архивов. Мы исследовали первые два десятилетия ее существования. Если проблема была в «жокее», мы должны были бы прийти к выводу о том, что система могла продолжить существование и даже процветать, будь «жокей» лучше. Ленин утратил способность управлять в декабре 1922 года, задолго до создания новой системы. Сталин и его команда стали первыми «жокеями», поскольку именно под их руководством и была создана административно-командная система.

Если бы Сталин был единственным «жокеем», то можно было бы утверждать, что система могла бы работать совершенно иначе и её крайностей можно было бы избежать. Мы отклоняем подобную сталиноцентрическую интерпретацию, хотя и не отрицаем, что именно Сталин был главным архитектором системы. Большевистская партия, претензии которой на власть после гражданской войны не встретили серьезного отпора, не имела иного выбора кроме создания тоталитарной системы. Партийные принципы предусматривали планирование, государственную собственность и первоначальное накопление капитала. Мы согласны с утверждением Хайека о том, что административная система, основанная на таких принципах, неизменно порождает фигуру, подобную Сталину. Возможно, alter ego Сталина воздержался бы от чрезмерного применения террора и насилия, но управление экономикой, вероятно, осуществлялось бы аналогичным способом. Следовательно, система функционировала бы в основном так же при Троцком или Ленине, будь они у власти.

Несмотря на то что поначалу Сталин был «первым среди равных», а затем ему уже не было равных, он не мог управлять системой в одиночестве. Сталин не смог бы одержать свои политические

победы без союзников. После изгнания Троцкого (чья непопулярность облегчила дело) Сталину требовалась поддержка других членов Политбюро для вытеснения остальных своих оппонентов. Сталину пришлось ждать семь лет, пока он смог, наконец, выступить против своей собственной команды, и к тому времени система была уже создана. В течение всего периода становления системы Сталин в немалой степени зависел от своих союзников; политические предложения Сталина могли быть отклонены большинством Политбюро, и он продолжал настаивать, по крайней мере, на сохранении видимости совместного принятия решений.

Рост концентрации политической власти в руках верховного диктатора произошел бы и в том случае, будь на месте Сталина кто-то другой. На партийную демократию нельзя было положиться в системе, требовавшей скоординированных действий, что показали повсеместные случаи превышения полномочий партийными чиновниками на местах во время чисток 1929 и 1930 годов. Более того, «низы» партии представляли наибольшую угрозу для диктатора. Легитимность Сталина и Политбюро основывалась на утверждении, что они являются «истинными представителями рабочего класса» при молчаливом согласии рядовых членов партии. Поэтому на любую попытку вынести спорные вопросы на рассмотрение рядовых членов партии Политбюро реагировало со страхом и паникой. Кроме того, для создания впечатления единого фронта требовался сильный лидер. Легитимность решений Политбюро могла быть сохранена только в том случае, если они были единогласными. От практики предыдущих лет, допускавшей внутрипартийные дебаты, после которых члены Политбюро должны были сплотиться, приняв точку зрения большинства, пришлось отказаться, поскольку она допускала, что решения Политбюро воплощались в жизнь их противниками. «Истинный» большевик не мог быть безразличным. Для разрешения конфликтов и противодействия созданию устойчивых связей между представителями партийной элиты требовался сильный лидер, роль, которую передали Сталину его коллеги.

Советская административно-командная система насчитывала множество «жокеев». «Жокеем» являлся не просто Сталин или Политбюро, но сотни и тысячи «маленьких Сталиных», обитавших на всех уровнях «иерархической диктатуры» (nested dictatorship). На каждом уровне начальник был диктатором по отношению к подчиненным, так же как и начальник начальника по отношению к первому. Административно-командная система состояла из множества диктаторов разных уровней, и каждый из них терзал своих подчиненных как мог. Иерархическая диктатура – это главное следствие

делегирования полномочий, различия в целях и неравномерного распределения информации между начальством и подчиненными. Каждый начальник сталкивался с нежеланием подчиненных сотрудничать и с лживостью подчиненных, от которых можно было добиться положительных результатов лишь силой. В одиночку диктатор мог применить силовое воздействие лишь в крайне незначительных размерах. Каждому диктатору требовались мини-диктаторы, которые бы подчинялись ему и могли бы применить силу для того, чтобы добиться выполнения инструкций на более низких уровнях. Если тот или иной верховный диктатор уходит со сцены (например, умирает), на смену ему приходит его точная копия в вопросах применения силовых методов. Поведение людей определялось их должностью, положением в системе, а не наоборот. Как только чиновник переходил с одного поста на другой, он начинал отстаивать интересы новой организации. Фанатики форсированной индустриализации моментально становились сторонниками умеренных темпов развития, когда их переводили с должностей, связанных с отстаиванием «общих» государственных интересов, как, например, работа в контрольных комиссиях, на должности, связанные с «узкими» ведомственными интересами, скажем, на посты в промышленных наркоматах. На протяжении 1930-х годов сменилось четыре председателя Госплана и три наркома тяжелой промышленности. Несмотря то что и характеры и образование этих высших чиновников были в корне различны, смена руководства не вызывала каких-либо существенных изменений в работе этих организаций.

В этой книге показано, что Сталин и Политбюро могли лично принимать до смешного малое количество решений. В 1930-е годы Политбюро непосредственно принимало и реализовывало решения по трем группам вопросов: о распределении капитальных вложений, о распределении валютных фондов и о хлебозаготовках. Остальные решения принимались подчиненными. Но даже организации, находившиеся в непосредственном подчинении Политбюро, такие, как Госплан, принимали относительно небольшое число решений – максимум десять тысяч из миллионов решений о распределении ресурсов, принимаемых ежегодно. Множество полномочий по принятию решений о распределении ресурсов было передано на «нижние» этажи системы на усмотрение экономических агентов, склонных к оппортунистическому поведению. Таким образом, иерархическая диктатура представляла собой поле битвы между начальством и подчиненными, в которой начальник (диктатор) применял силу и принуждение по отношению к своим подчиненным, чтобы ограничить их оппортунистическое поведение. Диктаторы (подчеркнем

здесь множественное число) навязывали своим подчиненным приказы, разработанные на основе неполной и неточной информации, а подчиненным приходилось сталкиваться с целой лавиной беспорядочных, недоработанных и сомнительных инструкций, за выполнение которых они несли личную ответственность.

До 1985 года административно-командная система управлялась тремя различными режимами – сталинским, хрущевским и брежневско-андроповско-черненковым. Несмотря на большое число экспериментов с незначительными последствиями, после смерти Сталина административно-командная система оставалась практически неизменной. И хотя эта система была создана на скорую руку, методом проб и ошибок, она оказалась удивительно живучей и неизменной. О незначительности личности «жокея» говорит и тот факт, что преемники Сталина не изменили административно-командную систему. Осознавая множество недостатков системы, они встали на путь «бега по кругу» за реформами, ставившими под вопрос жизнеспособность системы, не предлагая ничего для реального улучшения ситуации. Во время Большого террора 1937–1938 годов были уничтожены практически все «старые большевики», и на их место пришло новое поколение молодых лидеров. «Старых большевиков», возглавлявших до этого коммунистическую партию, которым было уже по пятьдесят-шестьдесят лет, тогда сменили тридцати-сорокалетние руководители. Первой возможностью нового поколения реализовать свою власть был XIX съезд партии в 1952 году – съезд, известный установлением статус-кво.

Преемники Сталина не изменили административно-командную систему в силу того, что проблема «принципал–агент» в отношениях между диктатором и его подчиненными не имела решения. Производители-агенты могли с полным правом утверждать, что их заваливали горами произвольных и деструктивных приказов и, если бы они могли принимать самостоятельные решения, это высвободило бы обширные скрытые экономические резервы. С другой стороны, диктаторы-принципалы могли указать на то, что агенты не хотят сотрудничать, что они лгут, жульничают и управляют своими предприятиями в своих собственных интересах. И те, и другие были правы. Полностью независимое советское предприятие работало бы как неуправляемое, не управляемое ни приказами руководства, ни несуществующим рынком. Руководители предприятий не смогли бы улучшить качество собственных решений, поскольку им всё так же не хватало бы точной информации и рациональных критериев принятия решений, на

которые они могли бы опереться. Административно-командная система не позволяла решить проблему «принципал-агент».

В результате возникшее равновесие было малоэффективным. Практически все экономические приказы были основаны на принципе, гласившем, что хозяйственная деятельность в этом году будет примерно такой же, как и в прошлом, с учетом лишь незначительных поправок. Многочисленные дисбалансы решались посредством вмешательства и произвольных решений тысяч диктаторов, наделенных властью вносить изменения. Не существовало никаких общих правил, так как они мешали бы руководителям реализовывать свое право на интервенции. Единственное, что держало систему вместе, — это имплицитная система приоритетов, обеспечивавшая некое подобие порядка. По сути, советская экономика оставалась замороженной, в то время как экономики других стран развивались.

До своих самых последних дней советская административно-командная система делала акцент на ритуалах, таких, как парад в честь Первого мая на Красной площади, пятилетние планы, обещавшие светлое будущее, съезды партии и миф о всезнающей партии. Производители охотнее подчинялись приказам, которые считались легитимными; рабочие были в большей степени склонны приносить жертвы, если они верили в светлое будущее. Великий перелом начался с энтузиазмом. Партийное руководство, рядовые члены партии, многие руководители и еще больше рабочих верили в идеи, которые провозглашала всезнающая партия. Однако по мере того как они наблюдали работу системы в действии, они начинали ставить под сомнение мудрость партийного руководства. Рабочие не могли понять, почему Сталин вывозил зерно, в то время как сами они голодали. Руководители недоумевали, почему они должны выполнять противоречивые приказы. Партийное руководство ломало голову над тем, почему Сталин проводит столько же времени, занимаясь вопросами переименования улиц и памятников в Москве, решая вопросы о том, должно ли то или иное шоссе иметь две или четыре полосы или каковы должны быть цены на хлеб, сколько он тратил на принятие важнейших решений в области экономики и внешней политики. Диктатор оставлял за собой право изменения любого решения, неважно, насколько мелкого, и в конечном итоге все вопросы попадали на стол диктатора — Сталина, Политбюро, или наркома, или регионального партийного руководителя. Нелепость подобной ситуации должна была быть очевидной непосредственному окружению Сталина и более широкому кругу наблюдателей. Тот факт, что партия позволила себе

плескаться в болоте мелочных решений, предполагает либо отсутствие какого-либо понимания происходящего, либо же, наоборот, четкое осознание того, что именно право принимать решения по повседневным вопросам и являлось источником власти партийного руководства.

Руководители административно-командной системы, начиная с Ленина в 1917 году и заканчивая Горбачевым в 1985, отдавали предпочтение административным решениям перед «анархией рынка». В первые годы построения социализма обосновать необходимость применения силы, возможно, было легче, поскольку граждане видели, как строились новые фабрики, каналы и железные дороги. Когда система уже сложилась, оправдывать тоталитарный режим стало сложнее. Несмотря на то что тоталитарная система пережила Сталина, ее идеологические основы канули в лету вместе с ним. Реальная угроза пришла не от потенциального политического соперника, скорее, она всегда существовала где-то рядом в виде совершенно иной экономической системы, системы, в которой ресурсы распределяет рынок, а не политики. Горбачев невольно вызвал к жизни эту альтернативную систему в 1987–1988 годах, когда он освободил предприятия от государственного и партийного вмешательства.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К «ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СТАЛИНИЗМА» ПОЛА ГРЕГОРИ

Книга Пола Грегори «Политическая экономия сталинизма» поднимает очень важные вопросы экономической истории России и является фактически первым историческим исследованием политической экономики диктатуры на материалах сталинского периода.

Книга Пола Грегори — это сравнительно редкое для современной России явление, когда историческая книга написана профессиональным экономистом. Это своеобразный жанр теории экономической истории. При этом всегда возникает опасность крайностей. Экономист-теоретик обычно не обращает внимания на исторические детали и частности, а профессиональный историк не всегда возвышается до глубокого теоретического обобщения. Здесь перед нами редкий случай, когда автору удалось успешно «проплыть» между теоретической Сциллой и исторической Харибдой.

Пол Грегори широко использует современные микро- и макро-экономические (модель трудового вклада, инвестиционного цикла и др.) и неинституциональные методы исследования (информационная асимметрия, оппортунизм производителей и др.). Это позволяет ему критически отнестись к существующим четырем моделям описания диктатуры («научного планирования», «оседлого грабителя», «диктатора-эгоиста», «диктатора-рефери»). С другой стороны, несомненным достоинством книги является широкое привлечение новейших исторических данных и закрытых ранее для широкой публики партийных и государственных советских архивов. Вместе это позволяет автору дать широкую панораму политической экономики советской диктатуры. При этом само понятие «политическая экономия» употребляется как бы в двойном смысле: и в духе старой политической экономики (политическая экономия труда), и в духе новой политической экономики (теория принятия политических решений, теория общественного выбора).

Эта книга использует советские государственные, партийные архивы периода становления культа личности Сталина. Она рассматривает политические и экономические «правила игры», складывающиеся в процессе создания административно-командной системы. Хотя книга Пола Грегори и рассматривает период нэпа, она сознательно избегает дореволюционный период и зрелую со-

ветскую административно-командную систему (после смерти Сталина). В этом смысле становится понятно, почему Грегори не анализирует предпосылки тоталитаризма, существовавшие ещё в царской России, а также остатки культа личности, воспроизводившиеся в послесталинский период. Однако, несомненно, такой более широкий исторический контекст мог бы ярче выделить особенности рассматриваемого Полом Грегори двадцатипятилетия.

Наиболее важным вкладом Грегори является показ «рабочего механизма» советской командной системы, сталинизма в действии. Автор наглядно показывает нерасчлененность советского и партийного руководства, политических и производственных вопросов, законодательной и исполнительной, гражданской и военной, административной и судебной власти, типичную для сталинской тоталитарной экономики.

В результате разрушаются многие, сложившиеся благодаря советской пропаганде, утопические стереотипы: «социализма как системы научного планирования», «планирования как сознательно поддерживаемой пропорциональности», «демократического централизма как метода коллективного принятия судьбоносных решений» и т.д. и т.п. Распределение ресурсов происходило не в соответствии с критериями экономической эффективности и даже не в соответствии с требованиями планирования, а по указке сверху. В ходе составления планов систематически нарушались сроки и основные принципы их составления. Решения принимались не в соответствии с законом, а *ad hoc*, в зависимости от быстро меняющихся конкретных обстоятельств.

Грегори вывел на новый уровень научных и политических дискуссий целый набор проблем:

- Действительно ли административно-командная система неизбежно порождает тоталитарный режим?
- Был ли сталинский террор неизбежным следствием незрелой командной системы, и если да, то почему позднее (после смерти Сталина) он не повторился?
- Почему Сталина, нацеленного на максимизацию экономического роста посредством наращивания инвестиций, регулярно интересовали вопросы потребления рабочих?
- Почему во время сталинского периода ресурсы распределялись с помощью интервенций, а не планировались, и что стало с этой практикой после Сталина?
- Почему Сталин и его окружение отвергали систему, основанную на формальных правилах?

• Почему созданная Сталиным система оказалась труднореформируемой?

Не претендуя на полноту, остановимся лишь на некоторых поднимаемых автором вопросах.

1. Исторические судьбы власти-собственности, или Был ли Сталин неизбежен?

Хронологические рамки исследования не позволили автору рассмотреть проблему неизбежности советской диктатуры в более широком историческом контексте. Между тем сталинская диктатура возникла отнюдь не на пустом месте. Большевики во многом унаследовали и укрепили систему власти-собственности, возникшей ещё в дореволюционный период.

Частное землевладение в России развивается главным образом сверху: центральное правительство предоставляло право сбора доходов с определенных территорий тем или иным представителям господствующего класса. Подобные пожалования чаще всего были временными и условными. Государство нередко перераспределяло их или просто заменяло одно владение другим. И хотя государственная собственность («черные» земли) формально никогда в досоветской России не охватывала 100 процентов, влияние ее всегда было значительным. Дело в том, что номинальное право государственной собственности часто становилось вполне реальным благодаря монополии на отправление верховных административно-хозяйственных функций, присвоению значительной части производимого продукта, контролю за владениями православной церкви, регулированию хозяйственной жизни и т. д. В этих условиях частные хозяйства имели подчиненный характер и не могли сколько-нибудь существенно подорвать верховную собственность государства на землю (см. табл. 1).

Перед бюрократическим аппаратом на Востоке пресмыкались и раболепствовали не только нижние чины, но даже экономически самостоятельные люди. Это общество не знало свободной личности – в Московском государстве даже бояре называли себя холопами, обращаясь к царю. Здесь не существовало и надежной гарантии частной собственности. Ни царь, ни представители правящего сословия не осознавали разницы между личным имуществом и собственностью государства. Даже представители высшей элиты, попав в опалу, могли лишиться всего своего имущества (вспомним хотя бы судьбу фаворита Петра I Александра Меншикова).

Обожествленная государственная власть стремилась подавить всякое проявление инициативы, малейшие признаки любой са-

мостоятельности. Особенно эти процессы усилились после Ивана III, подчинившего Московии новгородские земли – последний «остров» политической независимости. Апогеем царского деспотизма стало правление Ивана IV – Ивана Грозного.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций управления, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. В то же время для системы управления была характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становились гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинали выполнять функции военных. В этих условиях главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти.

Таблица 1. Сравнение отношений власти и собственности в доиндустриальных обществах

Характеристики	Власть-собственность при «восточном деспотизме»	Удельно-вотчинная система на Руси	Феодальная система вассальных отношений в Западной Европе
Отношения личной зависимости внутри правящего класса	Внедоговорной министриалитет	Внедоговорной министриалитет (холопство)	Договорной вассалитет
Наследование прав собственности	Только при наследовании служебных функций	Только при наследовании служебных функций	От отца к сыну (майорат)
Защита прав собственности	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали	Иммунитет по горизонтали и по вертикали
Порядок назначения на должности	В соответствии с личными заслугами перед правителем	В соответствии с заслугами предков перед правящей династией (местничество)	В соответствии с личными заслугами перед правителем
Характер власти верховного правителя	Деспотический	Самодержавный	Власть верховного правителя ограничена крупными феодалами и сословным парламентом

Составлено Ю.В. Латовым

Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице.

В обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники занимали особое место. Представители государственной власти имели прямые и косвенные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращались в своеобразную синектуру, обеспечивавшую безбедное и беззаботное существование. В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью.

Рис. 1. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

Характерно, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственнос-

ти и противопоставления ей¹. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частных владений государственной собственностью. Лишь в 1785 г. при Екатерине II за дворянами была признана полная собственность на их земельные владения; что же касается крестьян, то они получили право закрепить свои наделы в частную собственность только в начале XX в., во время недолговечных столыпинских реформ.

Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда².

Российская экономическая ментальность формировалась веками. Она характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы.

Многовековая традиция государственного деспотизма не могла не отразиться на национальной ментальности, которая является главным элементом механизма зависимости от траектории предшествующего развития (так называемый эффект колеи – path dependence).

Российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную, общинную, рассматривающую человека как часть целого. Важную роль в России всегда играли процессы реципрокации и редистрибуции³. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины. Оно же развивало склонность к смирению и покорности и препятствовало выделению индивида как автономного агента, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие ранги активно-достижительных ценностей в современной России.

¹ Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш, 1989.

² Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука, 1993. С. 62–87.

³ Polanyi K. Great Transformation. New York: Farrar & Pinehart, Inc., 1944.

Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице.

В обществе, в котором не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники занимали особое место. Представители государственной власти имели прямые и косвенные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращались в своеобразную синекуру, обеспечивавшую безбедное и беззаботное существование. В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля над деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью.

Рис. 1. Движение ренты-налога в системе власти-собственности

Характерно, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственнос-

ти и противопоставления ей¹. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частных владений государственной собственностью. Лишь в 1785 г. при Екатерине II за дворянами была признана полная собственность на их земельные владения; что же касается крестьян, то они получили право закрепить свои наделы в частную собственность только в начале XX в., во время недолговечных столыпинских реформ.

Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда².

Российская экономическая ментальность формировалась веками. Она характеризует специфику сознания населения, складывающуюся исторически и проявляющуюся в единстве сознательных и бессознательных ценностей, норм и установок, отражающихся в поведении населения. Исходя из разделяемых ими ценностей, люди либо принимают, либо отвергают новые социальные нормы.

Многовековая традиция государственного деспотизма не могла не отразиться на национальной ментальности, которая является главным элементом механизма зависимости от траектории предшествующего развития (так называемый эффект колеи – path dependence).

Российскую экономическую ментальность можно охарактеризовать как коммунальную, общинную, рассматривающую человека как часть целого. Важную роль в России всегда играли процессы реципрокации и редистрибуции³. Православие нормативно закрепило перераспределительные обычаи крестьянской общины. Оно же развивало склонность к смирению и покорности и препятствовало выделению индивида как автономного агента, абсолютизируя моральные ценности в противовес материальным. Отсюда низкие ранги активно-достижительных ценностей в современной России.

¹ Нуреев Р.М. Экономический строй докапиталистических формаций. Душанбе: Дониш, 1989.

² Нуреев Р.М. Азиатский способ производства как экономическая система // Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти. М.: Наука, 1993. С. 62–87.

³ Polanyi K. Great Transformation. New York: Farrar & Pinehart, Inc., 1944.

Таблица 2. Сравнительная характеристика систем собственности: власть-собственность и частная собственность

Признаки сравнения	Система власти-собственности	Система частной собственности
1. Форма собственности	Общественно-служебная собственность	Частная собственность (индивидуальная или коллективная)
2. Субъекты прав собственности	Государственные чиновники	Индивидуальные владельцы ресурсов, домохозяйства
3. Тип правомочий собственности	Властные общественно-служебные правомочия (полномочия) чиновников в рамках иерархической системы государственного управления	Индивидуальные правомочия владения, пользования, распоряжения и др.
4. Характер распределения правомочий между субъектами (степень индивидуализированности и исключительности)	Правомочия размыты между всеми хозяйствующими субъектами и не принадлежат в полной мере никому. Реализация правомочий имеет форму службы	Отдельные пучки правомочий принадлежат независимым частным собственникам
5. Целевая функция субъектов	Максимизация разницы между полученными раздачами и произведенными сдачами	Максимизация приведенной текущей стоимости активов или дивидендов по акциям (долям в предприятии)
6. Система стимулов	Административный контроль и принуждение	Индивидуальные стимулы к повышению личного благосостояния
7. Механизмы и инструменты передачи прав собственности	«Сдачи» и «раздачи»	Контракты между независимыми участниками
8. Субъекты-гаранты прав собственности	Специальные административно-карательные подразделения центральной и региональной власти	Суды, правоохранительные органы
9. Механизмы гарантий прав собственности	Административные жалобы	Исковые заявления против нарушителей контрактных обязательств

Продолжение табл. 2

Признаки сравнения	Система власти-собственности	Система частной собственности
10. Структура и состав транзакционных издержек а) спецификация прав собственности б) передача и перераспределение в) защита	а) права собственности намеренно размываются чиновниками в целях извлечения ренты и как база для коррупции б) издержки влияния в рамках иерархических структур в) защита прав производится государственными чиновниками «в индивидуальном порядке»	а) права собственности четко специфицированы с помощью легальных процедур б) издержки заключения и выполнения контрактов в) государство защищает в рамках установленных законом процедур права индивидуальных собственников

Составлено А.Б. Руновым по: Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.

В русской культуре успех – это прежде всего удача и следствие везения (и наивная вера в быстрое обогащение), а не результат длительных собственных усилий; скорее, результат личных связей, а не следствие объективных процессов. Накопительство и собственность часто рассматриваются в национальной культуре не как положительные, а как отрицательные ценности. Свобода трактуется не как независимость и самостоятельность, а как возможность делать что хочется (в духе анархии и своеволия). Неудивительно, что зависимость индивида от общины и общины от государства препятствовала развитию частного труда и частной собственности, повышению эффективности и культуры индивидуального производства. Преодолеть эти препятствия на пути технического прогресса стало возможным лишь в условиях становления частной собственности.

Анализ власти-собственности был бы неполным, если бы мы не показали процесс ее воспроизводства, закрепления и развития в системе экономических отношений. Соответственно движению ренты-налога воспроизводство может быть рассмотрено: 1) на уровне патриархальной семьи и общины, 2) на уровне административной единицы, 3) на уровне государства в целом (см. рис. 1).

В руках местных чиновников постепенно концентрировались финансовые и военные ресурсы данной административной единицы. Такая область самостоятельно воспроизводилась, и в рамках государства она удерживалась лишь силой оружия правящего монарха. Всякое ослабление его армии усиливало центробежные тенденции.

Последний и главный уровень, которого достигала рента-налог, — это уровень государства в целом. В условиях замкнутой

экономики России возможности обмена гигантского произведенного продукта, собранного в натуральной форме, были крайне ограничены. И не потребленные господствующим классом, избыточные (с его точки зрения) запасы продовольствия и ресурсов используются для производства предметов роскоши, строительства дворцов, храмов и крепостей.

Подобная система воспроизводства на базе паразитического потребления ренты-налога затормозила дальнейшее развитие России, заиклила ее поступательное движение. Общество, у которого создаваемый продукт идет не на развитие индивидов, а отбирается в виде ренты-налога и паразитически потребляется царем, его армией и бюрократическим аппаратом, застойно, ему закрыты все стимулы для дальнейшего развития, его ожидает в будущем лишь распад, так как хозяйственное развитие его отдельных областей и их управление стереотипны.

Однако с ослаблением государства возрастает активность коренных народов и зависимого населения, стремящегося сбросить ненавистное иго, растут междоусобицы, учащается давление со стороны соседних государств, и снова те же причины вызывают усиление централизации. Смутное время начала XVII в. отлично иллюстрирует эту закономерность.

Главный импульс к рыночной модернизации, которая началась в России при Петре I, был задан не столько внутренними, сколько внешними обстоятельствами. Капитализм в России не столько вырос из «снизу», сколько насаждался «сверху» – путем выгодных, гарантированных заказов, крупных субсидий и дотаций частному капиталу, путем создания монопольных условий производства и реализации отдельных видов продукции, путем прямого развития государственного предпринимательства и т.д. Однако использование институтов российской полуазиатской монархии для создания и укрепления капиталистических отношений предопределило не только прогрессивные, но и реакционные черты российского капитализма начала XX в.⁴

В досоветской России борются не просто власть и собственность. Борются две институциональные системы, два набора формальных правил и неформальных ограничений⁵. Принципиальные

различия между системой власти-собственности и системой частной собственности могут быть сведены к следующим основным элементам (см. табл. 2). Если в системе власти-собственности доминирует общественно-служебная собственность⁶, то в системе частной – индивидуальная. Если в системе власти-собственности основными субъектами прав собственности являются чиновники, то в системе частной собственности – владельцы факторов производства. Поэтому, если в первой доминирует редистрибуция и реципрокность⁷, или, выражаясь терминами О. Бессоновой, «сдачи-раздачи»⁸, то во второй – контракты.

Таким образом, традиции власти-собственности создали некоторые предпосылки для высокой централизации еще в Российской империи, однако эти тенденции были закреплены и усилены в ходе революционных экспериментов, которые сделали диктатуру неизбежной.

2. Революционные эксперименты и их экономические и политические последствия

Попытка преодолеть отставание была предпринята на путях альтернативной модернизации. Альтернативная модернизация – это стремление решать те же задачи, которые решали страны первого и второго эшелонов развития капитализма, но диаметрально иными методами – не путем развития рыночного механизма, а полной его заменой механизмом директивного управления. Программа модернизации экономики России родилась не только и не столько из теоретических размышлений, сколько из повседневной хозяйственной практики «большевистского эксперимента».

Важную роль в становлении авторитарно-бюрократического строя в СССР сыграл «военный коммунизм». «Военный коммунизм» представлял собой попытку применения в интересах победившего пролетариата отдельных форм государственно-монополистического регулирования в стране «средне-слабого» капитализма. Великая Октябрьская революция создала условия для формального обобществления производства: замены частной собственности на средства производства государственной и ведения производства по общему плану в интересах всего общества. В

⁴ Нуреев Р.М. «Развитие капитализма в России»: первый ленинский шаг от схематизма к реальности (возвращаясь к напечатанному) // Развитие капитализма в России – 100 лет спустя. М. – Волгоград, 1999.

⁵ North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. О понятии системы прав собственности подробнее см.: Тамбовцев В.Л. Государство и экономика. М., 1997; Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Институциональная экономика. М., 2000.

⁶ Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999.

⁷ Polanyi K. Great Transformation.

⁸ Бессонова О.Э. Раздаток. См. также: Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М., 2000. С. 26–29.

экстремальных условиях, созданных Первой мировой и гражданской войнами, стала необходима централизованная продовольственная диктатура. Согласно Декрету о продразверстке, мелкие крестьянские хозяйства должны были сдавать государству так называемые «излишки» — первоначально то, что превышало 12 пудов зерна на едока, необходимых для посева и еды. Позднее, правда, к «излишкам» была отнесена и значительная часть необходимого продукта. Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия и сельскохозяйственного сырья по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях).

Второй характерной чертой «военного коммунизма» была милитаризация труда. Объектом мобилизации было все взрослое население страны: мужчины в возрасте от 18 до 40. Детский труд (с 14 лет) использовался как исключение. Женщины, имеющие четырех и более детей, были освобождены от всеобщей трудовой повинности. Мобилизация, подобно призыву в армию, осуществлялась по годам рождения через биржи труда и специальные агентства. Эти учреждения занимались регистрацией и распределением работников в соответствии с указаниями Главкомтруда. Существовала единая тарифная сетка оплаты труда, в соответствии с которой все трудящиеся были разбиты на 35 разрядов. Недостаточный размер трудового пайка и ненадежность снабжения им способствовали широкому развитию дезертирства. На IX съезде РКП(б) Л.Д. Троцкий отмечал, что из 1 150 тыс. рабочих, занятых в важнейших отраслях промышленности, 300 тыс. дезертировали⁹. Меры борьбы с уклоняющимися от трудовой повинности и дезертирами были достаточно суровы, отражая законы военного времени. Тем не менее процессы эти приостановить не удалось, так как заработная плата, по данным Наркомтруда, обеспечивала лишь 50% физиологического минимума в Москве и только 23% — в других городах¹⁰. Сводить концы с концами рабочим помогал нелегальный рыночный сектор. Дихотомия натуральной в своей основе государственной централизованной экономики и запрещенного партикулярного, рассеянного рынка сложилась уже на заре советской власти, в эпоху «военного коммунизма». Она, как мы увидим позднее, станет характерной чертой административно-командной системы.

Политика нэпа способствовала возрождению товарно-денежных отношений, однако пример «военного коммунизма» не про-

шел бесследно. Ведь именно в этот период рабочий контроль и учет впервые перерос в систему государственного регулирования производства, произошло создание основ будущей иерархической системы управления. Практика «военного коммунизма» показала чрезвычайные возможности административно-командных методов управления. Их первоначально пропагандировал Л.Д. Троцкий и фактически взял на вооружение И.В. Сталин. В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации происходит формирование административно-командной системы.

В конце 1920-х годов началось чрезмерное (не основанное на реальном уровне обобществления производства) огосударствление экономики. Вытеснение частного сектора осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами. «Чрезвычайные» меры становились не исключением, а правилом, способствуя формированию административно-командной системы. Стихийные рыночные механизмы, казалось, слишком медленно создают условия для нового общества. Революционное нетерпение молодого рабочего класса было умело использовано И.В. Сталиным и его ближайшим окружением. Псевдореволюционные призывы, авантюристические обещания построить светлое социалистическое общество всего за несколько лет упорного труда сделали свое дело.

В действительности же попытки повысить темпы роста усилили диспропорции в экономике и способствовали падению темпов роста развития и началу омертвления огромных средств в незавершенном производстве (см. таблицу 3).

Насилие по отношению к сельскому хозяйству вело к падению валовых сборов и урожайности зерновых и технических культур, к резкому сокращению производства продукции животноводства и поголовья скота (см. таблицу 4).

Таблица 3. Темпы прироста промышленной продукции (в %)

	Годы 1-й пятилетки				
	Первый	Второй	Третий	Четвертый	Пятый
Отправной вариант	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4
Оптимальный вариант	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2
Годовые планы	21,4	32	45	36	16,5
Фактически	20	22	20,5	14,7	5,5

Источник: Коммунист. 1987. № 18. С. 84.

⁹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 93.

¹⁰ Кульминация «военного коммунизма» // ЭКО. 1989. № 1. С. 172.

В период форсированной индустриализации и сплошной коллективизации осуществляется второе (после «военного коммунизма») насильственное свертывание товарно-денежных отношений. Планомерная форма ведения хозяйства отрицает товарную. Однако такое отрицание предполагает, что товарная уже полностью исчерпала свои возможности и заложенные в ней потенции. К сожалению, в конце 1920-х годов это было далеко не так. Фактически свертывание товарно-денежных отношений сопровождалось не только развитием планомерной формы, но и частичной натурализацией экономики. Возникла такая своеобразная система, которую А.А. Богданов удачно назвал «объединенным натуральным хозяйством»¹¹. Функции экономического координатора в этой системе объективно должен взять на себя государственный аппарат. Роль его по отношению к обществу неизмеримо возрас- тала, что объективно дает повод для аналогии с азиатским спосо- бом производства.

Таблица 4. Сельскохозяйственное производство в 1-й пятилетке

	Годы		
	1928	1932/33 (по пятилетне- му плану)	1932 (фактически)
Все посевные площади, млн га	113	141,3	134,4
В т.ч. посевные площади зерновых, млн га	92,2	111,4	99,7
Валовый сбор, млн т			
зерновых	73,3	105,8	69,9
хлопка-сырца	0,79	1,91	1,27
сахарной свеклы	10,1	6,6	
Урожайность, ц/га			
зерновых	7,9	Повысить на 35 процен- тов	7
сахарной свеклы	132		43
хлопчатника	8,1		5,9
льноволокна	2,4		2
картофеля	82		71
овощей	132		79
Поголовье скота, млн голов			
лошади	32,1	около 38	21,7
крупный рогатый скот	60,1	80,9	38,3

¹¹ См.: Богданов А., Степанов И. Курс политической экономии. Т. 1. 4-е изд. М.—Л.: Госиздат, 1925. С. 18.

Продолжение табл. 4

	Годы		
	1928	1932/33 (по пятилетне- му плану)	1932 (фактически)
В т.ч. коровы	29,3	35,5	22,3
свиньи	22	34,8	10,9
овцы	97,3	...	43,8
Производство			
мясо, млн т	4,9	...	2,8
молоко, млнт	31	...	20,6
шерсть, тыс. т	182	...	69
яйца, млрд шт.	10,8	...	4,4

Источник: Коммунист. 1987. № 18. С. 85.

Всё это предопределило неизбежность усиления централизма и создало предпосылки для возникновения диктатуры.

Грегори акцентирует свое внимание не на описании данных исторических событий, а на процессе принятия соответствующих решений, на политической экономии сталинизма. Кратко остано- вимся на этом вопросе.

3. Борьба за власть

В монографии Пола Грегори большое внимание уделяется не просто диктатуре, а её особому виду, сталинской диктатуре. Автор последовательно, из главы в главу, рассматривает 4 модели диктатора, проверяя истинность каждой:

1. Модель научного планирования (официальная точка зрения)
2. Оседлого грабителя (М. Олсон)
3. Диктатора-эгоиста (также восходящая к М. Олсону)
4. Диктатора-рефери (Дж. Гетти, О. Наумов)

Грегори затрагивает проблему рациональности, совершенно справедливо указывая, что многие действия (уничтожение Сталиным военной и политической верхушки во время Большо- го террора 1937–1938 гг., незадолго до нападения фашист- ской Германии; отправка в Гулаг возвращавшихся советских военнопленных и т.д.) были не вполне рациональными с за- падной точки зрения. Однако они, как справедливо указывает Пол Грегори, могли быть рациональными с точки зрения поли-

тической диктатуры. Рассмотрим в качестве примера борьбу за власть.

В книге последовательно рассматриваются действия «мастера политической интриги и внутрипартийной борьбы»¹², каким был Иосиф Виссарионович Сталин. Борьба, шедшая в Политбюро, может быть наглядно иллюстрирована моделью Энтони Даунса. Отложим по оси абсцисс политические взгляды (Левые–Правые), а по оси ординат число голосов в Центральном Комитете. Первоначально (после смерти Ленина) сложилось бимодальное распределение голосов. Сталин оказался в центре бимодального Политбюро, и ему приходилось маневрировать между левым и правым лагерем (см. рис. 2).

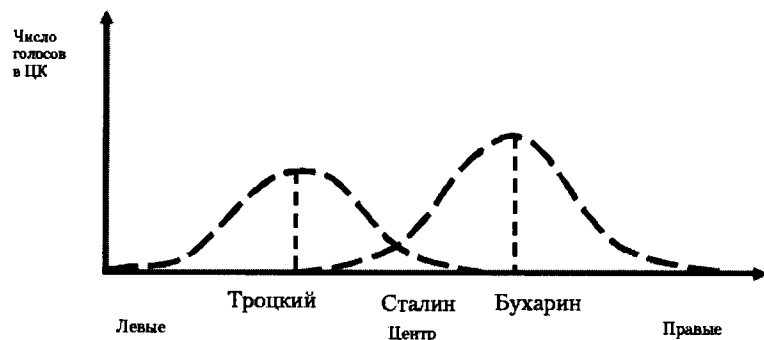

Рис. 2. Распределение голосов в ЦК в середине 1920-х годов

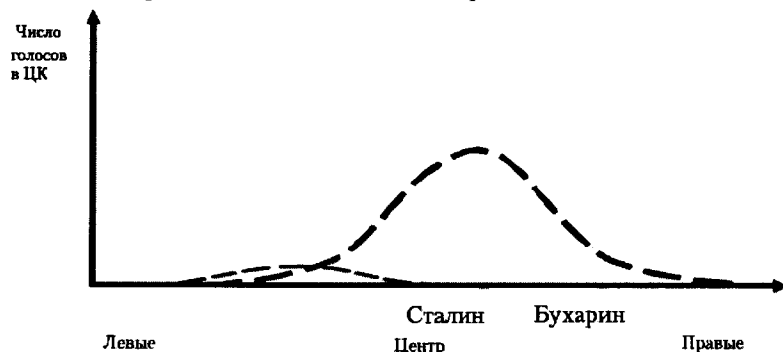

Рис. 3. Распределение голосов в ЦК в конце 1920-х годов (1929)

¹² Подробнее см.: Хайек Ф. Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С. 104–116.

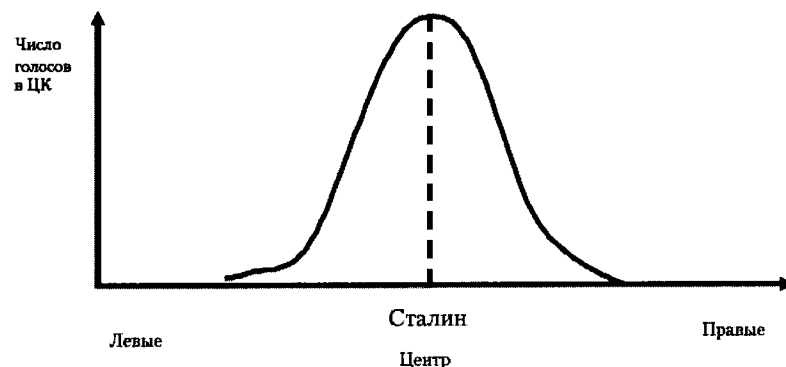

Рис. 4. Распределение голосов в ЦК в середине 1930-х годов

Умело маневрируя и сталкивая ведущие фигуры в тогдашнем Политбюро, ему удалось одолеть сначала один, а затем и другой лагерь. Уже в 1929 г. Л. Троцкий был выдворен из страны, поэтому влияние его сторонников в ЦК было ничтожным (см. рис. 3). Однако в ходе этой борьбы произошло некоторое усиление сторонников Бухарина, с которыми Сталин расправился на следующем этапе. Целью борьбы было создание личной диктатуры, в которой обсуждение отдельных вопросов было проверкой на лояльность будущему диктатору.

Грегори наглядно показывает неизбежность возникновения культа личности. Первое время Сталин, не будучи абсолютно уверенным в своей власти, настаивал на необходимости принятия коллективных решений. Эта форма коллективизма сохраняется и в 1930-е гг., однако она всё больше и больше превращается в пустую формальность. Хайек в «Дороге к рабству» наглядно показал, что побеждают те, у кого нет моральных ограничений.

В начале 1930-х гг. складывается мономодальное распределение голосов в ЦК с ярко выраженной вершиной, которую олицетворяет «хозяин» (см. рис. 4). Эта система просуществует до конца 1950-х гг., после чего она начнет немного расплываться в разные стороны, когда возрастет роль республиканских ЦК и повысится относительная самостоятельность союзных министерств (см. табл. 6).

4. О директивном планировании, или Была ли советская экономика плановой?

Наиболее важным вкладом Грегори является попытка показа советской командной системы в действии. Анализ практики советского планирования показывает, что она была далека от идеала, от того, что было позднее представлено в учебниках по политической экономии социализма как научное планирование.

Пол Грегори чрезвычайно наглядно показывает несовершенство теории и практики советского планирования, его текучие, размытые формы. Однако такая система также имеет свои исторические корни, в том числе и в России. Дело в том, что директивное планирование фактически оказалось возрождением (на государственном уровне!) натуральных форм ведения хозяйства при значительном ограничении и существенной деформации товарно-денежных отношений. Естественно, что возникший симбиоз не был простым воспроизведением ни натуральных форм регулирования экономики, типичных для азиатского способа производства, ни товарных отношений, характерных для простого товарного хозяйства.

Иным был уровень развития экономики. Тем не менее не следует забывать, что в переходный период политическая надстройка приобретает известную самостоятельность, роль субъективного фактора возрастает. Именно в это время формулируется лозунг, что при социализме «не может не быть первенства политики над экономикой» (В.И. Ленин). До известных пределов политика может «абстрагироваться» от экономических закономерностей, диктуемых производственным базисом. Она в определенной мере сама оказывается творцом условий своего существования и воспроизводства. Неудивительно поэтому, что политические авантюристы, игнорирующие существующую в стране материально-техническую базу, могут принимать отнюдь не оптимальные решения и проводить в жизнь далеко не самую эффективную, с экономической точки зрения, политику. Ошибочность принятых программ обнаруживается при этом далеко не сразу.

Новоявленная авторитарная власть находит опору в жестком централизме и мелочном администрировании, что хорошо показано в 3-й главе книги Пола Грегори, когда в 1930-е годы количество вопросов, рассматриваемых на заседаниях Политбюро, колебалось от 2279 (1938-й) до 3945 (1934-й) в год!

Разрушению товарных связей способствовала как внешняя обстановка (капиталистическое окружение), так и внутренняя (необходимость создания собственной тяжелой индустрии как базы оборонной промышленности). Функция учета и контроля за общественным производством трансформируется в функцию организации и планирования развития системы в целом. Государственный аппарат регулирует связи между отдельными ячейками производства, определяет, какую часть находящегося в его распоряжении рабочего времени необходимо затратить на удовлетворение той или иной общественной потребности. Не закон стоимости, а планирующие органы государства решают, что,

каким образом и в каких размерах производить, кому, когда и где потреблять. С ростом народнохозяйственного организма, однако, эта задача все более и более усложняется, происходит разукрупнение наркоматов и главков и, как следствие, – снижение качества составляемых балансов, падение темпов роста.

Для командно-административной системы характерна крайняя негибкость в принятии и исполнении решений. Механизм адаптации к новым условиям далеко не совершенен, быстрая реакция возможна только в условиях чрезвычайной опасности. По существу, управление происходит по принципу, описанному еще в 1920-е годы Л.Н. Крицманом и названному им «ударный нос и неударный хвост». «...К чему сводится наше “ударное” хозяйничанье? – писал Л.Н. Крицман. – Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. “Все на имярек”. Дело идет на лад. Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся выгнать “ударный” нос, обнаруживается, что увяз “неударный” хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается с начала»¹³.

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.), и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шло то, что оставалось после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и всегда содержали частичные диспропорции. Лишь в 1960–1970-е годы происходит переход к комплексному многовариантному планированию. Однако теперь на передний план выходят новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства. В начале 1980-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн наименований продуктов труда. В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. При планировании от достигнутого межотраслевой баланс фактически основывается на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным.

¹³ Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921. С. 6.

Плановое хозяйство становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. В начале 1980-х годов число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину – 2,7–3,6 млрд, в том числе в центре утверждалось порядка 2,7–3,5 млн¹⁴. Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась на распределение материалов и планирование поставок.

Любые технические нововведения, естественно, предполагают изменение ресурсного обеспечения, направления движения новой продукции, установления новых хозяйственных связей. Чем кардинальнее изобретение, тем сильнее логика сложившейся структуры. Административно-плановая система воспринимает их с большим опозданием и достаточно болезненно, будучи ориентированной фактически на простое воспроизводство. Естественно поэтому, что растет срок службы оборудования, постоянно снижается фондоотдача. Средний срок службы оборудования составлял в отечественной промышленности 26 лет в 1989 году, превышая более чем в 2 раза существовавший официальный норматив. Фондоотдача снизилась с 1,29 в 1980 году до 1,03 в 1989 году¹⁵. Неудивительно, что происходило постоянное снижение темпов среднегодового прироста произведенного национального дохода. Если в 1976–1980 годах они составляли 4,3%, то в 1981–1985 – 3,2%, а в 1986–1989 – всего лишь 2,7%¹⁶. Однако, если элиминировать ценовой фактор и обратиться к натуральным показателям, то станет ясно, что действительные темпы роста были еще более скромными¹⁷.

5. Последствия создания советской промышленности, или Производители против плановиков

Грегори рассматривает отношения между плановиками и производителями с позиции теории принципала–агента. Плановики и производители преследовали различные цели. Несомненно, что производители обладали большей информацией, чем плановики, однако плановики обладали большей политической силой, чем производители.

Происходит столкновение общенациональных и местных интересов. Этот конфликт интересов характерен для всех эшелонов власти,

¹⁴ См.: Ноув А. Чему учит советский опыт, или Вопросы без ответов // ЭКО. 1990. № 4. С. 49.

¹⁵ СССР в цифрах в 1989 году. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 165, 200.

¹⁶ Там же. С. 11.

¹⁷ Подробнее см.: Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МОНФ, 2001. С. 760–765.

включая Политбюро. Наиболее наглядно в книге показан конфликт между Сталиным и Молотовым (отстаивавшими интересы государства в целом) и Орджоникидзе (отстаивавшим интересы своего наркомата). Этот конфликт интересов выражался в «битве за план». Однако далеко не всегда победа была на стороне вышестоящих организаций. Предприятия активно развивали бартерные сделки между собой и старались накопить резервы для успешного выполнения и «перевыполнения» плана. Этот стихийный механизм перераспределения так и не удалось разрушить за годы советской власти.

Следствием планирования стало возникновение административной монополии. Процесс монополизации экономики начался уже в ходе форсированной индустриализации. Ее характерными чертами были широкое использование ручного труда, универсальной техники, опора на новое строительство.

Основным ресурсом был малоквалифицированный ручной труд, возникший в результате перелива трудовых ресурсов из деревни в город. Бывшие крестьяне и кустари быстро пополняли ряды рабочего класса. Этот фактор восполнял недостаток других ресурсов и определил особенности их использования. В частности, его приходилось учитывать при внедрении новой техники. Первичная индустриализация должна была широко использовать прежде всего такую технику, на которой могли работать привыкшие к простому физическому труду бывшие крестьяне. Этим условиям удовлетворяло универсальное оборудование. Оно предъявляло сравнительно невысокие требования к качеству рабочей силы и используемого сырья. Универсальное оборудование создавало предпосылки для массового производства ограниченного числа стандартных изделий.

Особенностью индустриализации в СССР было преимущественное развитие первого подразделения, стремление создать прежде всего группу отраслей тяжелой индустрии как основу собственного машиностроения, собственной оборонной промышленности. В этих условиях наибольшее развитие получила не реконструкция существующих мощностей, а новое строительство. Оно было тем более необходимо, так как многие из создаваемых отраслей практически отсутствовали в царской России.

Широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран способствовали ориентации промышленности на внедрение универсальных технологий. Акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий. В самих технологиях не были заложены предпосылки для постоянного обновления выпускаемой продукции. Новые за-

воды и фабрики создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях.

Гигантомания имела свои причины. Она была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать экономические преимущества крупного производства перед мелким. Учесть потребности крупного производства было легче и в народнохозяйственном планировании. Наконец, немаловажным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметно «сверху», могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством.

Отрицательные последствия гигантомании не заставили себя долго ждать. Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда. Создание предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Игнорирование местных и национальных потребностей способствовало углублению дефицита товаров. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных причин инфляции. Ее углублению способствовала также ориентация на строительство предприятий первого подразделения. Неудивительно, что высокая монополизация производства затормозила в дальнейшем технический прогресс. Монопольные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись предприятия, были иного рода — они были связаны не с проблемой реализации вышеуказанной продукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами: сырьем и комплектующими изделиями.

Трудности материально-технического снабжения отражаются на функционировании государственных предприятий, возникает такое парадоксальное явление, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий нарастают натуральнохозяйственные тенденции. Это выражается в том, что основное производство обрывает комплекс дополнительных и вспомогательных производств, помогающих ему преодолеть (до известных пределов) проблемы материально-технического снабжения, снять остроту обеспечения рабочих продуктами питания. В результате многие

предприятия предпочитают универсальное оборудование специализированному, что приводит к росту затрат при более низком качестве продукции. Происходит как бы «вторичная» универсализация производства. Увеличение вспомогательных служб и производство способствует разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда. Главной функцией последнего становится обеспечение производства сырьем и материалами, а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняют перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок ведет к возрастанию сверхнормативных запасов, достигших к концу 1980-х годов 500 млрд руб. Сверхнормативные запасы являются не только фактором, обеспечивающим ритмичность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ресурсом, который можно обменять на дефицитные средства производства. Развиваются бартер и горизонтальные сделки, о которых так обстоятельно пишет Пол Грегори в 7-й главе.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретают свои самостоятельные интересы, нередко значительно отличающиеся от интересов как производителей, так и потребителей, общества в целом. Особенно наглядно это проявляется в торможении научно-технического прогресса.

Главными причинами торможения НТП являются: 1) монопольный характер отраслевого производства; 2) слабая связь госбюджетного финансирования с конечными результатами деятельности научно-исследовательских и проектных организаций; 3) отсутствие экономической ответственности со стороны министерств и ведомств за деятельность подчиненных им отраслевых НИИ и т.д. В обществе не сложился экономический механизм воспроизводства, основанный на оперативном внедрении достижений научно-технического прогресса. Инициатива идет, как правило, не «снизу», а «сверху». Это приводит к тому, что нередко внедряются далеко не оптимальные варианты.

При чрезмерном огосударствлении экономики отсутствует реальный потребитель, экономически заинтересованный и материально ответственный за внедрение достижений научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой НИОКР растет число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработкам приоритетных направлений в развитии науки и техники. Уско-

рению НТП препятствует сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. В результате 85% внедренных изобретений существуют лишь в рамках одного предприятия, 14,5% на двух и только 0,5% изобретений внедрены на 3–5 предприятиях¹⁸.

6. Плановая экономика и её тень. Экономика дефицита

В этой книге Грегори описывает причины возникновения дефицитной экономики. Он видит их в особенностях производства потребительских товаров, в мягких бюджетных ограничениях советских предприятий, а также в дуализме денежного и реального секторов экономики.

Попытки ввести более жёсткие бюджетные ограничения в начале 1930-х гг. не увенчались успехом. Банковские кредиты не смогли полностью вытеснить коммерческие кредиты. Нехватка денег постоянно порождала денежные суррогаты. Контроль рублём в условиях социализма оказался недостаточно эффективным.

Многие предприятия не были заинтересованы в распространении тех достижений, которые позволяют им получать монопольные сверхприбыли. Торможение технического прогресса и сознательное ограничение производства (с тем, чтобы получить напряженный план) закономерно рождает экономику дефицита.

Дефицитная экономика – характерная черта директивного планирования. В условиях административно-командной системы спрос ограничен не наличной денежной массой, а государственной системой централизованного распределения. В этих условиях постоянно возникает дефицит отдельных товаров и услуг. Дефицит означает, что потребители не могут приобрести нужную им продукцию, несмотря на наличие денег. Парадокс заключается в том, что дефицит возникает в условиях всеобщей занятости и почти полной загрузки производства.

Дефицит является результатом абсолютизации политики ускоренного экономического роста, когда главной целью было «догнать и перегнать» развитые капиталистические страны (прежде всего в сфере военного производства). Такая ориентация экономического развития способствовала глубокой деформации общественных потребностей, постоянному недопроизводству тех или иных това-

ров народного потребления. К тому же по мере разрастания авторитарно-бюрократической системы и усложнения хозяйственных связей практически невозможно учесть из центра все потребности в отраслевом и региональном аспектах. К этому следует добавить недостатки директивного планирования, замедленность его «реакции» на изменение научно-технического прогресса, моды и других обстоятельств нашей быстротекущей жизни. К тому же удобная для директивного планирования государственная система постоянных цен лишала их необходимой гибкости. Существующие цены уже фактически не отражали ни величину общественно необходимых затрат, ни величину общественной потребности.

Формы дефицита в условиях административно-командной системы многообразны. Существует товарный дефицит на предметы потребления и средства производства. Ликвидация дефицита какого-либо товара обычно порождает целую вереницу других. Рыночная экономика, как известно, быстро реагирует на возникновение дефицита ростом цен. Повышение цен делает более рентабельным, более прибыльным производство данного товара, что способствует переливу капитала и труда в эту отрасль. Такой автоматический перелив факторов производства в условиях жестко централизованной системы огосударственной экономики невозможен, так как все ресурсы распланированы заранее и распределены «сверху». Пока административно-командная система перераспределит ресурсы, пройдет значительное время и, возможно, острая потребность в этом товаре уже исчезнет. Однако возникнет новая, для удовлетворения которой снова потребуется значительный временной лаг.

Другой стороной дефицита является дефицит трудовых ресурсов, связанный с нерациональностью использования рабочей силы, отсутствием действенных стимулов к производительному труду, его низкой эффективностью и недостаточной мобильностью.

Наконец, существует дефицит финансовых ресурсов. Его причинами являются как неоптимальное финансирование, так и нерациональное использование выделенных госбюджетом финансовых средств, невозможность использовать их для финансирования других программ. Целевой характер финансирования и строгий контроль за использованием выделенных средств не позволяют гибко использовать имеющиеся ресурсы. Существовавшая система финансирования фактически не стимулировала и экономию уже выделенных средств. Значительная экономия в данном году могла стать основанием для сокращения финансовых средств в будущем году.

В условиях административно-командной системы возникает теневая экономика как своеобразная тень экономики дефицита.

¹⁸ См.: Соловьев А. Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство // Плановое хозяйство. 1987. № 12. С. 65.

Теневая экономика – это совокупность не регламентированных государством, неучтенных, а нередко и противоправных экономических процессов, закономерно возникающих в условиях несовершенного директивного планирования. В рамках теневой экономики обычно выделяют: 1) неформальную экономику; 2) фиктивную экономику; 3) «вторую» экономику; 4) «черную» экономику¹⁹.

Неформальная экономика связана с не включенными в план и не регламентированными центральными органами хозяйственными связями между субъектами производственных отношений. Сюда, например, относится прямой продуктообмен средствами производства между отдельными предприятиями.

Фиктивная экономика включает деятельность, связанную с нарушением или фальсификацией хозяйственной отчетности, выпуском продукции, отличающейся от установленных норм и стандартов, различными приписками, позволяющими получать нетрудовые доходы.

Под «второй» экономикой обычно понимают экономическую деятельность, протекающую вне государственного и колхозно-кооперативного секторов. Сюда относятся индивидуальная трудовая деятельность, в которой в 1989 г. было занято около 700 тыс. человек, а также кооперативы, в которых уже работают свыше 4,8 млн человек. Указанные формы составляют, однако, лишь небольшую, легализованную, часть «второй» экономики, которая учитывается государством и облагается налогом.

«Черная» экономика обозначает незаконную производственную деятельность, которая всегда существовала в недрах административно-командной системы.

Следует подчеркнуть «азиатские» черты теневой экономики. Теневая экономика – это не свободное предпринимательство в чистом виде, она возникает в порых авторитарно-бюрократического строя и обслуживает его потребности, удовлетворяет его интересы. Ее целью является спекулятивная прибыль на базе экономики дефицита, предпосылкой – существование бюрократической системы. Она стремится к созданию монопольных условий для своей деятельности и потому невольно напоминает ростовщичество в недрах азиатского способа производства. Для нее действительно характерны предкапиталистические черты. По существу, она очень близка природе социально-экономического явления, которое Э.Ю. Соловьев назвал «торгашеским феодализмом»²⁰.

¹⁹ Подробнее см.: Головин С., Шохин А. Теневая экономика: за реализм оценок // Коммунист. 1990. № 1.

²⁰ Подробнее см.: Соловьев Э.Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40–45, 85–88.

7. Блеск и нищета советской административно-командной системы

После 1917 года традиции власти-собственности отнюдь не умерли, наоборот, они получили своеобразное подкрепление со стороны коммунистической идеологии, отрицающей частнособственническое начало и абсолютизирующей коллективистские традиции. В условиях крайне низкого развития гражданского общества политика получила первенство перед экономикой.

В конце 1920-х годов в СССР окончился нэповский эксперимент по созданию своего рода смешанной экономики и началось целенаправленное тотальное огосударствление экономики. Общеизвестно, что сталинский «великий перелом» хотя и имел известные объективные основания, но привел к явно чрезмерному (не основанному на реальном уровне развития экономики) огосударствлению. Вытеснение частного сектора, которое осуществлялось не столько экономическими, сколько внеэкономическими мерами, завершилось практически абсолютным доминированием государственного сектора, очень высоким даже по сравнению с другими социалистическими странами (см. табл. 5).

Гиперцентрализм закономерно способствует росту бюрократического аппарата. В условиях натурализации экономики и сильной деформации товарно-денежных отношений развивается система вертикальной ответственности. Так называемый демократический социализм быстро перерождается в авторитарный. Руководители более низкого ранга назначаются вышестоящими чиновниками и не несут ответственности перед работниками тех ведомств, организаций и учреждений, которыми руководят. Власть для народа эволюционировала не во власть народа, а во власть бюрократии от имени народа. Быстро разрушается, так и не успев полностью сформироваться, механизм подчинения центра воле трудящихся. Такой механизм, по мысли Ленина, должен был осуществляться через партию, профсоюзы, Советы и другие органы представительной власти, опираться на инициативу масс²¹. Ликвидация «старой гвардии» в партии, огосударствление профсоюзов и лишение Советов реальной власти парализовали обратную связь, постепенно превратив демократию в фикцию.

²¹ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 56–57, 204, 276; Т. 37. С. 405, 586–587 и др.

Таблица 5. Доля государственного сектора в экономике социалистических стран, 1967 г., в %

Страны	С/х уголья	Промышленная продукция	Розничная торговля	Национальный доход
Болгария	99	99	100	95
Венгрия	94	99	99	96
Польша	15	100	99	76
ГДР	95	88	79	94
Румыния	91	100	100	95
Чехословакия	90	100	100	95
СССР	98	100	100	96
Югославия	16	98	—	77
В среднем	92	99	98	95

Источник: Шаванс Б. Экономические реформы в Восточной Европе. 50–90-е годы. М.: Текст – Мастер, 1994. С. 32.

Основой разраставшегося бюрократического аппарата была монополизация функций в иерархическом разделении общественно-го труда. Для советской бюрократии, как и для бюрократии вообще, характерны стремление ускорить ход дела административными методами, абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. «Бюрократия, – писал К. Маркс, – считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с “реальными” целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи – в государственные»²².

В то же время советская бюрократия обладала и рядом специфических черт. Административно-командная система – это своеобразная, идеологизированная форма бюрократизма. Важную роль в увеличении прав и полномочий советской бюрократии сыграл тезис о чрезвычайной ситуации и учение об обострении классовой борьбы.

В рамках бюрократической структуры можно выделить высшее, среднее и низшее звенья. С известной долей условности к высшему звену следует отнести бюрократический аппарат центральных органов, к среднему – чиновников областных органов и к низшему – работников управления заводов, фабрик, организаций и учреждений. Можно говорить о воспроизводстве на новом этапе пирамидально-сегментарной структуры (см. рис. 5). Однако на верхнем уровне находится уже не царь, а ЦК КПСС (По-

литбюро), на среднем – обкомы и горкомы КПСС, а на низшем – директора заводов, фабрик, организаций и учреждений²³.

Хотя в этой структуре каждая нижестоящая пирамидка пыталась копировать вышестоящую, однако осуществить это в полной мере было уже нельзя. Дело в том, что появляются элементы, находящиеся в прямом подчинении центральной власти (например, предприятия союзного и республиканского подчинения). Однако постепенно значение этого фактора снижается. Это происходит потому, что структура не была неизменной на протяжении всего существования командной экономики. С течением времени происходило перераспределение власти между ее составными элементами сверху вниз. Несомненно, что в условиях культа личности вся полнота власти принадлежала высшему звену. Во времена Хрущева и Брежнева происходит значительное усиление бюрократии среднего звена, а в эпоху Горбачева – низшего. Усиление среднего звена связано с хрущевской оттепелью и хозяйственной реформой 1957 года, когда ведущую роль стали играть не отраслевые министерства, а совнархозы. И хотя косыгинская реформа 1965 года попыталась вновь перейти к отраслевому принципу управления, происходит понижение его статуса, основным экономическим агентом становится уже не государство в целом, а отраслевые министерства. Дальнейший сдвиг в сторону среднего и низшего звена произошел в 1970–1980-е годы и завершился приватизацией 1991 года (см. табл. 6).

Рис. 5. Структура власти-собственности в СССР 1950–1980-х гг.

²³ Winecki J. Why Economic Reforms Fail in the Soviet System: A Property Rights Approach // Empirical Studies in Institutional Change / Ed. by L. Alston, T. Eggertsson, D. North. Cambridge, 1996. P. 68–69.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

Таблица 5. Доля государственного сектора в экономике социалистических стран, 1967 г., в %

Страны	С/х угодья	Промышленная продукция	Розничная торговля	Национальный доход
Болгария	99	99	100	95
Венгрия	94	99	99	96
Польша	15	100	99	76
ГДР	95	88	79	94
Румыния	91	100	100	95
Чехословакия	90	100	100	95
СССР	98	100	100	96
Югославия	16	98	—	77
В среднем	92	99	98	95

Источник: Шаванс Б. Экономические реформы в Восточной Европе. 50–90-е годы. М.: Текст – Мастер, 1994. С. 32.

Основой разраставшегося бюрократического аппарата была монополизация функций в иерархическом разделении общественно-го труда. Для советской бюрократии, как и для бюрократии вообще, характерны стремление ускорить ход дела административными методами, абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. «Бюрократия, – писал К. Маркс, – считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои “формальные” цели своим содержанием, то она всюду вступает в конфликт с “реальными” целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи – в государственные»²².

В то же время советская бюрократия обладала и рядом специфических черт. Административно-командная система – это своеобразная, идеологизированная форма бюрократизма. Важную роль в увеличении прав и полномочий советской бюрократии сыграл тезис о чрезвычайной ситуации и учение об обострении классовой борьбы.

В рамках бюрократической структуры можно выделить высшее, среднее и низшее звенья. С известной долей условности к высшему звену следует отнести бюрократический аппарат центральных органов, к среднему – чиновников областных органов и к низшему – работников управления заводов, фабрик, организаций и учреждений. Можно говорить о воспроизводстве на новом этапе пирамидально-сегментарной структуры (см. рис. 5). Однако на верхнем уровне находится уже не царь, а ЦК КПСС (По-

литбюро), на среднем – обкомы и горкомы КПСС, а на низшем – директора заводов, фабрик, организаций и учреждений²³.

Хотя в этой структуре каждая нижестоящая пирамидка пыталась копировать вышестоящую, однако осуществить это в полной мере было уже нельзя. Дело в том, что появляются элементы, находящиеся в прямом подчинении центральной власти (например, предприятия союзного и республиканского подчинения). Однако постепенно значение этого фактора снижается. Это происходит потому, что структура не была неизменной на протяжении всего существования командной экономики. С течением времени происходило перераспределение власти между ее составными элементами сверху вниз. Несомненно, что в условиях культа личности вся полнота власти принадлежала высшему звену. Во времена Хрущева и Брежнева происходит значительное усиление бюрократии среднего звена, а в эпоху Горбачева – низшего. Усиление среднего звена связано с хрущевской оттепелью и хозяйственной реформой 1957 года, когда ведущую роль стали играть не отраслевые министерства, а совнархозы. И хотя косыгинская реформа 1965 года попыталась вновь перейти к отраслевому принципу управления, происходит понижение его статуса, основным экономическим агентом становится уже не государство в целом, а отраслевые министерства. Дальнейший сдвиг в сторону среднего и низшего звена произошел в 1970–1980-е годы и завершился приватизацией 1991 года (см. табл. 6).

Рис. 5. Структура власти-собственности в СССР 1950–1980-х гг.

²³ Winecki J. Why Economic Reforms Fail in the Soviet System: A Property Rights Approach // Empirical Studies in Institutional Change / Ed. by L. Alston, T. Eggertsson, D. North. Cambridge, 1996. P. 68–69.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271.

В условиях административно-командной системы происходит фактическое огосударствление рабочей силы. Достаточно вспомнить широко практиковавшиеся до недавнего времени различные формы государственного принуждения (например, массовое использование в 1930–1950-е годы труда заключенных; привлечение миллионов людей – рабочих, служащих, учащейся молодежи и интеллигенции – к осенне-полевым сельскохозяйственным работам и др.). К этому следует добавить необоснованные массовые репрессии, затронувшие в период культа личности Сталина миллионы человек!

Таблица 6. Эволюция хозяйственного механизма СССР и России, по Г.Б. Клейнеру

Периоды	Ключевые события	Основные экономические агенты
Начало 1940-х – конец 1950-х гг.: «экономика государства»	Реформа управления 1940–1941 гг.	Наркоматы
Конец 1950-х – середина 1960-х гг.: «экономика регионов»	Хозяйственная реформа 1957 г.	Экономические районы, совнархозы
Середина 1960-х – середина 1970-х гг.: «экономика отраслей»	Экономическая реформа 1965 г.	Отраслевые министерства
Середина 1970-х – середина 1980-х гг.: «экономика подотраслей»	Реформа управления промышленностью 1973 г. Генеральные схемы управления промышленностью	Главные управления министерств, всесоюзные промышленные объединения
Середина 1980-х гг. – 1992 г.: «экономика крупных предприятий»	Перестройка 1985 г.	Крупные предприятия, объединения
1992–1993 гг.: «экономика малых предприятий»	Приватизация 1991 г.	Предприятия; малые предприятия, выделившиеся из крупных
1993–1995 гг.: «экономика физических лиц»	Чековая, послечековая приватизация	Руководители предприятий, их подразделений, физические лица

Составлено по: Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика, 1997. С. 48.

Фактическая утрата трудящимися положения собственника средств производства привела к перерождению общенародной собственности в государственную, нарастанию процессов отчуждения, социальной апатии, падению дисциплины. Широко стало распространяться представление о государственной собственности как «ничейной». И дело не только в некомпетентности некоторых принятых от имени государства важных (затрагивающих

судьбы миллионов людей!) решений, вроде переброски северных рек на юг и т.д. Дело в том, что такие решения стали возможны в результате возникновения разрыва собственности и ответственности, фактического устранения коллективов трудящихся от оперативного управления социалистической собственностью.

Для бюрократии характерно отношение к работникам как к «винтикам» государственной системы. Действительно, полное огосударствление экономики лишает рабочих свободы выбора места и характера работы. Государство монополично определяет условия предоставляемой работы, ее содержание, систему оплаты, формирует репрессивный аппарат, законодательно ограничивает формы протеста. Происходит не только формальное, но и реальное подчинение труда государственно-бюрократическому строю. Под видом борьбы с характерными для капитализма отношениями вещной зависимости и экономического принуждения воспроизводятся предкапиталистические формы – отношения личной зависимости и внеэкономического принуждения. Этому служила целая система принятых в 1930-е годы мер: суровые наказания за опоздания и прогулы, введение обязательного минимума трудодней в колхозах, жестокие репрессии за хищения государственного и колхозного имущества. Защитная функция советских профсоюзов была практически ликвидирована, профсоюзные лидеры стали послушными марионетками в руках административного аппарата. Произошло фактическое огосударствление профсоюзов.

В 1930-е годы принимается ряд постановлений и указов, фактически прикреплявших рабочих к отдельным предприятиям и учреждениям. На это, в частности, было направлено введение трудовых книжек и особенно Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», принятый 26 июня 1940 года. Согласно этому указу, прогул без уважительной причины карался исправительными работами сроком до 6-ти месяцев с удержанием до 25% зарплаты. За самовольный уход с предприятия грозило тюремное заключение от 2-х до 4-х месяцев. Нарушителей привлекали к ответственности в 5-дневный срок. За первый месяц после принятия указа было возбуждено более 100 тыс. судебных дел, а за полтора последующих – еще 900 тыс.²⁴ Подобные постановления и приказы способствовали росту неограниченной реальной власти заводской администрации над работниками, вытеснению экономических методов управления

²⁴ См.: Хлевнюк О. 26 июня 1940 года: иллюзии и реальности администрирования // Коммунист. 1989. № 9. С. 92.

внеэкономическими, резкому ухудшению социально-психологического климата на производстве и в стране в целом.

Стремление нижестоящих чиновников выслужиться перед вышестоящими породило такое характерное для административно-командной системы явление, как «перегибы». В отличие от экономических методов управления, которые в значительной мере действуют автоматически и воспроизводятся на собственной основе, внеэкономические методы управления необходимо воспроизводить искусственным путем. При этом всегда легче «перегнуть» палку, чем «недогнуть», ибо есть реальная опасность поплатиться за «гнилой либерализм». В условиях сегментарной системы управления существует объективная тенденция к росту перегибов на каждом более низком уровне пирамиды власти. Нарастание перегибов доводит до абсурда любые предложенные «наверху» меры, превращая их в очередную кампанию (внедрение кукурузы, борьба против пьянства и т.п.).

Однако это не означает, что командная экономика охватывала все общество. На протяжении всей истории Советского Союза сохранялся известный дуализм плановой и рыночной экономики с одной стороны и легальной и нелегальной экономики – с другой. То, о чем мы писали выше, характеризует лишь так называемое плановое хозяйство, наряду с которым всегда сохранялся колхозный рынок. Эти два элемента характеризуют дуализм легальной экономики. Однако наряду с ним существовала еще и нелегальная экономика, которая, в свою очередь, тоже была дуалистична. Она включала с одной стороны клановый социализм, а с другой – неформальный сектор. Понятием «клановый социализм» мы обозначаем бюрократический рынок административно-хозяйственных согласований и рынок должностей и привилегий, который сложился в условиях разлагающегося социализма²⁵. Неформальный же сектор включал в себя нелегальные рыночные отношения – шабашничество, репетиторство и т.д.²⁶

Укрепление государственно-бюрократической формы собственности происходит за счет коллективной, кооперативной и индивидуальной форм собственности. Не только в теории, но и на практике субъектом собственности считалось только государство. Между тем именно через предприятия и трудовые коллективы осуществлялось реальное соединение рабочей силы со средствами производства. В условиях общественного разделения труда

предприятия не могли не иметь особые экономические интересы. Эти интересы отнюдь не исчезали оттого, что бюрократические органы перестали с ними считаться.

Не только государственные предприятия, но даже и колхозы были лишены реальных прав владения, пользования и распоряжения принадлежащими им ресурсами. Первоначально для колхозов устанавливалась система обязательных заготовок только по зерну, однако в дальнейшем система обязательных закупок охватила все основные виды продовольственных и технических культур, а также продукцию животноводства. Государство, определяя структуру закупок, навязывало тем самым определенную структуру производства. Монопольно устанавливаемые цены предопределяли эффективность (или неэффективность) производства отдельных видов продукции. Тем самым колхозы не могли рационально распоряжаться своими средствами производства и даже своими (хранящимися в Госбанке) деньгами.

Тормозящую роль оказывает и мелочная регламентация производства. Следствием чрезмерного огосударствления становится фактическая утрата колхозно-кооперативной формой собственности своего кооперативного содержания. Чрезмерная опека со стороны государства парализовала развитие нашего сельского хозяйства, способствовала возникновению такого странного и трудно объяснимого с позиций «концепции развитого социализма» явления, как продовольственная проблема. Советский Союз в середине 1980-х годов по урожайности зерновых занимал 90-е место, а по урожайности картофеля – 71-е место, отставая не только от среднемирового уровня, но также от среднего уровня всех развивающихся стран! Закономерно, что это отставание не сокращалось, а увеличивалось вплоть до середины 1980-х годов. За 1974–1985 гг. сельскохозяйственное производство увеличилось в СССР лишь на 11,6%, тогда как среднемировое производство выросло на 30,6%²⁷.

Дискриминации подвергалась индивидуальная трудовая деятельность и соответствующая ей индивидуальная трудовая собственность. Целесообразность ее сохранения в мелкой розничной торговле и сфере услуг доказывается современным опытом развитых и развивающихся стран. Действительно, индивидуальная трудовая деятельность эффективна везде, где производство еще не достигло высокого научно-технического уровня и крупных масштабов. Не секрет, что семейное производство было вытеснено в 1930-е годы не экономическими, а административными методами, что существенно

²⁵ Найшуль В. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.

²⁶ Латов Ю.В. Экономика вне закона. М., 2001.

²⁷ См.: Илларионов А.Н. Где мы находимся? // ЭКО. 1988. № 12. С. 51.

ограничило удовлетворение общественных потребностей. Огосударствление происходило тогда не только в сфере производства, но и в сферах распределения, обмена и потребления. Государство определяло стандарты бытия человека во всех сферах в соответствии с местом, которое он занимал в партийно-государственной иерархии.

Особенно наглядно это проявлялось в сфере распределения. Первоначально здесь существовали уравнивательные тенденции. И хотя их влияние неоднократно пытались устранить, их сохранению способствовала существовавшая в первой половине 1930-х годов и в годы Великой Отечественной войны карточная система, а также широко распространенный в 1950–1960-е годы принцип примерно равной оплаты за разный труд, что способствовало падению стимулирующей роли заработной платы. В годы застоя к этому добавилась практика выплаты незаработанных премий, рост различных привилегий в зависимости от места в партийно-государственной иерархии с одной стороны и рост нетрудовых доходов – с другой. Эти процессы также способствовали углублению разрыва между трудовым вкладом и его оплатой.

В условиях административно-командной системы господствует редистрибутивный принцип распределения продукции. Причастность к власти означает и причастность к распределению. Вертикальная, зависящая от центра, форма распределения продукта воплощается в номенклатурных уровнях распределения. Поэтому главной формой социальной борьбы становится не борьба вокруг собственности на средства производства, а борьба за доступ к ключевым рычагам распределения, за контроль над каналами распределения. Доход в обществе все больше зависит от статуса, чина и должности. Социальное деление общества выражается в его разделении на рядовых производителей и управляющих. Возникает целая система спецраспределителей дефицитной продукции для людей, причастных к власти. Торговля соединяется с распределением, становится не формой обмена, а формой редистрибуции. Возникают спецмагазины, спецбуфеты, спецстоловые и т.д.

Наличие доступа к дефицитным товарам у отдельных социальных групп и их отсутствие у других становится важным фактором, усиливающим социально-экономическое неравенство. Если рядовые производители «отоваривают» свои деньги в системе госторговли и на колхозном рынке, то представители управленческого аппарата имеют возможность получить продукцию и через спецраспределители, в которых имеется широкий круг товаров, продаваемых по государственному (как правило, монопольно низким) ценам. Единая покупательная сила денег деформируется: она становится разной у

разных социальных слоев и групп. В этих условиях прокламируемое всеобщее равенство все более и более превращается в фикцию.

Углублению неравенства способствовала и сложившаяся в последние годы система распределения общественных фондов потребления, также ставшая основой для различных привилегий (в первую очередь работников государственного аппарата). Дифференциация доходов независимо от реального трудового вклада стала особенно заметной на фоне инфляционных процессов, окончательно деформировав принцип «от каждого – по способностям, каждому – по труду». Кстати, сам факт нарастающей инфляции явился своеобразным проявлением внутренних противоречий хозяйствования в условиях административно-командной системы. Инфляция (не замечаемая советской статистикой) наглядно показывала разрыв между словом и делом, между официальными показателями роста уровня жизни и ее реальным уровнем, уровнем дефицитной экономики.

Нарастающее неравенство усиливает кастовые признаки бюрократии. Начинают развиваться такие черты, как эндогамность (стремление вступать в браки лишь с людьми «своего круга»), престижное потребление (оно пронизывает весь образ жизни и находит свое выражение в специфическом знаковом характере одежды, предметов быта и т.д.), чувство избранности, сословная психология и т.п. Характерно, что в качестве ответной реакции у рядовых производителей возникает понимание равенства и социальной справедливости как уравниловки в потреблении, что нашло наглядное отражение в кампании по борьбе с привилегиями.

Роль бюрократии в условиях административно-командной системы особенно велика, потому что ей противостоит рыхлая социальная структура. «Бессубъектное общество», однако, неоднородно. Оно состоит из множества социальных групп, различающихся по социальному статусу: уровню дохода, потребления, степени защищенности прав и т.д. Наличие мелкогрупповых интересов, множественность статусов, региональный и ведомственный сепаратизм рабочих способствуют росту группового и профессионального эгоизма и кренинизма. В условиях общей материальной скудости общества большую роль играют различия в потреблении. Умело используя различные мелкие привилегии (премии, право на заказ, выдача бесплатной путевки, льготная очередь на покупку автомобиля, получение квартиры и т.д.), бюрократия препятствует единству рабочего класса, осознанию им своих классовых интересов в условиях административно-командной системы. Проблема перехода трудящихся из одной структу-

ры в другую также зависит от представителей местной администрации, что объективно укрепляет ее роль в обществе.

Оборотной стороной бюрократической системы является наличие широких маргинальных слоев. Их развитию способствовали массовая миграция из деревни в город, люмпенизация интеллигенции и наличие многообразных слоев неполноправной рабочей силы (зеки, стройбат, дисбат, обитатели лечебно-трудовых профилакториев психоневрологических диспансеров). Неудивительно, что в конце 1980-х годов министерство внутренних дел по объему выпускаемой продукции стояло на 6-м месте среди производственных министерств²⁸. Образ «социалистического лагеря» возник отнюдь не на пустом месте. И действительно, лагерная субкультура до сих пор сохраняется в нашем обществе.

Подточенная внутренними противоречиями государственно-бюрократическая система продолжала существовать в хиреющем виде. Ее отставание было заметно прежде всего не изнутри, а снаружи, по отношению к другим странам. В последние десятилетия СССР стали быстро догонять Япония и Китай.

Внутри страны было особенно заметно отставание от передовых достижений научно-технического прогресса в производстве как средств производства, так и предметов потребления. Тем не менее в таком виде система могла существовать еще достаточно долго.

Решительный удар, как и следовало ожидать, был нанесен «сверху», со стороны пришедшего к власти нового руководства. Попытка эволюционно перестроить административно-командную систему была обречена на провал, так как не затрагивала основ хозяйственной системы. Первые практические шаги, направленные на создание рыночной экономики, фактически ликвидировали тот ограниченный народнохозяйственный рынок, который существовал в стране. На смену всесоюзному рынку пришел республиканский и региональный. Однако и он просуществовал недолго. Его все более активно вытесняет местный, городской рынок. Партикуляризация рынка стала следствием усиления дезинтеграционных процессов в экономике и политике.

Расширение прав предприятий предопределило разгул монополизма и, как следствие, углубление дефицита.

В условиях обострения дефицита и инфляции пышным цветом расцвела теневая экономика. Усиление теневых структур вызывает резко отрицательную реакцию масс по отношению к рыночной экономике, усиливает социальную напряженность в

стране. Правительство оказалось неспособным принимать быстрые и эффективные решения. «Перетряхивание» и сокращение бюрократического аппарата министерств и ведомств не прошли бесследно. Старая бюрократическая машина оказалась в значительной мере разрушенной, а новая еще не создана. Результатом стал рост неуправляемости системы.

Неудивительно, что по мере ослабления центральной власти в эпоху Горбачева у бюрократии возникает закономерное стремление *прибавить к власти собственность*, или «растаскать госсобственность по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантии иерархической власти над собственностью»²⁹.

Этот вариант устраивал бывшую советскую и партийно-хозяйственную номенклатуру. Ради обретения собственности она готова была сознательно пойти на смену системы, поступиться частью своей административной власти. Однако в полном объеме произошло это уже в постсоветской России.

* * *

Книга «Политическая экономия сталинизма» даёт огромную пищу для размышлений. Она наглядно показывает, к чему может привести чрезмерное усиление экономических функций государства в его стремлении навязать обществу свои правила игры, как происходит извращение демократического идеала, а закон перерождается в произвол.

Книга Пола Грегори, несомненно, станет настольной книгой российских экономистов, всех, кому не безразличны дальнейшие судьбы развития нашей Родины.

д.э.н., профессор *Р.М. Нуреев*

²⁸ Подробнее см.: Стариков Е. Новые элементы социальной структуры // Коммунист. 1990. № 5.

²⁹ Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. М., 1997. С. 142–144; Pejovich S. Economic Analysis of Institutions and Systems. Amsterdam: Kluwer Academic Publishers, 1998. P. 143–145.

Источники и библиография

1. Источники

1.1. Список использованных архивов

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

Архив Гуверовского института войны, мира и революции Стэнфордского университета (Стэнфорд, Калифорния, США).

1.2. Периодические издания

Бюллетень Госарбитража.

Вестник правления Госбанка.

Денежное обращение и кредит в СССР.

За индустриализацию.

Собрание законов и постановлений Рабоче-крестьянского правительства.

Собрание законов СССР.

Экономическая жизнь.

1.3. Сборники документов, публикации и мемуары

Берелович А., Данилов В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 1, 1918–1922. М., 1998.

Берелович А., Данилов В. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. Т. 2, 1923–1929. М., 2000.

Методические указания к разработке государственных планов экономического и социального развития СССР. М., 1980.

Микоян А.И. Так было. Размышления о минувшем. М., 1999.

Народное хозяйство СССР в 1977 году. М., 1978.

Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987.

Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925 – 1936 гг. / Сост. Л. Кошелева, В. Лельчук, В. Наумов, О. Наумов, Л. Роговая, О. Хлевнюк. М., 1995.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р. Дэвис, Л.П. Кошелева, Э.А. Рис, Л.А. Роговая. М., 2001.

Сталинское Политбюро в 30-е годы / Сост. О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М., 1995.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991.

Чуев Ф.И. Так говорил Каганович. М., 1992.

Directorate of Intelligence. Handbook of Economic Statistics, 1991. Washington, D.C., 1991.

Lih L., Naumov O., Khlevnyuk O. Stalin's Letters to Molotov, 1925–1936. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1995.

Who Was Who in the USSR. Metucehn, NJ: Scarecrow Press, 1972.

2. Библиография

Аверьянов Д.В. Функции и организационная структура органов государственного управления. Киев, 1979.

Атлас М.С. Развитие государственного банка СССР. М., 1958.

Батырев В.М., Ситнин В.К. Плановая кредитная система СССР. М., 1945.

Боголепов М.Н. Советская финансовая система. М., 1947.

Боголепов М.Н. Финансовый план пятилетия. М., 1929.

Богомолова Е.В. Управление советской экономикой в 20-е гг.: опыт регулирования и самоорганизации. М., 1993.

Вайнштейн А.Л. Динамика народного дохода и его основных компонентов // Экономические и математические методы. 1967. Т. 3. № 1.

Вишняков В.Г. Структура и штаты советского государства и управления. М., 1972.

Залесский К.А. Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.

Канторович В.И. Советские синдикаты. М., 1928.

Маркевич А.М. Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е годы // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004.

Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М., 2000.

Осокина Е. За фасадом сталинского изобилия. М., 1998.

Симонов Н. Военно-промышленный комплекс в 1920–1950-е годы. М., 1995.

Ситнин В.К. Воспоминания финансиста. М., 1993.

Ситнин В.К. Дебиторско-кредиторская задолженность в 1935 году. Отчет министру финансов (РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 14. Д. 900).

Ситнин В.К. Контроль рублем в социалистическом обществе. М., 1956.

Соколов А.К. Принуждение к труду в советской промышленности и его кризис (конец 1930-х – середина 1950-х гг.) // Экономическая история. Ежегодник 2003. М., 2004.

Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 10-е изд. М., 1937.

Струмилин С.Г. На плановом фронте 1920–1930 гг. М., 1958.

Струмилин С.Г. Очерки советской экономики. Ресурсы и перспективы. М., 1928.

Ханин Г. Советский экономический рост: анализ западных оценок. Новосибирск, 1993.

Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. М., 1996.

Хлевнюк О.В. Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «дело Госплана». Рабочий доклад. Флоренция, март 2000.

Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе: конфликты в Политбюро в 1930-е годы. М., 1993.

Ципкин И.Н. Советский кредит. М., 1933.

Akelroff G. Gift Exchange and Efficiency Wages: Four Views // American Economic Review. 1984. Vol. 74. № 2.

Akelroff G., Yellen J. The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment // Quarterly Journal of Economics. 1990. Vol. 105. № 2.

Arnold A. Banks, Credit, and Money in Soviet Russia. New York: Columbia University Press, 1937.

Arrow K.J. Little's Critique of Welfare Economics // American Economic Review. 1951. Vol. 41.

Bajt A. Investment Cycles in European Socialist Economies: A Review Article // Journal of Economic Literature. 1971. Vol. 9.

Barnett V. The People's Commissariat of Supply and the People's Commissariat of Internal Trade // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Belik Y. Changes in the Central Committee Apparatus // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, N.Y.: Sharpe, 1998.

Belova E. Economic Crime and Punishment // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Institution Press, 2001.

Belova E., Gregory P. Dictators, Loyal and Opportunistic Agents: The Soviet Archives on Creating the Soviet Economic System // The Public Choice. 2002. Vol. 113. № 3–4.

Bergson A. The Real National Income of Soviet Russia Since 1928. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961.

Berliner J. The Contribution of the Soviet Archives // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Institution Press, 2001.

Berliner J. Factory and Manager in the USSR. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1957.

Berliner J. The Innovation Decision in Soviet Industry. Cambridge: The MIT Press, 1976.

Berliner J. Soviet Initial Conditions: How They Have Affected Russian Transition. Междунар. конференция «Советская экономика в 1930–1970-е годы» / МГУ им. М.В. Ломоносова, Дэвис-центр Гарвардского университета, Междунар. экономическая программа Университета Хьюстона. Звенигород, 22–24 июня 2001.

Bleaney M. Investment Cycles in Socialist Economies: A Reconsideration // Oxford Economic Papers. 1991. Vol. 43. № 3.

Boettke P.J. Calculation and Coordination: Essays on Socialism and Transitional Political Economy. London: Routledge, 2001.

Boettke P.J. Why Perestroika Failed: The Politics and Economics of Socialist Transformation. New York: Routledge, 1993.

Boettke P.J., Anderson G. Soviet Venality: A Rent-Seeking Model of the Communist State // Public Choice. 1997. Vol. 93.

Boldin V. Ten Years That Shook the World: The Gorbachev Era as Witnessed by his Chief of Staff. New York: Basic Books, 1994.

Carr E.H. The Bolshevik Revolution 1917–1923. Vol. 2. New York: MacMillan, 1951.

Carr E.H., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy, 1926–1929. Vol. 1. London: MacMillan, 1969.

Coase R. The New Institutional Economics // American Economic Review. 1998. Vol. 88. № 2.

Conyngham W.J. The Modernization of Soviet Industrial Management. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Cook P. The Political Setting // Joint Economic Committee. Soviet Economy in a New Perspective. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1976.

Danilov V. P. Rural Russia under the New Regime. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1988.

Davies R.W. Crisis and Progress in the Soviet Economy, 1931–1933. Basingstoke: MacMillan, 1996.

Davies R.W. The Development of the Soviet Budgetary System. Cambridge: Cambridge University Press, 1958.

Davies R.W. Making Economic Policy // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Press, 2001.

Davies R.W. A Short-Term Credit in the USSR: Some Post-War Problems // Soviet Studies. 1953/54. Vol. 5. № 1.

Davies R.W. The Socialist Offensive: The Collectivization of Agriculture. Vol. 1. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Davies R.W. The Soviet Collective Farm, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.

Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929–1930. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989.

Davies R.W. Why Was There a Soviet Investment Cycle in 1933–37? // Information and Decision Making in the Soviet Economic Bureaucracy. University of Warwick Summer Workshop, July 16, 1999.

Davies R.W., Khlevnyuk O. Gosplan // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Davies R.W., Khlevnyuk O. Stakhanovism, the Politburo and the Soviet Economy: Доклад на конференции «Сталинское Политбюро, 1928–1953» / Европейский университетский институт. Флоренция, 30–31 марта 2000.

Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Desai P., Todd I. Work without Wages: Russia's Non-Payment Crisis. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000.

Dobb M. Soviet Economic Development Since 1917. 5th ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1960.

Domar E. A Soviet Model of Growth // Essays in the Theory of Economic Growth. New York: Oxford University Press, 1957.

Dyker D. The Future of Soviet Economic Planning. Beckenham, Kent: Croom Helm, 1985.

Ellman M. Did the Agricultural Surplus Provide the Resources for the Increase in Investment in the USSR During the First Five Year Plan? // Economic Journal. 1975. Vol. 85. № 4.

Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, New York: Sharpe, 1998.

Encyclopedia of Russia and the Soviet Union. New York: McGraw Hill, 1961.

Erlach A. The Soviet Industrialization Debate, 1924–28. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960.

Fortescue S. The Technical Administration of Industrial Ministries / Soviet Industry Science and Technology Work Group. Centre for Soviet and East European Studies, University of Birmingham. February 1986.

Franchetti M. Stalin Drew Cartoons of His Victims' Fate // Sunday Times. 2001. July 8.

Gaddy C., Ickes B. Russia's Virtual Economy // Foreign Affairs. 1998. Sept.–Oct.

Getty J.A. Origins of the Great Purges. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Getty J.A., Naumov O. The Road To Terror: Stalin and the Self-Destruction of the Bolsheviks, 1932–1939. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1999.

Gorlin A.C. The Power of Industrial Ministries // Soviet Studies. 1985. Vol. 37. № 3.

Gorlin A., Doane D.P. Plan Fulfilment and Growth in Soviet Ministries // *Journal of Comparative Economics*. 1983. Vol. 4. № 3.

Granick D. Job Rights in the Soviet Union: Their Consequences. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Granick D. Management of Industrial Firms in the USSR. New York: Columbia University Press, 1954.

Granick D. The Ministry as the Maximizing Unit in Soviet Industry // *Journal of Comparative Economics*. 1980. Vol. 4. № 3.

Granick D. Soviet Metal Fabricating and Economic Development. Madison: University of Wisconsin Press, 1967.

Gregory P. Before Command: An Economic History of Russia from Emancipation to First Five-Year Plan. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Gregory P. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. New York: Cambridge University Press, 1990.

Gregory P. Russia and Europe: Lessons of the Pre-Command Era // *European Economic Integration as a Challenge to Industry and Government* / Ed. by R. Tilly, P. Welfens. Berlin: Springer, 1996.

Gregory P. Russian National Income, 1885–1913. New York: Cambridge University Press, 1982.

Gregory P. Socialist and Nonsocialist Industrialization Patterns. New York: Praeger, 1970.

Gregory P. Why Soviet Defense Plans Were so Far of the Mark. Unpublished.

Gregory P., Markevich A. Creating Soviet Industry: The House That Stalin Built // *Slavic Review*. 2002. Vol. 61. № 4.

Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Structure and Performance. 6th ed. Reading, Mass.: Addison Wesley, 1998.

Gregory P., Stuart R. Russian and Soviet Economic Structure and Performance. 7th ed. Boston: Addison Wesley, 2001.

Gregory P., Stuart R. Soviet and Post-Soviet Economic Structure and Performance. 5th ed. New York: Harper and Collins, 1994.

Gregory P., Stuart R. Soviet Economic Structure and Performance. 2nd ed. New York: Harper and Row, 1981.

Gregory P., Stuart R. Soviet Economic Structure and Performance. 4th ed. New York: Harper and Row, 1990.

Gregory P., Tikhonov A. The End of the Gulag // *The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag* / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Palo Alto: Hoover Press, 2003.

Grossman G. Scarce Capital and Soviet Doctrine // *Quarterly Journal of Economics*. 1953. Vol. 67. № 3.

Grossman G. The Second Economy of the USSR // *Problems of Communism*. 1977. Vol. 26.

Harberger A. Evaluating Development Experiences in Latin America and East Asia // *Third Senior Policy Forum / East-West Center*. Honolulu, Hawaii. May 1997.

Harris J.R. The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca: Cornell University Press, 1999.

Harrison M. National Income // *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913–1945* / Ed. by R.W. Davies, M. Harrison, S.G. Wheatcroft. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Harrison M. The Peasantry and Industrialization // *From Tsarism to the New Economic Policy* / Ed. by R.W. Davies. Houndsmills: MacMillan, 1990.

Harrison M., Kim B.Y. Plan, Siphoning and Corruption in the Soviet Command Economy // *Warwick Economic Research Paper Series*. 2001. № 606.

Harrison M., Simonov N. Voenpriemka: Prices, Costs, and Quality Assessment in Defence Industries // *The Soviet Defence-Industry Complex from Stalin to Khrushchev* / Ed. by J. Barber, M. Harrison. London: MacMillan, 1998.

Hayek F.A. The Road to Serfdom. Chicago: Chicago University Press, 1944.

Hayek F.A. The Road to Serfdom. 50th Anniversary ed. Chicago: Chicago University Press, 1994.

Hayek F.A. Socialist Calculation: The Competitive Solution // *Economica*. 1940. № 7.

Hayek F.A. The Use of Knowledge in Society // *American Economic Review*. 1945. Vol. 35.

Hewett E.A. Reforming the Soviet Economy: Equality Versus Efficiency. Washington, D.C.: Brookings Institution, 1988.

Hollander P. Which God Has Failed // *The New Criterion on Line* (www.newcriterion.com), April 15, 2002.

Holzman F. Financing Soviet Economic Development // Capital Formation and Economic Growth / Ed. by M. Abramovitz. Princeton: Princeton University Press, 1955.

Holzman F. Foreign Trade// Economic Trends in the Soviet Union / Ed. by A. Bergson, S. Kuznets. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.

Holzman F. Soviet Inflationary Pressures, 1928–1957, Causes and Cures // Quarterly Journal of Economics. 1960. Vol. 74. № 2.

Howitt P. Looking Inside the Labor Market: A Review Article // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40. № 1.

Hunter H. Optimal Tautness in Developmental Planning // Economic Development and Cultural Change. 1961. Vol. 9. № 4.

Hunter H., Szyrmer J. Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton: Princeton University Press, 1992.

Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.

Joskow P. Contract Duration in Long Term Contracts: Empirical Evidence from Coal Markets // Case Studies in Contracting and Organization / Ed. by S. Masten. New York: Oxford University Press, 1967.

Joyce C. The Karelian Gulag // The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Palo Alto: Hoover Press, 2003.

Junker J. Socialism Revised and Modernized: The Case for Pragmatic Market Socialism. New York: Praeger, 1992.

Karcz J. Thoughts on the Grain Problem // Soviet Studies. 1967. Vol. 18. № 4.

Katz L. Efficiency Wages Theories: A Partial Evolution // NBER Macroeconomics Annual 1986 / Ed. by S. Fischer. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1986.

Keren M. The Ministry, Plan Changes, and the Ratchet Effect in Planning // Journal of Comparative Economics. 1982. Vol. 6. № 4.

Khlevnyuk O.V. The Economy of the Gulag // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Institution Press, 2001.

Khlevnyuk O.V. The People's Commissariat of Heavy Industry// Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Khlevnyuk O.V., Davies R. The End of Rationing in the Soviet Union 1934–1935 // Europe-Asia Studies. 1999. Vol. 51. № 4.

Knight F. Lippmann's the Good Society // Journal of Political Economy. 1936. December.

Kornai J. Economics of Shortage. Amsterdam–New York–Oxford: North-Holland Publishing Company, 1980.

Krueger G., Ciolko M. A Note on Initial Conditions and Liberalization during Transition // Journal of Comparative Economics. 1998. Vol. 1. № 4.

Kuznets S. A Comparative Appraisal // Economic Trends in the Soviet Union / Ed. by A. Bergson, S. Kuznets. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963.

Kuznets S. Modern Economic Growth. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1966.

Lazarev V. Evolution of the Soviet Elite and Its Post-Communist Transformation: Доклад на конференции «Стартовые условия и переходная экономика в России» / Хьюстонский университет. Хьюстон, 19–21 апр. 2001.

Lazarev V., Gregory P. Commissars and Cars: The Political Economy of Dictatorship // Journal of Comparative Economics. 2003. Vol. 31. № 1.

Lazarev V., Gregory P. The Wheels of Command // Economic History Review. 2002. July.

Lenin V.I. The Development of Capitalism in Russia. Moscow: Progress, 1977.

Lenin V.I. Report on Concessions at a Meeting of the Communist Group of the All-Russia Central Council of Trade Unions, April 11, 1921 // Collected Works. 4th English Edition. Moscow: Progress Publishers, 1965. Vol. 32.

Levine H. The Centralized Planning of Supply in Soviet Industry // U.S. Government Joint Economic Committee. Comparisons of the United States and Soviet Economies. Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1959.

Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. London: Allen & Unwin, 1968.

Linz S., Martin R. Soviet Enterprise Behavior Under Uncertainty // Journal of Comparative Economics. 1982. Vol. 6. № 1.

Malle S. The Economic Organization of War Communism, 1918–1921. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Markevich A., Gregory P. Was the Soviet Economy a Planned Economy? Answer of the Soviet Archives of the 1930s: Доклад на междунар. конференции «Советская экономика в 1930–1970-е годы». Звенигород, 22–24 июня 2001.

Materials for a Balance of the Soviet National Economy, 1928–1930 / Ed. by S.G. Wheatcroft, R.W. Davies. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

McKay J. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Merl S. Der Agrarmarkt und die Neue Ökonomische Politik. Munich: Oldenbourg, 1981.

Mesa-Lago C. Market, Socialist, and Mixed Economies: Comparative Policy and Performance, Chile, Cuba, and Costa Rica. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 2000.

Mihalyi P. Socialist Investment Cycles Analysis in Retrospect. Amsterdam: Kluwer Academic Publishers, 1992.

Millar J. The Importance of Initial Conditions in Economic Transitions: An Evaluation of Economic Reform Progress in Russia // Journal of Socio-Economics. 1997. Vol. 26. № 4.

Millar J. Soviet Rapid Development and the Agricultural Surplus Hypothesis // Soviet Studies. 1970. Vol. 22. № 1.

Mises L. Socialism: An Economic and Sociological Analysis / Transl. J. Kahane. London: Jonathan Cape Ltd., 1936.

Mokhtari M., Gregory P. State Grain Purchases, Relative Prices, and the Soviet Grain Procurement Crisis // Explorations in Economic History. 1993. Vol. 30.

Montias M. Planning With Material Balances in Soviet-Type Economies // American Economic Review. 1959. Vol. 49. № 5.

Moryukov M.Y. Penal Labor and the Economics of the White Sea Canal // The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Palo Alto: Hoover Institution Press, 2003.

Murrell P., Olson M. The Devolution of Centrally Planned Economies // Journal of Comparative Economics. 1991. Vol. 15. № 2.

The Nature of the Firm / Ed. by O.E. Williamson, S.G. Winter. Oxford: Oxford University Press, 1993.

Niskanen W.A. Bureaucracy and Public Economics. Aldershot, England: Edward Elgar, 1994.

Niskanen W.A. Public Analysis and Public Choice. Cheltenham, England: Edward Elgar, 1998.

North D.C. Institutions and Economic Performance // Rationality, Institutions, and «Economic Methodology» / Ed. by U. Maki, B. Gustafsson, C. Knudsen. London: Routledge, 1993.

North D.C. The Problem of Success Indicators in Soviet Industry // Economica. 1985. Vol. 25. № 97.

North D.C. The Soviet Economic System. London: Allen & Unwin, 1977.

Nutter G.W. The Soviet Economy: Retrospect and Prospect // Political, Military, and Economic Strategies in the Decade Ahead / Ed. by S. Abshire, R.V. Allen. New York: Praeger, 1963.

Ofer G. The Service Sector in Soviet Economic Growth. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.

Olson M. The Devolution of Power in Post-Communist Societies // Russia's Stormy Path to Reform / Ed. by R. Skidelsky. London: The Social Market Foundation, 1995.

Olson M. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.

Olson M. The Rise and Decline of Nations: Economic Growth, Stagflation, and Social Rigidities. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1982.

Owen T. The Corporation Under Russian Law, 1800–1917. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Politics, Work and Daily Life in the USSR: A Survey of Former Citizens / Ed. by J. Millar. Cambridge: Cambridge University Press, 1987.

Powell R. Plan Execution and the Workability of Soviet Planning // Journal of Comparative Economics. 1977. Vol. 1. № 1.

Preobrazhenskiy E.A. The New Economics / Transl. B. Pierce. Oxford: Oxford University Press, 1964.

Rees E.A. Leaders and Their Institutions // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Institution Press, 2001.

Rees E.A. The People's Commissariat of Timber Industry // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Rees E.A. The People's Commissariat of Transport (Railroad) // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E.A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Rees E.A., Watson D.H. Politburo and Sovnarkom // Decision Making in the Stalinist Command Economy, 1932–37 / Ed. by E. A. Rees. London: MacMillan, 1997.

Roberts P.C. Alienation and the Soviet Economy. Albuquerque: University New Mexico Press, 1971.

Rutland P. The Myth of the Plan. LaSalle, Ill.: Open Court, 1985.

Schrettl W. Anspruchsdenken, Leistungsbereitschaft und Wirtschaftszyklen // Wachstumsverlangsamung und Konjunkturzyklen in unterschiedlichen Wirtschaftssystemen / Hrsg. von A. Bohnert. Berlin: Duncker & Humblot, 1984.

Schrettl W. Konsum und Arbeitsproduktivität // Beck'sche Schwarze Reihe. Band 271. Munich: C.H. Beck, 1984.

Schrettl W. On the Volume of Soviet Investment and Some Implications // Forschungsbericht 1974 / Osteuropa Institut. Muenchen, 1975.

Schrettl W., Gregory P. Fair Wages and Unfair Dictators: DIW Working Paper. Summer 2002.

Schroeder G. The Slowdown in Soviet Industry, 1976–1982 // Soviet Economy. 1985. Vol. 1. № 1.

Schroeder G. The Soviet Economy on a Treadmill of Reforms // U.S. Congress Joint Economic Committee. Soviet Economy in a Time of Change. Washington, DC, 1979.

Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1934.

Shleifer A., Vishny R. Pervasive Shortages under Socialism // Rand Journal of Economics. 1993. Vol. 23. № 2.

Spulber N. Soviet Strategy for Economic Growth. Bloomington: Indiana University Press, 1964.

Stuart R., Panayotopoulos C. Decline and Recovery in Transition Economies: The Impact of Initial Conditions // Post-Soviet Geography and Economics. 1999. Vol. 40. № 4.

Sutton A.C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1917–1930. Stanford: Hoover Institution Press, 1971.

Tikhonov A. Gulag Structure and Size // The Economics of Forced Labor: The Soviet Gulag / Ed. by P. Gregory, V. Lazarev. Palo Alto: Hoover Press, 2003.

Tikhonov A., Gregory P. Central Planning and Unintended Consequences: Creating the Soviet Financial System, 1930–1939 // Journal of Economic History. 2000. Vol. 60. № 4.

Tikhonov A., Gregory P. Stalin's Last Plan // Behind the Façade of Stalin's Command Economy / Ed. by P. Gregory. Palo Alto: Hoover Press, 2001.

Treisman D. After the Deluge: Regional Crises and Political Consolidation in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999.

Trembl V. Production and Consumption of Alcoholic Beverages in the USSR: A Statistical Study // Journal of Studies on Alcohol. 1975. Vol. 36.

Vickrey W. Microstatics. New York: Harcourt, Brace and World, 1964.

Vincentz V. Wachstumsschwankungen der Sowjetischen Wirtschaft: Ausmass, Auswirkungen und Ursachen // Bericht des Bundesinstituts für Ostwissenschaftliche und Internationale Studien. 1979. № 15.

Volin L. A Century of Russian Agriculture. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970.

Vyas A. Primary Accumulation in the USSR Revisited // Cambridge Journal of Economics. 1979. Vol. 3. № 3.

Weitzman M. Soviet Postwar Growth and Capital-Labor Substitution // American Economic Review. 1970. Vol. 60. № 4.

Wilhelm J. Does the Soviet Union Have a Planned Economy? // Soviet Studies. 1979. Vol. 21.

Williamson O. The Institutions of Governance // American Economic Review. 1998. Vol. 88. № 2.

Wintrobe R. The Political Economy of Dictatorship. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Yasin Y. Getting the Details Wrong // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, New York: Sharpe, 1998.

Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth 1933–1952. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1980.

Zoteev G. The View From Gosplan // Ellman M., Kontorovich V. The Destruction of the Soviet Economic System. Armonk, New York: Sharpe, 1998.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аверьянов Д.В. – 16, 197
 Акелроф (Akelfoff) Д. – 112–113
 Андерсон (Anderson) Г. – 171, 243–244, 281, 331
 Андреев А.А. – 19, 34, 71, 96–97, 176, 207–208
 Арнольд (Arnold) А. – 276, 283, 286–287
 Атлас М.С. – 276
 Афанасьев – 216
 Афонцев С. – 10
- Байбаков Н.К. – 19
 Балицкий В.А. – 63
 Барсов А.А. – 67
 Батырев В.М. – 276
 Белова Е. – 9–10, 20, 81, 182, 205, 211, 214, 216, 224, 226, 281
 Бергсон (Bergson) А. – 10, 66, 102, 110, 160, 286, 297, 326
 Берелович А. – 10, 49, 60–61
 Берия Л.П. – 90, 97
 Берлинер (Berliner) Д. – 10, 14–17, 36, 165, 181–182, 187, 233, 242, 338
 Бессонова О.Э. – 351–352
 Беттке (Boettke) П. – 10, 25, 31, 44–45, 171, 175, 181, 243–244, 281, 331
 Бирман – 278
 Блинов – 167
 Богданов А.А. – 28, 356
 Боголепов М.Н. – 276
 Богомолова Е.В. – 282
 Бородкин Л. – 10
 Брежнев Л.И. – 308, 332, 371
 Брускин А.Д. – 264
 Брюханов Н.П. – 28, 33
 Бухарин Н.И. – 32–33, 44, 69–71, 73–75, 93, 359
- Вайнштейн А.Л. – 110
 Варганский – 167
 Вест (West) К. – 14
 Винтроб (Wintrobe) Р. – 23, 27, 172
 Вишняков В.Г. – 197
 Вознесенский Н.А. – 34
 Волосович Н. – 10
- Ворошилов К.Е. – 19, 32, 34, 69, 71, 96–97, 107–108, 217
 Вышинский А.Я. – 176–177, 188, 330
- Гайдар Е.Т. – 379
 Ганшин С.М. – 158
 Гершенкрон (Gerschenkron) А. – 41–42
 Гетти (Getty) Д.А. – 20, 25–27, 32, 47, 76, 80, 84, 91, 103, 196, 200, 213–214, 357
 Гитлер А. – 21
 Глебова Т.И. – 33
 Головин С. – 368
 Голощекин Ф.И. – 57
 Горбачев М.С. – 8, 12, 18, 101, 308–309, 316, 321–323, 327, 331–332, 337, 343, 371, 379
 Горький М. – 143
 Граник (Granick) Д. – 10, 17, 111, 182, 197, 228, 242, 267, 293, 326, 328
 Грегор (Gregory) П. – 5–6, 10, 15–19, 23, 25, 42, 45, 47, 49, 51, 57–58, 70, 110, 118, 144–145, 152, 154–155, 158, 160, 169, 177–179, 181–183, 189, 191, 197, 200–201, 205, 208, 213, 216, 224, 235, 246–247, 261, 267, 270, 281, 300, 303, 310, 314, 325, 344–345, 357, 359–360, 362, 365–366, 379
 Гринько Г.Ф. – 272, 290, 300–302
 Громан В.Г. – 20, 28
 Губкин И.М. – 158
- Данилов В.П. – 10, 46, 49, 60–61
 Даниэльсон (Danielson) Е. – 10
 Даунс Э. – 358
 Дзержинский Ф.Э. – 61
 Добб (Dobb) М. – 40
 Дукаревич – 222
 Дьяконов С.С. – 181
 Дэвис (Davies) Р.В. – 9–10, 20, 28, 39, 49, 51–52, 57–59, 62–63, 78, 82, 109–110, 119–120–121, 127–128, 130–137, 143, 155–157, 160, 169, 177, 196, 217, 235, 237, 276, 284, 286, 288, 293, 315, 328

- Ежов Н.И. – 35, 96, 98–99, 145–146
 Екатерина II – 349
 Еллен (Yellen) Д. – 112–113
 Ельцин Б.Н. – 19
 Енукидзе А.С. – 32–33, 214

- Жданов А.А. – 55–56, 93, 96–97, 145–146, 300

- Залески (Zaleski) Е. – 10, 105, 120–122, 127, 151, 154–155, 157–159, 161, 195, 230, 234–235, 240, 242, 244–245, 301, 311

- Залесский К.А. – 237
 Золотарев А.И. – 205
 Зоторов – 278
 Зубжицкий – 278

- Иван III – 347
 Иван IV – 347
 Икрамов А.И. – 79
 Илларионов А.Н. – 375

- Кабаков И.Д. – 107–108
 Каврайский В.А. – 68
 Каганович Л.М. – 19–20, 32–36, 55–56, 63, 67, 69, 71, 75–76, 79–80, 85, 87–99, 107–108, 123–124, 132, 135, 139, 145, 147–152, 158–159, 163, 175–178, 181–183, 188–190, 197–200, 207, 209, 213–215, 217–218, 223, 232–234, 237, 247, 252, 272, 298–299, 302, 320, 329
 Калинин М.И. – 19, 34, 68–69, 71, 74, 96–98, 107,
 Каменев Л.Б. – 71

- Канторович В.И. – 282
 Карлсон К.М. – 63
 Карр (Carr) Э. – 59, 198, 237
 Карп (Karcz) Д. – 50–51
 Кассиди (Cassidy) Д. – 14
 Кастро Ф. – 25
 Качалов Р.М. – 372
 Квашонкин А.В. – 136
 Кирдина С.Г. – 353
 Киров С.М. – 69, 82, 96–97, 107
 Клейнер Г.Б. – 372
 Колльер (Collier) И. – 10
 Кондратьев Н.Д. – 20, 28, 71

- Конторович (Kontorovich) В. – 13, 101, 306–309, 311–312, 316, 320, 328, 331
 Корнаи (Kornai) Я. – 273
 Косиор И.В. – 158
 Косиор С.В. – 69, 78, 96–98, 107, 164
 Косыгин А.Н. – 331
 Кошелева Л.П. – 20, 55, 71, 133, 180, 211
 Кржижановский Г.М. – 196
 Крицман Л.Н. – 361
 Кузьминов Я.И. – 352
 Куйбышев В.В. – 68–69, 71, 74–75, 77, 93, 96–97, 107, 133, 147, 156–157, 167, 177–178, 195, 217, 236–238

- Лазарев В. – 9–10, 24–25, 91, 160, 169, 179, 182, 189, 191, 232, 270, 314, 325
 Латов Ю.В. – 347, 374
 Левин В.А. – 216
 Лельчук В. – 20
 Ленин В.И. – 12, 30, 34, 36, 41, 43–45, 69–70, 72, 80, 87, 124, 145, 336–338, 343, 358, 360, 369
 Леонард (Leonard) К. – 10
 Леплевский И.М. – 63
 Ли (Lih) Л. – 10, 27, 29, 43, 55, 71, 178, 180, 314
 Либерман Е.Г. – 309, 321
 Лихачев И.А. – 181
 Ломинадзе В.В. – 68
 Любимов И.Е. – 198, 221, 224, 262, 266
 Лютер М. – 368

- Макаров – 215, 278
 Маленков Г.М. – 98, 151, 153
 Малышев В.А. – 300, 303, 315
 Маркевич А.М. – 7, 9–10, 200, 246–249, 253, 261, 264, 267
 Маркс К. – 14, 46–47, 65, 103, 109, 370
 Межлаук В.И. – 88, 133–134, 158, 164, 198, 207, 233, 237–238
 Меншиков А.Д. – 346
 Мизес (Mises) Л., фон – 12–13, 15–17, 21–22, 26, 92, 172, 175, 184, 243, 269, 311, 333

Микоян А.И. – 19, 34, 49, 57, 63, 71, 87–88, 90, 92, 96–98, 152, 176, 217, 223, 298–299, 329
Миллар (Millar) Д. – 11, 15, 67
Мирзаханов И.А. – 218
Мирзоян Л.И. – 28
Михайлов – 210
Молотов В.М. – 19–20, 28, 33–34, 43, 54–57, 69–71, 74–78, 83, 88–89, 93, 96–99, 107, 132–133, 147–148, 157–158, 168, 175, 177–178, 180, 188–190, 193, 199, 211, 215, 217, 220, 224, 236–237, 268, 302, 314, 363
Мутабе Р. – 25
Муклевич Р.А. – 219

Найт (Knight) Ф. – 31
Найшуль В. – 374
Наумов В. – 20
Наумов О. – 10, 20, 25–27, 29, 32, 43, 47, 76, 80, 84, 103, 196, 200, 213–214, 357
Ноув (Nove) А. – 16, 29, 35, 362
Нуреев Р.М. – 349, 352, 362, 379
Нусинов И.С. – 68

Олсон (Olson) М. – 23–25, 86–87, 172, 175, 244, 330, 357
Ольсевич Ю. – 18–19
Орахелашвили И.Д. – 33
Орджоникидзе Г.К. (Серго) 33, 34, 68–71, 75–76, 78, 83, 85, 87–88, 91, 96–98, 108, 135, 138, 176, 181–184, 188, 197–202, 206–213, 216–224, 227, 233, 236–237, 241, 268, 278, 298, 309, 320–321, 329, 363
Осипов – 278
Осокина Е. – 9, 102, 126, 128–129, 131

Павлов И.П. – 33
Павлуновский И.П. – 208, 218
Палм (Palm) Ч. – 10
Пауэл (Powell) Р. – 18, 195, 239, 268
Петр I – 346, 352
Петровский Г.И. – 96–98, 126, 209, 212
Пиночет А. – 21
Платонов – 71

Пол Пот – 25
Поскребышев А.Н. – 85
Постышев П.П. – 96–98, 151
Преображенский Е.А. – 47–48, 54, 58, 63–64, 108
Пучков – 278
Пьюзо М. – 33
Пятаков Г.Л. – 28, 87, 164, 184, 193, 200, 208, 213, 225, 278, 283

Рейзиан (Raisian) Д. – 10
Рис (Rees) Э.А. – 9, 25, 70, 85–86, 88, 144–145, 169–170, 198, 207, 227, 309
Роговая Л.А. – 20
Рудзутак Я.Э. – 68–69, 96–97, 107, 176
Румянцев И.П. – 75
Рунов А.Б. – 351
Рутлэнд (Rutland) П. – 16, 171, 243
Рухимович М.Л. – 90, 197, 207–209
Рыков А.И. – 32, 68–71, 73–78, 80, 82, 107
Рютин М.Н. – 25, 84

Саркис С.А. – 135
Симонов К.М. – 34
Симонов Н. – 9, 170, 280, 318
Сингер (Singer) Д. – 14
Ситнин В.К. – 272, 276, 284, 287, 292–294
Смирнов Г.И. – 158
Смит А. – 174, 229
Соколов А.К. – 10, 139, 325, 328
Соловьев А. – 366
Соловьев Э.Ю. – 368
Сталин И.В. – 6, 12–13, 19–21, 23–30, 32–39, 43–44, 47–48, 50, 53–59, 61–65, 67–68–85, 87–96, 98–103, 106–108, 111, 113, 119, 122–124, 128–133, 135, 138–139–143, 147–153, 156–160, 162–163, 165–167, 175–178, 180–184, 188–190, 196–200, 207–209, 211–215, 217–218, 224, 233–234, 236–237, 247, 261–262, 268, 270, 272, 279, 283, 298–300, 302–303, 308–310, 313–316, 320–321, 323–324, 329–332, 334–346, 355, 358–359, 363, 372

Стариков Е. – 378
Стаханов А.Г. – 135, 137
Степанов И.И. – 356
Струмилин С.Г. – 156, 185, 196, 237, 268
Сырцов С.И. – 68

Таль – 278
Тамбовцев В.Л. – 352, 372
Тихонов А. – 9, 152, 155, 158, 178, 235, 281, 300, 303, 310, 325
Томский М.П. – 32, 69–71, 73–74, 107
Трахтер Б.С. – 234
Троцкий Л.Д. – 34, 43, 47–48, 61, 70, 73–74, 76, 81, 84, 196, 198, 234, 338–339, 354–355, 359
Тухачевский М.Н. – 71

Уильямсон (Williamson) О. – 22
Уинтер (Winter) С.Д. – 22

Фельдман Г.А. – 109
Фушман А.М. – 278

Хайек (Hayek) Ф.А. – 12–13, 15–17, 21–22, 26, 31–33, 35, 69, 86–87, 92, 167, 172, 175, 184, 194, 241, 243, 269, 311, 338, 358–359
Ханин Г. – 310
Хантер (Hunter) Х. – 40, 66, 120, 122, 218–219
Харрисон (Harrison) М. – 9–10, 51, 110, 170, 280–281
Хлевнюк О.В. – 9–10, 20, 27, 29, 34, 36, 43, 55, 59, 63, 68, 70–72, 75–77, 83, 90, 94–95, 98–99, 103, 108, 128–131, 134–137, 144–145, 147, 160, 166, 169, 176, 182, 184, 197–198, 207, 212, 234, 236, 272, 286, 293, 300–301, 303, 309, 315, 320, 373
Хрущев Н.С. – 47, 80, 98, 101, 308, 371
Хулан (Hulan) Н. – 10
Хусейн С. – 21
Хьюитт (Hewitt) Э.А. – 6, 16

Ципкин И.Н. – 276, 282

Чемберлен (Chamberlin) В. – 45
Черненко К.У. – 332
Чернышевский Н.Г. – 44
Чубарь В.Я. – 96–98
Чуев Ф.И. – 19, 88

Шаванс Б. – 370
Шеболдаев Б.П. – 152
Ширмер (Szyrmer) Я. – 40, 66, 120, 122, 218–219
Шмидт В.В. – 77
Шохин А. – 368
Шреттл (Schrettl) В. – 10, 110, 113, 118
Штайнрайх (Steinreich) Д. – 10

Эйхе Р.И. – 56, 63, 97–98
Элман (Ellman) М. – 13, 67, 101, 306–309, 311–312, 316, 320, 331
Энгельс Ф. – 370
Эрроу (Arrow) К. – 86–87

Юдкевич М.М. – 352

Ягода Г.Г. – 97
Яковлев Я.А. – 63, 217, 299
Ясный (Jasny) Н. – 10

Abramovitz M. – 276
Abshire S.W. – 46
Allen R.W. – 46
Alston L. – 371

Bajt A. – 141
Barber J. – 170
Barnett V. – 198
Bauer R. – 15
Beliik Y. – 309
Bleaney M. – 141
Bohnert A. – 113
Boldin V. – 308

Ciolko M. – 11
Coase R. – 22
Conyngnam W.J. – 197
Cook P. – 331

Desai P. – 291
Doane D.P. – 267

Domar E. – 110
Dyker D. – 197

Eggertsson T. – 371
Erllich A. – 47, 58, 109, 122

Fisher S. – 112
Fortescue S. – 197
Franchetti M. – 33

Gaddy C. – 291
Gorlin A.C. – 197, 267
Grossman G. – 16–17, 316

Harberg A. – 314
Harris J.R. – 90, 106–107
Hollander P. – 14
Holzman F. – 276, 294, 297
Howitt P. – 112

Ickes B. – 291
Idson T. – 291
Inkeles A. – 15

Joskow P. – 229
Joyce C. – 315
Junker J. – 14

Kahane J. – 12
Katz L. – 112
Keren M. – 197, 267
Kim B.Y. – 280–281
Krueger G. – 11
Kuznets S. – 160, 297, 314

Levine H. – 243
Lewin M. – 49–51, 73
Linz S. – 223

Malle S. – 44
Martin R. – 223
Masten S. – 229
McKay J. – 41
Merl S. – 49–50, 52, 73
Mesa-Lago C. – 21
Mihalyi P. – 141
Mokhtari M. – 51
Montias M. – 243

Moryukov M.V. – 314
Murrell P. – 24

Niskanen W.A. – 13
North D.C. – 22, 352, 371
Nutter G.W. – 46

Ofer G. – 160
Owen T. – 40

Panayotopoulos C. – 11
Pejovich S. – 379
Pierce B. – 47
Polanyi K. – 349, 353

Roberts P.C. – 44

Schroeder G. – 16, 322
Schumpeter J. – 312
Shleifer A. – 281
Skidelsky R. – 24, 175, 244, 330
Spulber N. – 47
Stuart R. – 11, 16, 47, 58, 110, 144–145, 201
Sutton A.C. – 297

Tilly R. – 45
Treisman D. – 171
Trembl V. – 17

Vickrey W. – 86
Vincentz V. – 110
Vishny R. – 281
Volin L.A. – 46
Vyas A. – 67

Watson D.H. – 70, 85–86, 88, 145, 170, 207, 227
Weitzman M. – 313
Welfens P. – 45
Wilhelm J. – 267
Winecki J. – 371
Wheatcroft S.G. – 110, 196

Yasin Y. – 331

Zotееv G. – 316

Содержание

Предисловие редактора к русскому изданию.....	5
Предисловие к английскому изданию.....	8
Глава 1. Лошадь или жокей?.....	11
Глава 2. Коллективизация, накопление капитала и власть.....	38
Глава 3. Принципы управления.....	68
Глава 4. Капиталовложения, заработная плата и справедливость.....	102
Глава 5. Контрольные цифры и светлое будущее.....	143
Глава 6. Плановики против производителей	164
Глава 7. Создание советской промышленности	197
Глава 8. Оперативное планирование.....	234
Глава 9. Контроль рублем: деньги, цены и бюджет	271
Глава 10. Крах советской административно-командной экономики.....	306
Глава 11. Заключение	338
Послесловие к «Политической экономии сталинизма» Пола Грегори. <i>Р.М. Нуреев</i>	344
Источники и библиография.....	380
Указатель имен	394

Научное издание
ИСТОРИЯ СТАЛИНИЗМА

Пол Грегори

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ СТАЛИНИЗМА

Пер. с англ. *И. Кузнецов, А. Макаревич*

Редактор *Л. Ю. Пантина*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *П. П. Ефремов*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 19.05.2008.

Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная №1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 25. Тираж 2000 экз. Заказ № 1343

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82.

Тел./факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Тел.: 334-81-87 (дирекция)

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6